



ESLI

НОВАБРЬ 2006

ISSN 1680-645X 06011

9 771680 645003

ФАНТАСТИКА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

# ESLI

11'2006

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918, 99336. ИНТЕРНЕТ: WWW.RUSF.RU/ESLI

**АЛЕКСАНДР ГРОМОВ  
ПРЫТКАЯ И ПОТАСКУН**

**ГРЕГ ИГАН  
ПОЛ МАКОУЛИ  
ДЖОН ХЕМРИ  
АЛЬБЕРТ КОУДРИ**



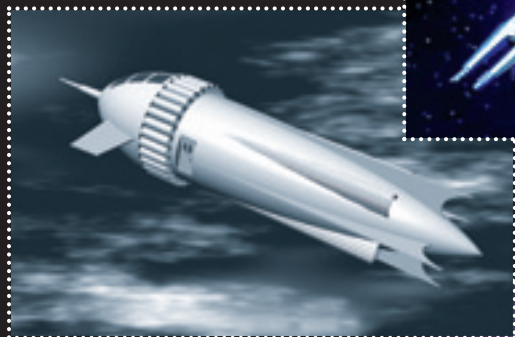
**МАРИЯ ГАЛИНА, ДАНИЛА ДАВЫДОВ:  
ЧУЖИЕ ЗДЕСЬ НЕ ХОДЯТ**

# «КОСМИЧЕСКАЯ ОПЕРА» В КИНО



«Звездные  
войны»

«Вавилон 5»



«Флэш Гордон»

«Затерянные  
в космосе»



Читайте раздел **ВИДЕОДРОМ**

## В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

новая повесть

**Кристин Кэтрин РАШ**  
в переводе Людмилы ЩЁКОВОЙ

а также

повесть **Андрея МАТВЕЕВА**, рассказы  
**Олега ОВЧИННИКОВА**, **Николая ГОРНОВА**,  
**Лорен МАКЛАФЛИН**

## ПОДПИСКА-2007

Кто предпочитает традиционный путь,  
может найти журнал «Если» в двух каталогах

«Распечатать:  
газеты,  
журналы»



«Пресса  
России»



Цена подписки  
на первое полугодие — 317 рублей  
плюс стоимость почтовых услуг (индекс 73118).

Цена подписки на весь год — 597 рублей  
плюс стоимость почтовых услуг (индекс 42918).

Подписка ведется во всех отделениях связи

**РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:**  
Александр ШАЛГАНОВ.  
**ЗАМЕСТИТЕЛЬ РЕДАКТОРА:**  
Елена БОСОВСКАЯ.  
**ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:**  
Татьяна МУРИНА.

**РЕДАКЦИЯ:**  
Екатерина АРОЯН,  
Дмитрий БАЙКАЛОВ,  
Владимир ГУБАРЕВ,  
Михаил КОМАРОВСКИЙ,  
Евгений ХАРИТОНОВ,  
Тамара ШЕЛАМОВА  
**Людмила ШЕКОТОВА**

**ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:**  
Эдуард ГЕВОРКЯН,  
Александр ГРОМОВ,  
Олег ДИВОВ,  
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,  
Евгений ЛУКИН,  
Сергей ЛУКьяНЕНКО,  
Владимир МИХАЙЛОВ,  
Борис СТРУГАЦКИЙ.

**ОБЛОЖКА:**  
Игорь ТАРАЧКОВ.

**ИЗДАТЕЛИ:**  
Издательский дом  
«Любимая книга»,  
ЗАО «Асмэръ».

**АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:**  
МОСКВА, 119435,  
Б.Саввинский пер., д. 9,  
ИД «Любимая книга»,  
журнал «Если».

**ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:**  
esli@rusf.ru, if@esli.ru

**САЙТЫ ЖУРНАЛА:**  
www.rusf.ru/esli, www.esli.ru

**КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:**  
248-20-90, 248-16-54.

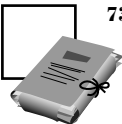
**РАСПРОСТРАНЕНИЕ:**  
ИД «Любимая книга»,  
тел. 248-21-90.

**ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:**  
«Наша пресса», АРП «Регион»,  
«Сейлс», «Метропресс» СПб,  
ХК «Сегодня пресс»,  
«ЗРС Периодика»,  
«Роспечать», ДМ Пресс.  
Журнал зарегистрирован  
в Комитете РФ по печати,  
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ОАО  
ордена Трудового Красного  
Знамени «Чеховский  
полиграфический комбинат».  
142300, г. Чехов Московской обл.,  
тел./факс (501) 443-92-17,  
(272) 6-25-36.  
E-mail:marketing@chpk.ru

Тираж 15 000 экз.

Перепечатка материалов  
допускается только  
с разрешения редакции.  
Рукописи не рецензируются  
и не возвращаются.  
Редакция вступает в переписку  
только на страницах журнала.  
Редакция не несет  
ответственности за содержание  
рекламных объявлений.  
© «ЕСЛИ», 2006

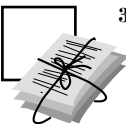


**73 Джон Дж. ХЕМРИ**  
**«ЛЕДИ-БУДЬТЕ-ДОБРЫ»**

Зеленый новичок, пьяница и наркоманка...  
Ничего себе команда для совершения меж-  
звездного перелета!

**191 Александр ГРОМОВ**  
**ПРЫТКАЯ И ПОТАСКУН**

Робинзон подготовлен к своей миссии на  
все сто, а вот «Пятница» ведет себя абсо-  
лютно не по сценарию.



**3 Грег ИГАН**  
**ВО ТЬМУ**

Если принять авторский допуск, то, по  
словам близкого журналу ученого-физика,  
теоретически все это безумие возможно.

**21 Майкл ЛИБЛИНГ**  
**ПОЛОЖЕНИЕ ОБЯЗЫВАЕТ**

Отчаянному неудачнику подает надежду  
умопомрачительная красотка...

**43 Альберт КОУДРИ**  
**ИМИТАЦИЯ ЖИЗНИ**

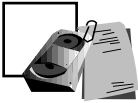
Уже в самом названии содержится тонкая  
ирония. Какая — вы поймете, только поз-  
накомившись с рассказом.

**127 Пол МАКОУЛИ**  
**КРЫСЫ**

Им суждено погибнуть в этом звездном  
сражении, но пилот и женщина-ученый  
принимают бой.

**163 Родриго ГАРСИЯ-и-РОБЕРТСОН**  
**ПО ДОРОГЕ ИЗ ЖЁЛТОГО**  
**КИРПИЧА**

Знакомое путешествие? Знакомая компа-  
ния? Все так... и совсем не так.



145 **Александр РОЙФЕ**

**ГЛЮК ДЛИНОЮ В ФИЛЬМ**

На заре перестройки журнал «Юность» неожиданно опубликовал повесть о наркоманах будущего. Теперь возможность познакомиться с «Помутнением» Филипа Дика получили и зрители.

153 **Дмитрий КАРАВАЕВ**

**ПОГИБШАЯ В «ЗВЕЗДНЫХ ВОЙНАХ»...**

Литературная космоопера у нас уже была. Ныне очередь кинематографической.

147 **ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ**

Анимация активно завоевывает новые территории.



263 **Мария ГАЛИНА, Данила ДАВЫДОВ**

**СТО ПОЛЕЙ, или БОЛЬШАЯ ФАНТАСТИКА**

Почему великая страна Литература раздробилась на мелкие удельные княжества с почти непроницаемыми границами?

270 **ЭКСПЕРТИЗА ТЕМЫ**

Оценки двух последних экспертов были отчасти предсказуемы, а отклик первого редакцию порядком удивил.



281 **Сергей ШИКАРЕВ**

**СТРАННЫЕ ОГНИ БОЛЬШОГО ГОРОДА**

Молодого британца уже называют звездой английской НФ.

274 **РЕЦЕНЗИИ**

На Земле, в космосе, в будущем и в параллельных мирах... Словом, фантасты не обманывают ожиданий читателей.

296 **КУРСОР**

Немногим удастся пройти по «Звездному мосту». Но у некоторых это получается, и не первый раз...



284 **Юрий КОРОТКОВ**

**ЗВЕЗДОПЛАВАТЕЛЬ**

Дебютировал он поздно: к моменту выхода первой повести начинающему автору было уже под 50. Да он и не собирался становиться писателем.

289 **Вл. ГАКОВ**

**ПАТРУЛЬНЫЙ ВРЕМЕНИ**

Не сомневаемся: все поклонники жанра уже поняли, о ком пойдет речь.



300 **ПЕРСОНАЛИИ**

За одного нашего шесть не наших дают... А в общем-то под обложкой «Если» все равны.

Г Р Е Г И Г А Н

# ВО ТЬМУ



Иллюстрация Людмила ОДИНЦОВОЙ

**З**вук зуммера с каждой секундой становится громче и пронзительнее, и, соскакивая с кровати, я знал, что пробудился меньше чем за секунду. Готов поклясться, сначала он мне приснился — я спал и слышал звук задолго до того, как он возник в реальности. Такое случалось несколько раз. Может быть, это просто игры сознания, может быть, сны создаются, только когда пытаешься их вспомнить. А может, он мне снится каждую ночь, каждое мгновение сна, на всякий случай.

Свет над зуммером был красным. Не учебная.

Оделся я на бегу, устремляясь через комнату к кнопке подтверждения. Едва зуммер заткнулся, стало слышно приближающуюся сирену. Я долго возился, зашнуровывая ботинки, подхватил пристроенный возле кровати ранец и включил питание. Ранец замигал диодами, проходя процедуры самодиагностики.

Я вышел на обочину. Патрульная машина шумно затормозила, открылась задняя пассажирская дверца. Я знал водителя, Анжело, а вот второго полицейского раньше не видел. Пока мы набирали скорость, на терминале машины в обманчивом инфракрасном изображении появился логотип Воронки — непроницаемо черный круг посреди узора из разноцветных фигурок. Через мгновение его сменила карта местности — один из новеньких микрорайонов на северной окраине, сплошь тупики да дома кольцами, с отмеченным центром и границей Воронки. Пунктирная линия показывала, где должно быть Ядро. Оптимальные маршруты не были обозначены: слишком сильно это сбивает с толку. Я уставился на карту, пытаюсь ее запомнить. Не то чтобы у меня не будет к ней доступа там, внутри, но если просто *знаешь*, сэкономишь уйму времени. Когда я закрыл глаза, чтобы понять, преуспел ли, запомнившийся узор расположения домов казался ничуть не лучше лабиринта из книжки с ребусами.

Мы выскочили на автостраду, и Анжело дал полный газ. Он хороший водитель, но иногда я задумываюсь, не самая ли это рискованная часть всего предприятия? Полицейский, которого я не знал, похоже, так не считал. Он обернулся ко мне:

— Я тебе вот что скажу. Я уважаю то, что вы делаете, но вы, должно быть, чертовы психи. Я бы внутрь этой штуки не полез и за миллион долларов.

— А сколько нобелевка? Больше миллиона? — ухмыльнулся в зеркале заднего вида Анжело.

— Сомневаюсь, — фыркнул я. — Не думаю, что Нобелевскую премию дадут за бег с препятствиями на восемьсот метров.

Средства массовой информации, похоже, решили выставить меня классным экспертом, не знаю почему. Может, из-за того, что я однажды в интервью употребил термин «радиально анизотропный». Я, конечно, провел один из первых научных «прогузов», но такое мог сделать любой бегун. Сегодня это обычное явление. На самом деле, по международному соглашению никому, имеющему даже микроскопический шанс внести вклад в теорию Воронки, не позволено рисковать жизнью и лезть внутрь. Если уж я чем-то и отличаюсь от прочих, так это недостатком подготовки: большинство добровольцев имеют за плечами опыт работы хотя бы в обыкновенной службе спасения.

Я переключил часы в режим секундомера и синхронизировал их с показаниями терминала, потом проделал то же самое с таймером ранца. Шесть минут двенадцать секунд. Проявления Воронки подчиняются точно такой же статистике, как и радиоактивная нестабильность ядра атома элемента с периодом полураспада восемнадцать минут. Семьдесят девять процентов существуют шесть минут или дольше. Чтобы получить вероятность для любого конкретного времени, нужно умножить 0,962 на себя столько раз, сколько прошло минут, и вы не поверите, как быстро это число способно уменьшаться. Я заучил вероятности вплоть до одного часа (десять процентов), что, возможно, было разумно, а может, и нет. Вопреки тому, что подсказывает чутье, Воронка по прошествии времени *не* становится опаснее, «нестабильнее», равно как и произвольное отдельное радиоактивное ядро. В любой данный момент она может спокойно задержаться на лишние восемнадцать минут, если, конечно, еще не исчезла. Ровно десять процентов проявлений длятся час или больше, половина Воронки все еще бывают на месте восемнадцать минут спустя — и с каждой минутой опасность не увеличивается.

Прежде чем задаться вопросом, какие сейчас ставки, бегун внутри Воронки должен оставаться живым. И тогда кривая вероятности заново начинается с этого момента. Прошлое не может причинить вреда. Шанс остаться в живых за прошедшие икс минут равен ста процентам, если тебе это уже удалось. Когда неизвестное будущее становится неизменяемым прошлым, риск так или иначе сразу превращается в определенность.

Верит ли во все это кто-нибудь из нас, вопрос другой. Нельзя избавиться от внутреннего ощущения, что время уходит и шансов остается все меньше. Когда материализуется Воронка, каждый начинает следить за временем, как бы «теоретически необоснованно» это ни выглядело. Правда в том, что все эти рассуждения в итоге ни на что не влияют. Ты все равно делаешь, что можешь, и так быстро, как можешь.

Два часа ночи, автострада пустует, и все же для меня стало неожиданным, что мы так шустро проскрежетали по съезду. Мой желудок болезненно свело. Хотел бы я чувствовать, что готов... но этого мне никогда не удавалось. Моя мечта — иметь вдоволь времени, чтобы настроиться, хотя я понятия не имею, к какому душевному состоянию стремлюсь, не говоря уже о том, как его достичь. Какая-то сумасшедшая часть меня всегда надеется на отсрочку. Если я действительно рассчитываю, что Воронка исчезнет, прежде чем я до нее доберусь, то мне здесь вообще нечего делать.

Координаторы повторяют нам снова и снова: «Вы можете вернуться в любой момент. Никто о вас плохо не подумает». Это, конечно, правда (до того момента, когда возвращение становится физически невозможным), но я обойдусь без подобной свободы. Отступить можно, но если я принял вызов, то не хочу тратить силы на проигрывание вариантов, не хочу бесконечно подтверждать свой выбор. Я взвинтил себя так, что почти поверил: я не смог бы примириться с собой, если бы отступил, в то же время понимая, что другие смогли бы. И это немного помогает.

Я не выискиваю тень на фоне неба, знаю наверняка: мы уже близко. Во всех домах свет, во двориках собрались семьи. Многие машут руками, приветствуя нас, когда мы проезжаем мимо — это зрелище меня всегда угнетало. Когда группа подростков, распивающих на углу улицы пиво, стала выкрикивать оскорбления и неприлично жестикулировать, я невольно почувствовал какое-то извращенное воодушевление. «Твари безмозглые», — пробурчал не знакомый мне полицейский. Я счел за лучшее промолчать.

Мы повернули за угол, и высоко справа я увидел тройку вертолетов, поднимающих на тросах огромный проекционный экран. Неожиданно край экрана потемнел, и по этой тоненькой дуге мой взгляд восстановил наползающий объект во всей его головокружительной завершенности.

Снаружи, днем Воронка представляет собой внушительное зрелище: отхвативший изрядный кусок неба гигантский черный купол, абсолютно тусклый. Ночью, однако, все по-другому. Контур, заполненный бархатной чернотой, рядом с которой даже самая темная ночь кажется серой, по-прежнему ни с чем не спутаешь. Но нет впечатления твердости — только ощущение пустоты иного рода.

Воронка появляется уже почти десять лет. Всегда в виде совершенной сферы радиусом чуть больше километра, обычно с центром, расположенным вблизи уровня земли. Известно, что в редких случаях она возникала на море и немного чаще — на необитаемой земле. Но подавляющее большинство ее проявлений приходится на населенные области.



Самая популярная на сегодняшний день гипотеза следующая: цивилизация будущего попыталась создать червоточину, которая позволила бы им исследовать прошлое, перенося образцы древней жизни в будущее для изучения. Они переборщили. Оба конца червоточины отлепились. Штуковина сжалась и деформировалась от (предположительно) чего-то вроде межвременного туннеля, соединяющего геологические эпохи, до воротца, которые теперь ведут сквозь меньший отрезок времени, чем потребовалось бы, чтобы пересечь со скоростью света атомное ядро. Один конец — Воронка, радиусом километр, другой — раз в пять меньше, пространственно концентрический с первым, но расположенный на почти неизмеримо малый промежуток времени дальше в будущем. Мы называем внутреннюю сферу, место назначения червоточины, которое как будто бы расположено внутри нее, а на самом деле нет — Ядром.

Вопрос, почему этот сморщенный ошметок сломавшейся темпоральной техники отвалился в нашем времени, остается открытым. Может, мы просто оказались на полпути между начальной и конечной точками, а эта штука сжалась симметрично. Чистое невезение. Проблема в том, что она еще отнюдь не успокоилась. Она материализуется где-нибудь на планете, несколько минут остается на месте, потом ослабляет хватку и исчезает, чтобы долю секунды спустя появиться на новом месте.

Анализ данных не принес сколько-нибудь заметного результата. И спустя десять лет не родился метод прогнозирования точек появления. Однако у Воронки, должно быть, сохранились какие-то остатки навигационной системы, иначе почему бы червоточина цеплялась за земную поверхность (явно отдавая предпочтение обитаемой суше), вместо того чтобы по случайной траектории уйти в межпланетное пространство? Похоже, какой-то исполнительный, но выживший из ума компьютер отважно пытается привязать Воронку к области, которая отвечает запросам его ученых хозяев. Палеозойскую жизнь обнаружить не удается, так сходятся и города двадцать первого века, коли уж все равно больше ничего нет. И каждый раз, когда не удается установить постоянное соединение, соскользнув в гиперпространство, он с бесконечной самоотверженностью и безграничной тупостью повторяет попытку.

Представляют интерес плохие новости. Внутри червоточины время связано с одним пространственным измерением, и то ли в силу своеобразия конструкции, то ли по физической необходимости любое перемещение, эквивалентное путешествию из будущего в прошлое, запрещено. В переводе на язык геометрических особенностей червоточины это означает, что, когда вокруг тебя материализуется Воронка,

никакое движение в сторону от центра невозможно. Есть неопределенное количество времени — может быть, восемнадцать минут, может, больше или меньше, — чтобы в этих причудливых условиях найти дорогу к безопасности, к Ядру. Более того, свет подвержен такому же воздействию: он распространяется только внутрь. Все, что находится ближе тебя к центру, лежит в невидимом будущем. Ты бежишь во тьму.

Я слышал, как люди смеялись над тем, что это в общем-то непросто. Я не такой садист, чтобы пожелать им узнать правду на собственной шкуре.

Вообще-то движение вовне исключено не во всех случаях. Иначе любой, кого поймала червоточина, умирал бы на месте. Сердце должно гнать кровь, легкие — вдыхать и выдыхать, нервные импульсы — распространяться во всех направлениях. Каждая живая клетка зависит от циркуляции химических веществ, и я даже представить не могу, что творилось бы на молекулярном уровне, если бы электронные облака могли колебаться только в одном направлении.

Есть лазейка. Так как всем восьмистам метрам червоточины соответствует крохотный период времени, то размеру человеческого тела соответствует еще более малый промежуток, достаточно короткий, чтобы в игру вступили квантовые эффекты. Квантовая неопределенность допускает небольшие локализованные нарушения ограничений классического закона.

Таким образом, вместо мгновенной смерти происходит повышение кровяного давления, сердце бьется чаще, дышать становится труднее, мысли путаются. Ферменты, гормоны и другие биологически активные вещества слегка меняются, и оттого менее эффективно выполняют свою задачу, что в какой-то степени влияет на все биохимические процессы. Например, гемоглобин легче отдает кислород. Вода уходит из тела, потому что броуновское движение вдруг становится не столь хаотичным, и это ведет к постепенному обезвоживанию.

Люди очень слабого здоровья в такой ситуации могут умереть. Других просто тошнит, они слабеют, теряются, и все это на фоне неизбежных шока и паники. Они принимают неверные решения. Попадают в ловушки.

Короче говоря, при каждом своем появлении Воронка уносит несколько сотен жизней. Бегуны могут спасти десять или двадцать человек — признаю, успех не бог весть какой. Но до тех пор, пока какой-нибудь гений не придумал, как с наименьшими потерями избавиться от этой червоточины, это все же лучше, чем ничего.

Когда мы подъехали к «Южному оперативному центру» — паре фургонов, напичканных электроникой и припаркованных на чьей-то лу-

жайке перед домом, — экран парил над нами. Появился план незнакомой части города, изображение стабильное и совершенно четкое, хотя оно проецировалось с четвертого вертолета, а вся четверка плясала на сильном ветру, дуящем внутрь. Люди в Воронке, конечно, видят происходящее снаружи, и данную карту, и остальные, и прочие вспомогательные указатели, — это спасет десятки жизней. Теоретически, довольно просто пройти по улице прямо к Ядру. В конце концов, нет направления, которое проще найти, нет пути, по которому легче двигаться. Неприятность в том, что прямая дорога к центру, скорее всего, приведет к препятствию, а ситуация, когда нет возможности вернуться по своим следам, попросту может убить.

Поэтому карта пестрит стрелками, показывающими оптимальные пути к Ядру (при условии, что на дорогах безопаснее). Другие два вертолета, зависшие над Воронкой, заняты еще более полезным делом: при помощи управляемых компьютером высокоскоростных красящих пушек и лазерно-кольцевой инерциальной системы наведения, постоянно сообщающей попавшим в болтанку компьютерам их точное положение и ориентацию, они рисуют флуоресцентно-отражающей краской такие же стрелки на невидимых улицах внизу. Ты не видишь стрелок впереди себя, но можешь оглядываться на уже пройденные. Это помогает.

Возле фургонов собралась небольшая толпа координаторов и пара бегунов. Подобная картина всегда казалась мне жалкой: этакое короткое, дешевое и замороженное спортивное мероприятие, несмотря на воздушное движение... Когда я выскочил из машины, Анжело закричал: «Ногу сломаешь!». Я отмахнулся, не оборачиваясь. Громкоговорители выстреливали стандартные рекомендации поведения в Воронке, на дюжине языков, по очереди. Краем глаза я заметил: прибыла съемочная группа телевидения. Я бросил взгляд на часы — девять минут. Невольно подумалось: «Семьдесят один процент», хотя Воронка, несомненно, на сто процентов еще была здесь. Кто-то хлопнул меня по плечу. Элейн. Она улыбнулась, сказала: «Джон, увидимся в Ядре», — и убежала в стену тьмы, прежде чем я успел ответить.

Долорес раздавала задания на чипах памяти. Она написала большую часть программ, используемых бегунами по всему миру, но потом посвятила жизнь созданию компьютерных игр. Она даже написала игру, моделирующую Воронку, но продажи не особенно впечатляли, рецензенты сочли ее безвкусицей: «Что дальше? Поиграем в Авиакатастрофу?». Наверное, они считают, что в авиасимуляторы должна быть заложена неизменно тихая погода. Тем временем телепроповедники продают молитвы, отводящие червоточину: «Чтобы получить мгновенную

защиту, просто вставьте вашу кредитную карту в слот «Магазина на диване».

Что ты для меня припасла?

Трех младенцев.

И все?

Ты поздно пришел, получай крохи.

Я вставил картридж в свой ранец. На панели дисплея появился сектор улиц, обозначенный тремя яркими точками. Я закинул ранец на плечи и поправил дисплей на подвижном шарнире так, чтобы при случае на него можно было взглянуть. Особым образом изготовленную электронику можно заставить надежно работать внутри червоточины.

Еще нет десяти минут, пока нет. Я схватил со стола за одним из фургонов чашку воды. Предлагалась также разведенная смесь углеводов, предположительно оптимизированная для нужд нашего метаболизма; я это как-то раз попробовал и сильно пожалел. Мое брюхо не было заинтересовано в поглощении чего-либо, оптимизированного или нет. Кофе тоже имелся, но именно сейчас я в последнюю очередь нуждался в возбуждающем средстве. Глотая воду, я услышал свое имя и непроизвольно вслушался в речь телерепортера: «...Джон Нэйтли, преподаватель средней школы и при этом почти герой, прибыл на свой одиннадцатый вызов в качестве бегуна-добровольца. Если он сегодня уцелеет, то установит новый национальный рекорд. Но, конечно, его шансы пройти через Воронку уменьшаются с каждым вызовом, и на данный момент...»

Придурок несет чушь: шансы *не* уменьшаются с каждым вызовом, человек бывалый не подвергается дополнительному риску. Но не время наставлять его на путь истинный. Я несколько секунд махал руками в вялой попытке разогреться — без особой надобности: все мышцы моего тела были напряжены и не собирались расслабляться следующие восемьсот метров, что бы я ни делал. Я попытался прояснить голову и сосредоточиться на пробеге, чем быстрее пройдешь Воронку, тем меньше потрясение. И прежде чем сумел впервые за сегодня спросить себя — а правда, какого хрена я тут делаю? — оставил позади изотропную Вселенную, так что вопрос перешел в разряд чисто умозрительных.

Темнота не проглатывает тебя. Это, наверное, самое странное. Ты видел, как она проглатывает других бегунов, почему же она не проглатывает тебя? Вместо этого она расступается при каждом твоим шаге. Квантовая неопределенность вызывает постепенное затемнение, отодвигая границы видимости примерно на шаг. Днем это зрелище абсолютно сюрреалистичное, известны случаи, когда люди никак не могли привыкнуть и впадали в истерику при виде отступающей пустоты. Но-

чью же это выглядит просто неправдоподобно, будто охотишься за разумным туманом.

Сначала все идет даже слишком легко, воспоминания о боли и усталости кажутся смехотворными. Благодаря частым тренировкам в специальных сжимающих ремнях картина сопротивления при дыхании почти знакома. Бегуны когда-то принимали специальные препараты для снижения кровяного давления, но при достаточной тренировке систему саморегуляции организма можно сделать довольно гибкой и постараться своими силами справиться с давлением. Странное тянущее ощущение в ногах при каждом шаге, возможно, свело бы меня с ума, если бы я не понимал (в общих чертах) его причин: движение внутрь затруднено, когда тянешь, а не толкаешь, ведь информация идет изнутри к периферии. Тащи я за собой десятиметровую веревку, я бы и шагу не смог ступить. Волоча веревку, я бы передавал информацию о своем местоположении в точку, ближайшую к наружной стороне. Это запрещено, и только квантовая неопределенность позволяет мне вообще переставлять ноги.

Улица осторожно поворачивала вправо, постепенно теряя радиальную направленность, а удобной возможности свернуть все не представлялось. Я держался середины дороги, двойной белой линии, когда граница между прошлым и будущим качнулась влево. Поверхность дороги всегда кажется идущей под уклон к темноте, но это просто очередной эффект червоточины. Нарушение теплового движения частиц, которое вызывают дующий внутрь ветер и медленное обезвоживание, порождает силу — или псевдосилу, — действующую и на твердые тела, отклоняя естественную вертикаль.

«...мне, пожалуйста!» — мужской голос, отчаянный и изумленный. Почти негодующий, как если бы кричавший думал, что я все это время слышал его, но прикидывался глухим по злобе или из равнодушия. Я обернулся на бегу — я выучился делать это так, что голова почти не кружится. Все казалось нормальным, вот только фонари не горели, и основным источником света были прожектора вертолетов и гигантская карта в небе. Крик доносился из павильона автобусной остановки (конструкции из противоударного пластика и армированного стекла) по меньшей мере метрах в пяти позади меня. С таким же успехом павильон мог стоять на Марсе. Проволочная сетка покрывала стекло, я различал за ним только смутный силуэт. «Помогите!»

К счастью, для этого человека я уже исчез во тьме. Мне не надо было придумывать уместный в этих обстоятельствах жест. Я отвернулся и прибавил ходу. Я не привык к смерти незнакомых людей, но уже терпелся к собственной беспомощности.

За десять лет явлений Воронки возник международный стандарт: обозначать зону потенциальной угрозы в общедоступных местах особыми символами. Как и все остальные меры, это помогало... слегка. Есть и стандарты, призванные окончательно устранить опасность: исключить углы, где могут оказаться заперты люди. Но это будет стоить миллиарды и займет десятилетия, а истинной проблемы — помещений — даже не коснется. Я видел демонстрационные административные здания и дома без «ловушек», с дверями или занавешенными дверными проемами в каждом углу каждой комнаты, но этот способ распространения не получил. Мой собственный дом далек от идеала: узнав расценки на перестройку, я решил, что дешевле держать по кувалде у каждой стены.

Я свернул влево как раз вовремя и увидел цепочку светящихся стрелок, с шипением занимающих свое место на дороге у меня за спиной.

Я уже почти видел первый пункт своего назначения. Нажав кнопку на ранце, я стал изучать подходы, когда дисплей переключился на план нужного дома. Как только становится известно местоположение Воронки, программное обеспечение Долорес начинает рыскать в базах данных, составляя список мест, где есть реальная возможность помочь. Наша информация никогда не бывает полной, а временами вообще неверна. Статистические данные зачастую давно устарели, планы зданий могут оказаться неточными, перепутанными или просто отсутствовать. И все же это лучше, чем вслепую соваться в случайные дома.

За два дома до цели я сбавил скорость почти до шага, чтобы дать себе время лучше приспособиться к последствиям. Бег внутрь уменьшает составляющую циклических процессов в организме, направленную вовне относительно Воронки. Всегда кажется, что замедлять бег не стоит. Мне часто снится такой сон: я бегу по каньону не шире моих плеч, и стены расступаются, только если я передвигаюсь достаточно быстро. Вот как мое тело ощущает *замедление*.

Улица здесь отклонялась от радиуса почти на тридцать градусов. Я пересек лужайку перед соседним домом, потом перешагнул через невысокую, до колен, кирпичную стену. С этого угла открываются неожиданные вещи: большую часть того, что скрыто, так легко восстановить, что скрытое представляется почти видимым — для мысленного взора. Слева появился угол нужного здания. Я определил свое положение относительно него и направился прямо к боковому окну. Вход через парадную дверь стоил бы мне доступа почти к половине помещения, в том числе и к той комнате, которую «Предсказатель использования комнат» Долорес ошибочно назвал наиболее пригодной для детской. Информацию о назначении комнат можно передавать непосредственно бегунам, но мало кто дает себе такой труд.

Ломиком разбив стекло, я открыл окно и влез внутрь. Оставил на подоконнике маленький электрический фонарь — брать его с собой не имело смысла — и медленно прошел в комнату. Меня уже тошнило, голова кружилась, но я заставил себя сосредоточиться. Один лишний шаг, и спастись будет в десять раз сложнее. Два шага — и уже невозможно.

Когда показался туалетный столик, загроможденный игрушками, присыпкой, детским шампунем и другими мелочами, часть которых свалилась на пол, стало ясно, что я попал в нужную комнату. Потом слева под неожиданным углом появился угол детской кровати. Она, наверное, сначала стояла вплотную к стене у входа, но затем почему-то оказалась отодвинутой.

Я осторожно подобрался к ней, затем продвинулся еще на дюйм вперед, пока не стал виден холмик под одеялом. Ненавижу этот миг, но чем больше медлишь, тем сложнее это дается. Я бочком подошел и поднял ребенка вместе с одеялом. Пинком откатил кровать и двинулся вперед, постепенно подводя руки к груди, пока не опустил ребенка в сумку «кенгуру». У взрослого может хватить сил, чтобы немного продвинуть маленького ребенка наружу.

Ребенок не шевелился, он был без сознания, но дышал. Меня прорбала короткая дрожь — своего рода сокращенная эмоциональная разрядка, — затем я двинулся дальше. Взглянул на дисплей, чтобы перепроверить путь извне, и наконец-то позволил себе вспомнить о времени. Тринадцать минут. Шестьдесят один процент. Что более существенно, до Ядра оставалось две-три минуты — под горку, не останавливаясь. Выполнить одно задание — значит отказаться от остальных. Выбора нет: ребенка нельзя таскать с собой по домам, его даже нельзя положить где-нибудь, чтобы после вернуться за ним.

Когда я вышел сквозь парадную дверь, от облегчения у меня кружилась голова. Или от того, что восстановился приток крови к мозгу. Пересекая лужайку, я набрал скорость и лишь краем глаза заметил женщину, кричавшую: «Подождите! Стойте!».

Я притормозил, и она поравнялась со мной. Я положил ей руку на плечо и, слегка подтолкнув вперед, сказал:

— Продолжайте двигаться как можно быстрее. Захотите говорить, зайдите мне за спину. Я поступлю так же. Хорошо?

Я обогнал ее. Она сказала:

— У вас моя дочь. С ней все в порядке? Умоляю, скажите... Она жива?

— С ней все нормально. Успокойтесь. Сейчас мы отнесем ее в Ядро, хорошо?

— Я хочу ее подержать. Дайте мне.

— Подождите, пока мы не окажемся в безопасности.

— Я сама отнесу ее.

Черт! Я покосился на женщину. Ее лицо блестело от пота и слез.

Одну руку покрывали синяки и пятна.

— Я действительно считаю, что будет лучше оставить все, как есть.

— Какое вы имеете право? Это моя дочь! Отдайте ее мне!

Женщина негодовала. Ее можно было понять: она слишком много пережила. Я даже не могу себе представить, каково это: оставаться в доме, отчаянно надеясь на чудо, в то время как все соседи бегут мимо, а побочные эффекты делают тебя все слабее и слабее. Как ни бессмысленно, ни глупо было ее мужество, я не мог им не восхищаться.

Мне повезло. Бывшая жена и наши дочь и сын живут на другом конце города. У меня нет друзей, живущих поблизости. Мой эмоциональный профиль и география знакомств тщательно подобраны, мне не надо переживать за кого-то, кого я, возможно, не сумею спасти.

Что же делать? Убежать от нее, пусть гонится за мной с криками? Может, и стоит. Но если я отдам ей ребенка, то смогу проверить еще один дом.

— Вы знаете, как обращаться с девочкой? Ни в коем случае не пытайтесь отодвинуть ее от темноты.

— Я знаю. Читала все эти статьи: как и что полагается делать.

— Хорошо. — Я, должно быть, свихнулся.

Мы перешли на шаг, и я передал ребенка матери. Я понял почти в последний миг, что мы достигли поворота ко второму дому. Когда женщина исчезла в темноте, я закричал ей вслед: «Беги! По стрелкам, быстро!».

Я проверил время. Пошла шестнадцатая минута. Хотя я все еще жив, а значит, шансы, что Воронка продержится еще восемнадцать минут, как всегда, пятьдесят на пятьдесят. Конечно, я в любую секунду могу умереть, но это имело ровно такую же вероятность, как в тот момент, когда я только зашел сюда. Сейчас я не глупее, чем тогда. Это чего-нибудь да стоит.

Второй дом пустовал — легко понять почему. То, что компьютер полагал детской, на самом деле оказалось кабинетом, а спальня родителей располагалась ближе к внешней части. Открытые окна ясно показывали, какой путь избрали жильцы.

Странное чувство охватило меня, когда я оставил дом позади. Внутренний ветер, казалось, дул сильнее обычного, дорога поворачивала прямо во тьму, а меня затопило необъяснимое спокойствие. Я бежал изо всех сил, но боязнь внезапной смерти пропала. Мои легкие, мои мышцы испытывали прежние трудности, но я казался себе странным



образом отделенным от них. Осознавая боль и напряжение, я оставался непричастным.

По правде говоря, я точно знаю, зачем я здесь. Снаружи я бы никогда в этом не признался: слишком уж диковинно, слишком странно это звучит. Разумеется, я рад спасти жизни — возможно, в этом тоже есть зерно истины. Без сомнения, я жажду славы героя. Настоящая же причина чересчур необычна, чтобы отнести это на счет самоотверженности или тщеславия.

Воронка делает осязаемой главную часть бытия. Нельзя видеть будущее. Нельзя изменить прошлое. Вся жизнь состоит из бега в темноту. Вот поэтому я здесь.

Мое тело не то чтобы онемело, но стало каким-то обособленным — приплясывающая и дергающаяся заводная кукла. Я отвлекся от этих ощущений и сверился с картой — как раз вовремя. Мне пора было круто повернуть направо, и это вывело меня из состояния сомнамбулы. От зрелища раздвоенного мира заболела голова, поэтому я усталился под ноги, пытаюсь вспомнить: застой крови в левом полушарии должен сделать меня более рациональным или менее?

Третий дом оказался в промежуточном положении. Спальня родителей несколько сдвинута вовне относительно детской, но дверной проем дает доступ только к половине комнаты. Я влез через окно, которым не смогли бы воспользоваться родители.

Ребенок был мертв. В глаза мне сразу бросилась кровь. Неожиданно я почувствовал страшную усталость. В двери виднелась щель, и я понял, что, должно быть, произошло. Мать или отец протиснулись внутрь и обнаружили, что могут дотянуться до ребенка — взять за руку, но не больше. Соппротивление не позволяет тащить внутрь, это сбивает людей с толку. Они этого не ждут, а когда замечают, то начинают бороться. Пытаясь вырвать самое дорогое из лап опасности, будешь тянуть изо всех сил.

Мне нетрудно выйти через дверь, но это чуть сложнее для человека, который этой дорогой пришел, особенно для отчаявшегося. Я обратил лицо в темноту внутреннего угла комнаты и крикнул: «Пригнитесь как можно ниже!». Потом показал как. Я выдернул из ранца пистолет с разрывными зарядами и высоко прицелился. В обычном пространстве я бы от отдачи полетел кувырком, а здесь почувствовал просто сильный удар.

Я шагнул вперед, лишая себя возможности воспользоваться дверью. Не было никаких признаков того, что я мгновением раньше пробил метровую дыру в стене. И правда, вся пыль и осколки — только с той стороны. Наконец я добрался до мужчины: он стоял в углу на коленях,

обхватив руками голову. На миг мне почудилось, что он жив и принял такое положение, чтобы защититься от взрыва. Ни дыхания, ни пульса. Вероятно, переломанные ребра — проверять не хотелось. Одни люди могут продержаться час, стиснутые между каменными стенами и невидимой третьей, безжалостно зажимающей их в углу, если догадываются немного отступить. Другие исправно делают худшее: забиваются в глубь своей тюрьмы, подчиняясь некоему инстинкту, который в других условиях наверняка небесполезен.

А может, этот мужчина вовсе не был жертвой паники. Может, он просто хотел, чтобы все побыстрее закончилось.

Я пролез сквозь дыру в стене. Шатаясь, прошел через кухню. Чертов план врал, врал, врал! Двери, на которую я рассчитывал, не существовало. Я разбил кухонное окно — и порезал руку, выбираясь наружу.

Я отказывался смотреть на карту. Мне не хотелось знать время. Теперь, когда передо мной маячила единственная цель — спастись самому, — все потеряло смысл. Я смотрел в землю, на пробегающие волшебные стрелки, стараясь не считать их.

Заметив гниющий на дороге брошенный гамбургер, я сразу понял: что-то не так. Здравый смысл обывателя подсказывал мне, что нужно повернуть обратно, но я еще не настолько глуп. Горло и нос защемило, словно от кислоты. Когда я смахнул слезы, случилось нечто невероятное.

Высоко во тьме впереди, слепя мои привыкшие к темноте глаза, возник сверкающий голубой свет. Я заслонил лицо, потом принялся вглядываться через щели между пальцами. Приспособляясь к яркому свету, я начал различать детали.

В воздухе, подобно перевернутому стеклянному органу, висел, купаясь в яркой плазме, пучок длинных, тонких, светящихся цилиндров. Их свет нимало не высвечивал дома и улицы внизу. Должно быть, галлюцинация. Я и раньше видел тени в темноте, но ничего столь потрясающего, ничего — так долго. Я побежал быстрее, надеясь, что видение выветрится из головы. Оно не исчезло и не дрогнуло. Только стало ближе.

Я замер, глядя на невероятный свет и не в силах подавить дрожь. Что если он не только у меня в голове? Есть лишь одно возможное объяснение. Какая-то часть скрытого механизма червоточины проявила себя. Идиот навигатор показывает мне свою ничемную сущность.

Пока один голос в моей голове вопил: «Нет!», а другой доказывал, что у меня не остается выбора и что такой случай может больше не представиться, я достал пушку с разрывными зарядами, прицелился и выстрелил. Как будто хлопушка в лапках козявки могла повредить мер-

цающее творение цивилизации, чьи ошибки заставляют нас съеживаться от страха.

Однако сооружение растрескалось и взорвалось — бесшумно. Свет сжался в тонкий ослепительный луч, полоснувший меня по глазам. Только повернув голову, я понял, что на самом деле свет уже исчез.

Я снова побежал. Испуганный, ликующий. Я понятия не имел, что сделал, но червоточина пока не изменилась. В темноте задержалось остаточное изображение, неотвязно маячившее передо мной. Могут галлюцинации давать остаточное изображение? Навигатор решил показаться, решил позволить мне уничтожить его?

Я обо что-то споткнулся и пошатнулся, но не упал. Обернулся и увидел человека, ползущего по дороге. Я резко остановился, пораженный столь обыденным зрелищем после своей трансцендентной встречи. Ноги у человека были ампутированы до бедер, он волокся по дороге практически на одних руках. Это было бы довольно тяжело и в обычном пространстве, а здесь усилия, наверное, убивали его.

Существовали специальные инвалидные коляски, которые функционировали в червоточине (колеса больше определенного размера прогибались и деформировались, если коляска останавливалась), и знай мы, что такая понадобится, прихватили бы ее с собой. Но они чересчур тяжелы для того, чтобы все бегуны брали с собой по штуке просто на всякий случай.

Человек поднял голову и прокричал: «Не останавливайся, придурок безмозглый!» — явно не сомневаясь, что кричит не в пустоту. Я смотрел на него и гадал, следует ли воспользоваться его советом. Он был силен: широкие кости и мощные мышцы под изрядным слоем жира. Сомневаюсь, что сумел бы его поднять, и уверен, что даже если сумел бы, то тащился бы вперед медленнее, чем он полз.

Вдруг меня осенило. Но и повезло тоже: взгляд наткнулся на дом, входная дверь которого, хотя и невидимая, определенно находилась в метре-двух по направлению внутрь от того места, где я стоял. Я сбил петли молотком со стамеской, вынул дверь из проема и вернулся на дорогу. Человек уже догнал меня. Я наклонился и похлопал его по плечу: «Не желаете на санках покататься?».

Я шагнул вперед во времени — и до меня донеслись обрывки ругательств, а перед глазами предстала крупным планом безрадостная картина: его окровавленные предплечья. Я бросил дверь на дорогу перед ним. Он полз; я подождал, пока он снова сможет меня слышать:

— Да или нет?

— Да, — пробормотал он.

Моя неуклюжая уловка сработала. Он сидел на двери, откинувшись

на руки. Я бежал сзади и толкал, наклонившись и положив руки ему на плечи. Толкание — одно из действий, которым червоточина не препятствует, а внутренняя сила создает впечатление, что бежишь под горку. Временами дверь разгонялась так, что приходилось на пару секунд ее отпустить, чтобы не перевернулась.

Мне не надо было видеть карту. Я *знал* карту, я точно знал, где мы, знал, что до Ядра меньше сотни метров. Про себя я повторял, как заклинание: «Опасность не возрастает. Опасность не возрастает». А в душе знал, что придумка с «вероятностями» бессмысленна: червоточина читает мои мысли, ждет первого проблеска надежды, и тогда, сколько бы — пятьдесят, или десять, или два метра — ни отделяло меня от безопасности, она возьмет верх.

Какая-то часть моего «я» спокойно оценивала покрытое нами состояние и считала: «Девяносто три, девяносто два, девяносто один...» Я принялся бормотать случайные числа, а когда это не помогло, начал считать произвольно: «Восемьдесят один, восемьдесят семь, восемьдесят шесть, восемьдесят пять, восемьдесят девять...»

Новая вселенная света, застоявшегося воздуха, шума — и людей, бесцельного количества людей — взорвалась вокруг меня. Я продолжал толкать человека на двери, пока кто-то не подбежал и осторожно не отстранил меня. Элейн. Она подвела меня к крыльцу; другой бегун подошел с аптечкой к моему окровавленному пассажиру. Группки людей стояли или сидели подле электрических фонарей, заполняя улицы и дворики, насколько хватало глаз. Я указал на них Элейн:

— Посмотри. Разве они не прекрасны?

— Джон? Ты в порядке? Отдышись. Все позади.

— О черт, — я взглянул на часы. — Двадцать одна минута. Сорок четыре процента, — я истерически рассмеялся. — Я боялся сорока четырех процентов?

Мое сердце работало раза в два быстрее, чем нужно. Я немного походил; головокружение стало отпускать. Потом плюхнулся на ступеньки возле Элейн.

Немного погодя я спросил:

— Снаружи еще кто-то есть?

— Нет.

— Отлично, — сказал я почти беззаботно. — Ну... а у тебя как?

Она пожала плечами:

— Нормально. Хорошенькая девчушка. Она где-то здесь, с родителями. Никаких сложностей, расположение удачное.

Она снова пожала плечами. В этом вся Элейн: удачное расположение или нет, для нее всегда «ничего особенного».

Я перечислил свои достижения, опустив видение. Нужно поговорить с докторами, узнать, какого рода галлюцинации возможны, до того как начну рассказывать, что стрелял наугад в сверкающий голубой орган из будущего.

Вообще-то, если я сделал что-то полезное, то узнаю об этом довольно скоро. Если Воронка начала дрейф с планеты, новость не заставит себя долго ждать. Понятия не имею, с какой скоростью будет происходить отделение, но следующее появление вряд ли произойдет на поверхности Земли, это уж точно. Глубоко под земной корой или на полпути в космос...

Я потряс головой. Преждевременные надежды бессмысленны, я ведь даже не уверен, было ли что-нибудь на самом деле.

— Что? — спросила Элейн.

— Так, ничего.

Я снова проверил время. Двадцать девять минут. Тридцать три процента. Я нетерпеливо посмотрел на улицу. Разумеется, для нас червоточина прозрачна, но граница четко обозначена тускнеющим освещением, ведь проникнуть наружу свет не способен. Хотя, когда Воронка переместится, высматривать тонкие оттенки света не понадобится. Пока червоточина на месте, она нарушает второй закон термодинамики (для начала, смещение теплового движения сильно уменьшает энтропию). Отбывая, она, мягко выражаясь, компенсирует это. Она *действительно* делает все занимаемое ею пространство *однородным*, на уровне до микрона. Скала в двухстах метрах под нами и атмосфера над нами уже довольно однородны, им это не важно, но все дома, все деревья, каждая травинка, все, что видно невооруженным глазом — все исчезнет. Не останется ничего, лишь концентрические полоски тонкой пыли, которую взвихрит отпущенный на свободу плотно сжатый воздух Ядра.

Тридцать три минуты. Двадцать шесть процентов. Я оглядел утомленных людей, оставшихся в живых. Даже у тех, кто не потерял сейчас никого из семьи или друзей, чувства облегчения и благодарности за то, что они в безопасности, без сомнения, уже померкли. Они — мы — просто хотели, чтобы ожидание закончилось. Все связанное с течением времени, все связанное с неопределенной продолжительностью жизни червоточины — все утратило значение. Да, эта штука может отпустить нас в любой момент, но пока не отпускает, мы запросто можем проторчать здесь еще лишних восемнадцать минут.

Сорок минут. Двадцать один процент.

— Сегодня уши действительно полопаются, — сказал я.

Это плохо: изредка давление в Ядре возрастает настолько, что пос-

ледующая декомпрессия вызывает кессонную болезнь. Но для этого должен пройти еще по меньшей мере час, и если нечто подобное станет действительно вероятным, с воздуха сбросят препараты, смягчающие эффект.

Пятьдесят минут. Пятнадцать процентов.

Все затихли, даже дети перестали плакать.

— Какой у тебя рекорд? — спросил я Элейн.

Она подняла глаза:

— Пятьдесят шесть минут. Ты там был. Четыре года назад.

— Угу. Я помню.

— Просто расслабься. Наберись терпения.

— Ты не чувствуешь себя немного глупо? Я вот о чем: если бы знал, то использовал бы это время.

Один час. Десять процентов. Элейн задремала, положив голову мне на плечо. Меня тоже стало клонить в сон, но беспокойные мысли не давали уснуть.

Я всегда полагал, что червоточина перемещается, потому что ее попытки закрепиться в конечном счете проваливаются. Но что если все обстоит с точностью до наоборот? Что если она перемещается, потому что ее попытки передвигаться успешны? Что если навигатор титится повторить попытку как можно быстрее, но его увечное оборудование не может дать ничего лучше, чем пятидесятипроцентная вероятность на каждые восемнадцать минут стараний?

Может быть, я положил конец этим стараниям. Может быть, я наконец успокоил Воронку.

В конце концов, давление может возрасти настолько, что само по себе станет смертельным. Для этого потребуется пять часов, и произойти это может в одном случае из ста тысяч, но так уже однажды было, и нет причин, по которым это не могло бы повториться. Что меня больше всего беспокоит: я не узнаю. Даже если увижу, как вокруг меня умирают люди, никогда не придет миг, когда я точно пойму, что это — последняя жертва.

Элейн пошевелилась, не открывая глаз:

— Все еще?

— Угу. — Я обнял ее одной рукой; она, похоже, не возражала.

— Что ж, не забудь меня разбудить, когда все закончится.

Перевел с английского  
Олег КОЛЕСНИКОВ

© Greg Egan. Into Darkness. 1992. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 1992 г.

М А Й К Л Л И Б Л И Н Г

# ПОЛОЖЕНИЕ

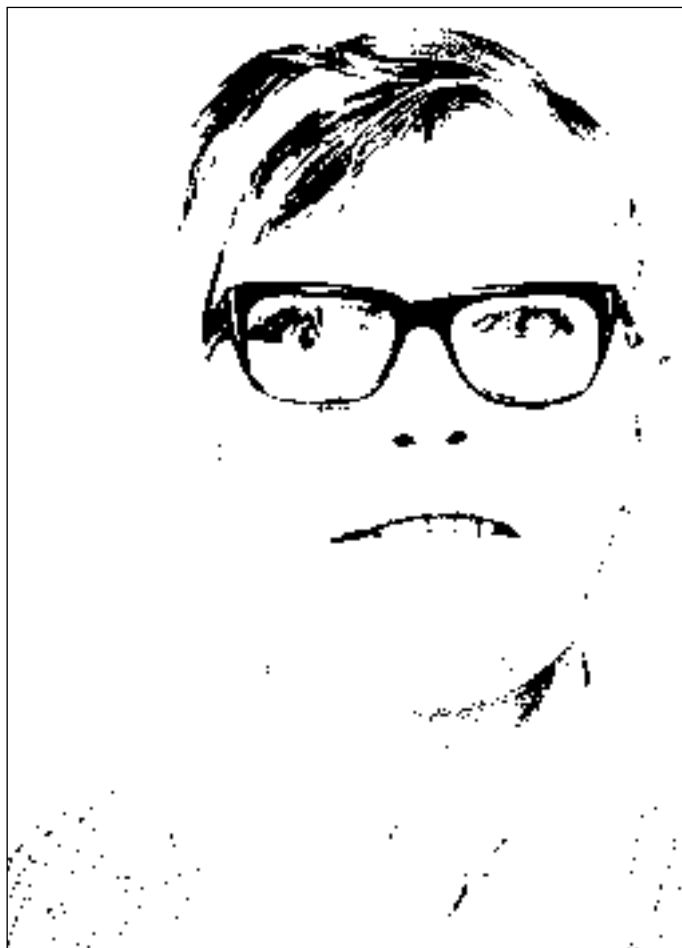


Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

# ОБЯЗЫВАЕТ

**П**ока Гейл возилась на кухне, Дэнни прокрался в спальню, ужом заполз под кровать и стал ждать. Вслушиваясь в доносящиеся с кухни звуки, он пытался угадать смысл каждого побрякивания и постукивания. И гадал, не ищет ли она разделочный нож, который Дэнни сейчас прижимает к груди. Один из ее любимых «Трамонтино». Самый длинный и острый.

В кране зажурчала вода.

Немало ее утекло с тех пор, как Дэнни в последний раз прятался под кроватью. Спасаясь от отца с ремнем. Или от матери, когда на нее накатывало. Или играл в прятки с друзьями, которые его редко искали.

Забулькала кофеварка. Так, свежая порция. Так, теперь Гейл напевает ту самую песенку Фейт Хилл... как же она называется?.. Ну, та, которую она поет с этим как-бишь-его?..

Год назад у него не было и шанса втиснуться под кровать. Потом ему повезло. Наткнулся на таракана, запеченного в «Двойной пицце» с пепперони и беконом. После этого его воротило от одного вида пиццы, зато через несколько месяцев лишний вес растаял.

Черт побери, а ведь именно «Двойная пицца» и натолкнула его на эту идею. Двоих одним ударом.

Пока что его план осуществлялся идеально. Он ушел из дома еще до рассвета, постаравшись при этом разбудить Гейл и устранить любые сомнения в том, что он действительно покинул дом. Хотя вряд ли у нее на этот счет имелись сомнения, потому что весь последний месяц он напоминал ей, что его самолет вылетает в семь утра. «Черт бы тебя подрал, Дэнни, ну сколько раз можно об этом талдычить? Заткнись наконец!» На самом же деле он мог не появляться в аэропорту до четырех часов дня.

Этот гад Маккриди даже не удосужился постучать. Просто открыл дверь и вошел, словно он тут хозяин, что, разумеется, так и было. Мог бы, сволочь, хотя бы снизить им арендную плату — за то, что Гейл его регулярно ублажает.

Они поболтали о всякой всячине. И Гейл рассмеялась каким-то странным, немного зловещим смехом, которого Дэнни никогда прежде не слышал. Словно кошка, подавившаяся канарейкой. От этого смеха ему захотелось спрятаться не то что под кровать — под ковер.

Раздается стук кружек. Звякает тостер. Наливается кофе. Намазываются маслом тосты. Ложечки в банке с мармеладом. Ложечки в сахарнице. Льются сливки. Размешивается кофе. Закуривается «Виргин-



ская тонкая». Тут Дэнни едва сдержался, чтобы не расхохотаться. Гейл и «Виргинская тонкая»? Черта лысого! Точнее будет, «Виргинская толстая». На каждый фунт веса, который сбросил он, Гейл набрала два.

И вот они в спальне, на кровати, и собираются заняться сексом всего в двух футах над ним. На большой кровати с бронзовой пружинной сеткой, доставшейся Гейл в наследство от бабушки. Самой скрипучей кровати во Вселенной. Единственное, в чем Дэнни при всем желании не смог бы облажаться в постели, так это в раскачивании и подскакивании на ней. Ничто не сравнится со старыми добрыми пружинами.

На пол падают легкие туфли Маккриди — надраенные до зеркального блеска, подумать только! Затем шлепанцы Гейл. Ее розовая сопочка. И синие боксерские трусы Маккриди.

Матрас царапает Дэнни нос и подбородок. Он закрывает глаза, словно желая отгородиться от ее похотливых визгливых воплей. Можно подумать, она бензопилу рождает. Да и Маккриди тоже не лентяй по части экстаза. Дэнни вынужден признать, что никогда еще не слышал, чтобы мужик так громко орал в койке. Впрочем, сравнивать он мог только с собой — молчаливым типом, хранящим верность своим эротическим фантазиям, несмотря на упорные попытки Гейл туда вломиться. «Ты там еще не помер? Эй, ты жив?»

Они издают последний вопль синхронно. Наконец-то.

Чем бы там ни занимался мужик наверху, Дэнни не хочет об этом думать. Он готов нанести двойной удар.

Маккриди лежит, распластавшись на Гейл, или она на нем. Не имеет значения, хотя, судя по тому, насколько широко просел матрас, Дэнни приходит к выводу, что нижняя задница принадлежит его любимой подружке и многолетней невесте. Ладно, допустим, он поступал не самым честным образом, семь лет оттягивая дату свадьбы, зато сама идея женитьбы уж точно принадлежала не ему. Тут он как в воду глядел — едва добившись своего, она начала с азартом наставлять ему рога. Маккриди стал лишь последним в длинном списке.

Дэнни опускает нож к бедру, стискивает покрепче, нацеливает вверх. Снова закрывает глаза. Дышит медленно и глубоко. Вызывает из сердца все запасы ненависти. И посылает лезвие вверх.

\* \* \*

В Вегасе Дэнни ждет от коллег комплимента по поводу сброшенного веса, но всех интересует лишь его перевязанное ухо. Дэнни не

возражает. По крайней мере, повязка отвлекает их внимание от треснувших очков. Правое стекло. А что еще лучше — они с ним хотя бы разговаривают. На прошлых ежегодных собраниях менеджеров он был словно невидимкой.

— Господи, Флетт, да что случилось? — изумляется Мэйуэвер. — Ты похож на добермана, которому обрезали уши.

— Брился, — поясняет Дэнни.

— Боже, ты что — уши бреешь?

Гарнер, новоиспеченный менеджер по национальным продажам, предлагает восстановить равновесие, обмотав и второе ухо. Парни хочут, точно ничего смешнее эти придурки в жизни не слышали. Тогда Гарнер повышает ставки. Вальсируя с микрофоном в руке, он дурашливым мульташным голосом бормочет:

— Вызываю мистера Спока. Вызываю мистера Спока. Найдены ваши заостренные уши. Повторяю, найдены ваши заостренные уши...

Словом, казалось, веселью не будет конца. Говорите что хотите, но Дэнни смеется наравне с остальными. Однако вряд ли это его спасет. Хоть лоб расшиби — все бесполезно.

Дэнни пролетел с балансом продаж девять кварталов подряд. Да-да, ДЕВЯТЬ! И хотя незадолго до этого, и множество раз, он подводил баланс с прибылью, никто этого словно не замечал. Разумеется, было это еще до слияния компаний, до Гарнера, когда всем командовал старина Либерман. Но пусть даже так, разве человек не имеет права время от времени нарываться на полосу невезения? Неужели лояльность ничего не значит? И, черт побери, взгляните на его территорию — от Бисмарка до Виннипега. Разве не он добровольно вызвался взять ее, ради блага компании, когда других желающих не нашлось? Разве одиннадцать лет ничего не значат? Господи, целых одиннадцать лет... А чего они ожидали? При такой конкуренции с Китаем. При давлении со стороны оптовых фирм. Вот в чем беда. Ничто больше ничего не значит. Ни страна. Ни люди. Ни семья. Ничто, кроме итоговой цифры. Покупателям наплевать на особенности и преимущества твоего товара — скажем, швы с тройной прострочкой или патентованные нервущиеся уголки. Или на искренность твоего рукопожатия. Черт, да вместо бутылок «Джонни Уокера» на каждое Рождество он с тем же успехом мог посылать парням из отделов продаж и маркетинга банки с самогоном — на его бизнесе это не отразилось никак. Полный ноль. А чего еще ждать, когда они могут импортировать гораздо более дешевый товар такого же качества? Уж это

точно не вина Дэнни. «Наш товар сделан в Америке», — говорил он им. Но на шкале флагоразмахивания матрасы попросту не занимают достаточно высокой позиции.

Бомбу сбросил Гарнер. Обманчиво спокойный, в костюме в тонкую полоску от «Братьев Брукс». Напомаженные волосы, бриллиантовая серьга в левой мочке сверкает в ответ на знаменитую хрустальную галактику отеля над их головами. Он перехватил Дэнни возле лифтов в субботу вечером, всего через пять минут после завершающего банкета. И сразу перешел к делу, несмотря на взрывающиеся вокруг них гранаты радости, поздравления, похлопывания по спинам и разлетающийся шрапнелью смех.

— Мы тебя отпускаем, Флетт, — сообщил он, перекрикивая шум.

— Куда? — От нахлынувшего оптимизма у Дэнни слегка закружилась голова. Может, его наконец-то переведут на юг, дадут шанс на территории Тедди Гарсии? Нет, он ничего не имел против старины Тедди Г. Но все же, что для одного неудача, для другого — везение.

Гарнер заблокировал двери лифта, удерживая остальных на бельэтаже. Мэйуэвер. Дуброфф. Рейх. Монтелло. Колтаи.

— Нам надо уединиться, ребята, — сказал он, подмигивая, и до Дэнни наконец-то доходит, что он, возможно, единственный, кто еще не в курсе происходящего. — А нам с тобой сейчас лучше побыть наедине, верно? — спрашивает Гарнер, приподнимая бровь, что может означать сочувствие. Но в лифте они не одни.

Непонятно как. Невероятно. Но Гарнер не заметил женщину, жавшуюся в угол у него за спиной. Да, она худошавая, но не до такой же степени. А Дэнни видит ее прекрасно. Еще как видит! Напротив лица серебряная косметичка. В умелой руке тюбик помады. Губы красные, блестящие ногти такого же оттенка, наманикюренные почти до убойной яркости. И, слава богу, на пальцах ни единого кольца. Дэнни не в силах отвести от нее взгляд. А глядя на нее... что ж, ему остается лишь надеяться, что она будет краситься еще долго, прежде чем посмотрит на него. И не только потому, что ему прекрасно известно: у парня вроде него нет ни единого шанса подцепить такую женщину, — но и потому, что ему придется отвернуться, сделав вид, будто он на нее не пялился.

Гарнер нажимает кнопку 44-го этажа. Даже не утруждается спросить, какой этаж нужен Дэнни, а тому не приходит в голову подсказать.

— Бизнес нынче совсем не тот, что прежде, Флетт. И компании вроде нашей больше не могут тащить за собой тяжелый воз.

Пожалуй, Дэнни в жизни не видел такой красавицы, разве что в каталоге «Секрет Виктории». Черт, да она не просто красивая, а гораздо больше, и Дэнни начинает жалеть, что недостаточно усердно читал валявшиеся у Гейл старые выпуски «Ридерс дайждест», особенно страницы «Красноречие всегда окупается», потому что знает — для ее полновесного описания нужны более звучные и точные прилагательные, чем просто «красивая».

— Нам надо избавиться от лишнего жирка, Флетт, если ты понял мой намек.

Волосы у нее рыжеватые, подстриженные «под Клеопатру», длинные, блестящие и прямые, челка вуалью прикрывает глаза. Ее карие карие глаза.

— Если честно, Флетт, то тебя следовало бы уволить уже много лет назад. Ведь ты неоднократно — ты только послушай — подводил баланс без единого пенни прибыли. Невероятно! Ни гроша прибыли. Чем ты вообще занимался — страдал лунатизмом? По отзывам покупателей, ты вообще ни черта не понимаешь в постельных принадлежностях.

Платье у нее черное, но отликает серебром даже при тусклом свете лампочки в лифте. И, боже мой, как оно ее облегает!

Гарнер тянет Дэнни за лацкан пиджака и сует конверт во внутренний карман.

— Честное выходное пособие по любым стандартам. Недельное жалованье за каждый проработанный год, плюс отпускные. Черт, поверить не могу, что ты ни разу не брал отпуск.

Она надевает колпачок на тюбик помады, и Дэнни опускает взгляд, но не так быстро, чтобы не заметить ее улыбки. Теплой. С легким приятным удивлением. Доброжелательной. Словно не в первый раз ловит влюбленный взгляд какого-нибудь отчаянного смельчака. Словно взгляд Дэнни ее нисколько не раздражает. Он знает, что даже подумать так — уже безумие, но... вдруг это любовь с первого взгляда? Он ощущает это в своей груди, по тому, как неровно, с перебоями, колотится сердце. Знает, что она будет хороша для него. Убежден, что она разглядит все его достоинства.

Или, не исключено, у Дэнни сейчас всего-навсего сердечный приступ.

— Мы с парнями сейчас идем пропустить по стаканчику в «Лунное сияние». Оттуда отличный вид на город, Флетт, если ты там ни-

когда не бывал. Но только не сегодня, ладно? Ребята сейчас горят энтузиазмом, и мне не хотелось бы, чтобы ты испортил им настроенье. Прибереги прощальные слова для завтрака перед отъездом, хорошо, приятель? И если ты не против послушать мой совет, то поскорее замени стекло в очках. А то у тебя вид, как у придурка от рождения.

Когда они миновали тридцать девятый этаж, женщина защелкнула косметичку. От громкого шелчка Гарнер даже вздрогнул. Она проскользнула мимо него и сделала это так, словно ниндзя-убийца бросился в схватку с менеджером по национальным продажам «Кроватной компании Калабаш». Гарнера развернуло, голова и плечи ударились о стену, а руки взлетели, прикрывая лицо. Но она всего лишь нажала кнопку сорок первого этажа, и Гарнер, красный от смущения, неуклюже попытался вновь овладеть ситуацией:

— Привет, красотка? Где ты всю жизнь от меня пряталась?

В ответ он услышал лишь негромкий смех, словно неуклюжесть Гарнера ее очаровала.

Смушенный за своего босса (но и немного довольный) Дэнни разглядывал потертости на кончиках своих туфель. И застыл, ощутив на спине ее ладонь.

Он затаил дыхание, сглотнул, а она коснулась его плеча, затылка, щеки... гладкие кончики ее ногтей прошлись по уголку его рта. И на короткий миг она заглянула ему в глаза, чуть заметно приоткрыв губы в прелюдии к поцелую. Но едва Дэнни или Гарнер начали осознавать происходящее, как двери лифта разошлись и снова закрылись, а она выскользнула на сорок первом этаже.

— О, черт, что бы я только ни отдал за... А крутые в Вегасе шлюхи, верно, Флетт?

Она не шлюха, думает Дэнни. Может, одна из дорогих женщин эскорт-сервиса, но уж точно не шлюха, быть такого не может. И тут в его голове зародилось жуткое подозрение, мерзко сплясало джигу и ухнуло куда-то в район желудка. С какой такой радости она вообще обратила на него внимание? На него — полное ничтожество? Господи... конверт! Его выходное пособие. Нет, она не могла. Или могла? Его рука метнулась к карману.

\* \* \*

Дэнни мчится на сорок первый этаж в отчаянном порыве напасть на ее след. Он готов списать все произошедшее на недоразумение...

разумеется, если она вернет чек. И он никому об этом не расскажет. Даже Гарнеру.

Да и вообще, зачем ей этот чек? Он ведь на его имя, и все такое прочее. Черт, может, она пригласит его к себе в номер выпить? Или предложит еще что-нибудь? Разве не здорово!

Он принимает. Ага, кажется, это запах ее духов. Он останавливается возле двери, прислушивается и сам не знает, что надеется услышать. Разве что ее мурлыкающий смешок. Двигается дальше. Задерживается еще у нескольких дверей, потом решает передохнуть возле ниши с торговыми автоматами. Вдруг она захочет чего-нибудь сладенького?

Он бросает несколько монет в автомат. Нажимает кнопку «Орешки в шоколаде», но на лоток вываливается пакетик с затычками для ушей. Дэнни бросается к автомату, готовый разбить его вдребезги, но тут ощущает, что позади кто-то стоит.

Это какой-то тип, в руке у него ведро со льдом. Невысокий и плотный, облаченный в махровый халат с монограммой отеля и, насколько Дэнни может судить, еще и в кружевной черный бюстгальтер и чулки с подвязками. Тип кивает и говорит:

— От этих дешевых линз одни проблемы. Я как-то разбил очки и поцарапал себе роговицу.

Дэнни смотрит на часы. Уже позднее, чем он думал. И он решает, что лучше спуститься в свой номер.

Самое паршивое: придется сказать Гарнеру, чтобы он заблокировал выплату по этому чеку. Проклятье. А он так надеялся, что ему больше никогда не придется говорить с этой сволочью. А может... может, лучше позабыть обо всем и пусть деньги достанутся ей? Да. А вдруг ей деньги нужнее, чем ему? Выглядеть, как она, и так одеваться — удовольствие недешевое...

Да, черт побери, именно так он и сделает. Как только он ее выследит, то сразу же и скажет. «Можешь оставить себе деньги», — скажет он. И тогда она обязательно что-нибудь в нем разглядит. Разве может она не влюбиться в него после такого?

\* \* \*

Проклятая дверь не пожелала открываться. Но все же Дэнни заталкивал карточку в щель замка, пока не отказало запястье. Его большое запястье. То самое, которое он растянул, втыкая нож в матрас.

Мрачный, он отправился на первый этаж, и тут события начали развиваться стремительно. Портье за стойкой заново запрограммировал его карточку, когда Дэнни заметил эту женщину. Она пересекала вестибюль, направляясь в казино. В руке — черная бархатная сумочка. — Эй!

Он бросился следом. От волнения у него так стиснуло горло, что все возгласы превратились в сдавленное блеяние. Он помедлил, не решаясь пойти на физический контакт, но все же коснулся ее плеча. Ее обнаженного плеча. И напрягся в ожидании худшего — а вдруг она пригрозит ему иском за сексуальное домогательство или чем-то в этом роде? Что ж, это станет лишь очередным случаем, когда его намерения будут поняты неправильно.

Она обернулась, широко улыбаясь блестящими розовыми губами и явно желая увидеть, кто так страстно желает привлечь ее внимание. «Да?» — спросила она все еще с интересом, хотя и было очевидно, что она понятия не имеет, кто он такой. А он стоял перед ней дурак дураком, потому что тоже не знал, кто она такая. И вообще, как он мог спутать эту блондинку с изумительной рыжеволосой красавицей из лифта? Господи, да у нее короткая стрижка, и она на голову выше той незнакомки. И моложе. Чуть старше двадцати, не больше. И хотя она весьма красива, но вовсе не та женщина, на которой он планировал жениться. Даже близко не тот тип. Разве что глаза... Есть что-то в ее карих глазах. Господи, а любовь с первого взгляда не может, случайно, превратиться в навязчивую привычку?

Робость приходила к Дэнни Флетту совершенно естественно:

— Я... э-э... подумал, что вы... Извините.

— Я люблю игральные автоматы, а вы? — отозвалась она, хотя по сути это не было вопросом.

Дэнни забрал ключ от номера.

— У вас ухо кровоточит, — сказал портье.

\* \* \*

Горничная забыла перестлать его постель. Снова. Он мог не обратить на это внимания. Все равно он выпишется из гостиницы с утра пораньше, еще до проклятого общего завтрака, уж это точно. Но все же это дело принципа.

Он набрал номер обслуживания постояльцев. Заговорил вполне нормально, голосом важного бизнесмена, но уже к концу первого предложения утратил кураж, а к началу третьего превратился в пяти-

классника, что-то бормочущего учителю. Ему сказали, что со дня заселения у него на двери висела табличка «Не беспокоить», и очень хорошо, что он им позвонил, потому что они уже собирались послать к нему в номер Тито из службы безопасности — проверить, не оказался ли мистер Флетт из номера 512 последним в списке постояльцев, решивших выписаться при помощи бутылочки снотворного или перерезав себе вены в ванной.

Дэнни извинился и услышал в ответ: «Нет проблем, мистер Флетт». Впрочем, судя по интонации, более точно эта фраза должна была прозвучать как: «Нет проблем, болван».

Он вздохнул третьим или четвертым самым долгим вздохом за свою жалкую жизнь. Спать совершенно не хотелось. Подошел к окну, решил или вдохновиться потрясающей панорамой этого города в пустыне, или выпрыгнуть, однако не нашел ни шнурка от шторы, ни храбрости. «Кстати, почему занавески в отелях всегда такие чертовски тяжелые?»

Дэнни пошарил по кровати и под одеялом и обнаружил пульт от телевизора даже быстрее, чем предполагал. «Ого, неужели мое невезение кончается?» Пошелкал пультом, решив включить 27-дюймовый телевизор. Никакого толку. Он давил на кнопки, пока не ощутил, что ладонь стала мокрой от протекших батареек.

Он повесил пиджак на дверь ванной, устался на свое отражение в зеркале. Покачал головой, сочувственно простонал в ответ на вскрик этой жалкой личности. Положил очки на туалетный столик возле раковины, и верхняя часть разбитой линзы вывалилась. Все, он никогда больше не станет покупать готовые очки на интернет-аукционе.

Дэнни закатал рукава и снял с запястья давящую повязку. Хорошо, что ее никто не заметил — в отличие от уха. Надо было надеть старую отцовскую охотничью шапку. Зеленую с наушниками. Да, Гарнер и остальные наверняка смотрели бы на него, как на идиота. Но они и так смотрели на него, как на идиота. Впрочем, они могли бы и оставить его в покое. Возможно, он даже не потерял бы работу.

Он вытер руки, надел разбитые очки. Вниз он мог смотреть без проблем, зато прямо перед собой теперь получалось не очень.

Он взялся за пиджак, но тот сорвался с крючка, упал, и из него вывалился конверт.

Конверт.

Он не поверил своим глазам.



Ну конечно же! Пиджак. От костюма, который он носит уже сам забыл сколько лет. У него же два внутренних кармана. Два! А Гарнер, конечно же, стоял к нему лицом, когда засовывал конверт. И, естественно, сунул его в правый карман.

Ну как он мог быть таким болваном и не проверить второй карман?!

Дэнни провальсировал в спальню, осыпая конверт поцелуями, словно письмо от таинственной незнакомки. Черт, да он бы даже сплясал, если бы не растянул связку в последний раз, когда на такое решился.

Он вытащил чек. Закрыл один глаз, прищурил второй.

— Ну ничего себе!

И он с воплем нырнул в кровать. Господи! Да он богат! Во всяком случае, по стандартам Дэнни Флетта. За всю свою жизнь он не держал в руках столько денег сразу. И уже через пять секунд он совершенно точно знал, как ими распорядится.

\* \* \*

— И сколько еще ночей вы намерены провести в нашем отеле, мистер Флетт? — спросил клерк в регистратуре.

— Столько, сколько потребуется, — ответил Дэнни, невозмутимый и прилизанный так, как ему никогда не удавалось. Настолько невозмутимый и прилизанный, что даже счел необходимым повторить: — Столько, сколько потребуется.

Он быстро обошел казино — и автоматы, и игровые столы — и вышел в ночь.

Дэнни Флетт решил сделать несколько серьезных покупок.

\* \* \*

Вернувшись в отель, заправившись кофе и пшеничными лепешками с клюквенным джемом, он уселся в вестибюле. Дэнни знал, что она где-то здесь, хотя и понятия не имел, откуда берется такая уверенность. Но когда она наконец спустится на завтрак или еще для чего-нибудь, он непременно признается ей в любви. Все нужные слова уже наготове. И она просто не сможет ему отказать. Только не сейчас, когда на нем новый костюм цвета хаки. «Хьюго Босс». И шеголеватые новые ботинки с патентованными двухдюймовыми вставками «Невидимый подъем». И пышная новая прическа, прикрывающая лысинку на макушке, и пораненное ухо. И новые очки без оправы. И

подарок для нее в кармане пиджака. Боже, Вегас — это рай. Здесь есть что угодно, в любое время, днем или ночью.

Однажды, просидев в заложниках целое лето, присматривая за вывотком соседских отпрысков — этих зачатых в аду хорьков-убийц, — и получив за труды чуть больше пинка в задницу, Дэнни решил составить перечень всех своих идиотских поступков, поклявшись никогда больше их не повторять. На пункте 243 он сдался — результат оказался слишком удручающим. Но сейчас другие времена, и он теперь другой человек. Только взгляните на него, черт поberi. Такие не совершают идиотских поступков, никогда!

Около десяти часов утра его терпение было вознаграждено.

Она появилась, минуя флотилию хищных бездельников, провожающих ее жадными глазами — ангельскую, очаровательную, в белом хлопковом платье и желтых сандалиях.

Он встал, озабоченный тем, чтобы не выглядеть слишком озабоченным. Боже, она прелестна, пышные волосы тяжелыми волнами спадают на обнаженные плечи. А как она движется... танцовщица, девушка из шоу, убегающая балерина!

И тут неизвестно откуда появляется Мэйуэвер, цепляет Дэнни под руку:

— Господи, ну как ты? Я слышал новость. Очень жаль. Гарнер был уверен, что ты придешь на прощальный завтрак, но я был уверен: не придешь. Уж я-то тебя знаю, парень. Уж я-то знаю.

— Мне надо идти.

— А давненько мы с тобой не говорили по душам, — не унимается Мэйуэвер.

Дэнни никогда и ни с кем не говорил по душам, и уж тем более с Мэйуэвером. Эту пустоту длиной в жизнь он надеется заполнить вместе с будущей невестой.

— Лет двадцать назад я был такой же, как и ты, Флетт. Не пове-ришь, но я пускался во все тяжкие. Выпивка. Наркотики. Азартные игры. Шлюхи. Перепробовал все. Меня увольняли, я сидел без гроша, катился на дно.

Она о чем-то болтает со старушкой-инвалидом возле игрового автомата, с искренней симпатией похлопывает ее по руке, потом направляется в казино. Она безупречна. Красавица да к тому же добра к пожилым людям. О чем еще он может просить?

— Я не утверждаю, что это ответ для каждого, но точно тебе гово-рю, Флетт: Иисус сотворил для меня чудо.

Проклятье, сейчас он ее потеряет.

- Пообещай мне, Флетт, что ты дашь Ему шанс помочь и тебе?
- Уже давал, и много раз, да только Он все время промахивается.
- Слушай, а у тебя симпатичный галстук, Флетт. Это новый? Гос-

поди, а костюм...

Он вырывается из объятий Мэйуэвера. Довольно, теперь он свободен.

В казино он сразу испытывает облегчение. Не заметить ее белое платье невозможно. Черт, а ведь он ничуть не удивится, если окажется, что она надела его специально для него — некий белый флаг, образно говоря.

Она идет по проходу между рядов игровых автоматов, расточая улыбки и сладкое очарование. Ему еще пуще прежнего хочется подбежать к ней и излить душу, но ведь он теперь новый и более совершенный Дэнни Флетт. Симпатичный и уверенный в себе Дэнни Флетт.

Поэтому он следует за ней, сохраняя дистанцию, а она занимается своим делом, хотя он никак не может понять, в чем же оно все-таки состоит.

Девушки по вызову не встают в такую рань, так ведь? И тем более не по утрам в воскресенье.

Разумным объяснением стало бы то, что она туристка — если бы она вела себя, как туристка. Она ни во что не играет, лишь наблюдает и не задерживается подолгу в одном месте. В основном она расхаживает по залу, больше интересуясь людьми, чем игрой.

Она может работать в службе безопасности казино. Да, вполне разумное объяснение, если бы не одно обстоятельство. Например, до столов с рулеткой нужно было идти через весь зал, но она все-таки к ним подошла — и только для того, чтобы коснуться плеча одного из мужчин и бедра одной из дам. Господи! Дэнни слышал о мужчинах вроде нее — чокнутых, которые возбуждаются, прикасаясь к незнакомцам. Но неужели у женщин тоже есть такая склонность? Так женщина ли она? Черт, здесь же Вегас, в конце концов.

Ладно, она может оказаться тем, что он заподозрил с самого начала. Воровкой. Карманницей. Один вопрос: куда она прячет добычу? Карманов в платье нет. Сумочки нет. Явных сообщников тоже не видно.

К тому времени, когда давно перевалило за полдень, он истоптал следом за ней каждый квадратный дюйм казино, и неоднократно.

Создавалось впечатление, что она будет ходить так еще долго. Всё: или он делает свой ход, или нет. Сейчас или никогда.

Он глубоко вдохнул, подтянул живот и двинулся вперед, напустив на себя как можно более небрежный вид. Случайная встреча в джунглях между игровыми автоматами, вот и всё. Он не поперхнулся, не запнулся, но голос все же прозвучал чуть выше обычного:

— О, привет, рад видеть вас снова. Помните меня? Вчера вечером, в лифте?

— Извините? — отвечает она, и Дэнни невольно оглядывается в поисках скрытой камеры. Это что, шутка? Одно из этих идиотских телешоу? Потому что перед ним стоит длинноногая брюнетка, которой самое место в баскетбольной команде, в маечке и шортах, с «конским хвостом» до пояса и в кроссовках. Черт, да в то белое платье скорее можно втиснуть Гейл, чем ее.

Такой сюрприз приводит Дэнни на грань нервного срыва:

— Что тут происходит? Вы видели?..

— На автоматах классно играть, правда? — спрашивает она.

— Я ищу одну женщину... она была здесь две секунды назад. Белый сарафан на бретельках, рыжие волосы, примерно такого роста. Не видели? — Он немного мнетя, глуповато ухмыляется, краснеет. — И фигурка у нее что надо, знаете ли...

— Все любят автоматы, — повторяет она, проводя ладонью по его руке. Дэнни никогда не привлекали женщины-амазонки, но в данном случае он согласился бы сделать исключение, если бы уже не считал себя обрученным. Верность для Дэнни очень важна.

Кстати, об автоматах: целых два, стоящих рядом, громко выкашливают свое драгоценное содержимое. Звонки. Свистки. Сирены. И световое шоу на хрустальном потолке, глядя на которое, обзавидовалась бы рок-группа средней руки. Накатываются волнами аплодисменты и поздравления — это набегают зеваки, которым не терпится хотя бы прикоснуться к двум счастливицам. Радости такого накала человечество не знало с тех пор, как на израильтян посыпалась манна небесная.

Дэнни же стоит на месте. Потому что не знает, куда подевалась девица-баскетболистка или его женщина в белом платье. Но тут он замечает белое платье всего метрах в десяти слева и испускает радостный вопль вместе с остальными придурками.

Через несколько секунд он уже рядом с ней, сразу берется за дело и спрашивает, не согласится ли она сходить с ним на ланч или, мо-

жет быть, выпить чего-нибудь позднее. «Ну, знаете... чтобы мы смогли, как говорится, получше узнать друг друга». И вдруг, моргнув, он видит, что вместо нее материализовалось некое простодушное создание, этакий потерявшийся котенок, в джинсах и маечке с синей блестящей надписью БРИТНИ на скромной девичьей груди.

Она игриво дергает его за рукав.

— Автоматы такая прелесть, — воркующе произносит она. Господи, какая она милочка.

Дэнни не Доктор Джи, но у него хватает ума сообразить, что крыша у него явно поехала. Так вот, значит, как происходит нервный срыв. Голова раскалывается так, словно незнакомка шарахнула по ней молотком. Ему это ощущение тоже известно: как-то раз в выходные в Вашингтоне ему треснули молотком по голове. И ограбили все-го в половине квартала от отеля «Джорджтаун». Сволочи, забрали все, что у него было (то есть почти ничего).

Следовало бы сделать перерыв, усесться где-нибудь в уголке бара, но если втяхивание постельных принадлежностей в течение одиннадцати лет из сорока прожитых чему-то его и научило, так это тому, что настойчивость всегда окупается. В его случае, конечно же, не окупилась. И обернулась зря потраченными годами.

Он продолжает гонку, а незнакомка все так же испаряется после первой его реплики, подбрасывая вместо себя целую серию симпатичных пустышек. Блондинки. Брюнетки. Шатенки. Рыжие со светлыми прядями, блондинки с рыжими прядями. И все эти кареглазые женщины упорно прикасались к нему, поглаживали, сжимали и похлопывали его руку и со все возрастающей настойчивостью расхваливали достоинства игровых автоматов. Черт побери, почему бы тебе не сыграть в конце концов на этих проклятых автоматах и не свалить домой? Но хотя такое внимание выгодно контрастировало с той жизнью, какую он знал до сих пор, Дэнни до такой степени устал и вымотался, что чувствовал себя куском вырезки, отбитой на бифштексы.

Особенно досаждали ноги. Идиотские новые ботинки. С каких это пор он стал носить ботинки?

С самого завтрака у него во рту не было ни крошки. И хотя ему очень хотелось продолжить погоню до победного конца, силы его покидали. Он не переводил дыхания практически с того момента, как выполз из-под кровати Гейл, и теперь Дэнни понял, что пора завязывать. Ему никогда не везло в любви. И нет смысла тешить себя иллюзией, что полоса невезения закончится в Вегасе.

И Дэнни покорно побрел к выходу.

Он заметил ее еще раз, теперь уже возле карточного стола — с янтарным напитком в руке и соломинкой между губами. Она смотрела прямо на него, и на мгновение в нем снова вспыхнула надежда, однако выражение ее лица четко показывало: она настороже. Он кивнул, соглашаясь, пожал плечами и направился прочь. Возможно, то было самое тяжелое решение в его жизни, но и немного возбуждающее. Вы только представьте, Дэнни Флетт изображает Богарта!

Он постоял возле автомата со ставкой в один доллар, побренчал мелочью в кармане и направился через улицу в закусочную, где предлагался шведский стол всего за 9 долларов 99 центов.

Дэнни атаковал подогреваемые столы так, словно это был последний в его жизни ужин.

\* \* \*

Выйдя из лифта, он сворачивает за угол и внезапно останавливается посреди коридора.

— Вы меня преследовали, — заявляет она. — Я могла бы вызвать полицию.

Неужели избыток десерта может вызвать галлюцинации? И неужели она действительно ждет его, остужая натруженные за день пятки возле двери его номера? Впечатляющие пятки, надо отметить. На высоких шпильках, подумать только!

Он не подходит, терзаемый двумя опасениями — что она может повторить свой трюк с исчезновением и что он добавил в лазанью слишком много чесночного соуса.

Как и накануне вечером, она — Клеопатра. Красная помада. Красные ногти. Черное платье с переливающимися серебряными блестками. Слишком роскошная женщина для него. О чем он только думал, черт побери?

— Кто вы? — спрашивает она, и это скорее просьба, чем требование.

Дэнни делает несколько шажков к двери. И с пятой попытки ему удается выдать более или менее внятно:

— Дэнни... Дэнни Флетт.

— Да нет, не имя. Я хочу знать, кто вы такой и зачем вы здесь.

— Я не преследую женщин. Честно. Вы мне понравились, вот и все. И я подумал, что тоже вам понравился.

Она решительно подходит и стискивает его галстук:

— Думаете, я попадусь на эту наивную уловку?

У него перехватывает дыхание. От нее так приятно пахнет.

— Я никто, клянусь.

— Почему вы не играли на автоматах? Почему не испытывали свою удачу?

— Не знаю. У меня нет денег.

— Да что вы несете? Я же была в лифте. И все видела. Эта самодовольная задница... он же дал вам чек. Денег у вас было более чем достаточно.

— Я их потратил.

От удивления она ослабляет хватку:

— Но не все же?

— Я немного оставил на еду и всякие мелочи...

Она дергает его за галстук.

— И у вас нет лишнего доллара на игру? Хотя бы четвертака? — Она твердо упирает кулаки в бедра.

— Я проголодался. Ужин обошелся мне в десятку. В мою последнюю десятку. И еще я... я... — Он вытаскивает из кармана бархатную коробочку: — Я вам кое-что купил.

Она гневно смотрит на коробочку, решительно уходит и столь же решительно возвращается — весьма впечатляющий маневр, учитывая ее десятисантиметровые каблук.

— Откройте ее. — Он протягивает руку. — Пожалуйста.

— Вы не можете покупать мне подарки. И мне не нужны ваши подарки. От вас требовалось играть на автоматах.

— Я понимаю, что это довольно неожиданно. И мы почти не знаем друг друга. Но когда происходит нечто правильное, то двое... они... ну, просто могут это почувствовать. И вообще, очень много красивых женщин — про это все время пишут в журнале «Пипл» — встречаются и выходят в свет с не очень-то красивыми мужчинами. Помните Лайла Ловетта и Джулию Робертс? Клаудию Шиффер и этого фокусника? — Дэнни даже не верится, что он слышит собственный голос, произносящий-таки отрететированные фразы, пусть даже слегка и привычно запинаясь. — И вчера вечером, ну... когда вы прикоснулись ко мне... — Он поднимает крышку коробочки. — Я надеялся, что вы, может быть, выйдете за меня.

— Вы что, рехнулись? Вообразили, что я сказочная шлюха с золотым сердцем, а вы тот самый милый болван, который решил увести меня отсюда и спасти? Что это — кино?

— А вы проститутка?

— Господи, да вы отлично знаете, кто я такая.

— Послушайте, если я сделал что-то не так, извините. Просто я решил, что понравился вам.

Она сжимает ему руку там, где полагается находиться бицепсу. Отходит на шаг.

— Скажите, что вы сейчас видите.

— Вас. Я вижу вас.

— Да нет. Какие у меня волосы. Лицо. Глаза. Руки. Опишите, как я выгляжу.

Он старательно описывает ее внешность, невольно влюбляясь в нее снова.

— Вы так прекрасны...

Она прижимает ладонь к его щеке:

— Еще раз. Какой вы меня теперь видите?

Описание совпадает.

— Вы так... так прекрасны!

— А вам нужно пополнить словарь.

— Но это правда.

Она взлохмачивает ему волосы:

— Какой у меня теперь рост? И нос — опишите мой нос. Брови.

Губы. Подбородок.

Описание не изменилось.

— А раньше, когда на мне было белое платье, что вы видели? Меня или женщину, которую вы приняли за меня?

— Нет, вас. Конечно же, вас. Правда, волосы были другими...

— Другого цвета?

— Нет. Просто иначе уложены. И смотрелись мягче. Волнистые. Я бы ни с кем вас не спутал.

— Вы не должны были видеть меня дважды одинаковой. Ни вы, никто другой. Никто.

— Похоже, для этого вам надо немало постараться.

— Не очень, пока не появились вы.

— Пожалуйста, возьмите кольцо. Вы не обязаны выходить за меня, честно. Просто возьмите. Мне его больше некому дать.

— Кто вы? Давайте выкладывайте. Я уверена, вы что-то скрываете. Он смущенно переминается:

— Вы имели в виду... насчет Гейл?

— Так вы женаты? Следовало бы догадаться.



— Нет. И никогда не был. Она мне изменила. А потом... словом, сейчас все уже кончено.

— Вы наглый лжец. Пусть даже вы способны видеть меня, какая я на самом деле, но и я могу совершенно ясно видеть, какой вы в реальности.

— Значит, вы знаете и про убийство?

— Теперь знаю, — усмехается она.

— Я собирался убить их обоих. Подождал, пока они закончат... ну, вы понимаете. Но как только я вонзил нож в матрас, он наткнулся на кольцо или пружину, и его перекосило. Его заклинило прямо у меня над головой, и я не мог его ни протолкнуть, ни вытащить.

— Насколько мне помнится, ваш бывший начальник что-то упоминал насчет того, что вы плохо разбираетесь в матрасах.

— Да, я забыл, что в них есть кольца. Но это было еще не худшее. Гейл и он, они... начали заниматься этим снова, как будто не закончили две секунды назад.

— Везучая девушка.

— А нож начал дергаться и болтаться. Туда-сюда, туда-сюда. Вот так я и растянул запястье — когда пытался его вытащить. Видите, как у меня здесь все распухло? А затем, вы только представьте — они отравились вместе в душ, словно им оказалось мало того, что уже было. Да еще оставили дверь в ванную нараспашку. Я мог видеть все. Они намыливали друг друга. И распевали ту песенку, которую Гейл очень любит, и это у них тоже неплохо получалось. Так вот, у меня больше сил не было на это смотреть, меня едва не стошнило, поэтому я отвернулся и, как оказалось, очень вовремя. Поскольку именно в этот момент в матрасе разжалась какая-то пружина, нож выскочил, угодил мне в очки и отсек кончик уха.

Он ждет, пока она не перестанет смеяться.

— Я так и пролежал под кроватью, пока они не убрались из дома. А они, надо сказать, не очень торопились.

— Давайте признаем, Дэнни, все очень просто — вы потеряли самообладание. Но я и представить не могу, какой же вы потрясающий неудачник. И в самом деле, вы решили убить свою возлюбленную, а не прекратить ваши отношения неким рациональным образом. А потом хотели исполнить задуманное и облажались по полной программе. Да вы гениальный неудачник! Я вас распознала с первого же взгляда. К сожалению, я недооценила масштаб вашей глупости.

— А со мной всю жизнь случается нечто подобное. Я уже привык.

— Неудивительно, что с вами такое произошло! Да вы не распознаёте удачу, даже если она взглянет вам в лицо.

— Вряд ли такое когда-либо случалось.

— Так вы честно не знаете, кто я такая?

Он качает головой:

— Актриса? Я мог видеть вас в каком-нибудь фильме? Если вы назовете свое имя, то, может быть...

Неожиданно усталая, она прислоняется к двери его номера.

— Не возражаете, если мы зайдем? У меня так болят ноги...

— Правда? Мои тоже!

Его карточка-ключ опять не сработала. Тоже мне, сюрприз. Женщина обещает подождать, пока он не спустится вниз перепрограммировать карточку. Он ни на секунду не верит ее словам, поэтому она дает ему в залог сумочку.

Спускаясь в лифте, он заглядывает в нее. Черная бархатная сумочка пуста.

\* \* \*

— Ты мог погубить мою жизнь, — говорит она, сидя на уголке дивана с подушечкой на коленях и держа в руке бутылочку водки из бара. Ноги в блестящих черных чулках покоятся на кофейном столике. Ногти на ногах у нее тоже красные. — И я не могу допустить, чтобы такое сошло тебе с рук.

— Прости. Я ведь не специально сделал то, что сделал. — Он вытаскивает стул из-за стола и садится рядом.

— Если я не смогу проделать с тобой все, что положено, меня точно понизят. Могу поспорить, что вернут работать в дешевых универсамах. Нет ничего хуже лотерейных билетов.

— Так чем же ты все-таки занимаешься? Работаешь в службе безопасности?

— Как посмотреть...

— Если это поможет, то кольцо оставь себе. Ты же видишь, это не дешевая бижутерия, оно стоит приличных денег. Но мне оно теперь ни к чему.

Она надевает бриллиант на палец, оценивает в свете лампы:

— Потрясная штукавина. Ты всегда такой торопливый?

— Только при ловле блох, — отвечает он, и ее реакция становится великим событием в его личной истории: женщина смеется в ответ на шутку Дэнни Флетта.

— Сам знаю, что повел себя, как идиот, — продолжает он, — но когда я увидел тебя в лифте, то решил, что это судьба. И что отныне у меня все будет хорошо.

— Так и должно было случиться. Могло случиться. Если бы ты умел понимать намеки. Тебе известна истина: люди приезжают в Вегас, чтобы играть?

— Когда я тебя увидел, у меня на душе стало так хорошо... Понимаешь, мне всю жизнь не давало покоя... я никому про это не говорил. Понимаешь, я не боюсь умереть. Я боюсь умереть, не оставив после себя никого, кто пожалел бы о том, что меня не стало. Наверное, именно это я и надеялся найти в тебе... что ты окажешься той, кому меня будет не хватать.

— Господи, сжался надо мной. Ты и в самом деле полный болван. Сама не знаю, сколько еще смогу тебя выносить. — Она забирается с ногами на его кровать. — Сколько у тебя денег?

— Нисколько. — Он обшаривает карманы и находит два десятицентовика.

— Тебе нужно немного больше. Я не могу дать тебе их, потому что тогда они будут не твои. Иначе ничего не сработает. Деньги должны быть твоими. — Она обводит взглядом комнату в поисках чего-то, известного только ей, потом смотрит на кольцо. На ее губах мелькает улыбка. — Но я могу у тебя кое-что купить, так ведь? Тогда это не будет против правил.

Она достает из сумочки доллар.

— Держи. Твое желание исполнилось. Кольцо теперь мое.

— Оно и было твоим. Там, куда я отправлюсь, мне деньги не нужны.

Она засовывает сложенный доллар в нагрудный карман его нового костюма.

— Он мне не нужен, честно.

— Нужен, уж поверь мне. — Она ослабляет ему галстук, расстегивает рубашку. — Но сперва тебе надо стать везучим. Очень-очень везучим.

\* \* \*

Когда она проснулась, он сидел, глядя на нее.

— Твои глаза... — произносит он, с трудом пытаясь осознать очевидное. — У всех тех женщин вчера в казино... у них были твои глаза.

— Да, само собой, — подтверждает она.

— Это были твои подруги, да? Они не подпускали меня к тебе?

Она зарывается лицом в подушку, маскируя зевком раздражение.  
 — Я люблю тебя, — говорит он.  
 — А меня все любят, — слышит он приглушенный подушкой ответ.

\* \* \*

Сегодня день красного платья. Дэнни понятия не имеет, откуда она его достала — он не видел у нее чемодана, — но это его не волнует. Черное ей подошло. В белом она смотрелась замечательно. Но ее цвет — красный.

Когда они входят в казино, она берет его под руку, и ему страстно хочется, чтобы Гейл и Маккриди оказались здесь и увидели это. И Гарнер тоже. И Мэйуэвер. И все парни. Господи, разве они не померли бы от зависти?!

Она настаивает, чтобы он сам выбрал автомат. Опять ее правила. Автомат проглатывает банкноту.

— Если хочешь знать мое мнение, то это будет напрасная потеря хорошего доллара, — говорит он.

— На это не рассчитывай, — советует она и страстно целует его в губы. Потом подмигивает. — Небольшая дополнительная страховка.

— Боже, ты прекрасна! — говорит он и тянет рукоятку автомата.

\* \* \*

А еще прекраснее, когда она злится, решает Дэнни. Она мчитя впереди него, сплошной гнев и ярость, она цедит сквозь зубы что-то о дешевых универмагах, лотерейных билетах и слова «через мой труп».

— Все выигрывают. Все. Но ты, ты... Не знаю, сколько мне придется трудиться и сколько на это уйдет времени, но ты так легко не отделаешься. Я тебе не позволю так со мной поступать. — Она почти швыряет его на кровать. — Мне попадалось много неудачников — ты и представить не можешь, сколько, — но такого невезучего у меня еще не было.

Дэнни не отвечает. И только еле заметно улыбается.

**Перевел с английского  
 Андрей НОВИКОВ**

А Л Ь Б Е Р Т К О У Д Р И

# ИМИТАЦИЯ



Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

# ЖИЗНИ

**М**илли Мёрфи радостно приветствовала Эмму Смайт-Денби на пороге своего иглу, пусть и не широко распростертыми объятиями (Эмма не одобряла этих дамских нежностей и поцелуйчиков), но широкой, искренней улыбкой от всей души.

— Значит, ты все-таки успешно пережила свою поездку в Город! — воскликнула она, и Эмма откликнулась ей в тон:

— С трудом!

Согласно недавней, но уже отлетевшей моде на эскимосскую архитектуру гостиная Милли не имела углов и закруглялась в плавную форму купола, изящно отделанного белоснежной искристой субстанцией. Низкая уютная банкетка с подушками из ярко-алого синтешелка кольцом окаймляла всю комнату, не считая, понятно, большой входной двери и другой напротив нее, поменьше, что вела во внутренние апартаменты. За банкеткой в стене таились узкие, но глубокие ниши, не доступные для любопытного постороннего взгляда, где Милли имела обыкновение прятать всяческую чепуху. Старую одежду и наскучившие безделушки, подпорченные или вышедшие из моды вещицы домашнего обихода, а иногда, как не раз бывало, и одного из своих любовников (в случае, если другому ее обожателю вдруг приходило в голову срочно нанести ей пылкий неожиданный визит).

Но сегодня Милли предусмотрительно освободила время для Эммы, и потому на круглом столике в центре гостиной красовался самый настоящий серебряный чайник в сопровождении аппетитнейшего пирога с тмином. Так что обе леди поспешили усесться за стол, чтобы насладиться чаепитием и приятной беседой.

— Ну и как? Ты видела этих любовных роботов?! — сразу выпалила Милли без всяких обиняков: бедняжке до сих пор не удалось научиться благословитанно уступать другим инициативу в разговоре.

Эмма слегка нахмурилась, нарочито откусила изрядный кусок тминного пирога и принялась неторопливо жевать, предоставив излишне любопытной подруге изнывать от нетерпения. Хотя Эмму так и подмывало деликатно отчитать Милли за бестактность, ей действительно надо было посоветоваться с кем-то, обладающим достаточным опытом в подобных делах. А у Милли подобного опыта было достаточно и разнообразных сортов, если уж называть такие вещи их вульгарными именами.

— Дорогая, это было *просто ужасно*, — сказала она наконец, тщательно дожевав свой кусок пирога и запив его несколькими деликатными глотками бергамотового «Эрл Грея». — Ты только представь себе — целая толпа! И мужчины, и женщины *впритирку*, и все они *абсолютно* игнорируют друг друга! Просто стоят и глазеют на этих... на *эти изделия*.

— Да полно тебе, Эмма, — мягко возразила верная подруга. — Некоторые из *этих* с виду очень даже неплохи. Восхитительное совершенство! Хотела бы я знать, из чего они делают для них кожу? Она кажется даже более естественной, чем... натуральная, надеюсь, ты понимаешь, что я хочу этим сказать.

— И тем не менее, незвизая на всю их привлекательность... Ведь ты сама, Милли, как я не могла не заметить, предпочитаешь человеческие существа. Разве не так?

— Да, ты права. Натуральные мужчины гораздо теплее, и сложнее, и не всегда предсказуемы, а еще... Они довольно *опасные*, знаешь ли, дорогая моя!

Эмма была чересчур проникательна, чтобы не понять, почему Милли рекомендует ей приобрести любовного робота. Поскольку уже не надеется, что ее лучшая подруга сумеет обзавестись любовником из натуральных мужчин. В глубине души Эмма была вынуждена согласиться с негативным прогнозом Милли и печально вздохнула.

— Временами я чувствую себя такой одинокой, — призналась она. — И конечно, робот чрезвычайно удобен в качестве любо... как специальное изделие. Когда он тебе не нужен, ты можешь отправить его в угол и выключить. А вот с женщиной такой фокус не сделаешь, увь! И все-таки нет, спасибо. Извини меня, Милли, но такая плотская связь слишком уж напоминает порочный вариант детской игры в куклы для взрослых...

Милли встала, по привычке выразительно качнув пышными бедрами, и деловито нарезала еще пирога. Она видела, что ее подруга, погрязшая в своем стародевичество, остро нуждается в ободрении и моральной поддержке, и тогда Милли сказала:

— Послушай, Эмма, тебе совсем не обязательно брать такого робота на иную роль помимо дворецкого и домашнего компаньона. А позже, если тебе захочется большего... Ведь робота всегда можно перепрограммировать, правильно?

— Ах, Милли... давай поговорим о чем-нибудь еще, хорошо? После этих жутких скоплений народа и особенно того ужасного магазина,

как бишь там его... хот-бот-спот!\* Боже мой, какая чушь, нет, ты когда-нибудь слышала что-либо подобное, Милли?! Дорогая, после уютной поездки в Город я не в настроении совершенно ни для чего, за исключением старомодных деревенских сплетен... Что там слышно насчет интрижки этой миленькой мисс Чой с молодым мясником из 3030 Дзета? Должно быть, уже есть свежие новости?

И действительно, расторопный инстантмейл хозяйки дома обновил информацию по этой увлекательной теме менее получаса назад. И хотя Милли ужасно не хотелось отвлекаться, пускай даже ненадолго, от своей благородной миссии (помочь бедняжке Эмме обрести любовь!), она приступила к пересказу во всех волнующих и восхитительных деталях наинouvelших перипетий реально текущего любовного романа в отдаленном Китае.

В конце концов, как подумалось Милли, столь романтическое повествование вовсе не уводит от темы их доверительной беседы с Эммой, не правда ли? Любовь побеждает всё и вся — включая китайских мясников! И она подробно рассказала, что именно произошло, и когда, и где, и каким конкретно образом, будучи в курсе всего благодаря ММ (мультимерному) телли\*\* и превосходно запомнив каждую мелочь и деталь.

Эмма внимала ей со смешанными чувствами, шокированная и приятно взволнованная одновременно. Ну что же, рассудительно размышляла она, кое-что красноречиво говорит в пользу робота: по крайней мере, если только ты сама не прикажешь ему, робот никогда не полезет ни в какой инстантмейл распространять по миру животрепещущие факты. И насколько это более... достойно (да, самое подходящее слово!), чем подключиться к гигантской всепланетной мельнице слухов, сплетен и новостей, объединяющей все местечки Земли в одну большую деревню.

Высокая, угловатая, прямая, словно древко полкового стяга, Эмма не столько прогуливалась, сколько мерила шагами главную улицу деревни 1220 Альфа. Знакомые звуки и привычные пейзажи были бесконечно милы, как поношенный, но зато любимый и такой уютный утренний халат.

\* *Hot Bot Spot* (англ.) — в вольном переводе «Тусовка Горячих Роботов». (Здесь и далее прим. перев.)

\*\* Авторский неологизм, произведенный контаминацией англ. слов *tele* (сокр. от *television*) и *tell* (выбалтывать, ябедничать).



Все, что необходимо пейзажнику или пейзажке для комфортной жизни, было здесь практически прямо под рукой. Вдоль улиц с красивой псевдокаменной брусчаткой и прекрасно ухоженных земляных аллей располагались примерно две сотни чрезвычайно опрятных жилых домов, один микромаркет (довольно новый) и такие извечные атрибуты британского образа жизни как чайная комната «Лимонное деревце» и два пивных паба «Королевская пагуба» и «Скрежещущий клык».

В деревенском Театре показывали пантомимы, поставленные своими силами с участием местной детворы, легкие комические оперы и пьесы, которые разыгрывались путешествующими труппами профессионалов. Медицинскую помощь, а также услуги дантиста оказывал деревенский медробот милосердия, поддерживающий информационный контакт с универсальным Евросупертерапевботом все 24 часа в сутки. Сам же Евросупертерапевбот пребывал в специальной каверне глубокого залегания, расположенной под Альпами, для защиты от любого рода помех и воздействий.

Офис констебля, Зал общественных собраний и Англиканский павильон медитации представляли соответственно Государство, местное самоуправление и Церковь. Разнообразные волнения в гражданском обществе, манифестации и беспорядки, не говоря уж о таком кошмаре, как вооруженные конфликты, давно остались в прошлом Земли. Повсюду было тихо, спокойно, благоразумно и благоустроено.

От 1220 Альфа до ближайшей школы в 1315 Альфа хватало получаса неспешной прогулки пешком, а до соседнего Города — двух часов езды на омнибусе. Сам Город являл собой по большей части не что иное как огромный торговый центр, в запутанных лабиринтах которого ежедневно толкались не менее шести тысяч деревенских жителей. «Благодарение небесам, — вдруг подумалось Эмме, — что я уже здесь, а не там!..»

Лишь только она успела вознести небесам хвалу, как ей на глаза попалась картонная карточка, припиленная прямо к стволу старой липы. На этой карточке было что-то написано мелкими, почти невидимыми буквами. Нахмутив брови, Эмма приблизилась и прочла:

*Много — большое свинство.*

*Чем меньше — тем милее.*

— Опять эта Банда Прогрессистов! — воскликнула она вслух с негодованием. Горячие роботы сразу вылетели у нее из головы, сменившись действительно пожароопасной темой, уже расколовшей надвое всю деревню.

Хотя старая милая 1220-я была так невелика, что каждая улочка, пересекающая центральную Хай-стрит, заканчивалась или в лесу, или на лужайке, и настолько спокойна, что даже петухи здесь почивали допоздна, некая группа активистов вдруг потребовала сделать ее еще меньше и гораздо спокойнее.

Эта клика оппозиционеров во главе с раздражительным (и неизменно вызывающим раздражение) школьным учителем по имени Мартин Ффренч-Доббин предложила немедленно избавить 1220-ю от микромаркета, невинной чайной комнаты и обоих пабов. По словам Ффренча-Доббина (распространенным через инстантмейл), каждый резидент может заказывать себе все, что потребуется, в Региональном депо снабжения с доставкой на дом, избавив тем самым деревенских активистов от докучливого долга постоянно контролировать качество предлагаемых товаров и услуг. Равно как и от регулярного проведения во всех публичных местах за общественный счет дезинфекции, дезинсекции и дератизации. Пьяные песнопения, разносящиеся по округе из пабов, сменятся благословенной тишиной, а засиженные мухами сласти из чайной комнаты перестанут распространять желудочные заболевания.

Ффренч-Доббин покусился даже на деревенский Театр ввиду его явной избыточности. Ведь каждый имеет возможность ежедневно смотреть высокопрофессиональную продукцию, и не только на больших тели в гостиных, но и на ручных телифонах тоже.

Только так, торжественно заключил он, поступают истинно прогрессивные деревни! И указал в качестве похвального примера на 1919 Бета (вблизи от Па-де-Кале), где любой шум, превышающий хотя бы на пару микродецибелл характерный звук зубной щетки, активно трущейся о зубы, неотвратимо карается повесткой в суд из жан-дармерии.

Манифест прогрессистов, как гром небесный, пал на торговлю и сферу обслуживания 1220-й. А конкретно — на владельца микромаркета и всех его арендаторов — мясника, бакалейщика, торговца рыбой etc.; и на почтенную мисс Уайт, державшую «Лимонное деревце»; и на обоих трактирщиков, державших пабы; а также на официантов и официанток, грузчиков, кассиров, упаковщиков, барменов и барменш etc., которые работали на перечисленных выше (и других подразумеваемых) лиц. Собственно, в перспективе угроза нависла вообще над всем трудящимся людом, в том числе над дамской парикмахершей и мужским мастером, а также единственной деревенской портнихой.

Однако многие их сограждане, кто беззаботно жил на недурную ренту, вполне разделяли бурное возмущение гонимых. Включая, разумеется, и Эмму, которая унаследовала приятное кругленькое состояние от полковника Смайта-Денби, своего отца. Эмма проницательно подозревала, что этот Мартин Ффренч-Доббин, вынужденный вариться в визжащей и горляющей геенне школьного преподавания, в качестве компенсации пытается придушить каждый звук в деревне, где он живет. Но ведь это же вовсе не причина для того, чтобы навязать собственные нужды всем окружающим? Эмма очень любила деревенскую жизнь, но только не такую, которая начисто лишена естественных жизненных проявлений.

Микромаркет и чайная комната предоставляли ей львиную долю возможностей встретиться со своими согражданами во плоти. Что касается деревенского Театра, то Эмма была там не только одной из ревностных зрительниц, но и добровольной закулисной помощницей, находя в собственноручном созидании сценических костюмов, масок и декораций желанную и полезную отдушину для своих врожденных артистических наклонностей. Короче, Эмма нуждалась в традиционных публичных местах ничуть не менее, чем их хозяева и работники нуждались в ней в качестве постоянного клиента, а самодеятельные театральные режиссеры — в ее завидных талантах и художественном вкусе.

Пока мысли такого рода проносились у нее в голове, Эмма хмурилась все сильнее и сильнее, и наконец суровая складка прорезала безупречно гладкую выпуклость ее высокого лба. Но она подавила настоятельный призыв сорвать и уничтожить эту мерзкую карточку (оставим пошлый вандализм американцам!), презрительно фыркнула и размашистым шагом продолжила путь домой.

Двухэтажный коттедж Эммы имел цилиндрическую форму и был увенчан острой конической крышей из фальшивого тростника: все согласно моде на африканскую архитектуру, которая процветала и уже отцвела поколение назад. Эмма перешагнула порог с глубокой благодарностью за то, что утомительный день все-таки подходит к концу. Домобот полностью завершил свою работу; керамические напольные плитки и деревянные панели в ее прихожей блистали идеальной чистотой.

Переоблачившись в легкое, свободное платье для отдыха, она уютно устроилась в гостиной перед тели со стаканчиком вина из одуванчиков в руке и устало приказала: «Обнови». Первой всплыла все та же

незабвенная мясницкая сага из Китая, и Эмма поспешно велела ее пропустить, затем последовал Виртуальный Футбольный Чемпионат (играла команда 961 Кси и непонятно кто еще), которому Эмма также не уделила внимания, продолжив свой ленивый вечерний серфинг по каналам.

Она скользила и скользила, пока внезапно не наткнулась на безобразно шумную сцену в собственной 1220 Альфа: камера показывала Зал собраний, где пресловутая Банда Прогрессистов под предводительством желчного Ффренча-Доббина вздумала учинить на сцене безмолвную демонстрацию против деревенских магазинов. Молчаливые бандиты крепко сцепили руки, полностью перекрыв своим оппонентам доступ к трибуне, в то время как миролюбивые защитники прежнего образа жизни орали, топали, бесновались и размахивали кулаками.

Эмма нахмурила брови, с отвращением выключила ни в чем не повинный аппарат и пошла на кухню, чтобы приготовить ужин. В отличие от большинства резидентов пояса Альфа, Эмма всегда готовила для себя сама, поскольку роботам совершенно не удавалось научиться приправлять ее любимые блюда в соответствии с ее утонченными вкусами.

Было довольно поздно, перевалило за двадцать два часа, когда Эмма снова уселась перед тели в гостиной с чашкой горячего молока, слобренного парой чайных ложек бренди, дабы привести себя в надлежащее настроение для спокойного, мирного сна.

Игнорируя последние новости, она сразу переключилась на познавательный канал Оксбридж. Потому что давно уже, будучи еще студенткой, обнаружила: ничто другое так быстро не ввергает человека в сладостную дремоту, как хорошая занудная лекция.

Этим вечером некий дон\* средних лет с заостренной черной бородкой, по традиции в полном академическом облачении, читал лекцию по современной истории, под которой, как выяснилось, сей ученый муж подразумевал историю трех последних столетий.

Ну что же, рассудила Эмма, это еще туда-сюда! Понятие о современности того молодого палеонтолога, которого она однажды попыталась дослушать, охватывало, как ей прекрасно помнится, последние 65 миллионов лет.

---

\* *Дон (англ.) — преподаватель, член совета колледжа в Оксфорде или Кембридже.*

«Планета Земля не всегда была столь мирной и рациональной, какой мы знаем ее сегодня, — поведал теллиаудитории бородач. — Некогда она была повсеместно осквернена гигантскими городами и бурлящими толпами».

Последовал архивный клип, показывающий странный демонический ландшафт с монструозной архитектурой отталкивающего вида, среди нагромождений которой сустились в кошмарном количестве прыткие гуманоиды, смахивающие на муравьев. Воздух был испорчен вонючими даже на вид испарениями кофейного оттенка. Бензиновые повозки сновали взад-вперед, как орда металлических жуков на навозной куче, жуткий шум и грохот непрерывно долбили в барабанные перепонки, чудовищные башни вот-вот, казалось, грянут на головы крошечных людишек внизу.

Вся картина имела настолько омерзительный вид, что Эмма непременно выключила бы ее, не поторопись сам бородатый дон сделать это.

«Но к нашему счастью, — оптимистично продолжил он лекцию, — бесконечные войны, терроризм и неудержимый прогресс науки общими усилиями трансформировали эти адские пейзажи! По мере того, как размеры оружия и цены на него постепенно уменьшались, а его разрушительная сила столь же неуклонно росла, города стали чересчур опасными местами для обитания. И примерно в то же самое время новые прогрессивные методы коммуникации решительно отменили их необходимость...

Мало кто знает (сказал он), что на самом деле во всей известной нам истории люди регулярно покидали большие города. Вспомним для примера хотя бы Ниневию и Уксмаль, Мохенджо-Даро и Кноссос, Ангкор-Ват и Вавилон, брошенные в джунглях или пустынях на произвол диких животных и птиц. Точно так же — триста лет назад — то же самое сделало *все человечество*...

Но только на сей раз все люди Земли *без исключения* (подчеркнул он) получили замечательную возможность общаться друг с другом в любой желаемый момент! И всё это благодаря многочисленным электронным связям между рассеянными по Земле отдельными ячейками гражданского общества, которые мы называем *деревнями*. На текущий момент во всем мире насчитывается более пяти миллионов таких поселений — спокойных, комфортных, просто очаровательных...

Самым небольшим присвоен простой идентификационный маркер (объяснил он), составленный из цифрового индекса и одной из букв

греческого алфавита. Каждая из этих 24 букв соответственно обозначает, как вам всем хорошо известно, один из 24 часовых поясов нашей Земли. Что касается...»

Тут Эмма ощутила, что с нее уже вполне достаточно. Она поспешно выключила телли, допила свой полезный напиток и побрела, раздираемая зевотой, вверх по лестнице в свою уютную спальню. Горячее молоко, бренди и сухая академическая наука сотворили обычное специфическое волшебство, и она едва ли шевельнула ресницами вплоть до самого рассвета.

Утром Эмма позавтракала свежим, вкрутую сваренным яйцом и запила его большой чашкой крепкого ароматного чая. После этого она — скорее из чувства долга, чем информационного голода — включила новости. И так Эмма наконец с запозданием узнала о шокирующих событиях, имевших место в Зале общественных собраний 1220 Альфа.

Как показывает накопленный человечеством опыт, ничто на свете так не раздражает группу единомышленников, как вызывающе безмолвная демонстрация их ярых оппонентов. Именно потому Банда Прогрессистов и выбрала такую тактику. И зрелище сограждан, наотрез отказывающихся от разумных дебатов по поводу вопроса исключительной общественной важности (притом эти граждане упорно препятствуют другим обсудить проблему всласть), настолько разъярило местных торговцев и рабочий люд, что все они дружно набросились на демонстрантов с кулаками и складными деревянными стульями. В итоге медробот милосердия внезапно заполучил сразу четырех пациентов в лице добросовестно избитых негодяев, а прочие прогрессивные бандиты с позором сбежали и рассеялись в ночи.

В своем интервью констебль 1220-й (а также и родной брат владельца микромаркета) сказал, что покамест никого не арестовал и не собирается, поскольку «в свободном обществе повиновение закону может быть исключительно добровольным». Он упомянул, однако, что поначалу планировал восстановить порядок посредством силы и даже отправил в Город экстренный запрос на тяжело вооруженную (резиновыми дубинками) спецкоманду, которая должна была умиротворить излишне взволнованную публику.

Эмма совершенно не могла согласиться с индивидуальными воззрениями констебля на закон. Она также не нашла абсолютно ничего за-

бавного в том, что почтенная мисс Уайт из «Лимонного деревца» с двумя дюжими трактирщиками и объединенная дружная компания мясников, пекарей, официантов и официанток, грузчиков и упаковщиков, барменов, уборщиц и кассирш, включая также несовершеннолетнюю помощницу старушки портнихи и примкнувших в порядке солидарности состоятельных рантье, всю ночь рьяно охотились в окрестных лесах на разбежавшихся членов Банды Прогрессистов, вооружившись крикетными битами и в сопровождении своры поддержки из гончих собак.

Тут зазвонил теллифон Эммы, и это оказалась Милли. Обычно веселое и нежно-румяное лицо верной подруги лучше всяких слов свидетельствовало о глубоком шоке.

— Моя дорогая! — вскричала она. — Ты уже слышала, слышала о бунте?! Боже мой, можно подумать, что мы по-прежнему живем в XXI столетии!..

— Да, просто ужасно, отвратительно, — согласилась Эмма. — Хотя эти прогрессисты не вызывают у меня никакой симпатии, но они, в сущности, безвредны, если их просто игнорировать... Как и подобает поступать всем порядочным людям, не так ли?

Милли внезапно смутилась и потупила глаза.

— Эмма, дорогая, — пролепетала она неуверенным голосом. — Я вообще-то позвонила, чтобы... то есть я хотела спросить... Могу ли я попросить тебя об одной большой *конфиденциальной* услуге?

— Ну, разумеется, можешь, дорогая.

— Дело в том, — произнесла Милли ужасным шепотом, — что в данный момент я укрываю у себя члена Банды Прогрессистов! Спасую от ярости безумной толпы!

— Ах, Милли! — не могла не воскликнуть Эмма. — Как это храбро, как благородно с твоей стороны!

— Я запихнула его в свободную нишу за моей банкеткой, — сказала Милли деловито. — Оно не слишком-то большое, это место, уж прямо скажем. Да, я чувствовала, что морально обязана спасти ему жизнь, но чтоб еще и с комфортом... Нет уж, увольте! Это тот самый мерзавец Ффренч-Доббин, педант и ханжа. Он сам виноват, что заварил всю эту кашу, так пускай теперь расхлебывает!

— Конечно, это совсем не мое дело, Милли, но... Скажи мне честно, он один из твоих... гм...

— Любовников? Боже упаси! Он ничем не лучше замороженной рыбы, этот жалкий учительшка! — возмутилась Милли. — Так или

иначе, — деловито продолжила она, — я не могу больше держать его у себя. Это место может понадобиться мне в любой момент, а я знаю по горькому личному опыту, что когда два джентльмена спрятаны за банкеткой одновременно, они очень редко ладят между собой. Так не сможешь ли ты, моя дорогая?..

— Да, конечно, — сразу ответила Эмма. Она с удовольствием сделала бы для Милли что угодно (кроме этого), но долг есть долг, и она пообещала помочь.

— Этот человек может прятаться у меня до тех пор, — на всякий случай решила уточнить она, — пока общественный порядок не будет в полной мере восстановлен. И я очень надеюсь, что это будет сделано быстро.

— Эмма, ты сущий ангел! Я мигом упакую его в багажник моего минимобила и быстренько подвезу к тебе, хорошо?

Вздохнув, Эмма отключилась. А ведь она так рассчитывала на спокойный, посвященный неотложным домашним заботам день... В саду следовало окопать грядку с вьюнком, срезать сухую ветвь яблони, посадить несколько кустиков подорожника; а еще надо было раскрасить марионетки, которые она пообещала деревенскому Театру для веселого детского шоу с Панчем и Джуди. А после всего этого, возможно, она могла бы вдумчиво опробовать новый кулинарный рецепт, который позавчера чрезвычайно хвалили в очень популярной теллипрограмме.

Однако теперь вместо столь умиротворяющих занятий она вынуждена выступать в роли хозяйки дома, которая принимает не просто рядового члена всемирно известной Банды Прогрессистов, но самого ее предводителя! Ну что же, если она должна... то должна. Эмма облачилась в суровый твид и даже не прикоснулась к косметике, не желая заронить у тайного гостя подозрение в симпатии, которой нет и не может быть в ее сердце.

Но когда крошечный мобильчик Милли подкатил по укромной аллее к задней двери ее коттеджа, первое впечатление Эммы от Ффренча-Доббина выразилось в глубочайшем изумлении пополам с настоящим шоком. Этот несчастный выглядел так, словно толпа не только поймала его и долго мучила, но напоследок завязала в форме причудливого кренделя, и развязаться собственными силами — по всей очевидности! — он никак не мог.

— Оказалось, что в багажнике даже меньше места, чем за моей банкеткой, — объяснила Милли. — Но не могла же я посадить этого



человека рядом с собой! Кто-нибудь наверняка бы его заметил, правильно?

С помощью суперсильного домобота две сердобольные леди успешно доставили скрюченного мужчину на Эммину софу, где он теперь лежал в неестественной позе, издавая жалобные стоны, с намертво прижатыми к подбородку коленями. Одна из лодыжек страдальца вернулась под странным углом, перекрещенные на торсе руки торчали из-под коленок в разные стороны, подобно концам знаменитого гордиева узла.

— На самом деле его длина около двух метров, — задумчиво сообщила Милли. — В распрямленном виде, конечно. Но я понятия не имею, как распутать его.

— Я знаю как, — сказала Эмма. — Мне часто приходилось помогать моему дороговому, ныне покойному папе, когда он спал крючком и ему внезапно вступало в шею. Ну а ты, Милли... ты можешь спокойно заняться собственными делами, дорогая. Ранние пташки, должно быть, уже распевают любовные песенки у твоих дверей! А ты сама отлично знаешь, как склонны мужчины вступать в дурацкие публичные потасовки, оспаривая право на благосклонность Прекрасной Дамы... Разве не так?

Когда Милли уехала, Эмма решительно приказала домоботу принести ей электроподушки, махровые полотенца, бутылочку с настоем гаммелиса, пергаментную бумагу для выпечки и горячий утюг. При помощи этих незамысловатых, но весьма действенных средств ей удалось постепенно расслабить закостеневшие члены злосчастного Ффренч-Доббина. И теперь он распластался на ее софе во всю двухметровую длину, слабо шевеля губами в знак своей благодарности. Тем временем домобот заварил крепчайший чай, и большая горячая чашка с сахаром и молоком явственно подкрепила физические силы мученика.

— О! Благодарю вас от всей души, мисс... миссис...

— Мисс Смайт-Денби. Вы спаслись от расправы, как я понимаю, только чудом, мистер Ффренч-Доббин.

— Господи Боже!.. Я даже представить не мог, что наши сограждане, наши *socedi* способны на подобное насилие! Никогда, никогда мне не забыть эту кошмарную ночь... Люди вопили и выли, словно дикие звери! Они пустили по следу стаю бешеных гончих! Этот жуткий, кровавадный лай... Нет, я не забуду, не забуду никогда!

— Вы попытались лишить сограждан средств к существованию, которые ваши соседи зарабатывали честным трудом, — заметила Эмма

рассудительно. — Поступки подобного рода, знаете ли, по обыкновению ужасно раздражают людей.

Ффренч-Доббин тяжело вздохнул.

— Полагаю, вы правы. Должен признать, что я никогда не придавал какого-то особого значения этому фактору. Я размышлял исключительно о всеобщем благе! И надеялся, что другие также увидят вещи в том же самом свете, что и я.

— Как вы можете ожидать, что другие поймут вашу точку зрения, если мнение других вас несколько не интересует?.. В любом случае, — сказала Эмма сурово, — мне следует преподавать вам одну житейскую мудрость. Как я давно заметила, всеобщее благо практически ничего не значит для большинства из нас, если оно влечет за собой нашу персональную катастрофу.

На эти слова он ничего ей не ответил. Ффренч-Доббин явно понял: по недомыслию совершил огромную ошибку, но Эмма была несколько удивлена, что он даже не попытался как-то выкрутиться, приводя различные доводы в свое оправдание. И это указывало на гораздо большую духовную зрелость, чем можно было ожидать от учителя младших классов стандартной деревенской школы. Так что Эмма не стала дальше его распекать и сказала только:

— Ладно, оставим эту тему. Полагаю, вам следует хорошенько отдохнуть после всех выпавших на вашу долю испытаний. И может быть, вы немного проголодались?

— Если честно, — признался он с немалым облегчением, — я просто умираю с голоду!

Эмма надела поверх грубого твида свой любимый веселенький фартук и, засучив рукава, приготовила сытный, добротный завтрак в типично английском стиле: свежие яйца всмятку, поджаренные на сливочном масле тосты, несколько щедрых ломтей нежного бекона и горшочек клубничного джема. Хотя ее так и подмывало объяснить этому Ффренчу-Доббину, что все продукты, уминаемые им с истинно волчьим аппетитом, были приобретены в том самом микромаркете, от которого он страстно мечтал избавиться, Эмма твердо отвергла искушение, ведь лежачего не бьют.

Вместо этого, когда он наконец насытился и стал более или менее походить на нормального человека, хотя и неухоженного, она спросила, не нужно ли ему чего-нибудь еще.

Ффренч-Доббин задумчиво потер свой щетинистый подбородок и смущенно пробормотал:

— Если бы только немного привести себя в порядок... Но бритвы у меня нет, к несчастью, как и чистой одежды...

— Я сохранила все, что осталось от моего покойного папы, — сказала Эмма. — И я вижу, что вы носите примерно тот же самый размер. Его ванная комната наверху, рядом с лестницей, а я сейчас принесу вам бритву и чистое... чистые вещи.

Она имела в виду, понятно, нижнее мужское белье, которое полковник, будучи восторженным поклонником гигиены, запасал в немереных количествах. К сожалению, он умер прежде, чем сумел все это износить, и после него у Эммы осталось множество новеньких дорогостоящих вещей, которые никогда даже не вынимались из фабричной упаковки. Она вручила гостю через приоткрытую на четверть дверь ванной комнаты изысканную подборку таких упаковок, присовокупив к ним чистое полотенце и пушистый купальный халат. Взамен всего этого Эмма получила от Ффренча-Доббина изрядно изгвазданную и помятую верхнюю одежду, которую передала домоботу, чтобы тот незамедлительно вычистил ее и погладил.

А потом она спустилась на первый этаж и села обдумывать нежданные сюрпризы, которые преподнесло ей нынешнее утро.

«Нет, вы только послушайте, он все еще принимает душ! — размышляла Эмма. — Похоже, джентльменам требуется гораздо больше воды, чем леди... Потому что у них больше поверхность тела? Или потому, что они больше пачкаются?»

Кстати, он уничтожил четыре яйца за один присест! Очень недурной аппетит для такого бескровного создания, каким я прежде его себе представляла...

Подумать только, вчера я едва не купила любовного робота! Робот никогда не ест, не принимает душ и не бреется. Робот не способен ни страдать, ни любить и, по сути, никогда не будет нуждаться *лично* во мне, даже в смысле секса. Все это только пустая видимость и программы!..

Стоит ли удивляться, что Милли так любит натуральных мужчин? Хотя иногда они, если говорить честно, ужасно утомляют и раздражают разумного человека».

Когда Ффренч-Доббин наконец вышел из ванной в пушистом халате и весьма похорошевший, Эмма сразу препроводила его в спальню полковника. Не забыв предусмотрительно опустить там жалюзи, дабы никакой враг не заметил и не выдал скрывающегося беглеца.

Эмма уже собралась выйти в сад поработать, когда до ее слуха до-

несся некий звук... Этот звук исходил, судя по всему, из той самой спальни, которая уже несколько лет пустовала: довольно странный, но все же отчего-то ужасно знакомый.

«Надо же, — наконец догадалась Эмма, — да он храпит! Почти совсем как мой дорогой папа... Как это *человечно*, как трогательно!»

Позже, окапывая вьюнки, она изумилась, внезапно поймав себя на том, что потихонечку что-то напевает.

В полдень Ффренч-Доббин все еще проявлял трогательную человечность, так что Эмма смотрела новости одна. Хотя там говорили преимущественно о событиях планетарного значения, в конце программы последовал краткий обзор того, что комментатор именовал не иначе как «Беспорядки в Альфе».

Сердце Эммы ёкнуло, когда она с удивлением узнала, что тяжело вооруженная спецкоманда из Города все-таки появилась в 1220-й. И что теперь вся деревня благополучно возвращена в свое обычное состояние законопослушной дремоты.

Иными словами, заключила она, мистер Ффренч-Доббин может спокойно вернуться домой... Хотелось бы знать, захочется ли ему перекусить перед уходом?

Но комментатор, как оказалось, еще не закончил с темой локального значения, вдруг заговорив о поджоге. Это самое серьезное преступление из всех, подчеркнул он, что совершила разъяренная неуправляемая толпа в 1220 Альфа! Коттедж лидера Банды Прогрессистов (он назвал его «Финч-Дамбкин») сгорел дотла, и ничто из его содержимого не уцелело. Бравая бригада пожарных из 1616 Альфа приехала слишком поздно для того, чтобы сделать хоть что-нибудь полезное, разве только погреться возле раскаленных углей. Начато тщательное расследование, однако местный констебль не питает особых надежд на поимку преступника — или преступников — ввиду чрезвычайно хаотических обстоятельств, при которых это непростительное деяние было совершено.

В переводе на язык здравого смысла, подумала Эмма, сие означает, что констебль отнюдь не намерен копать чересчур глубоко!

Теперь у Мартина Ффренча-Доббина больше не было дома, куда он мог бы вернуться... Эмму ужаснула сама мысль о том, чтобы поневоле стать вестницей дурных новостей, и она провела какое-то время в размышлениях, как бы поделикатней подать их. В конце концов Эмма решила, что испечет тартинки с патокой и заварит самый лучший

чай. А когда они легко, но питательно перекусят (отварной язык с овощным гарниром?) и поговорят о том о сем за чаем с тартинками, она по-дружески скажет ему мягким голосом: «Ах, Мартин, боюсь, что у меня есть для вас довольно неприятное известие! Кажется, вы лишились своего дома и домашнего очага, мне, право, очень жаль».

Мартин?! Но прилична ли такая фамильярность?.. Подумав, Эмма пришла к резонному выводу, что мужчину, который помылся в папиной ванной и облачился в папино белье, уже никак нельзя полагать совершеннейшим незнакомцем.

Впрочем, все эти треволнения и размышления Эммы оказались в итоге ни к чему, поскольку Мартин не только сладко проспал полуденные новости, но и далее продолжал наслаждаться беспробудным сном. Минуло уже семнадцать часов, когда она услышала, как он в первый раз зашевелился... Но к этому времени уже поступили ужасающие свежие новости по телли.

Деревенский Совет 1220-й, беспристрастно выслушав все внушающие доверие свидетельства самых уважаемых и наиболее состоятельных жителей деревни (то есть многочисленных врагов Банды Прогрессистов), постановил, что в данном конкретном случае так называемая *толпа* использовала «законное право и, более того, священный долг всех свободных британцев защищать свой дом, свое имущество и семейный очаг, равно как подлинно британский образ жизни от любого и каждого, кто покушается на освященные глубокой древностью традиции и свободы».

Вслед за этим Совет приказал констеблю арестовать всех до одного прогрессивных бандитов, какие только попадутся на глаза, и назначил солидное вознаграждение за их поимку.

— Как?! — вскричала Эмма в бурном гневе. — Это же просто легальное линчевание! Господи, какой кошмар, неужто мы пали до уровня американцев... Нет, гораздо хуже — французов!!!

Она уныло смотрела теллирепортаж о тотальном разрушении серией мощных подземных толчков давно заброшенного мегаполиса Лос-Анджелес (к счастью, все обошлось без человеческих жертв), когда бегущей строкой поступило экстренное сообщение из 1315 Альфа, переполнившее чашу печальных событий этого дня. Школьный комитет 1315-й единодушным голосованием отстранил от должности Мартина с непременно занесением его имени в черный список (пожизненно) в качестве «весьма злостного криминального возмутителя спокойствия».

И в этот момент Эмма наконец услышала, как проснувшийся Мартин спускается по лестнице. После отдыха он выглядел намного лучше — свежий, сильный и стройный, но приветливая улыбка сразу же увяла на его губах, лишь только его глаза встретились с ее глазами, полными непролитых горьких слез.

Так что же делать?!

Эмма и Мартин засиделись глубоко за полночь, обсуждая все существующие и несуществующие возможности. Было очевидно, что Мартин оказался жертвой высочайшей несправедливости, а значит, ему прежде всего требуется опытный солиситор\*, так как любое постановление, принятое деревенским Советом единогласно, можно отменить лишь посредством долгой и весьма запутанной судебной процедуры.

Поначалу Мартин с наивным благородством предложил, что он сам отправится к констеблю, чтобы сдать добровольно. Однако Эмма, у которой было достаточно времени для обдумывания такой ситуации, немедленно наложила решительное вето.

— О нет, Мартин, — твердо сказала она. — Ты не должен — ни в коем случае! — отдавать себя во власть врагов. Пока наш Британский Закон в очередной раз не проявит свое всемогущество, обеспечив должным образом твое гражданское право на честное и справедливое судоразбирательство.

— Мне негде жить, — возразил он с мрачным достоинством. — Не говоря уж об отсутствии вещей и средств к существованию! И что еще я способен сделать при подобных обстоятельствах?

— Остаться здесь, разумеется, — сказала Эмма, пожимая плечами. — А я поеду в Город, найду тебе хорошего солиситора и передам это сложное дело в его опытные руки. Тем временем ты можешь удобно устроиться в папиной комнате, которая прекрасно приспособлена для жизни мужчины! И подобрать себе все нужные вещи в его обширном гардеробе. В доме нет других обитателей, помимо меня и домобота, так что для сохранения тайны достаточно ввести в его память команды запрета. Чтобы он перестал разводить сплетни с другими домоботами по соседству!

— А как же эта... твоя подруга Милли?

---

\* Юридический консультант (стряпчий), который полностью подготавливает дело клиента для адвоката, но сам имеет право выступать по этому делу только в низших судах.

— Я скажу ей, что ты убежал. Что у тебя знакомый юрист в другом часовом поясе... в Бете, нет, лучше в Гамме! И он поможет тебе подготовиться к защите.

— То есть я должен оставаться пленником в этом доме? Не смея даже высунуть носа на улицу?!

— Не волнуйся, это ненадолго. Я обещаю! Скоро ты сможешь гулять по улицам столько, сколько тебе заблагорассудится.

— Но каким же образом, Эмма, если за мою голову назначена цена?!

— Успокойся, Мартин, и слушай меня внимательно. Я сейчас все подробно тебе объясню...

Хот-бот-спот!!!

Эмма стояла в нерешительности перед входом в украшенный с вульгарной яркостью и пестротой магазин, размышляя, какое было бы счастье ни разу в жизни не видеть этого ужасного места. Уж не говоря о том, чтобы снова его посетить!

Она откладывала этот необходимый визит сколько могла. Приехав в Город на омнибусе, Эмма прежде всего нанесла визит в фирму солиситоров («Джоуз, Фикель & Блэзер»\*): эти хитроумные крючкотворы не только составили завещание ее дорогого папы, но регулярно (и весьма успешно) оказывали ему иные юридические услуги.

Там у нее все прошло как по маслу. В обмен на солидный предварительный гонорар мистер Блэзер пообещал ей: всего лишь через несколько дней на деревенский Совет обрушится буйный град разнообразных судебных запросов и постановлений и члены Совета вскоре горько пожалеют о том, что им вообще привелось узнать о существовании Мартина Ффренча-Доббина.

Позже, заверил солиситор, когда дело наконец дойдет до суда, Мартина станет защищать наилучший из сотрудничающих с ними адвокатов (шотландец Ангус Мак-Грит, что сразу обнадежило Эмму\*\*) со всеми свойственными столь незаурядному сутяжному уму пылом, жаром и красноречием.

Успешно покончив с юридическим делом, Эмма вдруг решила побаловать себя экзотическим, хотя и довольно питательным ланчем в роскошном, дорогом кафе «Ориенталь». Но когда последняя пече-

\* *Фамилии компаньонов по созвучию напоминают о челюстях, непостоянстве и пустой болтовне.*

\*\* *Grít (разг.) — твердость характера, выдержка.*

нюшка с предсказанием судьбы была разломана и съедена, откладывать другой, чрезвычайно малопривытный визит больше не было никаких уважительных причин.

Она должна была вернуться в этот притон искусственных любовников, чтобы попытаться выяснить некие определенные детали и подробности, существенно необходимые для успешного претворения в жизнь второго этапа ее тщательно продуманного плана.

Ну что же... Если она должна, то должна!

Гордо выпрямившись, Эмма взялась за массивную ручку двери, аляповато разукрашенную резным орнаментом, глубоко вдохнула, выдохнула и вошла.

Менеджер магазина тут же целеустремленно приблизился к ней. Это был низенький, довольно потасканного вида человек неопределенного евроазиатского происхождения. Должно быть, из региона тех полувцилизированных племен, где люди проводят время по большей части за ковроткачеством на экспорт и традиционно практикуют инфантицид? К тому же у него обнаружилась дурная привычка сладострастно потирать руки, что могло бы принести ему некоторую пользу, как подумалось Эмме, если бы менеджер держал при этом между ладонями добрый кусок душистого мыла.

— Слюшаю вас, леди? — произнес он с жирным акцентом. — Кажется, я уже видел вас у нас?

— Совершенно верно, — сказала Эмма. — Но я пока еще не вполне решила, покупать мне ваш товар или нет. И мне хотелось бы еще раз посмотреть ассортимент, а уж потом принять окончательное решение.

— О, пжалусста, леди, смотрите скоки хатите! Все гьварят, что наши сексоботы самые артистичные, лутше нет.

— Да, действительно. И особо впечатляет этот изумительный материал, который служит им кожей! Натуральная человеческая выглядит просто... неестественной по сравнению с ней. Могу я узнать, что это за чудесный материал? Или это секрет фирмы?

— Нет сикрета, леди, все супердройды давно носят такую! Называеца дермапласст. Знаменитые докторы разработали для личения очень сильно обгорелых. Этот матирьял дышит, леди, дышит, панимаите? — И он проиллюстрировал свои слова, сделав несколько демонстративно глубоких вдохов и выдохов.

— Очень мило. А эти роскошные шевелюры — тоже пластик?

— Нет, леди, нет! Натуральные волосы. Для головы мы бирем че-



человеческий волосы с головы, для подмышк бирем человеческий волосы из подмышк, а публичные волосы\* мы бирем...

— Благодарю вас, — поспешно сказала Эмма, — я все поняла.

И почему эти иностранцы, подумалось ей, по обыкновению говорят либо слишком мало, либо чересчур много?

— А еще их глаза, — вздохнув, продолжила она. — Такие прелестные, и у меня очень странное чувство, как будто они постоянно меняют свое выражение... Все выглядит так реально! Как же это делается?

— Это?..

Маленький человек усмехнулся, принял профессиональный вид и заговорил, выказав неожиданно острый ум и образованность, скрытые за его непривлекательным экстерьером.

— Многочисленные сенсоры робота получают ключевые сигналы от его сексуального партнера. В зависимости от типа принятых сигналов активируются те или иные предварительно заданные рутинные алгоритмы, а все остальное, в смысле тактики и стратегии, делает нечеткая логика. Думаю, вы не знаете, леди, что человеческая масса по большей части весьма стереотипична, в особенности когда люди занимаются любовью. Так что наши роботы очень быстро обучаются удовлетворять все сексуальные желания.

— Короче, — заметила Эмма с ядовитой иронией, — когда человеческое существо занимается любовью с роботом, они оба исполняют роли реальных людей.

— Вот именно! Вот именно! — Он осклабился, демонстрируя желтоватые, плохо залеченные зубы. — Красивый, воспитанный, хорошо обученный робот неизмеримо превосходит то, что принято называть реальным любовным актом. Если, конечно, в так называемой любви вообще наличествует что-нибудь реальное, в чем я сильно сомневаюсь!

С трудом подавив свое отвращение к финальной сентенции менеджера (одной из самых неэтичных, какие она только слышала за всю свою жизнь!), Эмма отговорила от него обещаниями, которые, разумеется, не намерена была выполнять. И покинула хот-бот-спот с таким чувством, что нуждается в долгом горячем душе даже больше, чем Мартин после той кошмарной ночи, когда за ним охотились с собаками.

---

\* Персонаж путает английские слова *pubic* (лобковый) и *public* (публичный).

Тем не менее она узнала все, что ей требовалось знать. И теперь она попросит деревенского медробота заказать дермапласт в Медицинском депо снабжения: пары квадратных метров, несомненно, ей хватит! А затем, используя свою недюжинную сноровку, приобретенную за годы добровольной работы на Театр в качестве костюмера, бутафора и декоратора, она сумеет соорудить для Мартина убедительную маску и сшить тесно облегающие руку печатки, чтобы тот мог безбоязненно появляться на улице.

Эмма не видела никаких причин, которые могли бы помешать мужчине, экипированному столь оригинальным образом, с успехом изображать из себя любовного робота так долго, как только будет необходимо.

«Мне хотелось бы назвать эту новую личность таким именем, как Родерик, — счастливо размышляла она, возвращаясь домой на омнибусе. — Хитклиф, я думаю, не подойдет... Нет, я никогда не считала характеры Эмилии Бронте достаточно добропорядочными! Я спрошу, разумеется, у Мартина, что он думает по поводу нового имени, но не сразу, а в один из более подходящих вечеров, после доброго, сытного ужина, за чаем с моими тартинками, которые он, как мне кажется, просто обожает...»

Что до тонкого и сугубо метафизического вопроса, является ли мужчина, который изображает из себя робота, более реальным, чем робот, который изображает из себя мужчину... Эмма могла бы побиться об заклад, что правильный ответ — это да!!!

Новость о том, что самая упорная старая дева в 1220 Альфа вдруг приобрела себе любовного робота, в течение целых девяти дней была будоражащей сенсацией номер один в деревне.

И конечно, Милли сразу запустила ее в свой инстантмейл, так что буквально через каких-то полчаса в самых отдаленных деревнях, например, в Оклахоме (часовой пояс Тау) или в Кот д'Ивуаре (пояс Омега), уже бушевали невероятно пылкие дебаты на тему страстной любви между человеком и роботом.

Тем временем судебное дело в защиту Мартина, скрупулезно составленное и юридически оформленное многоопытным мистером Блэзером, начало свое неторопливое продвижение по судам. Надо ли говорить, что все судьи, присяжные заседатели, адвокаты и свидетели никогда не встречались друг с другом в реальности? Все эти лица посещали процесс виртуально, физически пребывая в тех же самых

местах, где им случалось находиться в назначенное для очередного заседания время, а делалось это с помощью крайне полезной технологии, разработанной еще в древнем мире специально для дистанционных конференций.

Родерик/Мартин, сняв свою роботизированную маску, давал показания из Эмминой гостиной, через Эммин теллифон, на фоне театрального задника, который Эмма расписала для постановки детективной пьесы Гилберта и Салливана под названием «Суд присяжных». Таким образом, деревенский констебль не сумел разузнать, где обретается лидер прогрессистов, и не явился за ним!

С самого начала дело Ффренча-Доббина потекло плавно, без умышленных задержек и сюрпризов. Профессия школьного учителя сослужила Мартину добрую службу, ибо он уже привык излагать свои мысли публично, логично и с авторитетным видом. Когда членов деревенского Совета 1220-й вызвали свидетельствовать, мистер Мак-Грит (непосредственно с озера Лох-Несс, где он предавался ловле форели) в ходе яростных перекрестных допросов блестяще разнес в пух и прах их абсурдную попытку выставить истинных злодеев, учинивших указанные беспорядки, неповинными жертвами и наоборот, *vice versa*.

В результате же Верховный суд в лице почтенного мистера Джастиса Джеффриса, каковой в это время находился в Индии, с большим усердием просветляясь в ашраме, аннулировал ордер на арест Мартина Ффренча-Доббина, а также сурово обвинил и Совет, и констебля 1220-й в умышленном злом нарушении одного из основных и неотъемлемых прав человека. А именно — права безнаказанно вмешиваться в любые общественные дела и представлять собой inferнальную обузу для общества.

Совет 1220 Альфа, само собой разумеется, немедленно опротестовал этот вердикт, и дальнейшие судебные процедуры на какое-то время довольно серьезно расстроили Эммины финансы. Но когда продолжительная серия противоположных решений, которыми лениво перебрасывались суды различных инстанций, привела к срочной необходимости существенно повысить в 1220-й тарифы на горячую и холодную воду (в целях продолжения юридической битвы), жители деревни с редким единодушием проголосовали за его тотальную отставку.

Новоизбранный Совет 1220-й не только отменил все абсурдные решения своих предшественников, но и согласился выплачивать Мартину и другим пострадавшим при беспорядках прогрессистам более или

менее разумную ежемесячную пенсию в качестве компенсации за физический и моральный ущерб. Для этого Совет, поразмыслив, несколько поднял налог на пиво.

Затем последовали и другие хорошие новости. Страховая компания Мартина после многочисленных оттяжек и проволочек наконец перевела на его банковский счет страховую сумму за сгоревший коттедж. Что до школьного комитета 1315 Альфа, то его членам также пришлось смириться с неизбежностью и выкупить у Мартина его постоянный нерасторжимый рабочий контракт за весьма приятную кругленькую сумму плюс недурные отступные.

Но к тому времени прошло уже три года после знаменитой Ночи Беспорядков. Деревенские жители давно привыкли к роботу Родерику, а про таинственно пропавшего Мартина Ффренча-Доббина давно уже никто не вспоминал. За исключением разве любителей пива, которые в изрядном подпитии иногда раздражались едкими сентенциями вроде того, что Ффренчу-Доббину, этому мерзавцу, лучше бы никогда не возвращаться сюда... Хватит того, что они приплачивают ему за каждую употребленную пинту! И в «Скрежешущем клыке», и в «Королевской пагубе», а какому же нормальному человеку может понравиться эдакое?!

Что касается самого Родерика, то он тоже давно привык к своей новой личности и упорно продолжал надевать перчатки и маску — невзирая на то, что в том не было более никакой нужды. Родерик сам однажды признался Эмме, что в обличье робота он гораздо больше ощущает себя настоящим мужчиной, чем в роли школьного учителя младших классов Ффренча-Доббина.

И в течение всего этого времени, в тихом уединении и уюте африканского коттеджа Эммы, духовная связь между ними понемногу развивалась и крепла.

При близком ежедневном контакте Эмма обнаружила, что в домашней жизни он почти так же неразговорчив, как во время былых демонстраций молчаливого протеста. За исключением тех случаев, когда ему хотелось поделиться какой-то информацией, но даже в такой ситуации он не то чтобы беседовал с ней, а, скорее, читал ей лекции по старой привычке. Но правда, надо отдать ему должное, он всегда внимательно выслушивал все ее ответные реплики и замечания.

Короче говоря, они оба явно наслаждались компанией ровни по интеллекту. До этого он обыкновенно вращался в ребячливой среде, включающей в себя не только настоящих ребятшек, но также и его

коллег по обучению младших классов. Что касается Эммы, то она чаще всего общалась с верной подругой Милли, хотя у нее было много близких знакомых в изысканных кругах местного дамского общества. Однако ни одна из этих достойных женщин, включая Милли, не способна была адекватно оценить красивую абстрактную мысль, как это могла сама Эмма.

Поэтому они оба находили очень много нового удовольствия в своем близком интеллектуальном общении. Чего никак нельзя было сказать о близости совершенно иного рода... В вопросах страсти Родерик оказался раздражающе туповат, то ли не понимая намеков, то ли опасаясь предпринять некие необратимые, по его понятиям, действия. И все же, все же!.. Нечто этакое, странное, временами проскальзывало на его замкнутом лице, возбуждая в ней робкую радостную надежду, что скрытый пламень все-таки горит где-то глубоко в его сердце.

Эмма прекрасно понимала, что его материальная зависимость от нее уязвляла мужское его, заставляла страдать и, вполне вероятно, вызывала нечто вроде отторжения. Но конечно, все это должно было испариться без всякого следа с тех пор, как все враги полностью возместили ему ущерб и убытки, не так ли?

Как только ему наконец предоставилась такая возможность, Родерик не только с глубокой благодарностью вернул ей весьма солидную сумму, которую Эмма в него инвестировала. Он также добровольно взял на себя львиную долю расходов по содержанию дома благодаря той ежемесячной компенсации, которую регулярно переводил на счет Френча-Доббина деревенский Совет.

Так в чем же *в действительности* состоит проблема?

Возможно ли такое, что Родерик... что он придерживается убежденный tauve?!\*

Не то чтобы Эмма имела вульгарное предубеждение против тех людей, которые испытывают неодолимую склонность к своему собственному полу. Она всегда питала глубоко лояльные чувства к британскому королю (который являлся одним из них) и искренне уважала католического папу (который был другим общеизвестным примером), невзирая на свой твердокаменный англиканизм.

Но какова жестокая ирония судьбы, если единственный во всем мире мужчина, которого она от всего сердца никак не желала бы видеть tauve... вдруг именно таковым и окажется на поверку?!

---

\* *Лилового цвета (фр.).*

В конце концов, поразмыслив, Эмма приняла благоразумное решение довольствоваться лучшей стороной того, что уже имеет. По крайней мере, она больше не одинока. И за достаточно долгий период совместного существования они уже притерлись и вполне комфортно чувствуют себя в компании друг друга. Помимо этого, они разделяют не только интеллектуальные удовольствия, но и неизбежные домашние хлопоты и дела. Родерик постепенно стал образцовым мастером на все руки, в то время как она неуклонно совершенствовалась в амплу домашней хозяйки.

Эмма взяла себе в привычку с пунктуальностью снабжать его изысканной, но плотной едой, полагая, что мужчины — подобно питонам! — наиболее безопасны, когда их желудки туго набиты. Скрывая тот факт, что она кормит два рта вместо одного, Эмма стала заказывать добавочные продукты прямо из Городского депо, где с огромным удовлетворением обнаружила гораздо большее разнообразие полуфабрикатов и сырых компонентов, чем можно было когда-либо отыскать на полках их деревенского микромаркета (случалось, и слегка засиженных мухами: так что эта Банда Прогрессистов кое в чем, возможно, все-таки была права).

В результате шедевры ее кулинарного искусства стали еще более соблазнительными и были представлены в заметно более широком ассортименте. В последнее время Эмма начала отдавать предпочтение традиционным английским блюдам, как то: крепкие мясные прозрачные бульоны, запеченный свежий дуврский палтус (доставленный из рыбных садков в Сассексе), тушеные потрошки, жареный ростбиф полондонски, йоркширские пудинги, свиные отбивные на косточке, пироги с почками, с голубиными грудками, с яблоками, а на десерт непременно свежие ягоды под пышно взбитыми сливками (жирными и обязательно из Девоншира!). И уж конечно, у них на столе никогда не переводились горячий цейлонский чай и знаменитые Эммины тартинки с патокой.

Дабы удержать в приемлемых границах разбухающую талию (у подлинных роботов нет такой проблемы, и потому ее надо было тщательно скрывать), Родерик и Эмма регулярно предпринимали долгие пешие прогулки, иногда на целый день. В деревне скоро привыкли к такому зрелищу, и почти никто не обращал внимания, как они вдвоем упорно преодолевали все неровности, заросли и болотца окрестного пейзажа. Родерик шагал неторопливо, тяжелой, равномерной поступью, с неподвижным корпусом, живо напоминая любому случайному

очевидцу о классических ДМ (двумерных) и ЧБ (черно-белых) франкенштейновских ужасах, что обычно показывают по тели только очень поздно, в ночное время.

Как-то вечером после долгой прогулки, когда Эмма собирала скромный, но милый букет из полевых цветов, а Родерик объяснял ей ботанические и геологические особенности здешнего мохового болота, они решили ограничиться лишь холодным, но чрезвычайно вкусным и питательным ужином на кухне, а потом с комфортом расположились в гостиной, потихоньку попивая коллекционную мадеру многолетней выдержки из красивых хрустальных кубков.

Тели уже давно стоял слепой, глухой, немой и холодный, поскольку ни Эмма, ни Родерик никогда не питали к нему особенного пристрастия. Их мирные домашние вечера были посвящены приятному пищеварению, интеллигентным беседам, а в последнее время еще и неторопливому чтению вслух старинных романов, написанных замечательным пером Джейн Остин. После того как Родерик продекламировал очередную поучительную главу из романа «Разум и чувства», Эмма вдруг спросила у него: отчего спокойная, изящная и рассудительная беллетристика XIX века настолько больше говорит сердцам современных людей, чем довольно бессвязные и почти бессмысленные разглагольствования XX и XXI столетий, которые лишь по чистому недоразумению назывались романами?

— Должно быть, потому, — задумчиво предположил он, — что наш современный образ жизни гораздо больше напоминает сельскую простоту нравов, свойственную более ранним векам, чем ужасное урбанистическое безумие XX-го и XXI-го.

— Именно так я и подумала! — горячо воскликнула Эмма. — Хотя не смогла бы сформулировать мысль столь четко и ясно, как умеешь ты... Ах, не нальешь ли мне еще капельку этой дивной мадеры? Я так рада, что ты согласился подобрать винтаж сам, Родерик. Ты просто настоящий *sommelier*<sup>\*</sup>, а я... — тут Эмма мило улыбнулась ему, — самая обычная потребительница.

— С удовольствием, *ma chérie*, только прикажи, — галантно откликнулся *sommelier*, с польщенной улыбкой подливая ей вина.

— Кубок, наполненный южным теплом... — с мечтательным видом процитировала она нараспев, пытаясь припомнить, кого же именно цитирует.

---

<sup>\*</sup> *Знаток, ценитель (фр.).*

Усталая, разгоряченная, слегка одурманенная мадерой, Эмма совершенно позабыла о присутствии Родерика. Она так привыкла к нему, что он нисколько не мешал ее комфортному погружению в собственные приятные мысли, неторопливо проплывающие в мозгу. Эмма думала о своем счастливом детстве, о дорогом покойном папе, о новых изысканных рецептах, которые она предполагала попробовать, о том, можно ли заставить пионы нормально цвести в ее саду, о новом платье для визитов и о неисповедимых путях Провидения.

Она не знала, что физические нагрузки, отличная еда и доброе вино своим объединенным воздействием окрасили в теплый тон ее бледную кожу, мазнули румянцем ее высокие скулы. Эмма не знала также, что несколько килограммов, добавленные к ее весу усиленным питанием, пошли на пользу сухощавой фигуре, которая теперь казалась совсем не такой угловатой, а более округленной, более... Уж не знаю, право, возможно ли использовать это слово в подобном контексте? Так или иначе, но Эмма выглядела гораздо более *аппетитной*.

Она даже не заметила, что Родерик уставился на нее не отрываясь. Возможно ли, что он вдруг увидел хозяйку дома в совершенно новом свете?..

Внезапно он неловко прочистил горло. Эмма очнулась от глубокого мечтательного транса, спровоцированного как плотным ужином, так и отменной мадерой, и повернула к нему зардевшееся лицо.

Какую-то секунду невероятно бесконечной длительности они смотрели прямо в глаза друг другу. Он все еще оставался в своей обычной маске, и внезапно его двойная идентичность — живые глаза натурального человека и отливающая перламутром идеальная искусственная плоть — произвела на замершую Эмму столь сильное и странное впечатление, что на полминуты она даже позабыла, как надо дышать.

Это был Родерик... Ее Родерик!.. Мужчина, которого она спасла... дала ему имя... почти *изобрела!*

— Боюсь, что ты даже вообразить себе не можешь, Эмма, — проговорил он хриплым шепотом, — сколь безмерно я счастлив делиться знаниями с тобой...

— Ах, Родерик! — Эмма поспешила снова отвернуться от него, потому что теперь ее лицо запылало жарким румянцем. — Ты такой замечательный учитель, что я... — сказала она в сторону, как в театре. — Я бы с огромной радостью научилась у тебя... всему. Всему, чем ты желаешь со мной поделиться!



— Эмма!!! — пылко вскричал он, сжимая ее изящные тонкие пальцы своими огромными ладонями в дерматиновых перчатках.

— Родерик!!!

Они порывисто обнялись и впервые вкусили уста друг друга. Кубки из тонкого хрусталя резво покатались по полу, окропляя пастельный ковер в гостиной остатками благородной мадеры цвета старого янтаря. Домобот, послушно торчавший в своем углу за отсутствием заданной работы, усердно тарашился, словно сыч, на доселе не виданное им человеческое поведение.

Но этим двоим было все равно.

Родерик подхватил Эмму на руки и, невзирая на ее довольно солидный вес, преодолел лестницу наверх в спальню огромными шагами невероятной стремительности, разительно отличающимися от его обычной манеры тяжеловесного достоинства механизма.

Стоит ли говорить, что ни один даже косвенный намек на описанные выше события не просочился ни в какой инстантмейл никогда?

Даже Милли — и особенно Милли! — не услышала от лучшей подруги ровно ничего такого, что позволило бы ей заподозрить кардинальные перемены в коттедже и в приватной жизни Эммы. И все-таки Милли, будучи экспертом в сердечных делах, просто не могла не заметить, как внезапно расцвела ее подруга: фигура Эммы утратила углы и плоскости, на смену им явились плавные закругления, шаг ее стал легок и упруг, и она — кто бы мог подумать? — даже покачивала бедрами! Загадочная улыбка Моны Лизы то и дело проступала на ее губах, когда Эмма полагала, что никто за ней не наблюдает.

«Все понятно! — сказала себе Милли, без особого труда сделав очевидный вывод из своих полезных наблюдений. — Сначала она взяла Родерика только в качестве компаньона... Но теперь его для нее апгрейдили!»

Твердо убежденная в своем искреннем заблуждении (говоря справедливо, оно никоим образом не противоречило ни одному из известных фактов), Милли оказалась полностью неподготовленной к потрясающей новости, которую Эмма шепнула ей на ушко в один прекрасный день, когда они случайно встретились на деревенской Хай-стрит.

— О, моя дорогая! — растроганно вскричала Милли. — Ты мне позволишь, надеюсь, устроить в честь тебя маленькую праздничную вечеринку в моем иглу? Никого постороннего, только несколько наших общих друзей!

— Ах, Милли! Ты всегда была так добра ко мне, дорогая... — согласилась Эмма с благодарной улыбкой.

Приглашения были разосланы моментально, и в назначенный день и час дюжина самых изысканных и прекрасно воспитанных леди 1220-й дружно направились к Милли в иглу принести свои традиционные дары: в больших коробках или немного меньше, но непременно с милой затейливостью перевязанных белыми шелковыми лентами или ленточками.

Эмма дожидалась их, горделиво восседая на алой банкетке. Ее высокая прямая фигура была скорее плотной, чем худощавой; на круглом розовом лице, пышущем здоровьем, лукаво блуждала улыбка традиционного Кота, Который Вдоволь Наелся Сметаны.

Они упали ей на шею с охами, ахами и вздохами и, к своему приятному изумлению, обнаружили, что Эмма уже отнюдь не чурается обычных для дамских посиделок поцелуйчиков и объятий, милого щебетания, истерических взрывов хохота и синхронного проливания слез.

Родерик достойно сопроводил Эмму до самой гостиной, но когда повалили одна за другой приглашенные гости, отклонил предложение Милли присоединиться к дамской компании, несколько неуклюже, но весьма решительно покачав головой. Он пожелал всем леди приятного вечера звучным баритоном (разбудившим у Милли смутные, но безнадежно неясные воспоминания), вежливо попрощался и поспешно покинул иглу.

Милли выглянула в окно и увидела, как он неспешно шагает деревянной походкой по Хай-стрит, благополучно избежав типично дамских рассуждений о деторождении, воспитании и образовании детей, которые вот-вот неизбежно должны были разразиться по такому счастливому поводу... Ну совсем как самый натуральный нормальный мужчина!

— Боже, и кто бы мог такое предположить?! — пробормотала Милли себе под нос, собираясь подать на стол свежезаваренный чай и свой фирменный сладкий пирог с тмином. — Как хотите, но эти новые роботы... с ума сойти! Они абсолютно *невероятны!*

Перевела с английского  
Людмила ЩЕКOTOVA

Д Ж О Н Д Ж . Х Е М Р И

# «ЛЕДИ-БУДЬТЕ-



Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

# ДОБРЫ»

Говорят, где-то есть место, куда отправляются все моряки после того, как закончен последний рейс, а корабль, на котором провёл полжизни, превращается в обломки, несущиеся между дрейфующими рифами в поясе астероидов, или вовсе исчезает в бездонной мгле между звездами, освещающими неведомые миры. Говорят, что в этом сказочном месте никогда не отказывают двигатели, а обшарпанные корпуса не расходятся по швам и не дают течи. Там не бушуют яростные космические штормы, которые рвут в клочья силовую защиту, ломают машины и убивают людей, оставляя после себя лишь вымороженные стальные остовы. Говорят, в этом благословенном месте каждый матрос может рассчитывать на хорошую работу и справедливую плату, а каждый капитан получает достойное вознаграждение за трудный рейс. Пиво в тамошних тавернах дешевое, еда обильна и вкусна, а женщины нетребовательны и ласковы. На этом берегу каждый моряк может рассчитывать на привет и приют, а каждое судно — на надежную и безопасную стоянку.

Говорят, это место называется Тихая Гавань. Ни в одной лоции, ни в одном руководстве по космогации, ни на одной звездной карте вы не найдете порта с таким названием, но когда приходит час, истинный моряк обязательно отыщет свою Тихую Гавань.

Во всяком случае, так говорят.

\* \* \*

— Чуть собачья!.. — злобно сказал Динго, прислушиваясь к бормотанию старого пьяницы за соседним столом. Старик уже битый час разговаривал сам с собой, рассказывая какую-то бесконечную историю о легендарном моряцком рае под названием Тихая Гавань. Потом Динго залпом допил пиво и с грохотом опустил кружку на край столешницы. Тотчас один из пробежавших мимо официантов притормозил у нашего столика, чтобы плеснуть в кружку очередную порцию пива. На кружке образовалась внушительная пенная шапка. Официант небрежно ткнул пальцем клавишу висевшего у него на поясе кассового счетчика и умчался. Динго с негодованием посмотрел ему вслед и, сдув пену, заглянул в кружку. Пива в ней оказалось чуть больше половины.

— Они делают это специально! — проворчал он.

— Вот как... — Я вложил в эту фразу столько сарказма, что Динго даже в своем теперешнем состоянии не мог его не заметить. — Какая поразительная пронизательность! Скажи, ты давно об этом догадался?

— Ступайте к дьяволу, старший помощник Килкэннон... сэр... — огрызнулся Динго. — Они нас надувают, вот что они делают!

— То же самое происходит в каждом портовом кабаке — отсюда и до Матери-Земли.

Динго залпом осушил кружку, рыгнул и почти мгновенно получил еще одну такую же «уменьшенную» порцию пива.

— Об этом я и говорю, — сказал он мрачно. — К нам тут относятся как... Хотел бы я знать, почему эти паршивые официантки так уверены, что им это сойдет с рук?

— Их убедил в этом опыт общения с тупыми матросами.

— Пошел к черту, Килкэннон! Что ты злишься попусту? Невелика беда. Выпей еще пива — пройдет... — Динго откинулся на спинку стула и ухмыльнулся: — Мне, к примеру, пиво всегда помогает.

Я пристально посмотрел на него. Динго действительно выглядел так, словно у него нет никаких тревог и забот. Он обогнал меня уже на полдюжины кружек, и выпитое наконец-то подействовало: Динго сидел, грузно развалившись на колченогом обшарпанном стуле, и тарасил на меня осоловелые глаза. Ни в какую Тихую Гавань он, конечно, не верил — она была ему просто не нужна. Свою Гавань Динго без труда отыскивал в каждом портовом кабаке, в каждой таверне, покуда в кармане бренчали монеты и покуда он мог быть уверен, что я как-нибудь дотащу его до корабля.

— Не забудь, завтра утром мы отчаливаем.

— Хотел бы забыть, да не могу... Почему, ты думаешь, мне так хочется напиться?.. — Динго уставился на кружку, словно никак не мог понять, осталось там еще что-нибудь или нет.

— Мне нужно, чтобы завтра ты был в форме. У нас на борту трое новичков.

— Интересно, как тебе удалось их нанять? Небось наврал им с три короба насчет порта назначения?

— Не без этого...

Динго захохотал. Его бока буквально ходуном ходили, а рот разъехался чуть не до ушей. Наконец он перевел дух и, наклонившись вперед, проговорил почти спокойно:

— Они убьют тебя, Килкэннон, если узнают... Убьют — это как пить дать!

— Я подумаю об этом, когда придет время.

— Подумай, подумай... — Динго снова поднес к губам кружку. Он держал ее почти вертикально вверх дном, чтобы не потерять ни единой капли напитка. Потом Динго снова опустил кружку на стол, но прежде чем официант успел снова наполнить ее, я накрыл кружку ладонью.

— Эй, я еще не закончил! — возмутился Динго.

— Нет, закончил.

— Отвали, Килкэннон! Ты не моя долбаная мамочка и не капитан, и будь я проклят, если позволю тебе командовать. Я сам знаю, сколько мне пить и когда. А если ты будешь лезть в мои дела...

— Буду, Динго, буду.

— В таком случае я увольняюсь! — Он с трудом поднялся и сжал кулаки.

Я остался сидеть, спокойно глядя на него снизу вверх.

— Ну, что же ты не возражаешь, а? Я же вижу — ты против. Вставай, Килкэннон! Черт тебя возьми — вставай! Давай решим этот вопрос как мужчины. Только имей в виду: когда я с тобой закончу, те молекулы, которые от тебя останутся, нельзя будет даже отправить в утилизатор!

— Хорошо, мы обязательно поговорим с тобой по-мужски, только потом. — Я тоже поднялся, намеренно держа руки вдоль тела, чтобы не заводить Динго еще больше. — А теперь пошли на корабль.

— Ты разве не слышал? Я увольняюсь! И в этот рейс я с вами не пойду. Не хочу и не пойду! Только не туда!

— О'кей, Динго, как скажешь.

Прошла почти секунда, прежде чем мои слова дошли до его затуманенного алкогольными парами сознания. Потом руки Динго сами собой опустились, и он с пьяным недоумением уставился на меня.

— О'кей?! Ты сказал — о'кей?..

— Ну да, — отвечал я как можно добродушнее. — Я согласен. Только тебе все равно нужно зайти на корабль за вещами. Они могут тебе понадобиться.

Динго улыбнулся широкой пьяной улыбкой. На ногах он держался нетвердо, и ему пришлось схватиться за спинку стула, чтобы не упасть.

— Вот это по-товарищески, Килкэннон, черт тебя побери! Знаешь, я, наверное, был не прав насчет тебя. Точно не прав...

— Ладно, ладно, идем... — Я бросил на столик кредитный чип и, взяв Динго под локоть, вывел из бара, прекрасно зная, что самое трудное впереди. На обратном пути к кораблю нас подстерегало множество опасностей, и я прилагал все усилия, чтобы избежать шумных матросских компаний, с которыми Динго мог затеять ссору или наоборот — братание, сопровождаемое пьяными объятиями и новой выпивкой. Искусственное гравитационное поле орбитального космопорта не отличалось стабильностью (обычная беда внепланетных портов, в особенности швартовочных зон третьего, самого дешевого, разряда), и тогда меня начинало штормить не хуже, чем Динго. Наконец возле каждой забегаловки нас подстерегали мужчины и женщины, выглядевшие

при здешнем тусклом освещении достаточно юными, доступными и дешевыми. Все они приветливо махали нам руками, предлагая посетить то или иное заведение, где — как я достоверно знал — им платили за каждого клиента определенную сумму. К счастью, Динго уже ни на что не реагировал, и я не обращал на крики зывал никакого внимания.

Документы у нас были в порядке, поэтому, несмотря на плачевное состояние Динго, мы без проблем попали на причал, а оттуда — на корабль. У дверей своей каюты наш третий помощник немного пришел в себя и, раскачиваясь так, словно корабль шел по бурным волнам настоящего, водного, океана, спросил заплетающимся языком:

— Ты п-правда не шутишь, Кликле... Килкэннон?..

— Нет. Я говорил совершенно серьезно.

— Тогда я пойду соберу свой чемоданчик...

— Валяй. — Я жестом пригласил его войти. Динго еще раз ухмыльнулся и, едва не упав, ввалился в собственную каюту. Выждав, пока он дойдет до своей койки, я включил закрывающее устройство и ввел капитанский мастер-код, блокирующий замок. Динго повернулся на шум, но входная дверь уже захлопнулась. На мгновение наступила тишина, потом из каюты донесся гневный вопль, несколько приглушенный переборкой. Секунду спустя последовал тупой удар — и снова все стихло. Похоже, бросившись сломя голову на дверь, Динго сам себя нокаутировал. Открывать его каюту до старта я не собирался, поэтому мне оставалось только надеяться, что он ничего себе не сломал.

— Увидимся утром, третий помощник Динго, — пробормотал я.

Потом я отправился к себе. Шагая по коридору, я даже при скудном дежурном освещении без труда различал разводы плесени на потолке. Наша «Леди-Будьте-Добры» давно нуждалась в полном обеззараживании и тщательной дезинфекции. Это, впрочем, было далеко не единственное, в чем она остро нуждалась. Существовало множество других, более важных проблем, но рассчитывать, что в обозримом будущем их удастся решить, не приходилось. Оставалось только терпеть и надеяться на удачу.

\* \* \*

Женщина (портовый инспектор), которая поднималась по трапу, чтобы дать нам разрешение на вылет, опоздала на полчаса. К счастью, Динго еще не очнулся и не начал рваться на свободу, а никто из трех наших новых матросов еще не знал, что «Леди-Будьте-Добры» отправляется вовсе не в тот порт, название которого записано в их контрактах, но совсем в другое место. Тем не менее я ждал неприятностей — и не ошибся.

Входной шлюз сразу не понравился инспекторше. Она окинула его критическим взглядом и брезгливо поджала губы, но промолчала. Я знал, впрочем, что из-за шлюза она задержать наш вылет не решится. Быть может, он и выглядел так, словно в нем разорвалась граната, но был совершенно исправен — я сам следил за тем, чтобы механизм работал как надо, а прокладки оставались герметичными.

Вооружившись ведомостью технического контроля, инспекторша задала первый вопрос:

— Вы сообщили, — сказала она, — что наняли новых матросов, чтобы количество членов экипажа вашего судна соответствовало разрешенному минимуму. Это действительно так?

— Совершенно верно. — Я знал, что лебезить и унижаться перед инспекторами не следует, иначе эти «слуги общества» начнут просто вытирать о тебя ноги. Но и хамить им в открытую умный человек тоже не стал бы.

— Если хотите убедиться, что эти люди действительно на борту, проверьте записи регистратора на входном шлюзе, — добавил я.

— Существуют способы подделать записи.

— Может быть, но мне они неизвестны.

— Допустим... А сейчас я хотела бы видеть... — Дама выбрала из списка первую попавшуюся фамилию: космонавта первого класса Каниду. Лично.

— О'кей. — По чистой случайности инспекторша назвала одного из новичков, но я все еще боялся, что ей захочется повидать Динго. Я не сомневался, что после того, как «Леди-Будьте-Добры» стартует, наш третий помощник смирится с неизбежностью и начнет выполнять свои обязанности. В конце концов, для этого ему требовалось только проспать. Но я боялся, что, если я выпущу Динго сейчас, он будет еще слишком зол и может выкинуть какой-нибудь фортель.

Каниду явилась на вызов достаточно быстро. Невысокая, полная, она вежливо кивнула инспекторше и предъявила засаленную матросскую книжку: из записей следовало, что она обладает достаточной квалификацией для службы на торговом судне. Наконец проверяющая отпустила Каниду и снова повернулась ко мне.

— А теперь я должна ознакомиться с вашей грузовой декларацией.

— Разумеется. — Я показал, как подключиться к бортовому компьютеру, и суровая дама занялась проверкой груза. Глядя, как она тычет пальцами в клавиши, я подумал, что хороший инспектор вряд ли удовлетворился бы дистанционным контролем. Вместо этого он вышел бы на причал, осмотрел закрепленные снаружи на обшивке грузовые контейнеры и, может быть, даже приказал вскрыть несколько люков,



дабы своими глазами убедиться, что содержимое контейнеров соответствует декларации. Но хорошие инспекторы редко работали в уик-энд, да еще в первую утреннюю смену, к тому же обычно их не интересовали мелкие грузовозы вроде нашей «Леди», поэтому я был почти уверен: все обойдется. Перед рейсом меня заверили: ревизор не заметит, что наша грузовая декларация — поддельная, и все же сейчас я мысленно скрестил пальцы и помолился богам, чтобы те, кто готовил для нас документы, не ошиблись.

Они не ошиблись. Инспекторша закончила проверку груза и перешла к следующим пунктам ведомости технического контроля, упирая главным образом на состояние нашего оборудования.

— Профилактику двигателей давно делали?.. — спросила она, нахмурившись.

— В пределах установленных сроков, мадам.

— Быть может, с формальной точки зрения вы правы, но... — Она снова покосилась на входной шлюз: — Насколько хорошо работает привод люка?

Любому мало-мальски технически подкованному человеку с первого взгляда было ясно, что наш привод вряд ли способен пройти самые простенькие аттестационные испытания, но я все же ответил:

— Нормально работает, а что?

— Может быть, мне все-таки сто́ит в этом убедиться?

«*Может быть, мне сто́ит...*» Я хорошо понимал, что означает такое построение фразы.

— Пожалуйста, только... Я как раз вспомнил об одной важной вещи. Не будете ли вы так добры подождать пару минут?..

Строгая дама посмотрела на часы и кивнула. Вид у нее был крайне недовольный, поэтому я не стал зря тратить время и почти бегом отправился к себе в каюту. Сунув руку в нижний ящик рабочего стола, я достал оттуда тщательно упакованную бутылку и поспешил обратно.

— Я хотел передать эту вещь одному своему товарищу в порту, но закурился и забыл... Быть может, вы не откажетесь передать ему этот небольшой сувенир?

— Не знаю, не знаю... — Инспекторша развернула бутылку и уставилась на этикетку. Поначалу мне показалось, что она готова отвергнуть подарок, но постепенно лицо ее разгладилось.

— Это... с Матери-Земли? — спросила она.

— Да, с Земли.

Земля находилась невероятно далеко от космопорта Мандалай, вращавшегося по орбите вокруг планеты с тем же названием, которая,

в свою очередь, входила в систему звезды, известной большинству людей под именем Ганеша. Должно быть, именно огромное расстояние, отделявшее Мандалай от планеты-прародительницы, и придавало любой попавшей сюда с Земли вещи особую ценность. Это относилось даже к самому отвратному пойлу, а в бутылке, которую держала в руках проверяющая, плескалось отнюдь не пойло.

— Это вино с Мартиники, — уточнил я на всякий случай. — Так называется остров в одном из земных океанов. Насколько мне известно, это очень неплохой ром. Вы обязательно должны попробовать его... при случае.

— Может быть, и попробую. Этот ваш приятель в порту... Наверное, не самый близкий друг, если вы не передаете ему ничего, кроме бутылки.

Я пожал плечами и жестом указал на входной шлюз.

— К сожалению, в настоящий момент мы несколько стеснены в средствах и... В общем, это все, что я мог себе позволить.

— О'кей, я передам подарок вашему приятелю, только пусть он сам меня найдет — мне недосуг разыскивать его по всем службам. — Обеспечив себе алиби на случай, если где-то поблизости спрятано записывающее устройство, и заодно выяснив, способны ли мы на более щедрый подарок, инспекторша ничтоже сумняшеся опустила бутылку в карман. — Можете стартовать, только имейте в виду: я пометила для себя, что ваш входной шлюз может быть не в порядке. Кроме того, если в следующий раз вы попадете в наш порт, не имея на руках документа о профилактике двигателя, можете рассчитывать на полномасштабную проверку всех бортовых систем. Вам ясно?

— Вполне.

Она усмехнулась словам, которые, как мы оба прекрасно понимали, были ложью, и направилась к выходу, любовно похлопывая себя по карману, где исчезла моя бутылка. Я проводил даму взглядом. Проклятье!.. Ром я приберегал для какого-нибудь особенного случая, но, как и в предыдущий раз, чрезвычайные обстоятельства вынудили меня использовать последний резерв.

Когда инспекторша вышла, я проверил данные регистратора входного устройства, чтобы убедиться, что вся команда на борту, потом задраил люк.

— Матросы Каниду, Джанго и Сири, немедленно прибыть в столовую, — скомандовал я в интерком.

За двумя столами, стоявшими в углу кают-компании и гордо именовавшимися «столовой», свободных мест хватало с избытком, даже несмотря на то, что настало время завтрака. И дело было не в том,

что Динго все еще отсыпался в своей каюте. Нам не хватало средств оплачивать все вакансии, предусмотренные штатным расписанием. Мы, впрочем, и не пытались. Для нас составляло проблему набрать хотя бы минимальный штат, поскольку далеко не каждый матрос соглашался служить на таком старом и маленьком корабле, как наша «Леди».

Каниду я сразу прикомандировал к инженерной секции и направил к старшему инженеру Лили Вокс, сидевшей за соседним столиком. Краем глаза я видел, как Вокс кивнула, когда Каниду представилась согласно установленному порядку.

Джанго был высоким, тощим парнем, на губах которого играла просительная улыбка. Завербовать его оказалось на удивление легко, и сейчас я снова спросил себя: от чего он прячется или от кого бежит. Впрочем, по большому счету, меня это почти не занимало. Джанго, решил я, будет работать в грузовой секции.

Третьим новичком была Сири — болезненно худая, с серой кожей, дрожащими руками и губами. Весь ее облик выдавал наркоманку, подсевшую на «звездную пыльцу». Понятно, что Сири не взяли ни на одно судно. Я не сомневался: вскоре после старта у нее начнется жесточайшая ломка. Перспектива, конечно, не из приятных, но, с другой стороны, худшее, что она могла сделать, это умереть. Пока же этого не произошло, я поручил Сири работу с бортовыми системами, поскольку когда-то давно она получила квалификацию техника-программиста второго класса.

Покончив с этой работой, я подошел к Лили.

— Ну как, к старту все готово?

Старший инженер Вокс кивнула. Она вообще не отличалась многословием.

— У тебя есть какие-то замечания или, может быть, пожелания? Что мне доложить капитану?

Прежде чем ответить, Вокс задумчиво поковыряла в зубах.

— Нужен ремонт, — коротко сказала она.

— Я знаю, что «Леди» нужен ремонт. И как только я буду в состоянии...

— Капитальный ремонт. В доке.

Я только кивнул. Я и сам знал, что «Леди-Будьте-Добры» давно пора ставить в сухой док для переоборудования и капитального ремонта всех систем. Но в служебные обязанности старшего инженера Вокс входило напомнить мне об этом — вот она и напомнила, хотя отлично понимала: на данном этапе ни я, ни капитан не можем ничего предпринять.

Так ничего и не прибавив, я задумался, где подешевле отремонтировать двигателя «Леди». Теоретически, существовала возможность, что персонал какой-нибудь крохотной ремонтной станции, затерянной в пространстве, вдалеке от оживленных космических трасс, согласится перебраться наши движки за символическое вознаграждение — просто для того, чтобы не утратить квалификацию. При всей своей призрачности, шанс был достаточно реальным — вот только где найти такую станцию? И все же я решил попробовать.

Капитан Джейн Уэскинд сидела за столом в своем полутемном кабинете. Сегодня она оделась сама, но вид у нее был не самый цветущий. По правде говоря, выглядела она скверно. Хуже, чем обычно.

— Разрешение на вылет получено, — доложил я, останавливаясь перед столом так, чтобы попасть в поле ее зрения, и прикладывая два пальца к виску.

Несколько мгновений прошло в томительном молчании. Лицо Джейн менялось, принимая то одно, то другое выражение. Наконец ее губы раздвинулись в неуверенной улыбке.

— Были какие-нибудь проблемы? — Она всегда задавала этот единственный вопрос. Увы, решить проблемы, возникшие перед инженерной секцией, Джейн все равно не могла, а о том, что «Леди-Будьте-Добры» давно пора вставать на капитальный ремонт, я ей уже докладывал. Поэтому я ответил:

— Никаких.

— Отличная работа, старший помощник Килкэннон. — Капитан слегка понизила голос, словно собиралась сообщить мне некий секрет: — «Леди» нуждается в ремонте, я знаю... — Последовала долгая пауза. — Один удачный рейс — вот все, что нам нужно. Нынешний рейс должен принести прибыль. Один хороший рейс... — Она снова помолчала. — Верно, Килкэннон?

— Верно, капитан. — Эти слова я тоже слышал от нее не раз. Один удачный рейс... Разумеется, этого было недостаточно, но прибылью от одного удачного рейса могла дать нам стартовый капитал, чтобы самим закупить груз и доставить туда, где за него больше заплатят. Это был шанс выбраться из нынешней финансовой пропасти, но шанс весьма призрачный. Возможно, Динго действительно думал, что Тихая Гавань находится совсем близко — за дверями соседнего бара. Капитана Уэскинд отделял от Тихой Гавани только один удачный рейс. Порой мне казалось, что этот самый рейс нам так никогда и не удастся совершить. Не исключено, впрочем, что я ошибался. Во всяком случае, рейс, в который мы отправлялись сегодня, сулил выгоду. Правда, он был сопряжен с некоторым риском, но все же... Вот почему я улыб-

нулся и кивнул в ответ на слова капитана. Но не только поэтому. Джейн была *необходима* вера в долгожданную удачу — вера ее собственная и моя.

— Вы будете на мостике во время старта, капитан?

Лицо Джейн Уэскинд снова отразило целую гамму чувств.

— Я... У меня есть другая работа, старший помощник Килкэннон. Я кивнул.

— Понимаю, капитан. Тогда, с вашего позволения, я сам выведу корабль из порта.

— Буду признательна, старший помощник Килкэннон.

Я снова козырнул и вышел. Оказавшись в коридоре, я убедился, что открывающее устройство люка запрограммировано как надо и что я получу соответствующий сигнал, если капитан Уэскинд вдруг покинет свою каюту. Правда, в последнее время это случалось все реже, но я тем не менее хотел быть рядом на случай, если Джейн понадобится моя помощь.

Процедура выхода из космического порта была сложной и скучной одновременно. В любой момент с «Леди» могло что-то случиться. Неправильно рассчитанный вектор хода, сбой в древней системе управления или неверная интерпретация команды диспетчерского пункта могли привести к столкновению с другим кораблем или объектом. «Леди-Будьте-Добры» была, конечно, не самым маленьким «грузовиком», бороздившим космическое пространство, но и не самым большим. Таким образом, шанс, что в случае столкновения пострадает именно она, приходилось учитывать.

И вместе с тем все это было до отвращения скучным: развороты и маневры были стандартными, мы проделывали их уже сотни раз. Рутинная оставалась рутинной на любой, даже самой экзотической планете.

Наконец мы покинули пределы космопорта и двинулись по разгонному коридору, оставляя позади планеты, астероиды и кометы. Чтобы начать прыжок, требовалось покинуть гравитационное поле Ганеши — звезды, вокруг которой вращался Мандалай. Тем, кто привык к пустым и темным пространствам открытого космоса, планетные системы — в особенности их внутренние сектора — кажутся перенаселенными и тесными. Колонии землян существовали теперь в системах почти сотни солнц, удаленных друг от друга на довольно значительные расстояния, и, путешествуя между ними на протяжении почти полутора десятков лет, я не переставал удивляться мысли о том, что «Леди-Будьте-Добры» способна доставить меня к любой звезде, на любую планету. Во всяком случае — теоретически. На практике же мы могли отправиться только туда, куда предписывал опла-

ченный контракт. Так что поэты на Матери-Земле напрасно воспевают «свободу межзвездных странствий». Не так уж они свободны, эти космические дороги!..

Вблизи порта разгонные коридоры пролегали недалеко от тормозных маршрутов, и я мог наблюдать за кораблями, идущими на посадку к Мандалаю. «Сол транспорт», «Вестрал шиппинг», «Объединенные Системы», «Большая Спираль»... Корабли, принадлежащие этим компаниям-гигантам, сверкали и переливались на наших экранах, словно крупные бриллианты. Судя по информации, появлявшейся в углу экрана, все их системы пребывали в идеальном порядке, и я ощутил приступ праведного гнева. Ничтожной части средств, которые крупные компании тратили только на полировку корпусов, хватило бы мне, чтобы привести старушку «Леди-Будьте-Добры» в божеский вид. Но я знал, что этих денег мне не видать как своих ушей. Компании не интересовала такая жалкая посуда, как «Леди». Порты, куда она заходила, зачастую тоже не устаивались визитов больших кораблей. И грузами, которые перевозила «Леди», компании пренебрегали как ничего не стоящей мелочью. Вот почему, глядя на корабли-гиганты, я завидовал их капитанам черной завистью.

Быть может, кто-то из них наблюдал сейчас за тем, как движется по разгонному коридору старая, потрепанная «Леди». Представить, что думают о ней капитаны больших судов, мне не составляло никакого труда. Поэтому, призвав на головы этих надутых индюков гнев всех богов, я отправился выпускать Динго из каюты.

\* \* \*

Чувствуя на себе мрачный взгляд Динго, я во второй раз проверял программу прыжка. Внушительная шишка на лбу придавала лицу третьего помощника непередаваемое выражение. Несомненно, Динго все еще злился на меня за то, что я обманул его накануне вечером. Впрочем, свою работу он выполнил, как всегда, безукоризненно: в расчетах не обнаружилось ни одной ошибки, ни одной лишней детали. Короткий прыжок до Уэйфера, потом бросок на среднюю дистанцию до Карнавона — редко посещаемой звезды, где местным властям и в голову не придет задавать лишние вопросы, и наконец последний, самый продолжительный прыжок до Фейгина. Подобный кружной путь был хорош тем, что пролегал очень далеко от регулярных трасс космических сообщений, ведущих к этой планетной системе.

- Что ж, выглядит неплохо, — проговорил я наконец.
- Можно подумать, я знаю свою работу хуже, чем ты, Килкэннон.
- Все равно по правилам космической навигации капитан или

старший помощник обязаны проверять расчет прыжка. И тебе это известно так же хорошо, как и мне.

— О, мне много чего известно, Килкэннон. Например, я знаю... Кстати, ты сообщил новичкам, куда мы идем на самом деле?

— Нет, — коротко ответил я, и Джанго, который как раз зашел на мостик, чтобы забрать схему распределения груза, покосился в мою сторону с плохо скрываемой тревогой.

Динго презрительно ухмыльнулся.

— Ну а куда мы идем по их мнению?..

Я не ответил, поэтому Динго повернулся к Джанго, который нервно сглотнул.

— На Полдер, — проговорил новичок неожиданно осипшим голосом. — Мы идем на Полдер, ведь так?..

— На Полдер? Ха!.. Мы идем на Фейгин, парень.

— На Фейгин?.. — Джанго побледнел. — Но ведь там... война!

— Да, война. Гражданская война. Брат идет на брата, сын на отца и все такое... Превосходная штука — эти гражданские войны. Они способны обогатить каждого, кто, рискуя нарваться на каперские суда, доставляет грузы сражающимся сторонам.

Рано или поздно команда, конечно, узнала бы истинный пункт назначения, и все же я был не особенно доволен тем, что Динго разболтал наш секрет именно сейчас — за много дней до того, как мы успели отойти достаточно далеко от системы Мандалая и совершить прыжок к Уэйферу.

— Заткнись! — процедил я.

Динго оскалился в ответ.

— Интересно, что ты будешь делать, если я не заткнусь, Килкэннон? Разжалуешь в матросы и пошлешь меня на старом корыте, которому давно пора на свалку, к звезде, где идет гражданская война? Ну и напугал!.. Аж поджилки трясутся.

Джанго покачал головой.

— Уговор был идти на Полдер, — сказал он дрогнувшим голосом. — У меня так и в контракте записано.

Я тоже покачал головой.

— В твоём контракте есть пункт о форс-мажорных обстоятельствах, согласно которому капитан корабля имеет право в случае необходимости изменить маршрут следования. И ты должен радоваться, ведь этот пункт снимает с тебя всю ответственность. С тебя и с других членов экипажа, которые подрадились идти с нами на Полдер. Ну, понял?

Динго снова рассмеялся. Лицо новичка слегка разгладилось. Мне,

впрочем, было плевать на эмоции матроса. У меня хватало своих проблем.

\* \* \*

Столько кораблей! Проклятье, и откуда они берутся?! Я снова включил передатчик:

— Диспетчерская, говорит «Леди-Будьте-Добры». Ждем разрешения покинуть систему Уэйфера. Долго нам еще здесь болтаться?

Закончив передачу, я откинулся на спинку кресла и стал ждать. Рядом со мной, у вспомогательного экрана сидела Сири. Ее трясло, взгляд то фокусировался в одной точке, то устремлялся в пространство. Отказ от «звездной пыли» еще никому не проходил даром, и смотреть, как ломает девицу, было не слишком приятно. Никто на борту «Леди» ничем не мог ей помочь, поэтому нам оставалось только ждать, чем все закончится. Сири могла либо излечиться от наркомании, либо загнуться от абстинентного синдрома. Впрочем, пока ей худо-бедно удавалось исполнять мои приказания, а это было единственное, что от нее требовалось.

Из динамиков доносилась маловразумительная звуковая каша — это другие корабли радиовали уэйферской диспетчерской и друг другу. Судя по всему, диспетчерская едва успевала разводить прибывающие и стартующие корабли. Уэйфер был одним из самых оживленных портов, и я никак не мог понять, почему власти не модернизируют свой центр управления полетами. Из-за этого «Леди-Будьте-Добры» уже несколько дней дрейфовала у самой границы планетной системы, ожидая разрешения совершить прыжок к Карнавону. Впрочем, была в этом и хорошая сторона. С Уэйфера к Карнавону обычно никто не ходил, но я знал, что диспетчеры в любом случае будут слишком заняты, чтобы заинтересоваться нами и нашим маршрутом. Во всяком случае, они не станут задавать нам неудобных вопросов, думал я.

И я был прав.

— «Леди-Будьте-Добры», говорит диспетчерская. Разрешаю покинуть систему! — прохрипел динамик, и я сразу же ввел программу прыжка. Теперь можно было вздохнуть свободно — на корабль, готовый покинуть планетную систему, никто, как правило, не обращал ни малейшего внимания.

Сири продолжала дрожать, как в ознобе. По лицу ее стекали струйки пота, зубы стучали, руки ходили ходуном. На девчонку было жалко смотреть, и я достал из кармана небольшой пакетик и бросил ей на колени.

— На, возьми. Принимай каждый час по одной таблетке.



Сири с трудом поймала пакетик и в недоумении уставилась на него.

— Один мой приятель тоже решил завязать с «пыльцой», — пояснил я. — Он говорил, эта штука ему здорово помогла.

Сири кивнула и вскрыла пакет. Я отвернулся и с головой ушел в изучение своего контрольного экрана. На корме, на мгновение потеряв синхронизацию, угрожающе взвыл один из маршевых двигателей. Разболтанный корпус отозвался мелкой вибрацией, и я почувствовал, как от страха у меня засосало под ложечкой. В следующий момент мостик вызвала по внутренней связи Лили Вокс.

— Плохо дело, — лаконично сообщила она.

— Двигатели работают?

— Пока да.

— Сколько они еще продержатся?

— Не знаю. Как повезет.

— Ты уж постарайся, чтобы повезло, ладно? И предупреди меня, когда будет совсем плохо.

— Уже предупредила.

\* \* \*

Карнавон казался маленьким и тусклым. Настолько тусклым, насколько вообще может быть тусклой звезда. На обзорных экранах не горела ни одна сигнальная метка, а это означало, что мы здесь совершенно одни. Одни в уединенном и пустынном уголке космоса, где маленькому грузовому кораблю очень легко избежать ненужных распросов.

Но для того, чтобы финишировать на Фейгине под нужным углом, нам требовалось пройти сквозь плоскость планетной системы Карнавона, и не просто пройти, а удалиться от нее на довольно солидное расстояние. При любых обстоятельствах это была лишняя головная боль, да и времени на этот маневр ушло бы порядочно.

— Эй, Килкэннон!

— Что тебе, Динго?

— Поднимись-ка на мостик. Мне нужно с тобой поговорить.

Должно быть, случилось что-то не слишком приятное, если Динго не решился обсудить возникшую проблему по внутренней связи. Впрочем, когда я вошел в рубку управления, третий помощник не выглядел ни встревоженным, ни даже особенно обеспокоенным. Указывая пальцем на главный обзорный экран, он спросил:

— Как ты считаешь, Килкэннон, что это такое?

Я пристально посмотрел на плывущее в центре экрана изображение, потом прочел выведенную в углу информацию и нахмурился.

— А ты как считаешь?

— Я первый спросил. — Динго презрительно улыбнулся. — Не знаешь, да?.. Эй, салага, сколько лет ты уже ходишь в космосе?

— Достаточно, — отрезал я и, нахмурившись, снова уставился в экран. — Это похоже на... на покинутый корабль.

— Неплохо, старпом, неплохо! — Динго ухмыльнулся, но его улыбка сразу погасла. — Это действительно корабль, только не покинутый. Там есть живые. *Пока* есть... — Он постучал обломанным ногтем по каким-то цифрам на экране. — Наши приборы показывают наличие теплового излучения. Правда, источник очень слабый, но все же... Кроме того, из трещин понемногу выходит воздух. Значит, внутри, в некоторых отсеках еще сохраняется атмосфера.

— О, боги! Ты действительно думаешь, что там могут быть живые люди?

— Я бы сказал — это не исключено.

Я ненадолго задумался. Любой разбитый, брошенный корабль являлся для нас потенциальным источником столь необходимых старушке «Леди» запасных частей. С другой стороны, добыча могла оказаться не столь значительной, чтобы ради нее отклоняться от курса. Большинство потерпевших крушение судов, встречавшихся нам, представляли собой одни корпуса, с которых еще до нас сняли все, что только можно было снять. Но если часть экипажа уцелела, укрылась где-то в трюме или в специальном отсеке жизнеобеспечения...

— Хотел бы я знать, почему они не включили аварийный маяк? — пробормотал я в задумчивости.

— Маяка нет, — подтвердил Динго. — И это обстоятельство может подсказать нам, что же на самом деле произошло с этим корытом, не так ли?

Я быстро наклонился к экрану, чтобы еще раз осмотреть окрестности, и Динго, внимательно за мной наблюдавший, насмешливо улыбнулся.

— Я уже проверил... Правда, приборы у нашей старушки не ахти какие чувствительные, но все же я на девяносто девять процентов уверен: в настоящий момент в непосредственной близости от этой планетной системы нет ни одного чужого корабля с работающим двигателем. Это означает, что пираты или каперы либо сидят в засаде с заглушенным двигателем, либо давно ушли куда-то в другое место.

Я нахмурился.

— Чтобы добраться до этой развалины, нам придется серьезно отклониться от курса.

— Угу.

— С другой стороны, если пираты приготовили здесь ловушку, они наверняка включили бы и аварийный маяк, не так ли?

— Пожалуй.

— Что касается людей на борту, то они, скорее всего, уже погибли...

— Возможно.

— Но если когда-нибудь станет известно, что мы не оказали помощь терпящему бедствие судну, у нас отберут и лицензию, и саму «Леди».

— Это точно. Я только не понимаю, Килкэннон: если все на этом судне погибли, как они смогут на нас настучать?

— Хватит болтать, Динго. Нам нужно подойти к этому кораблю как можно ближе, так что начинай торможение, а я пока схожу к капитану, доложу обстановку.

— Действуй, Килкэннон. Обо мне можешь не беспокоиться.

\* \* \*

Корабль оказался очень большим. Когда «Леди» подошла к нему достаточно близко, мы сумели прочесть название на борту. Это был «Канопус» — один из суперконтейнеровозов «Вестрал шиппинг», однако он больше не сверкал и не поражал своим величественным внешним видом. Кто-то надавал «Канопусу» хороших пинков в зад, отчего его корма раскололась и сплющилась, потеряв всякую форму.

— По двигателям били, — заметила инженер Вокс, указывая на экран. Действительно, нападавшие намеренно сосредоточили огонь тяжелой артиллерии на ходовой части судна, чтобы увеличить наносимый снарядами ущерб за счет неуправляемой мощи разбитого рейсового двигателя.

Я вздохнул. Слабая надежда найти живых на разбитом корабле почти исчезла.

— Каковы шансы, что какое-то инженерное оборудование уцелело и может быть использовано?

— Никаких.

Я подвел «Леди» поближе к пострадавшему кораблю. Наши датчики по-прежнему показывали присутствие теплового излучения и истекающего из недр корабля воздуха. Не исключено, что убежище, сооруженное экипажем, все еще существует. Другое дело, остался ли в нем кто-то живой...

— Динго, возьми трех матросов и отправляйся туда на спасательной шлюпке.

— А ты сам почему не пойдешь?

Я смерил третьего помощника ледяным взглядом.

— Я должен оставаться на корабле и держать капитана в курсе событий.

— Ах да, конечно, забыл... И все-таки дойди со мной хотя бы до спасательной шлюпки — мне это будет приятно...

Я сразу понял, что Динго собирается сказать мне что-то, не предназначенное для чужих ушей, поэтому послушно пошел за ним. В коридоре Динго остановился и, повернувшись ко мне, произнес:

— Послушай, Килкэннон, эти бедняги на «Канопусе» *могут* быть живы, но, скорее всего, они находятся в критическом состоянии, и ни ты, ни я ничего не сможем для них сделать.

Я притворился, будто изучаю данные на мониторе, контролирующем состояние нашей спасательной шлюпки, которая была такой же древней и разболтанной, как и сама «Леди-Будьте-Добры».

— И что? — спросил я после небольшой паузы.

— Стоит ли тащить их сюда и оказывать первую помощь только затем, чтобы они поняли: их дела настолько плохи, что никому из них не выжить?

Я глубоко вздохнул, еще немного подумал и сказал твердо:

— Да. Стоит.

Динго пожал плечами.

— Ладно. Ты начальник, я дурак...

— Нет, Динго, умрут они или выживут — это решать богам, а не мне и не тебе. Я, во всяком случае, не собираюсь вмешиваться в дела Провидения. И тебе не советую.

Динго снова ухмыльнулся.

— Боги не любят, когда их сердят, не так ли? А-а, вот и мой экипаж... По местам, ребята, по местам, да не забудьте пристегнуться!

Доложив о происшествии капитану Уэскинд, я вернулся на мостик и стал наблюдать, как спасательная шлюпка, раскачиваясь и вертясь вокруг своей оси, движется к «Канопусу», понемногу уравнивая скорости. Несмотря на то, что Динго трудно было назвать по-настоящему образованным человеком, он был, что называется, «морская косточка». В его руках любая работа спорилась, и даже неуклюжая спасательная шлюпка слушалась его почти безукоризненно.

Многие часы одиноких звездных вахт научили меня терпению, и теперь оно мне понадобилось. Все-таки нет ничего хуже, чем ждать, терзаясь неизвестностью. Я знал, что группа Динго должна была уже начать обследование внутренних помещений разбитого корабля, но наверняка сказать не мог. На «Леди» не имелось ни следящих мониторов, ни специального коротковолнового оборудования для связи с каждым скафандром — мы просто не могли позволить себе подобной

роскоши, да она была нам ни к чему. И вот теперь, глядя на нашу шлюпку, пришвартованную к тусклому, закопченному борту «Канопуса», я мог только ждать. Ждать и надеяться, что все обойдется.

Спасательная операция заняла чуть больше часа. Я увидел, как шлюпка отошла от «Канопуса», и сразу на мостике ожило радио.

— Эй, на «Леди»!.. Докладывает третий помощник Динго.

— Здесь Килкэннон. Я слушаю тебя, Динго.

— Мы их нашли. Шесть человек, все способны передвигаться.

Шесть моряков. Быть может, «Вестрал шиппинг» даже выплатит нам что-то вроде премии за спасение своих людей.

— На борту осталось что-нибудь ценное?

— Нет. Ублюдки, которые подбили «Канопус», здорово здесь похозяйничали. Мы ничего не выиграли, разве что боги и святые запишут на наш счет несколько очков.

— Может быть... — Шлюпка медленно приближалась к «Леди», и я отправился к переходному шлюзу встречать спасенных.

Я был уже на месте, когда они прибыли. Меня, конечно, разбирало любопытство, но я старался его не показывать и держался в точном соответствии с требованиями строгого корабельного протокола. Меньше всего мне хотелось, чтобы кто-то из служащих «Вестрал шиппинг» мог сказать впоследствии, что на «Леди-Будьте-Добры» не знают, как себя вести.

Их действительно оказалось шестеро: двое офицеров, трое матросов и какая-то молодая женщина — почему-то в гражданском платье, а не в фирменном желтом комбинезоне «Вестрал шиппинг». Протянув мне руку, старший офицер сказал:

— Старший помощник капитана Чен. Вы вовремя нас вытащили — мы уже почти отчаялись.

Я пожал протянутую руку и вежливо улыбнулся.

— Рад, что смогли помочь.

Матросы за спиной Чена озирались по сторонам, не скрывая брезгливого удивления. Второй офицер и женщина обладали куда лучшими манерами.

— Третий помощник Константайн, — представил коллегу Чен, и Константайн, слегка наклонив голову, наградил меня благодарной улыбкой. Потом Чен указал на женщину в гражданском, но прежде чем он успел произнести хоть слово, та сама шагнула вперед.

— Мое имя — Хелли Керасайдес. Большое вам спасибо, капитан.

Я покачал головой.

— Я не капитан. Старший помощник Килкэннон к вашим услугам, мисс. Капитан Уэскинд просила ее извинить: в настоящее время она

очень занята и не может приветствовать вас лично. Несколько позднее она, безусловно... — Я почел за благо переменить тему. — Но что с вами случилось?

Старший помощник Чен недобро оскалился.

— Когда мы финишировали после прыжка, нас атаковал пиратский крейсер.

Динго недоверчиво нахмурился. Я тоже, кажется, издал какой-то неопределенный звук.

— Я знаю, насколько невероятным это выглядит, — кивнул Чен. — Но, как мы узнали впоследствии, наш четвертый помощник продал пиратам программу прыжка, поэтому они точно знали, где и когда нам предстоит финишировать. Что и говорить, место было выбрано удачно. Эта планетная система находится так далеко от оживленных космических трасс, что они не сомневались: ни один посторонний корабль не придет к нам на помощь.

— Теперь я понимаю, почему четвертого помощника нет с вами, — медленно проговорил Динго.

Чен снова оскалил зубы.

— Да, пираты забрали предателя с собой. Остальных членов экипажа они тоже увезли, чтобы получить выкуп в компании. Но на всех места не хватило — так, во всяком случае заявили нам пираты, — поэтому нас шестерых оставили на борту «Канопуса». Меня, Константина и матросов пираты бросили здесь за «плохое поведение», как они выразились.

Я подумал, что, с точки зрения пиратов, капитан «Канопуса» тоже, наверное, вел себя не лучшим образом, однако он (или она) все равно оказался в плену, так как за капитана можно было потребовать самый большой выкуп.

Потом я перевел взгляд на Хелли Керасайдес. Ни в ее лице, ни в одежде не было ничего такого, что выдавало бы человека с доходами выше среднего уровня.

— А почему пираты оставили на верную гибель вас? — спросил я. — Может быть, они подумали, что получить за вас хороший выкуп не удастся?

Хелли ответила мне взглядом, в котором нельзя было прочесть ровным счетом ничего.

— Может быть. Мне они ничего не говорили.

Странно, подумал я. Грузовые суда компании обычно не берут случайных пассажиров. Может быть, мисс Керасайдес тоже «плохо себя вела» — проявила строптивость и была в наказание оставлена погибать в разбитом корабле? Ладно, не мое это дело...

Я повернулся к Чену.

— Наш экипаж недоукомплектован, так что свободного места достаточно. Если хотите, можете занять каюту нашего второго помощника.

Чен вежливо кивнул. Вероятно, ему было о чем задуматься, когда он услышал, что «Леди-Будьте-Добры» вышла в космос даже без второго помощника, однако он умел держать свои мысли при себе.

— Спасибо за предложение, но, если вы не возражаете, я бы хотел уступить эту каюту мисс Керасайдес.

Я не возражал. Мне было все равно.

— Как хотите. Динго, отведи гостей в их каюты.

— Сначала мне нужно закрепить спасательную шлюпку, дружище! — беззаботно отозвался третий помощник.

Я медленно сосчитал в уме до пяти, давая Динго возможность прощсть по моему лицу все, что я о нем думаю.

— Ладно, займусь шлюпкой потом, — сказал Динго. — Эй, вы, идите за мной.

Должно быть, Чен что-то сказал своим матросам, поскольку когда я увидел их в следующий раз, все они старательно притворялись, будто не замечают плачевного состояния нашей старушки. Еще Чен предложил, чтобы он и его люди отработали за провоз и стол, пока мы не высадим их в ближайшем порту. Меня это вполне устраивало, поэтому я принял предложение с благодарностью. Хорошо подготовленные матросы — особенно такие, которым не нужно платить — могли нам пригодиться.

Потом я вспомнил еще об одной вещи.

— А как насчет мисс Керасайдес? — спросил я. — Какая у нее специальность?

Чен опустил глаза и повел плечами.

— Вряд ли она может быть вам полезна. Насколько мне известно, она занимает в компании какой-то мелкий пост — что-то вроде младшего администратора.

— Значит, она ничего не умеет?

На этот раз Чен улыбнулся.

— Боюсь, что нет. Кстати, Килкэннон, не обижайтесь, но... Я кое-что понимаю в ходовом оборудовании и хотел вам сказать...

— ...Что наше оборудование давно нуждается в капитальном ремонте? Я это знаю.

— Нет, вы не так поняли. Мне просто хотелось чем-то помочь. Я разговаривал с вашим старшим инженером, но она ничего мне не сказала...

— Да, наша Вокс — дама неразговорчивая, — сказал я. — Так что не тратьте зря время, а просто делайте, что можете, ладно?

\* \* \*

Я как раз завтракал на мостике, когда туда поднялась Хелли Керасайдес. Остановившись на пороге, она огляделась по сторонам, но я успел заметить, что ее взгляд не был ни рассеянным, ни поверхностным, как у человека, который видит судовую аппаратуру впервые в жизни. Несомненно, она кое-что знала о космических кораблях.

— Вы не против, если я присяду? — спросила она.

Я указал на свободное кресло наблюдателя-навигатора.

— Прощу вас.

Она развернула кресло и лукаво улыбнулась, когда старый шарнир протестующе взвизгнул.

— Я хотела еще раз поблагодарить вас... В отсеке, который экипаж оборудовал для жизни, уже невозможно было оставаться. Честно говоря, я готовилась предстать перед богами...

Я кивнул.

— Не стоит благодарности, мисс.

Она села в кресло.

— Скажите, старпом, куда идет ваше судно?

Этого вопроса я ждал. Правда, я думал, что задаст его Чен, но он почему-то не решился этого сделать. Несколько мгновений я раздумывал, сказать ей правду или солгать, но потом мне пришло в голову, что на данном этапе от моего ответа уже ничего не зависит. Поэтому я ответил:

— Мы идем на Фейгин, мисс.

— На Фейгин? — переспросила она, потом нахмурилась и повторила несколько более резким тоном: — Вы сказали — на Фейгин?!

— Да, туда.

— Но ведь там идет война!

— Совершенно верно. Именно поэтому за доставку груза платят особенно щедро.

Несколько секунд она пристально разглядывала меня, потом задала следующий вопрос:

— А почему вы идете на Фейгин через Карнавон?

Значит, младший администратор Керасайдес все-таки что-то знает о межзвездной навигации. Или о том, по каким маршрутам обычно движутся грузовые космические корабли.

— Мы решили использовать другой финиш-вектор, чтобы подойти к системе. — Интересно, что из моего ответа она поняла и догадывается ли она, что такой ответ подразумевает?



Хелли Керасайдес прищурилась.

— То есть вы избрали маршрут, который пролегает вдалеке от обычных звездных трасс?

Да, она многое поняла. Может быть, почти все.

— Нам бы не хотелось столкнуться с пиратами. Вы, вероятно, не знаете, что на Фейгине все три воюющие стороны выдавали каперские свидетельства направо и налево?

— Как я понимаю, встреча с миротворцами в ваши планы тоже не входит. Или я ошибаюсь?

Похоже, она поняла слишком много. Я хмыкнул.

— Нам часто приходится рисковать, мисс, но мы предпочитаем разумный риск. Вы, вероятно, не очень хорошо представляете, с какими проблемами приходится сталкиваться экипажам таких маленьких судов, как наша «Леди». Гигантские компании вроде «Вестрал шиппинг» не заключают с нами контрактов и не поддерживают в случае каких-нибудь затруднений. Мы вынуждены браться за работу, которой пренебрегают крупные перевозчики. А это, в свою очередь, означает, что рисковать нам приходится гораздо чаще, чем хотелось бы.

— В том, чтобы служить на маленьком корабле, нет ничего постыдного или бесчестного, — сказала Хелли, произнеся вслух то, о чем я думал, но не сказал.

— Вы совершенно правы, мисс Керасайдес, — кивнул я. — И я прошу прощения за то, что мы вынуждены везти вас на Фейгин. Обещаю, что как только мы сдадим груз, тут же доставим вас на ближайшую базу миротворцев. Насколько мне известно, их обслуживают именно суда «Вестрал шиппинг», так что с вами и с вашими товарищами все будет в порядке. А пока — потерпите. Нам понадобится еще несколько недель, чтобы пройти сквозь систему Карнавона и совершить прыжок.

— Мы будем вам весьма признательны, старший помощник Кил-кэннон, — сухо сказала Хелли.

Потом она ушла, а я спросил себя, почему она сказала «мы...»? На мгновение мне показалось, что это коротенькое слово прозвучало в ее устах так, словно она отождествляла себя со всей компанией «Вестрал шиппинг», но потом я подумал, что она, наверное, имела в виду только себя и своих пятерых спутников.

\* \* \*

Ровно через неделю после описанного разговора Хелли остановилась на пороге моей каюты и, сложив на груди руки, проговорила:

— Знаете, старший помощник Килкэннон, я только что обнаружила одну любопытную вещь...

Я вздохнул и, слегка откинувшись на спинку стула, посмотрел на нее.

— Какую же?

— Наш старший помощник Чен видел у вас в машинном отделении деталь, очень похожую на те, которые использует наша компания. Это оригинальная разработка «Вестрал шиппинг», так что ошибка невозможна, хотя деталь слегка модифицирована в соответствии с техническими характеристиками ваших систем.

Я притворился, будто обдумываю услышанное.

— Ну и что? — спросил я наконец.

— «Вестрал шиппинг» не продает такие детали, это я знаю точно.

Откуда она у вас?

— От оптового поставщика подержанного оборудования и неликвидных частей, конечно. Он прислал ее нам вместе с полной заводской документацией и сертификатом производителя.

— Ага, понятно... И сколько он с вас содрал?

Я позволил себе нахмуриться.

— Я не помню, нужно будет заглянуть в ведомости...

— Не беспокойтесь, пожалуйста. Я уверена, что эта деталь обошлась вам очень дешево.

Я опустил голову и уставился в стол.

— Раз мы ее купили, значит, могли себе это позволить. Но ведь вместе с деталью мы получили полную документацию и сертификат...

— Вы не идиот, Килкэннон, и я тоже не круглая дура. Эта деталь была украдена!

Я снова посмотрел на нее, стараясь, чтобы мое лицо не выражало никаких эмоций.

— Поставщик представил нам всю необходимую документацию, мисс, — повторил я.

— И вы хотите убедить меня, будто вам даже не пришло в голову, что деталь может оказаться краденой? Это при такой-то смехотворной цене?!

— Я не полицейский, мисс, и не располагаю ни временем, ни средствами, чтобы делать за легавых их работу.

— Порядочный моряк никогда бы не поступил так, как вы! — отрезала она.

— Большинство так называемых порядочных поступков — это роскошь, — парировал я. — Роскошь, которая «Леди» не по карману.

На лице Хелли появилось неприступно-замкнутое выражение. Она

уже повернулась, чтобы уйти, но остановилась и смерила меня взглядом.

— Вы сказали — *большинство* порядочных поступков, — проговорила она. — А как насчет меньшинства?

— В остальных случаях порядочность является необходимостью, — спокойно объяснил я и потер ладонью подбородок. — И мне хорошо это известно. — Я отвернулся и добавил: — Мне хочется надеяться, мисс, что я все еще могу назвать себя честным человеком. И наша «Леди-Будьте-Добры» — честный корабль. Порядочный, если вам угодно... Впрочем, иначе и не может быть, пока нами командует капитан Уэскинд.

— Что ж, придется поверить вам на слово, поскольку я еще не видела вашего капитана.

— Я постараюсь устроить вам встречу, только не знаю, когда это произойдет.

— Заранее спасибо. — Она надолго замолчала, а когда я снова повернулся к входной двери, Хелли Керасайдес уже не было.

\* \* \*

Это случилось за два дня до прыжка. «Леди-Будьте-Добры» вздрогнула, словно наткнувшись на какое-то невидимое препятствие, потом затряслась и начала заваливаться на корму. Я уже бежал на мостик, когда вибрация прекратилась, но я не сомневался: случилось что-то серьезное. Одного взгляда, брошенного на приборы, хватило, чтобы понять, где возникла проблема. Ткнув пальцем в кнопку коммуникатора, я вызвал инженерную секцию.

— Эй, в машинном! Все живы?

— Угу.

— Что случилось?

— Заклинило главный клапан теплообменника. — Это был Чен, который последнее время не вылезал из нашего машинного отделения, пытаюсь вместе с Вокс отреставрировать наиболее изношенные узлы и механизмы.

— Проклятье! — Я прижал кулаки к вискам, пытаюсь что-то придумать. Главный клапан устройства, отводившего от двигателей излишек тепла, вышел из строя, а это означало, что очень скоро двигатели начнут перегреваться. И если мы не успеем отремонтировать клапан до того, как они достигнут критической температуры, нам придется либо остановить двигатели, либо ждать, пока они заглохнут сами. После отключения двигателей — самопроизвольного или по нашей инициативе — неизбежно должны были выключиться и за-

щитные противорадиационные экраны, а это означало, что заряженные высокой энергией космические частицы, которые испускал Карнавон, поджарят нас живьем в течение ближайших десяти минут. А на «Леди», в отличие от «Канопуса», не было противорадиационного аварийного отсека, в котором мы могли бы отсидеться.

— Сколько времени потребуется на ремонт?

— Это вы должны сказать сколько, — отозвался Чен. — Ведь для этого нужно выходить в космос. В каком состоянии ваш робот для наружных работ?

В других обстоятельствах я бы рассмеялся, но сейчас мне было не до смеха.

— Роботы для наружного ремонта есть только на кораблях крупных компаний, — объяснил я. — Такие суда, как «Леди», не могут позволить себе ничего подобного.

Чен ответил не сразу.

— Тогда... тогда вам придется послать кого-то из членов экипажа, — проговорил он наконец. — Это опасно, но другого выхода нет.

— Нет, — согласился я.

— Необходимо, чтобы этот человек знал, где находится главный клапан теплообменника и как его менять. Кроме того, он должен иметь навык работы в космосе. Боюсь, никто из моих матросов не знает вашего оборудования настолько хорошо, и...

— Я и не собирался использовать *ваших* людей, — сказал я, быть может, чуть более резко, чем следовало, поскольку Чен некоторое время молчал. — На «Леди» есть люди, которым эта работа по силам.

Да, подумал я, есть. Правда, их всего двое.

Четверть часа спустя Динго проверил последний клапан скафандра и криво улыбнулся.

— Похоже, в этот раз мне придется полностью отработать свое жалованье, — сказал он.

Я попытался улыбнуться в ответ.

— Ты справишься с этой работой лучше, чем кто бы то ни было, Динго. Лучше и быстрее. Я посоветовался с капитаном, и она сказала, что ты — единственный, кому эта задача по плечу.

— Кто бы сомневался!.. Кстати, как насчет того, чтобы выключить двигатели, пока я буду там, снаружи?

— Ты сам знаешь, что мы не можем этого сделать. Можно только уменьшить тягу, да и то ненамного.

— Честно говоря, я что-то не в восторге от такой перспективы. Болтаться снаружи при работающем двигателе и махать кувалдой, ри-

скую каждую минуту провалиться в выводной канал... Это будет настоящей цирковой номер, Килкэннон! Чудеса эквилибристики.

Я кивнул.

— Клянусь, Динго, я бы пошел сам, если б мог.

— Возможно, тебе придется идти, если что-то со мной случится до того, как я закончу работу. Что ж, Килкэннон, желаю тебе удачи — ведь у тебя нет такого опыта, как у меня. Да и вообще, по сравнению со мной ты еще салага, хотя ты, конечно, никогда в этом не признаешься. Давай так: я чиню клапан, а в следующем порту ты платишь за пиво. О'кей? Только чур не ныть, если я буду заказывать самые лучшие сорта! Ну что, старпом, договорились?

— Договорились, но при одном условии: если с тобой что-то случится, ты замолвишь за меня словечко перед богами.

— Конечно, какой разговор!

Не зная, что еще предпринять, я молча смотрел, как работает механизм переходного шлюза. В какой-то момент я вдруг заметил, что рядом со мной стоит Хелли Керасайдес.

— Насколько я поняла, заклинило основной клапан системы охлаждения, — сказала она негромко.

— Да.

— Никогда не слышала, чтобы основной клапан отказывал!

Я холодно взглянул на нее.

— Да, конечно, на судах «Вестрал шиппинг» подобных вещей никогда не случается. Но если эксплуатировать двигатель от капремонта до капремонта, такое вполне возможно.

— Не прибедняйтесь, Килкэннон. Я уже усвоила, что ваше материальное положение не позволяет вам ремонтировать двигатели в установленные правилами сроки, но чтобы довести систему охлаждения до подобного состояния, нужно, по-моему, приложить немалые усилия.

Она была права. И это снова заставило меня задуматься о том, кем она была на самом деле. Я просто не мог поверить, что младший администратор способен разбираться в подобных вопросах.

— К сожалению, нам пришлось приобрести ремонтный клапан, — сказал я. — И это действительно было довольно давно...

— Вот видите... — сказала она мягко. — Мне кажется, Килкэннон, покупка восстановленных запчастей — не самый лучший способ поддерживать судно в рабочем состоянии.

— Это единственный способ, который нам доступен.

Я думал, она снова начнет возражать, но Хелли Керасайдес только молча смотрела на экран выходного шлюза. Механизм шлюза закончил работу, и я попытался вообразить путь, который предстоял Дин-

го. После выхода на обшивку ему нужно было перебраться через нижний ярус грузовых контейнеров, которые наподобие поясов были укреплены снаружи на корпусе «Леди». Контейнеры были очень старыми, скобы и лестницы во многих местах проржавели или вовсе отсутствовали, но я надеялся, что Динго сумеет преодолеть это препятствие и добраться до кормы. Где-то там, в непосредственной близости от ходовых дюз, и находился основной клапан охладителя. Добраться до него было нелегко, даже если бы «Леди» стояла в сухом доке, а теперь... Цирковой номер, как выразился Динго.

Учитывая все обстоятельства, я вовсе не удивился, что прошло, как минимум, четверть часа, прежде чем Динго связался со мной по бортовой связи.

— Эй, на шхуне!.. — донеслось из интеркома. — Ты здесь, Килкэннон?

— Слушаю тебя, Динго. Как там дела?

— Как сажа бела, Килкэннон.

— Сумеешь починить клапан?

— Если я не сумею — никто не сумеет.

Минуты тянулись как часы. Я изо всех сил старался не думать о Динго, который висел на корпусе в опасной близости от работающих дюз. По опыту я знал, что человеку, пребывающему снаружи, больше всего хочется вцепиться в страховочные скобы, прильнуть всем телом к плитам обшивки и закрыть глаза, чтобы не видеть, как корабль с головокругительной скоростью проваливается в бездну. Но заменить вышедшие из строя детали клапана можно было только с помощью обеих рук, поэтому Динго вынужден был работать, пристегнувшись к лестнице тонким стальным тросом — в темноте, на холоде, в скафандре, который, как я знал, был слишком старым и слишком изношенным, чтобы человек мог чувствовать себя в нем в безопасности.

— Динго...

— Ну что там еще? — отозвался третий помощник прерывистым голосом, и я понял, что он устал и запыхался.

— Может быть, сменить тебя?

— Еще чего! Я почти закончил.

— Хорошо. — Я соединился с инженерной секцией, потом снова вызвал Динго. — Вокс говорит, у нас есть еще минут тридцать, прежде чем она будет вынуждена остановить двигатели. За это время мы с тобой вполне успеем поменяться: ты вернешься и отдохнешь, а я доделаю все, что осталось.

— Это моя работа, Килкэннон, так что сиди и не рыпайся. Я сам все сделаю — ты мне только не мешай. Я уже почти закончил...

Хелли вопросительно посмотрела на меня, но я лишь пожал плечами. Не мог же я силой затащить Динго обратно. Нам оставалось только ждать.

— Ну вот, почти готово... — В срывающемся голосе Динго звучала бесконечная усталость, однако он был доволен. Я собирался что-то ответить, но тут меня вызвал Чен.

— Килкэннон, у нас резкий выброс тепла!

Должно быть, боги, которые следили за нами, ненадолго отвернулись — и все сразу пошло наперекосяк.

— Динго, бросай работу и возвращайся. Срочно!.. У нас выброс тепла из двигателей!

— Если я все брошу, мы потеряем корабль.

— Возвращайтесь немедленно, третий помощник Динго. Это приказ!

— Вас не слышу, повторите...

— Килкэннон, это Чен. Температура в машинном стремительно растет. Нужно срочно сбросить избыток тепла. Мы перешли на ручную коррекцию, но автоматические предохранители могут сработать в любой момент. А если сбрасывать тепло через вторичные клапаны, двигатели наверняка взорвутся!

— Черт тебя возьми, Динго, возвращайся немедленно!

— Еще минутку, Килкэннон! У меня почти все готово...

— На мостике! Автоматическое предохранительное устройство сбрасывает избыток тепла!

— Динго!!! — «Леди» снова содрогнулась. Палуба у меня под ногами подпрыгнула — и все успокоилось. Я долго молчал, потом снова склонился к коммуникатору. — Третий помощник Динго, ответьте. Третий помощник Динго, ответьте...

Хелли Керасайдес закрыла лицо руками. Я схватил второй скафандр и начал торопливо натягивать его на себя.

— Динго, черт тебя побери!.. Ну отзовись же, Динго, отзовись!..

Мне казалось, механизм шлюза еще никогда не работал так медленно. Наконец внешний люк открылся, и я выбрался на корпус. Я ничего не чувствовал, даже страха, но в силу привычки действовал неторопливо и осторожно. Перебравшись через пояс грузовых контейнеров, я пристегнулся к лееру и пополз по обшивке к корме, где находился клапан выводного канала теплообменника. Динго я нашел сразу: он по-прежнему был пристегнут страховочным тросом к погнутой скобе. Когда автоматика начала сбрасывать избыток тепла через резервные выводные каналы, с одного из дополнительных тепловых клапанов сорвало бронированный кожух. Острые металлические ос-

колки, разлетаясь в разные стороны, буквально изрешетили скафандр Динго. Некоторые из них пробили тело третьего помощника насквозь.

Я уже ничем не мог ему помочь. Осмотрев главный клапан, я убедился, что Динго действительно его починил. Он справился с этой работой очень хорошо — гораздо лучше, чем сумел бы я. Ему не хватило всего нескольких минут.

Потом я отцепил Динго от скобы и отбуксировал назад, к шлюзу.

В коридоре у выхода из шлюза нас уже ждали. Динго никогда не был красавцем, взрывная декомпрессия отнюдь не сделала его краше, и все же на лицах матросов я не видел ни отвращения, ни ужаса.

— Положите его в погребальную капсулу, — распорядился я. У нас на «Леди» была только одна погребальная капсула. Я мог бы заложить ее, как заложил остальные, но не сделал этого. Из чистого суеверия, конечно... Мне казалось, что как только я избавлюсь от последней капсулы, она нам сразу понадобится, вот я и берег ее, как талисман, охраняющий от несчастного случая. И вот она нам действительно понадобилась...

Несколько матросов прикатили капсулу и не без труда втиснули в нее скафандр с останками третьего помощника.

— Поставьте его в склад-холодильник, — сказал я. — Несколько позднее мы попросимся с Динго и отправим капсулу к Карнавону.

Матросы покатали капсулу прочь, а я смотрел им вслед и думал, что же мне сказать на похоронах.

Хелли, которая все это время стояла, прислонившись к стене коридора, пристально изучала меня.

— У него были друзья? — спросила она негромко.

— У Динго? Нет.

— Вы уверены? Может быть, кто-то, с кем он ходил в увольнение на берег?..

Я издал короткий, лающий смешок.

— В увольнительную с Динго ходил только я.

— Правда?

— Правда. — Я с силой потер лоб, пытаюсь избавиться от резкой головной боли. — Динго был пьяницей, на берегу он обычно напивался и начинал буяннить...

— Почему же вы тогда с ним ходили?

— Нужно же было кому-то следить, чтобы он не попал в беду. Да и назад на корабль его часто приходилось нести на закорках.



— Вы могли бы приказать кому-то из матросов...

Я нахмурился и покачал головой.

— Нет. Я не мог быть уверен, что человек, которого я к нему представлю, не бросит Динго в трудную минуту. Мне было проще самому за ним присматривать. — Я поднял голову и увидел, что Хелли по-прежнему глядит на меня. — Что?..

— Я как раз подумала, что один друг у третьего помощника Динго все-таки был. И мне кажется, он это тоже знал.

Я пожал плечами.

— А я как раз подумал, что напрасно не осмотрел скафандр, в котором Динго положили в капсулу. Быть может, его еще можно было починить.

Не знаю, зачем я это сказал и какой реакции ожидал от Хелли Керсайдес. Думаю, мне хотелось ее разозлить, шокировать, но она только покачала головой.

— Вы врете, Килкэннон, — сказала она и, повернувшись, медленно пошла прочь, а я остался стоять у переходного шлюза.

\* \* \*

Следующие два дня прошли без каких-либо происшествий. Перед тем как «Леди» начала прыжок к Фейгину, мы похоронили Динго — отслужили стандартную корабельную службу и выстрелили капсулой в направлении Карнавона. Во время панихиды я взял слово и произнес краткую речь. Я сказал, что Динго был отличным моряком (сухая правда!) и что он был хорошим человеком и добрым товарищем. Это последнее утверждение отстояло довольно далеко от истины, но я знал: когда душа отправляется в свое последнее путешествие, боги ожидают всяческих похвал в адрес усопшего — вот я и расстарался, чтобы дать Динго самые лучшие рекомендации. В конце концов, он это действительно заслужил.

Погребальная капсула еще не успела достичь Карнавона, а «Леди-Будьте-Добры» уже начала разгоняться для прыжка. То, что тело Динго горит в пламени этого далекого солнца, меня не беспокоило. Существуют и худшие надгробные памятники.

Прыжок до Фейгина должен был занять довольно продолжительное время, в течение которого нам совершенно нечего было делать — разве только надеяться, что механизмы выдержат и ничто важное не сломается в самый неподходящий момент. Убедившись, что пока все идет как надо, я отправился на доклад к капитану. Джейн Уэскинд выслушала меня и еще раз сказала, что нам необходим один хороший рейс. Я согласился. Похоже было, что нам наконец-то удастся совершить

этот первый хороший рейс. Потом я отправился на мостик. Теперь я стоял вахты за себя и за Динго: людей, способных квалифицированно нести вахту, у нас всегда не хватало.

\* \* \*

В одну из таких ночей, когда я стоял на мостике, ко мне снова пришла Хелли Керасайдес.

— Мне показалось, — произнесла она извиняющимся тоном, — вам здесь скучно одному, вот я и решила составить вам компанию.

— И это единственная причина, по которой вы пришли сюда посреди ночи? — спросил я, не скрывая недоверия.

— О, нет... — Она опустила в кресло и долго молчала, пристально разглядывая следящие экраны. Во время прыжка они всегда бывают пусты; что бы ни происходило снаружи, на экранах это никак не отражается. Когда-то давно я коротал скучные ночные вахты, гадая, что буду делать, если во время прыжка на экранах появится изображение. Но ничего особенного так и не увидел, к тому же существовало множество других, более важных проблем, о которых нужно было беспокоиться, так что со временем я вовсе перестал обращать внимание на экраны внешнего обзора.

В конце концов Хелли подняла голову и, оторвавшись от созерцания дисплеев, посмотрела на меня.

— Нам нужно поговорить. О том, что случилось с третьим помощником Динго.

Я качнул головой. Мне не хотелось, чтобы она подумала, будто я злюсь или оправдываюсь.

— Говори, не говори — от этого ничего не изменится. Что случилось, то случилось.

— Послушайте, Килкэннон, и мне, и вам должно быть ясно, что управлять таким старым, давно не отремонтированным кораблем, значит напрашиваться на новые неприятности вроде той, которая погубила вашего третьего помощника.

Каким-то образом мне удалось сохранить спокойствие.

— На «Леди» очень давно не было несчастных случаев, мисс.

— Я знаю. Я проверяла. И должна сказать откровенно — вы отлично поработали, Килкэннон. То, что ваша «Леди» до сих пор летает, это настоящее чудо, иного слова я просто не подберу.

Она немного помолчала. Я тоже молчал, пытаюсь переварить сказанное и догадаться, что последует за этим неожиданным комплиментом.

— Но вы должны понимать, — продолжила Хелли после паузы, — что человеку (или кораблю) не может все время везти. Удача рано или

поздно кончается, особенно если человеку везет довольно давно. Да, я согласна, что даже очень старый корабль может летать и летать неплохо — для этого нужны лишь мастерство, самоотверженный труд и решимость экипажа. Но рано или поздно боги устают отводить беду от такого корабля, и тогда случается худшее...

Мне казалось, что Хелли хочет добавить что-то еще, но она молчала, ожидая моего ответа.

— А что мне остается делать? — спросил я. — Этот рейс наконец-то должен принести нам кое-какую прибыль. Полученные деньги мы можем внести в качестве аванса за другой, более выгодный груз. Только после этого у нас появятся средства на капитальный ремонт. Не полный, разумеется, но основные узлы можно будет восстановить, а самые изношенные — заменить.

Хелли слегка подалась вперед и пристально посмотрела мне в лицо, словно пытаясь прочесть ответ на какой-то важный, невысказанный вопрос.

— Послушайте, Килкэннон, ваша «Леди-Будьте-Добры» давно выработала свой ресурс. Она состарилась, и вы уже не сможете сделать ее новой, сколько бы ни заработали, перевозя грузы между второстепенными планетами и периферийными системами.

— А нам и не нужно, чтобы «Леди» была новенькой.

— Я вовсе не это имела в виду, Килкэннон. Я хотела сказать, что вы не сможете сделать ваш корабль безопасным, как бы вы ни старались. Для этого нужны средства, заработать которые на обычном фрахте нереально!

— Один удачный рейс. Это все, что нам нужно.

— Вы действительно в это верите, Килкэннон, или вам просто *хочется* в это верить?

Я пропустил ее слова мимо ушей.

— Как только у нас появятся средства, мы как следует отремонтируем нашу «Леди», а уж она нас не подведет. Так говорит капитан Уэскинд. Позаботьтесь о корабле, и он позаботится о вас.

— Капитан Уэскинд? — Хелли Керасайдес покачала головой. — Насколько мне известно, с тех пор как вы нас подобрали, она так ни разу и не покидала своей каюты.

— Она очень занята.

— Может быть, она не очень хорошо представляет, в каком состоянии находится корабль?

Я заколебался, и, по-моему, Хелли это заметила.

— Я каждый день докладываю капитану, — сказал я.

— Понятно... — протянула Хелли, но я не мог сказать, что же ей

на самом деле понятно. — А капитану известно, что ее экипаж может в любую минуту отправиться к богам?

— Это не так, Хелли.

— Так, Килкэннон, так, и вы сами это знаете. Ваши двигатели работают на честном слове. И весь остальной корабль тоже. Я, например, не понимаю, как он еще держится. Когда-нибудь — и, быть может, очень скоро — двигатели не выдержат, и вы никогда не выйдете из прыжка.

Я с несколько преувеличенным равнодушием пожал плечами и сказал небрежно:

— Я слышал, Тихая Гавань особенно хороша в это время года.

— Тихая Гавань?.. — Хелли, несомненно, слышала о Тихой Гавани — мифическом моряцком рае, и я снова спросил себя, неужели все младшие администраторы крупных компаний отличаются столь широким кругозором. — Это туда попадают корабли, не вышедшие из прыжка?

— Должны же они куда-то попадать...

— Нет, если верить физическим законам. Но даже если они куда-то попадают, то не в Тихую Гавань, потому что такого места просто нет.

Я снова пожал плечами, хотя и видел, что этот жест безмерно ее раздражает.

— Вселенная велика, мисс.

— Но не настолько, чтобы в ней нашлось место сказкам. Единственная обитель, где чувствует себя счастливым любой моряк? Чуть! — Хелли стукнула кулачком по подлокотнику кресла. — Черт вас побери, Килкэннон, я не верю в мифы! И я не верю, будто капитан Уэскинд настолько занята, что не может встретиться со мной. За все время полета я ни разу ее не видела, и никто из экипажа не хочет рассказать мне, в чем дело!

— Я же говорил вам — она очень занята. И вы не можете не понимать, какой груз ответственности она несет!

— Я не верю, что у вашего капитана до сих пор не нашлось и десяти минут, чтобы просто побеседовать с теми, кого ее люди спасли от верной гибели. — Хелли с вызовом посмотрела на меня. — Ну же, Килкэннон, скажите правду! Что такое с капитаном?!

— У нее... — Я отвел было глаза, но что-то словно подтолкнуло меня, заставив сказать правду, которую я скрывал уже много месяцев. — Капитан больна. У нее многостороннее прогрессирующее расстройство познавательных способностей.

Я поднял голову. Хелли смотрела на меня, широко открыв рот.

— И... почему она не лечилась?

— Она лечилась. То есть не совсем. У нас не было необходимых лекарств. — Я еще никогда и ни с кем не говорил о болезни Джейн, поэтому сейчас моя речь была несколько бессвязной. — Думаю, хорошие лекарства могли бы помочь ей даже сейчас... Впрочем, нет, не знаю. Может, уже поздно. В любом случае, хорошие лекарства стоят очень дорого. Слишком дорого. И лекарства, и врачи, которые имеют право их выписывать... У Джейн... у капитана были кое-какие средства, но она истратила их на «Леди» — на неотложный ремонт. «Этого недостаточно, но это хотя бы что-то», — так она говорила каждый раз, когда я предлагал ей повременить с ремонтом и заняться здоровьем. Сейчас я даже не могу объяснить, как ей удавалось добывать необходимый минимум лекарств в тех портах, куда мы заходили, чтобы подерживать себя в здравом уме и трезвой памяти.

— Черт побери, Килкэннон, человек с многофункциональным когнитивным расстройством не может командовать кораблем!

— Капитан Уэскинд может.

Хелли Керасайдес откинулась на спинку кресла. Несколько секунд она разглядывала меня с каким-то странным выражением, и я никак не мог понять, о чем она думает. Потом она сказала:

— Старший помощник Килкэннон, вам известно, что по уставу вы обязаны сообщить о капитане-инвалиде в инспекцию грузового флота?

— Капитан Уэскинд не инвалид! — Я вдруг поймал себя на том, что кричу, воротник рубашки врезался мне в горло и душит, а щеки пылают, как в огне. Черты лица Хелли, впрочем, не дрогнули, и я усилием воли заставил себя говорить спокойнее. — Ей только изредка нужно немного помочь, вот и все. Капитан Уэскинд способна управлять «Леди» — это я знаю точно.

— Понимаю... — сказала Хелли Керасайдес. Ее тон оставался нейтральным и не выдавал никаких чувств. — Давно вы знакомы с капитаном Уэскинд, Килкэннон?

Этот вопрос несколько смутил меня, и прежде чем ответить, я с силой потер лицо обеими руками.

— Мы познакомились на Гэлпин Прайм. «Леди» стояла в нашем порту. Там я впервые встретился с Джейн. Тогда я был еще мальчишкой.

— Гэлпин Прайм... — Хелли Керасайдес наморщила лоб, словно припоминая. — Не самая благоустроенная планета, насколько я знаю.

— Это не планета, а настоящая помойка, мисс. Я там вырос. — Я снова отвернулся и стиснул зубы, стараясь справиться с нахлынувшими на меня воспоминаниями. — Никакой перспективы... Так было до

тех пор, пока я не встретился с Джейн. Для меня у нее тоже не нашлось десяти минут... Даже одной минутки, но она меня заметила. И предложила работу на «Леди».

— Старшим помощником?

— Палубным матросом — это что-то среднее между юнгой и уборщиком. Я пробивался наверх с самого низа. Капитан Уэскинд верила в меня, в мои способности, и в конце концов я стал тем, кем я стал...

— Тогда она была еще здорова?

— Да. То есть не знаю... Во всяком случае, расстройство еще никак не проявлялось.

— Значит, вы чувствуете себя... обязанным?

— Да. Я обязан ей всем, что у меня есть.

Хелли Керасайдес медленно кивнула.

— А капитан Уэскинд знает, что «Леди» перевозит наркотики?

Погрузившись в собственные невеселые мысли, я ответил не сразу, и Хелли повторила:

— Скажите, старпом, капитан знает, что вы везете на Фейгин наркотики? Не пытайтесь отрицать это: я умею читать судовые документы и вполне способна отличить липовую грузовую декларацию от настоящей. И я знаю, что вы везете в ваших контейнерах. Именно знаю, а не просто догадываюсь...

Я поморщился.

— С формальной точки зрения, мы везем *не* наркотики.

— Да, формально это не наркотики — просто полуфабрикаты наркотиков и химические реагенты для изготовления наркотиков. И все же я не думаю, что вам это как-то поможет, если «Леди» остановит для досмотра миротворческий патруль.

— Трудно сказать, мисс. Всякое может случиться.

Ее черты вдруг исказила гримаса такого сильного гнева, что мне стоило огромного труда удержать себя в руках и не отшатнуться.

— Вы идете в систему Фейгина с незаконным грузом! Если там вас атакуют каперы, что весьма вероятно, вы не сможете даже позвать на помощь, потому что любой миротворческий корабль, досмотрев груз, должен будет арестовать ваше судно. По действующим законам «Леди» будет конфискована, а вы, скорее всего, окажетесь в тюрьме — и надолго. Каперы, по крайней мере, могут разрешить вам взять спасательную шлюпку и лететь на все четыре стороны, так что миротворцы для вас опаснее...

— Тут есть один нюанс, Хелли, на который мы очень рассчитываем. Каждый, кто на нас посмотрит, сразу поймет: с нас взять нечего. Длина факела, спектрограмма выхлопов, энергетические показатели,

плотность защитных полей — одного этого достаточно, чтобы понять: «Леди» не корабль, а ржавое корыто, на котором просто не может быть ничего стоящего. Какой дурак станет перевозить ценные грузы на такой развалине?

В глазах Хелли сверкнул недоверчивый огонек.

— Вот, значит, на что вы рассчитываете... На то, что на вашу развалину никто не польстится?

— У нас нет другого выхода. — Глядя мимо нее, я непроизвольно сжал кулаки. — Вы же сами сказали: «Леди» дошла до ручки. Поэтому-то нам так важно что-то заработать именно в этом рейсе — ведь он вполне может оказаться последним. Если мы получим деньги, то сделаем необходимый ремонт. Это все, что нам нужно на данный момент. Немного удачи — и мы снова на коне! Да простят меня боги, мисс, я вовсе не горжусь тем, что делаю... вынужден делать — просто это единственный шанс для «Леди» и ее экипажа.

Хелли окинула меня суровым взглядом.

— И для капитана Уэскинд тоже, — сказала она. — Как вы думаете, что с ней будет, если она потеряет «Леди»?

— Она ее не потеряет.

— Для таких, как она, существуют специальные лечебницы.

— Джейн скорее умрет, чем расстанется с... — Я с трудом взял себя в руки и добавил спокойнее: — «Леди» — это ее жизнь, и я сделаю всё, что в моих силах, чтобы спасти обеих.

— *Все?*.. — переспросила Хелли, холодно улыбаясь.

Я снова ненадолго задумался.

— Нет. Только то, что одобрит сама капитан. Одобрит или... поймет. — Я закрыл глаза. Сейчас мне не хотелось ни смотреть на Хелли, ни видеть ее глаза, ни слышать ее голос. — Я догадываюсь, на что вы намекаете... Да, нам предлагали возить оружие. И за это нам заплатили бы гораздо больше, чем за тот груз, который в настоящий момент находится на борту. Но...

— ...Но капитан Уэскинд не одобрила бы подобного поступка, — подсказала Хелли.

— Нет. — Я открыл глаза и окинул собеседницу мрачным взглядом.

— Джейн всегда учила меня: есть грузы и грузы. Что-то можно взять, если нет иного выхода; к другим грузам нельзя даже прикасаться.

— Что ж, готова признать, что ваша Уэскинд была хорошим капитаном.

— Она *остаётся* хорошим капитаном, мисс Керасайдес, имейте это в виду! Именно поэтому я прошу вас: не передавайте никому наш разговор.

— Вы забыли волшебное слово, Килкэннон.

— Пожалуйста...

— Хорошо, я обещаю. — Она поднялась и некоторое время смотрела на меня сверху вниз. Я все ждал, что Хелли Керасайдес скажет еще что-нибудь, но она только качнула головой и все так же молча вышла, оставив меня наедине с пустыми экранами и тревожными мыслями.

\* \* \*

— Старший помощник Килкэннон... — Сири по-прежнему казалась худой, как скелет, но ее больше не трясло, а взгляд был осмысленным и ясным. — Я хотела поблагодарить вас... — Опустив глаза, она заговорила очень быстро, словно боясь, что ее прервут. — Да, поблагодарить!.. Эта дрянь... «пыльца» то есть... Она убила бы меня. Наверняка убила бы, да... Я уже стояла одной ногой в могиле, когда вы меня подобрала. У меня оставался единственный шанс — завербоваться на корабль, где нельзя достать ни «пыльцы», ни чего-либо другого, но я знала: ни один капитан не возьмет нюхачку. И только вы не побоялись... Благодаря вам я не просто выжила, но и избавилась от этой дряни. Спасибо вам!..

Я покачал головой.

— Прости, Сири, но я взял тебя только потому, что мне позарез нужны были матросы. Так что меня благодарить не за что. Благодарю капитана Уэскинд — это она решила дать тебе шанс.

Сири вскинула на меня глаза и тотчас опустила снова.

— Да, сэр, конечно.

— Я обязательно передам капитану твою благодарность. Она будет рада узнать, что ты избавилась от зависимости.

— Благодарю вас, сэр...

\* \* \*

Наконец прыжок остался позади, и мы вышли в космос на значительном расстоянии от плоскости планетной системы Фейгина. Далеко под нами находился небольшой участок обитаемой вселенной, где обычное человеческое благоразумие и рационализм уступили место ненависти и ярости. Пока «Леди» не спеша опускалась к четвертой от солнца планете, мы слушали по радио сводки с театра военных действий и только качали головами. Сражающиеся как будто соревновались друг с другом в жестокости.

Как мы поняли, главная проблема заключалась в том, что миротворческие силы были слишком малочисленны и не могли взять под



контроль две обитаемых планеты и множество колонизированных астероидов самого разного размера. Пока миротворцы пытались предотвратить столкновение в одном уголке планетной системы, в других ее районах — в том числе и в тех, где они только что побывали — все начиналось сначала. Для нас, впрочем, это было хорошо. Боевые корабли миротворцев действовали то у одной, то у другой планеты, следовательно, у них вряд ли было время прочесывать космическое пространство и выяснять, что везет маленький потрепанный грузовой корабль, приближающийся к Фейгину по маршруту, пролегающему вдали от зон их ответственности.

В целом, однако, ситуация была далека от идеальной. Из того положения, в котором мы находились, нам были хорошо видны корабли, движущиеся в непосредственной близости от плоскости планетной системы. Особенно сильные подозрения вызывали у нас два из них — один большой, другой поменьше, — дрейфовавшие с включенными двигателями неподалеку от сектора пространства, через который пролегал наш маршрут к четвертой планете. Судя по данным на экране, оба судна были обычными грузовозами, но в их маневрах было что-то настораживающее.

— Каперы? — спросила меня Хелли.

— Скорее всего, — кивнул я. — Честные грузовые суда обычно держатся вблизи портов, ожидая своей очереди на погрузку или разгрузку. Им просто незачем болтаться в абсолютно пустом секторе.

— Эти два судна легко могут перехватить «Леди», даже несмотря на то, что у них не слишком мощные двигатели. Что вы намерены предпринять, Килкэннон?

— Идти своим курсом и молиться. Будем надеяться, им не захочется связываться со старой калошей... Кроме того, всегда может произойти событие, которое отвлечет от нас их внимание.

Хелли кивнула и снова погрузилась в изучение информации на обзорных экранах.

Одна старая мудрость советует человеку быть осмотрительнее в своих желаниях, ибо желаемое всегда может обернуться неприятной стороной. Как говорят: за что боролся, на то и напоролся. Примерно так получилось и у нас. Буквально на следующий день мы узнали об очередной массовой резне, учиненной «хорошими парнями». На одной из лун четвертой планеты была (теперь уже действительно *была*) колония, население которой в силу каких-то религиозных разногласий не пользовалось любовью своих ближайших соседей. Буквально накануне миротворческие силы, защищавшие колонию от уничтожения, вынужденно перебазировались в пояс астероидов, где назревало оче-

редное кровопролитное столкновение. Обитатели четвертой планеты воспользовались этим, чтобы нанести удар.

— О, боги, что с ними со всеми случилось? Это просто какое-то массовое помешательство!.. — воскликнул Чен, не скрывая отвращения.

— Я думаю, — откликнулась Хелли Керасайдес, — боги покинули эту планетную систему, иначе ничего подобного здесь бы не случилось.

Пока они обменивались мнениями, я заметил одну любопытную вещь.

— В нашу сторону движется какой-то корабль, — сказал я, показывая на только что вспыхнувший на экране факел. — Похоже, старый грузовик. Он гораздо больше «Леди» и — если судить по информации на экране — намного старше.

В течение следующих шести часов мы перехватили несколько информационных бюллетеней, из которых следовало, что старый балкер в последнюю минуту стартовал со спутника, на котором была полностью уничтожена колония «еретиков и врагов нового порядка». Упомянутые «еретики» успели посадить в балкер сотни две детей и нескольких взрослых. Путь к базам миротворцев и к дружественным планетам преграждали вражеские корабли, поэтому балкер стартовал почти перпендикулярно плоскости планетной системы. Это был единственный выход, единственный путь к спасению...

Тем временем оба капера, замеченных нами раньше, запустили двигатели на полную мощность и двинулись наперерез. У них была очень выгодная для перехвата позиция, и я не сомневался: они без труда догонят медлительный балкер. По моим расчетам это должно было произойти примерно за два дня до того, как к месту трагедии подойдет ближайший миротворческий крейсер. И за несколько часов до того, как «Леди» приблизится к этому сектору пространства, чтобы совершить посадку на четвертую планету.

— Ну вот, Килкэннон, случилось то, о чем вы мечтали, — сказала Хелли Керасайдес очень тихим голосом. — Этот балкер отвлек от вас внимание пиратов.

— Идите к дьяволу, мисс.

— Что вы собираетесь предпринять?

— Ничего. На нашей посудине нет никакого оружия. «Леди» стара, она очень устала и ничего не может... Абсолютно ничего.

Хелли кивнула, но я видел, что она еще не смирилась.

— Мне кажется, Килкэннон, вы должны доложить о происходящем капитану Уэскинд.

Если бы я заметил в голосе или в глазах Хелли хотя бы искорку насмешки, я бы запер ее в каюте до тех пор, пока мы не оказались бы в порту, но она не смеялась.

— Да, — сказал я. — Так я и сделаю.

И я отправился в каюту к Джейн.

Капитан Уэскинд выслушала меня сидя. Она всегда сидела, когда я приходил к ней с докладом. Закончив, я стал ждать ответа. На этот раз Джейн не сказала ничего о надеждах, которые она связывала с этим рейсом. Она сидела совершенно неподвижно, и только ее лицо непрерывно менялось, отражая чувства, разобраться в которых мне было не под силу. Джейн так и не произнесла ни слова. Я подождал еще немного, потом извинился и отправился обратно на мостик, гадая, стало Джейн хуже или она просто не смогла высказать то, что ей хотелось.

Две вещи объединяют космос и ночные кошмары. Во-первых, и в пространстве, и в кошмарном сне человек может падать и падать бесконечно и никогда не достичь дна. Во-вторых, и там, и здесь все происходит в замедленном темпе. Балкер мчался со всей возможной скоростью, каперы двигались еще быстрее, однако расстояния были слишком велики, поэтому погоня растянулась на несколько дней. И все же я не сомневался в том, каким будет конец. За годы, проведенные в космосе, у меня выработался своего рода инстинкт, который помогал мне представить последовательность событий. Мне не требовалось даже заглядывать в расчеты, чтобы предсказать, в какой точке пространства каперы настигнут балкер. Несчастный грузовик стартовал из района четвертой планеты — как раз из той зоны, куда мы направлялись, и двигался практически нам навстречу. Каперы должны были догнать его чертовски близко — по космическим масштабам, разумеется — от той области пространства, где пролегла траектория «Леди». Я, однако, не сомневался: пираты будут слишком заняты, убивая людей и грабя корабль, чтобы обратить на нас хоть какое-то внимание.

А нам останется только смотреть...

Раздумывая об этом, я все время ощущал на себе взгляд Хелли Керасайдес. Она ничего не говорила — просто смотрела то на меня, то на следящие экраны, по которым бежали цифры и ползли метки, обозначающие хищников, жертву и «Леди», которая с каждым часом все ближе подходила к критической точке.

В большинстве случаев управление космическим кораблем оставляет время для раздумий. Зная массу и скорость своего судна, опытный капитан всегда может сказать, сколько у него есть часов или минут до того момента, когда предпринимать что-либо будет уже поздно. Мы оказались в шести часах хода от того места, где должна была закон-

читься погоня. Кроме меня на мостике «Леди» находилась только Хелли; она молчала, но я знал, что на решение у меня остается не слишком много времени.

— Один удачный рейс... — проговорил я негромко.

Она кивнула.

— И еще один после него, так?..

— Да. Это все, что нужно нашей «Леди», правда?

— Не знаю. Сейчас все зависит от тебя. Ты еще можешь довести дело до конца.

— И сесть на четвертой планете? Ты это имеешь в виду?

— Да. Ведь для тебя *это* главное, не так ли?

Я не ответил, пристально изучая дисплей.

— Когда мы разгрузимся, нам придется искать новый груз, за переброску которого в другое место можно будет получить хорошие деньги.

— Можешь не сомневаться: у тех, кому вы везете эти... химикаты, непременно найдется предложение для вас. Другой вопрос, примете ли вы его...

— «Леди» — честный корабль, клянусь!

— Сегодня я с тобой, пожалуй, соглашусь, а вот завтра... Не знаю. Все будет зависеть от того, какой курс ты изберешь, Килкэннон.

— Сейчас я пока знаю одно — какой курс я не выберу. Проклятье!.. Еще один-два рейса, и... Тогда мы могли бы покончить с этим и снова возить честные грузы.

— Ты действительно так думаешь?

— Да... То есть не знаю...

— А что думает капитан Уэскинд?

— Я доложу капитану, какие у нас есть варианты, — сказал я, подумав.

— Ты все еще считаешь, что у вас есть варианты?

— Да, есть. Пока есть.

Капитан Уэскинд спала, но положение было критическим, и я решил, что имею право ее разбудить. Когда Джейн открыла глаза, я снова изложил ей ситуацию, проанализировал различные варианты и высказал свои рекомендации. Потом стал ждать.

Джейн долго сидела молча. Как и в прошлый раз, она не проронила ни слова, и только выражение ее лица отражало мучительную внутреннюю борьбу. Чувствуя, как от жалости у меня защемило сердце, я сказал:

— Это мог быть очень удачный рейс. Тот самый золотой шанс, которого мы так давно ждали.

И снова она не ответила. Джейн молчала, и я вдруг осознал, что давно знаю ответ. Капитан Уэскинд дала его мне, когда я только по-

ступил на «Леди», и ей приходилось обучать меня азам профессии. Так я узнал, что мелким перевозчикам, чтобы выжить, приходится проявлять изрядную гибкость в трактовке законов, правил и статей устава космической службы. Вместе с тем Джейн всегда подчеркивала, что существует грязная работа, и есть законы, которые нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах. И если ты видишь, что эти законы вот-вот будут нарушены, ты должен сделать все, чтобы не допустить этого. Если можешь, конечно...

Когда я вернулся на мостик, Хелли Керасайдес была еще там. Он бросила на меня вопросительный взгляд, но промолчала. Я тоже ничего не сказал. Наклонившись к панели бортового вычислителя, я произвел кое-какие расчеты, слегка изменил курс и, опустившись в кресло, стал ждать.

— Теперь мы пройдем совсем рядом с каперскими судами, — заметила Хелли.

— Да. — Я вызвал машинное: — Лили, проверь еще раз автоматикку двигателей. Мне нужно, чтобы они продолжали работать даже в аварийной ситуации.

— Ничего не выйдет.

Я вознес коротенькую молитву богам, которые, быть может, следили за нами в эти минуты.

— Сделай все возможное! Пожалуйста.

— Уже.

— Хорошо. Еще одно, Лили... Подготовь свою секцию к срочной эвакуации. У тебя есть еще пара часов. По моему сигналу вся инженерная секция должна собраться у...

— Нет.

— Проклятье, Вокс, в чем дело?!

— Ты изменил курс. Я знаю, что ты задумал. Хочешь помочь детишкам... Тебе нужен кто-то в машинном. Мы остаемся.

Для старшего инженера Вокс это была очень длинная речь.

— Ладно, оставайтесь. Но по моей команде вы должны будете все бросить и выбираться оттуда как можно скорее. Понятно?

— Да.

Я поймал на себе взгляд Хелли.

— Что?..

— Ничего. Просто я хотела бы знать, что ты собираешься делать. И чем я могу помочь...

— Я собираюсь использовать оба вида оружия, которые есть у нашей старушки «Леди».

Ее брови удивленно поползли вверх.

— Ты говорил, «Леди» не несет никакого вооружения...

— В крайних обстоятельствах человек становится чертовски изобретателен. Он может превратить в оружие любой подручный материал. Что касается вас, мисс, то вы и остальные люди с «Канопуса» должны надеть скафандры и ждать в спасательной шлюпке.

— Чен, наверное, не захочет бросать машинное сейчас.

— Не возражаю. Но остальные пусть отправляются на шлюпалубу и занимают места.

— Зачем? Или ты хочешь нас высадить? Отправить нас в шлюпке, а самому вступить в бой?

Я глубоко вздохнул.

— Нет. Шлюпка понадобится нам всем, только... позднее.

Слух о непонятных маневрах и о моем приказе распространился среди экипажа. Я ждал бунта, но бунта не было, и я приказал всему личному составу надеть скафандры. Как только каперы поймут, что «Леди» может представлять для них опасность, они откроют огонь. Одно-два точных попадания, и корпус разгерметизируется.

Оставив Хелли Керасайдес на мостике, я отправился в капитанскую каюту. Там я надел на Джейн скафандр и тщательно застегнул.

— Я обязательно вернусь за вами, капитан. Ждите меня... Ждите и не волнуйтесь.

Когда я вернулся на мостик, Хелли уже была в скафандре «Вестрал шиппинг», который выглядел новым или почти новым. Глядя на него, я не мог не сравнить его со своим скафандром: заплатки и потертости на сгибах свидетельствовали о многих и многих часах эксплуатации в самых разнообразных условиях. Хелли Керасайдес, несомненно, тоже заметила разницу, но ничего не сказала.

Прошел час. Я вызвал машинное отделение и приказал увеличить тягу двигателей. «Леди-Будьте-Добры» вздрогнула и начала набирать скорость. Вскоре мне пришлось еще раз откорректировать курс. Под нами — ниже и чуть в стороне — каперы продолжали нагонять дряхлый балкер. До сих пор они никак не реагировали на наше присутствие, и я попытался поставить себя на место пиратских капитанов. Мне нужно было знать, сколько пройдет времени, прежде чем они поймут: «Леди» — не просто старое корыто, которое пытается под шумок проскользнуть мимо них к планете.

Потом я еще раз рассчитал наш курс и убедился, что не ошибся. «Леди» двигалась теперь намного быстрее и должна была встретиться с каперами на значительном расстоянии от балкера. Рисковать я не хотел: каперы могли расстрелять грузовик раньше, чем я успел бы до них добраться.

— Почему они не стреляют? — спросила Хелли, словно подслушав мои мысли.

Я невесело улыбнулся.

— Я знал, что вы не поймете. Когда вам в «Вестрал шиппинг» нужны запасные части, вы, грубо говоря, просто идете в магазин и покупаете то, что вам нужно. Но такие корабли, как «Леди», не могут позволить себе приобретать новые детали. Мы используем некондицию, нестандарт, ремонтные и бывшие в употреблении части и узлы, словом, все, что можно приобрести с большой скидкой. Каперы, я думаю, не слишком отличаются от нас в этом отношении. Они не стреляют, потому что не хотят слишком сильно повредить балкер. Когда они его нагонят, то сделают несколько точных выстрелов с близкого расстояния, чтобы он не мог маневрировать. Потом пираты возьмут балкер на бордаж, выкинут за борт пассажиров и начнут снимать узлы и оборудование — все, что можно использовать или продать.

— Почему в таком случае они не заберут балкер целиком? Они могли бы починить его и перегнать в другую планетную систему.

— Найти краденый корабль проще простого. Проследить краденые запчасти значительно труднее... — Я сделал паузу, но Хелли хватило такта не напоминать мне, что совсем недавно я притворялся, будто не знаю о существовании черного рынка запчастей. Потом на пульте вспыхнула лампочка тревожной сигнализации. Я бросил взгляд на следящий экран, где отпечаталась свежая информация. Судя по всему, мимо нас только что пролетел изрядный кусок металла.

— Предупредительный выстрел.

Хелли кивнула.

— Они используют рейлганы?

— Конечно. Мощный электромагнит легко построить и еще легче обслуживать. А металлические болванки, которые пираты используют в качестве снарядов, до смешного дешевы и просты в производстве... Настоящая находка для людей, которые собираются стрелять друг в друга достаточно долгое время.

— Ты собираешься как-то реагировать на предупредительный выстрел?

— Нет, не собираюсь. Пока они поймут, что мы не испугались, «Леди» успеет подобраться еще ближе.

— Ты собираешься подойти к ним *совсем* близко, Килкэннон?

Кажется, она наконец разгадала мой план.

— Да. Нам нужно подойти к ним на минимально возможную дистанцию. И действовать в самый последний момент, иначе они сообразят, что к чему, и успеют набрать скорость для маневра. — Я еще раз

проверил расстояние и наши скоростные параметры. У нас оставалось примерно полчаса или около того. — Отправляйтесь-ка к спасательной шлюпке, мисс, — велел я. — Это касается и вас, и людей с «Капоуса», и экипажа «Леди». Садитесь в шлюпку и ждите.

— Откуда ты знаешь, что какой-нибудь шальной снаряд не повредит шлюпку, когда каперы начнут обстреливать «Леди»?

«Ничего такого я не знаю, просто это наш единственный шанс», — подумал я, но вслух сказал совсем другое:

— Шлюпка находится на самой корме, а пираты будут целиться в центр корпуса, чтобы увеличить вероятность попадания. Нет, я думаю, что со шлюпкой все будет в порядке, даже если нас расстреляют еще на подлете.

Хелли пристально посмотрела на меня.

— Уж не собираешься ли ты управлять «Леди» до... до самого конца?

— Вообще нет! — Я с трудом сдержал дрожь, поднявшуюся из самой глубины моего естества. — Конечно, нет, но... Я должен действовать наверняка. Потом мне придется очень спешить — поэтому я и хочу, чтобы остальные ждали меня в шлюпке.

— Ну, хорошо... Только имей в виду, Килкэннон, боги слышали твоё обещание. Ты ведь не захочешь предстать перед ними, не сдержав слово, не так ли?.. Что касается меня, то я позабочусь, чтобы спасательная шлюпка ждала тебя до последнего. Можешь твердо на это рассчитывать. — Она немного помолчала. — Если хочешь, я могу сходить и за твоим капитаном.

— Нет! Джейн все равно не пойдет ни с кем, кроме меня. Я сам ее приведу.

Мне показалось, Хелли Керасайдес собирается возразить. Некоторое время она пристально смотрела на меня, потом кивнула и ушла. Минут через десять она связалась со мной по внутренней связи и сообщила, что весь экипаж собрался в шлюпке. Весь, за исключением инженерной секции, капитана Уэскинд и меня.

Не успел я дать отбой, как рядом с «Леди» пролетела еще одна металлическая болванка. Это был второй предупредительный выстрел, и я спросил себя, сколько времени пираты дадут мне на размышления. Но я ошибся — это был вовсе не предупредительный выстрел, а самый обыкновенный промах, потому что сразу за ним последовало еще несколько залпов, и все они были направлены непосредственно в корабль. Я слышал и чувствовал, как «Леди» вздрагивает при каждом попадании. К счастью, в носовой части располагалось несколько грузовых отсеков, которые приняли на себя первый залп. Проектировщики



специально разместили склады на носу, чтобы в случае лобового столкновения пострадали в первую очередь они, а не двигатели и не система управления.

Но грузовые отсеки — это не броня, а пиратские снаряды были очень тяжелыми и летели с большой скоростью. После первого выстрела последовала короткая пауза — очевидно, противник хотел удостовериться, что мы поняли намек. Когда же «Леди» продолжила движение прежним курсом, грянул еще один залп. Теперь снаряды начали пробивать обшивку. По коридорам и помещениям «Леди» пронеслись ледяные вихри — воздух начал улетучиваться сквозь многочисленные пробоины в корпусе. Вырываясь наружу, струи газа сбивали «Леди» с курса, и мне пришлось вручную компенсировать отклонение, пока датчики давления не показали полный ноль. Во всех отсеках корабля установился космический вакуум.

Потом я еще раз взглянул на следящий экран, чтобы точнее оценить положение четырех судов относительно друг друга. Пора было действовать, и я развернул «Леди», нацелив на то место в пространстве, где через пятнадцать минут должен был оказаться меньший из каперов. Благодаря резкой перемене курса, «Леди» вышла из зоны обстрела, но я знал, что это ненадолго. Воспользовавшись передышкой, я откинул прозрачную крышку панели, которую на моей памяти еще никто и никогда не открывал, и перебросил оба выключателя в положение «включено».

Система аварийного сброса груза сработала безукоризненно. Сначала открылись мощные грузовые захваты на обшивке, потом сработали электромагнитные толкатели, и массивные грузовые контейнеры, которыми в два яруса была опоясана «Леди», медленно отошли от корпуса. Как только это произошло, я перевел двигатели на максимальную мощность. Освобожденная от лишней массы «Леди» вздрогнула и прыгнула вперед, оставляя позади контейнеры, которые по инерции продолжали двигаться по той же траектории. Пять минут спустя я еще раз изменил курс и увидел, как, повинувшись введенным мною командам, контейнеры начинают саморазгрузку, выбрасывая из верхних и нижних люков герметические стальные цилиндры с химическими веществами. С каждой минутой этих цилиндров становилось все больше, они заполнили собой свободное пространство между контейнерами, и я мысленно попрощался с грузом, который, строго говоря, нам вообще не стоило брать на борт.

Пока все шло как надо. Оболочки грузовых контейнеров и стальные бочки с химикатами образовали как бы сноп крупной картечи, которая, все ускоряясь, неслась к тому месту, куда с противоположной

стороны подходил меньший из двух каперов. Глядя на экран, я невольно спросил себя, сколько времени понадобится капитану пиратского корабля, чтобы заметить мой маневр, осознать его подлинный смысл и попытаться изменить свою траекторию. Впрочем, если я верно все рассчитал, от этого уже ничего не зависело. Конструкция грузовых кораблей, даже переоборудованных в пиратские суда, не предусматривала возможности быстрого маневрирования, и уклониться от контейнеров, движущихся широким фронтом прямо на него, капер уже не мог.

Прежде чем идти на перехват большего капера, я выровнял «Леди» и немного сбросил скорость. Пиратский капитан должен был думать, что я собираюсь просто пройти в непосредственной близости от него, чтобы сделать несколько выстрелов, и мне не хотелось разубеждать его.

Осталось десять минут.

— Вокс, — сказал я в аппарат бортовой связи, — уходите в спасательную шлюпку. Немедленно!

— Говорит Чен, — услышал я в динамике. — Инженер Вокс погибла. Несколько снарядов попало в силовой агрегат, произошло короткое замыкание...

Проклятье!

— Вас понял. Всем оставшимся в живых — немедленно эвакуироваться.

— Скажите, Килкэннон, сколько еще времени у нас...

— МАРШ!!!

— Слушаюсь, сэр. Мы отправляемся.

Корпус «Леди» снова задрожал от ударов металлических болванок, которые дождем сыпались на обшивку. Сгорбившись в своем кресле, я следил за сигналами приборов, которые сообщали о повреждениях в отсеках и системах или просто отключались по мере того, как снаряды дробили внутренние переборки «Леди». В какой-то момент я спросил себя, что будет, если какой-то снаряд угодит прямо в мостик? Успею я что-то понять или сразу окажусь лицом к лицу с Динго, который, конечно же, спросит, какую важную работу я провалил на этот раз.

Восемь минут. Большой капер был уже совсем близко. Может быть, даже слишком близко.

Я ввел в автомат управления последнюю команду, направив «Леди» точно на пиратское судно. Для страховки я зафиксировал на нем и целик причального устройства, потом стер программы, отвечающие за аварийное торможение и автоматический контроль режима работы

двигателей. Теперь я был уверен: пока управляющие системы «Леди» сохраняют работоспособность, наша старушка не свернет с проложенного курса и будет мчаться на полной тяге прямо на большой капер. Поднявшись на ноги (мне пришлось приложить немалые усилия, чтобы удержать равновесие, потому что «Леди» рыскала из стороны в сторону, удерживая наводку на цель), я бросил последний взгляд на экран, в центре которого маячила темная тень пиратского судна, потом повернулся и со всей возможной скоростью бросился к капитанской каюте.

Капитан Уэскинд все еще была там. Она сидела, уронив голову на стол, и не шевелилась. Клапан на ее скафандре был расстегнут. Выяснить, как давно она это сделала и насколько сильно пострадала, у меня не было времени. Торопливо застегнув клапан, я подал в скафандр порцию кислорода из баллонов. Потом, усадив безвольно обмякшее тело на край стола, я повернулся к Джейн спиной и, взяв за руки, завалил ее к себе на спину.

Потом я бросился к выходу.

Коридор, по которому я бежал, вздрагивал от ударов снарядов, раскачивался и уходил из-под ног каждый раз, когда «Леди» совершала очередной разворот, стараясь удержаться на заданном курсе. Светильники под потолком то и дело мигали, потом вовсе выключились, и дальше я двигался почти на ощупь, ориентируясь только на тусклые пятна ламп аварийного освещения. В какой-то момент что-то массивное — быть может, один из выпущенных капером снарядов — взломало переборку в трех метрах от меня и, бешено кувыряясь, вонзилось в пол, оставив в нем огромную рваную дыру.

Когда до люка, ведущего на шлюппалубу, оставалось около десяти метров, «Леди» сотряс еще один могучий удар. Коридор, по которому я бежал, перекосялся, и одна из переборок, заваливаясь, ударила меня по голове. Я упал на колени. На мгновение в глазах у меня потемнело, но я собрался с силами и сумел подняться. Тело капитана по-прежнему висело у меня на плечах мертвым грузом, но, как ни странно, я его почти не чувствовал. Все мое внимание сосредоточилось в эти секунды на том, что происходит с кораблем. Ступнями я ощущал жалобный стон раздираемого металла, хруст и скрежет пластика, шипение электрических разрядов. «Леди-Будьте-Добры» умирала. Да простят меня боги — она умирала! Шатаясь, я сделал еще несколько шагов, повернул и упал на руки матросов.

Джейн сняли у меня со спины, потом втянули меня в переходной коридор. Кто-то захлопнул и задраил люк. Спиной я почувствовал твердую палубу и подумал, что наша спасательная шлюпка тоже очень

стара и перегружена. Матросы что-то говорили и даже кричали, но в голове у меня все плыло, и я не мог разобрать ни слова. Потом последовал толчок, невидимая рука с силой прижала меня к рубчатым панелям палубы, и я понял, что спасательная шлюпка стартовала. Набирая скорость, она удалялась от гибнущего судна, и мне захотелось бросить на «Леди» последний взгляд, но подняться я не мог — несколько человек лежали у меня на ногах и на груди. Их вес возрастал с каждой секундой, и каждый вздох давался мне с огромным трудом. Все же я каким-то образом сумел вывернуть голову и бросить взгляд на батарею крошечных обзорных экранов перед пультом управления шлюпки. На основном экране перед креслом пилота виднелись только бешено вращающиеся звезды и кусок какой-то планеты, но на двух дополнительных экранах я увидел сектор пространства, куда на всех парах мчалась наша «Леди».

Капитан большого капера наконец-то понял, что «Леди» идет на таран, и попытался сманеврировать, но масса и инерция его судна были слишком велики. Наша старушка летела вперед, как стрела. Капер еще пытался отстреливаться, но снаряды, хотя и попадали в цель, не могли ни остановить «Леди», ни сбить ее с курса. Даже если бы вышли из строя двигатели, она все равно продолжала бы свое движение.

Но двигатели продолжали работать, все сильнее разгоняя то, что осталось от нашей «Леди». Словно ангел смерти, она обрушилась на пиратский корабль, поразив его под небольшим углом. Сквозь плавающий перед глазами туман (а это вполне могли быть тривиальные слезы) я видел, как корпус «Леди» смялся от удара. Обшивка капера тоже прогнулась в том месте, куда врезалась носовая часть «Леди». Я смотрел, как лопаются наружные броневые плиты и разлетаются внутренние переборки, выбрасывая в космос содержимое отсеков. За первым ударом последовала целая череда беззвучных вспышек, от которых вздрагивали покореженные корпуса: это взрывались поврежденные узлы, механизмы и бортовые системы. Потом экран заволокло серебристой мутью выброшенных в космос газов, но даже сквозь нее я видел, как оба корабля, сцепившись в последней агонии, словно два врага, кувыркаясь, проваливаются вниз — к плоскости планетной системы.

На втором маленьком экране плотный рой грузовых контейнеров и бочек, двигавшихся несколько медленнее «Леди», уже почти накрыл меньший корабль. Пират включил двигатели на полную мощность, пытаясь уйти из-под удара, и это ему почти удалось. Но только почти. Стальные бочки барабанили по корпусу капера, сминая и пробивая обшивку, но экипаж каким-то чудом удерживал судно на курсе. В

следующее мгновение большой контейнер задел нос пирата. От удара корабль отклонился в сторону и оказался на пути другого контейнера. Третий большой контейнер с силой врезался в корму. Я увидел яркую вспышку — это взорвались двигатели. Пиратское судно беспорядочно вертелось на месте, подставляя борта под новые удары.

Балкер с беженцами я так и не увидел. Я никак не мог сообразить, в каком секторе пространства он должен сейчас находиться. Тогда я попытался найти его на экране, но голова у меня буквально раскалывалась от боли; кроме того, я слишком устал и уже не мог бороться с завораживающей глаза чернотой. В конце концов я сдался, позволив этой черноте заполнить себя целиком. Боль отступила, и я провалился в блаженное забытие.

\* \* \*

Я открыл глаза и увидел свет. Рассеянный, неяркий, очень приятный, он почти не резал глаза. Моргнув, я повернул голову и обнаружил, что лежу в аккуратной и чистой палате судового лазарета. Потом я повернулся в другую сторону и увидел Хелли.

Встретившись со мной взглядом, она молча кивнула, ожидая, пока я заговорю.

— Надеюсь, это не тюремная больница на базе миротворческих сил? — проговорил я непослушными губами.

По лицу Хелли скользнула усмешка.

— Нет. Миротворцы считают, что ты им очень помог. Они решили, гм-м... закрыть глаза на некоторые нарушения. Ты находишься в судовом госпитале грузовоза «Восход Фенриса», принадлежащего «Вестрал шиппинг». Мы стартовали с Фейгина и готовимся к прыжку.

— О-о... — Несколько секунд я обдумывал услышанное. — «Леди»?..

— Большой капер был полностью уничтожен во время столкновения, — сказала Хелли. — Второй пират оказался серьезно поврежден грузовыми контейнерами. Миротворцы захватили его несколько дней спустя.

— Несколько дней спустя... — повторил я и откинулся на подушку, чувствуя невероятную слабость. Было даже странно, что человек, проспавший столько времени, способен так устать.

— Нас подобрали миротворцы, — продолжала рассказывать Хелли. — Эта ваша спасательная шлюпка оказалась в довольно плачевном состоянии. Ты, впрочем, тоже... У тебя было сильное сотрясение, несколько переломов и кое-какие мелкие повреждения... Да, корабль с беженцами спасся. Теперь они в безопасности.

Значит, «Леди» погибла не напрасно. Я кивнул.

— Капитан Уэскинд могла бы гордиться тобой, Килкэннон.

— А что с... — Хелли покачала головой, и вопрос застыл у меня на губах.

— Она погибла. — Хелли Керасайдес слегка наклонилась вперед и, взяв меня за руку, несильно пожалала. — Ты сделал все, что мог, Килкэннон. Но ее скафандр, очевидно, разгерметизировался... или она сама его открыла. Когда ты доставил Джейн Уэскинд на шлюпку, было уже поздно.

Я долго молчал. Все внутри меня словно онемело от горя и остро-го чувства вины. И вместе с тем я испытывал огромное облегчение, почти радость от того, что капитан Уэскинд умерла на борту своего корабля, который любила больше всего на свете. В последние дни Джейн уже почти не разговаривала, но, быть может, она понимала достаточно, чтобы принять это решение сознательно. Теперь ей не нужно было бороться с Вселенной, которую ее разум был уже не в силах вместить, не нужно было прилагать усилий, чтобы научиться жить без «Леди». Да, она поступила совершенно правильно, и все же было одно обстоятельство, которое меня тревожило.

— Я помню, — проговорил я медленно, — что Джейн перенесли на шлюпку раньше меня.

— Так и было, — подтвердила Хелли. — А в чем дело?

— Есть неписанный закон... Капитан должен покидать борт корабля последним.

Хелли Керасайдес откинулась на спинку стула и окинула меня внимательным взглядом.

— Капитан «Леди» ушел с судна последним, — с нажимом сказала она.

— Но ведь ты только что сказала, что Джейн внесли в люк раньше!

— Да, сказала.

Я ждал, что она как-то объяснит свои слова, но Хелли молчала. Наконец она спросила:

— Ты хочешь узнать что-нибудь еще?

— Да, хочу. Кто ты, черт побери, такая?

Хелли снова улыбнулась мне своей странной, чуть неловкой улыбкой.

— Да, я должна кое в чем признаться. Керасайдес — это выдуманная фамилия. На самом деле меня зовут Хелли Вестрал.

— Вестрал?.. — Я не сразу понял, почему эта фамилия кажется мне такой знакомой. — Как в... в названии «Вестрал шиппинг»?

— Да. Моя мать владеет контрольным пакетом акций этой компании.

Я глубоко вздохнул.

— А я-то гадал, почему старший помощник Чен относится к тебе с таким почтением! Не как к обычному пассажиру...

— Он знал, кто я такая. Он и капитан «Канопуса» — больше никто. В целях безопасности мы с мамой предпочитаем путешествовать под вымышленными именами.

— Что ж, это разумно. Но почему ты открылась мне сейчас?

— Потому что я хочу предложить тебе работу, Килкэннон. Офицеры и моряки «Вестрал шиппинг», которые видели тебя на «Леди», дали о тебе самые лестные отзывы, и мама согласилась безоговорочно.

Работа... Работа в «Вестрал шиппинг», на одном из ее новеньких, сверкающих кораблей!

— Мне... В общем, я хотел сказать, спасибо. Я знаю, мне придется много и хорошо работать, чтобы снова дорасти до должности старшего помощника, но я думаю: у меня получится.

Хелли Керасайдес отрицательно качнула головой.

— Мы предлагаем тебе место капитана на одном из наших судов.

От удивления я долго молчал.

— Боюсь, я недостаточно хорошо подготовлен для этой работы.

— Мы считаем, что твоей подготовки вполне достаточно.

— Но я никогда не командовал судном...

Хелли начала что-то говорить, но оборвала себя на полуслове. Некоторое время она молчала, потом кивнула.

— Мы считаем, что тебе эта работа по плечу, — повторила она.

— А... а как насчет матросов с «Леди»?

— Я знала, что ты о них спросишь. Мы найдем работу всем. — Хелли снова немного помолчала. — Эта девушка-техник... Сири... Пока мы ждали тебя в спасательной шлюпке, кое-кто начал паниковать и требовать, чтобы мы стартовали немедленно. Тогда Сири встала в люке, чтобы никто не мог закрыть его и взлететь, пока ты не вернешься. С виду она худая, хрупкая, но удивительно сильная...

— Что ж, если я когда-нибудь ее увижу, я поблагодарю ее за то, что она сделала.

— Обязательно увидишь. Сири служит теперь на этом корабле. — Хелли увидела выражение моего лица и кивнула. — Она избавилась от наркотической зависимости и заслуживает, чтобы ей дали шанс. По крайней мере, это я могла для нее сделать. Для нее и для... остальных. Для тебя, Килкэннон.

— О да, конечно. Еще раз спасибо... — Я подумал, что это коротенькое слово не способно передать всего, что я чувствовал. Теперь мне не нужно будет неделями прочесывать причалы, разыскивая еще

одно древнее корыто, куда меня могли бы взять, к примеру, третьим помощником или даже боцманом. Я стану капитаном одного из великолепных судов «Вестрал шиппинг», и мне не нужно будет заботиться о комплектовании экипажа, выкраивать деньги на ремонт и надеяться, что один удачный рейс поможет мне выбраться из финансовой пропасти. Теперь все мои рейсы будут хорошими рейсами к хорошим планетам...

Так почему же, черт возьми, я совсем не рад?

Я приподнялся на подушке, удивляясь тому, что мир вокруг по-прежнему кажется тусклым, а на душе лежит какая-то тяжесть. Я получил все, о чем мечтал, к чему стремился и чему завидовал, и теперь должен быть счастлив. Так почему же я ничего не чувствую?..

Я понял, что произнес последние слова вслух, только заметив, как Хелли качает головой. Ее взгляд был устремлен на меня, а лицо было таким, словно она разглядела в моих глазах что-то очень, очень важное.

— Мне кажется, — сказала она, — ты не рад, оттого что знаешь: теперь у тебя очень мало шансов снова отыскать Тихую Гавань.

— Тихую Гавань?! О чем ты... Ведь я никогда там не был.

Она снова улыбнулась и покачала головой, но глаза ее оставались серьезными.

— Ты действительно уверен, что не знаешь, где находится Тихая Гавань?

— Не знаю и никогда не знал. Кроме того, ты, кажется, говорила, будто моряцкий рай — это просто сказка...

— Нет, я сказала только, что не существует места, которое могли бы назвать Тихой Гаванью *все* моряки. Но на самом деле Тихая Гавань существует!

Опять она говорила загадками, а у меня не было сил их разгадывать, во всяком случае — сейчас. Отвернувшись, я уставился в потолок.

— Тогда где же она?

— Ты глуп, Килкэннон. Тихая Гавань — это то место, куда ты мечтаешь попасть. То место, где находится все самое дорогое и важное.

Когда я снова посмотрел на нее, Хелли уже шла к выходу. Хотел бы я знать, что она имела в виду...

Но, боги! Как же я скучаю о нашей «Леде»!

Перевел с английского  
Владимир ГРИШЕЧКИН



П О Л М А К О У Л И

# КРЫСЫ



Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

**К**артер Чо пытался замаскировать спасательную шлюпку, когда его обнаружил охотник-убийца. Картер уравнивал скорость с обломком разбитого кометного ядра, прожег в нем дыру выхлопной струей двигателя шлюпки, осторожно включив его на несколько секунд, и втиснул прочный кораблик в образовавшийся туннель. Затем надел скафандр и выбрался наружу через шлюз, намереваясь закрыть вход в туннель фуллереновой сверхпроводящей тканью и тем самым отсечь инфракрасное и радарное излучение шлюпки. Он старался работать методично, прихватывая края ткани зажимами и глубоко втыкая концы зажимов в грязный и скользкий водяной лед у входа в туннель, но ткань площадью в сорок квадратных метров и толщиной всего в шестьдесят атомов углерода весила чуть меньше крылышка бабочки и в струйках газа и пыли, вырывающихся из ледяных обломков, билась и трепыхалась, как живое существо. Картер успел закрепить меньше половины, когда ученая крикнула:

— Сверху! Приближается!

Именно в тот момент Картер и обнаружил, что она блокировала ему доступ к системам управления шлюпки.

— Что вы сделали? — спросил он.

— Посмотри вверх. Он летит прямо на нас! — Женщина была на грани истерики.

Картер посмотрел вверх.

Небо напоминало картину апокалипсиса. Во все стороны, кувыркаясь, разлетались обломки кометного ядра, отбрасывая длинные конические тени на полотнища и струи газа, освещенного половинкой диска красного карлика. Это ядро было небесным телом диаметром в десять километров задолго до того, как истребитель Фанатиков пересек его орбиту, вскрыл, как консервную банку, рентгеновскими лазерами и кинетическими снарядами и уничтожил спрятанную внутри научную платформу. Истребитель также выпустил стаю автоматических охотников-убийц, и теперь они, завершив резкое торможение, шныряли в облаке кометных обломков, отыскивая среди них капсулы, герметичные емкости и разный мусор — все, что осталось от платформы. Сквозь мутную струю газов Картер заметил быстро угасшую светлячковую вспышку, а затем другую, почти на девяносто градусов в стороне. Работая, он почти забыл о страхе, но сейчас тот пронзил его вновь — электрический, мощный и неумолимый.

— Верните мне управление шлюпкой, — сказал он.

— Я отслеживаю его на радаре! Думаю, он собирается...

Огромная глыба грязного льда содрогнулась. Струя пыли и газа

вскипела над зазубренным горизонтом, и из этой пыли вылетело нечто, мчась прямо на Картера. Оно напоминало серебристого осьминога — с головой в форме пули, за которой болтался десяток щупалец, оканчивающихся когтями и лезвиями. Робот охватил щупальцами ледяную пирамидку у противоположного края входа в туннель и приподнялся, раскачиваясь из стороны в сторону, словно изучая человека. Наверное, решает, в каком месте будет проще меня разрезать, подумал Картер и направил на врага сварочный пистолет. Робот метнулся вперед...

Из входа в туннель ударила струя газа и пыли — учения в шлюпке включила на секунду двигатель. Фуллереновая ткань взлетела, натянувшись, как парус под ударом шквала, и охотник-убийца врезался в нее и вырвал из зажимов, которые Картер так тщательно закреплял. Кувыркаясь, робот пролетел мимо него внутри комка ткани.

Картер нырнул в люк на тупом носу шлюпки. Внезапно возникшая гравитация навалилась на него и швырнула в заднюю переборку, когда шлюпка рывком вылетела из убежища.

\* \* \*

Обширный пояс астероидов вокруг Кейда, холодной звезды класса K1 в тройной звездной системе 40 Эридана, люди заселили более века назад. Первое поколение, выращенное из замороженного генетического материала, доставленного на звездолете-сеятеле, соорудило поселение под куполом на Новой Калифорнии — астероиде размером с половину земной Луны — и засеяло его щербатые от кратеров ледяные равнины огромными полями вакуумных организмов. Следующие поколения расплозились по астероидному поясу Кейда, строя купола и сооружая крыши над ущельями и долинами. Они создавали семьи, становились экспертами по сбалансированной экологии небольших замкнутых экосистем, писали и исполняли героические оперетты и обменивались информацией и произведениями искусства по межзвездной инфосети, связывавшей колонии Земли. Однако недолг был Золотой век: искусственные интеллекты на Земле быстро достигли превосходства над своими создателями. С тех пор эти ИИ стали называть трансцендентами.

Кейдийцы были людьми практичными и упрямыми. По их мнению, Стоминутная война, завершившаяся покорением Земли и отлетом десятков трансцендентов из Солнечной системы, была далеким и малопонятным событием, не имеющим никакого отношения к их повседневной жизни. Кто-то сочинил об этом лишенную вдохновения оперетту, а кто-то оживил утраченное искусство симфонии, и несколько следующих лет сие скорбное восьмичасовое сочинение считалось в звездных

колониях новой вершиной человеческого искусства. Очень немногие кейдийцы обратили внимание на тот факт, что трансценденты уничтожили Сириус Б и использовали триллионы тонн тяжелых элементов, добытых из ядра этого белого карлика, чтобы построить гигантское кольцо на близкой орбите вокруг Сириуса А. Никто особо и не забеспокоился, когда трансценденты начали «разбирать на сырье» газовые гиганты в других необитаемых мирах. Все сошлись на том, что машинные разумы заняты осуществлением какого-то масштабного и тайного плана, на выполнение которого уйдут миллионы лет, и что ИИ столь же безразличны к жалкой комедии человеческой жизни, как садовники к возне муравьев.

Но затем самозванные транслюди-фанатики объявили джихад любому, кто отказывался признать трансцендентов богами. Они сбросили «бомбу-планетоубийцу» на уже наполовину терраформированный Марс. Они сожгли колонии на лунах Юпитера, Сатурна и Нептуна. Они отправили боевые корабли к звездам. Тонкая сеть обмена информацией и коммерции, связывающая звездные колонии, начала рваться. А чуть более шестисот дней назад в систему Кейда на полной скорости примчался трансцендент и резко затормозил, гася почти световую скорость и выходя на траекторию, ведущую к двойной системе из белого и красного карликов всего в 400 астрономических единицах\* от Кейда. Красные карлики всегда были склонны к неожиданным вспышкам, но через несколько дней после того, как трансцендент вышел на орбиту вокруг него, эта тусклая звездочка начала ярко и равномерно светиться на одном из полюсов. Оттуда в космос стала хлестать узко сфокусированная струя материи и энергии, а часть богатого углеродом звездного вещества была превращена в паруса размером с планету, висящие в сотнях тысяч километров над звездой, но каким-то образом сцепленные с ее центром тяжести. Дисбаланс сил между реактивной струей и световым давлением на гигантские паруса наклонил звезду на девяносто градусов, и тогда струя вспыхнула еще ярче, а звезда начала смещаться с орбиты.

Через сто дней после этого появились Фанатики, и война за систему 40 Эридана началась.

\* \* \*

— Нас нашли охотники-убийцы, — сказал учения. — И нам было необходимо от них сбежать.

---

\* *Астрономическая единица — расстояние от Земли до Солнца, около 150 миллионов километров. (Здесь и далее прим. перев.)*

— Я был готов сразиться, — заявил Картер.

Уцелевший глаз женщины гневно блеснул:

— А я не готова пожертвовать собой ради уничтожения нескольких боевых роботов, мистер Чо. Моя работа гораздо важнее.

Она была молода, испугана и тяжело ранена, но Картер не мог не признать, что мужества ей не занимать. Когда истребитель нанес удар, Картер надевал скафандр, собираясь установить панель детекторов на поверхности кометного ядра. Женщина оказалась первой, кого он увидел, выбравшись из люка. Он поймал ее и протащил двадцать метров через вакуум к спасательной шлюпке, которую сорвало с разбитой научной платформы, а затем уложил в одну из шлюпочных гибернационных капсул. Ее сильно обожгло отраженным лучом рентгеновского лазера, разрезавшего пополам главную секцию научной платформы — половина лица покраснела и распухла, а местами и почернела, глаз на этой стороне лица превратился в слепой белый камень, а волосы свернулись и пожухли. Капсула мало чем была способна ей помочь — только ввести обезболивающее и влить в кровь через капельницу обогащенную глюкозой плазму. Она умрет, если не погрузится в гибернацию, но женщина сказала, что не разрешит ему включить режим сна, потому что ее ждет работа.

Ее капсула была одной из двадцати, аккуратно установленных по окружности на внутренней поверхности корпуса шлюпки. Картер Чо висел в пространстве между ее капсулой и шахтой двигателя — костлявый, преждевременно поседевший мужчина с волосами, заплетенными в короткие косички. Косички стрелками торчали вокруг его худого, с острыми скулами лица, словно его только что ударило током.

— Это мой корабль, — заявил он. — И командую им я.

Женщина уставилась на него уцелевшим глазом — красным из-за лопнувших мелких сосудов. Зрачок прикрывала черная линза инфосистемы.

— Я младший лейтенант. Полагаю, что вы рядовой, и мое звание выше, чем ваше.

— Звания, которые раздавали добровольцам вроде вас, ничего не значат.

— Я вызвалась участвовать в этой миссии, мистер Чо, потому что хотела узнать о трансценденте все возможное. И потому что считаю: эта информация поможет нам одолеть Фанатиков. Меня все еще ждет работа, и поэтому я должна обдумать нашу стратегию.

— Просто верните мне контроль над моим кораблем, хорошо? — обратился к ученой Картер.

Она промолчала, глядя сквозь него.

— Ладно, тогда просто скажите, что вы сделали, — настаивал он. — Вы могли что-нибудь повредить.

— Я написала программную вставку, которая сидит в памяти над командным стеком. Она ничего не может повредить. Послушайте, мы пытались спрятаться от охотников-убийц, а когда это не сработало, нам пришлось от них убежать. Я могу оценить ваше стремление принять бой. И даже могу им восхищаться. Но на их стороне было численное превосходство, а рисковать жизнью людей — слишком большая роскошь. Война — это не вопрос личного героизма, это коллективное усилие. А будучи частью коллектива, каждый индивидум должен подавлять свои инстинкты ради более важной цели. Вы меня понимаете?

— При всем моем уважении, мэм, я понимаю одно: я астронавт с боевым опытом, а вы чокнутый ученый. — Она опять смотрела сквозь него. Или, возможно, изучала данные, проецируемые инфолинзой на ее сетчатку. — Кстати, в какой именно области вы чокнулись?

— В теории квантового вакуума. — Женщина закрыла глаза, стиснула зубы и судорожно вздохнула, затем уже тише и более высоким от напряжения голосом пояснила: — Я надеялась узнать, как трансцендент манипулирует магнитными полями, управляющими той реактивной струей в звезде.

— Вам плохо?

— Ерунда, короткий приступ.

Картер изучил диагностическую панель капсулы, однако так и не смог уяснить, что же означает выведенная на нее информация.

— Вы должны разрешить капсуле усыпить вас. Когда вы проснетесь, мы уже вернемся в Пасадену, а там вас быстро вылечат.

— Я знаю, как управлять шлюпкой, и пока я сохраняю над ней контроль, вы не сможете меня усыпить. Мы все еще летим по орбите кометы. И мы обязаны изучить вблизи все, что соорудил трансцендент. А если я не смогу вытянуть из этого хоть что-то полезное, то разрешаю вышвырнуть меня пинком за борт, развернуться и отправиться на поиски другого ученого.

— Может, вы и в состоянии управлять этим кораблем, мэм, но вы не прошли курс боевой подготовки.

— А сражаться не с кем. Мы обогнали охотников.

— Это так, — согласился Картер. — Но, может, вам следует включить радар и проверить координаты истребителя? Как раз перед тем, как вы устроили этот небольшой мятеж, я заметил, что корабль разворачивается. Полагаю, он собирается начать охоту на нас.

\* \* \*

Картер выпотрошил капсулы, сорвал со стен панели и обивку. Отсоединил баки с жидкой пеной, которая заполняла капсулы на время гибернации. Вытащил из стоек десятков запасных скафандров. Потом загерметизировал капсулу ученой, надел скафандр, открыл наружный люк и вышвырнул весь этот мусор в космос.

Идея состояла в том, что пилот истребителя заметит обломки, решит, что шлюпка взорвалась, и прекратит преследование. Картер гордился своей находчивостью, однако ученая не разделила его воодушевления:

— Это не обманет противника даже на секунду.

— Есть еще надежда, — возразил Картер, — что когда истребитель погонится за нами, то может врезаться в какой-нибудь из обломков. А при достаточно высокой относительной скорости даже пылинка способна нанести серьезное повреждение.

— Он может сжечь нас рентгеновским лазером. Зачем ему вообще гнаться за нами?

— По той же причине, почему охотник не взорвал нас, когда отыскал. Подумайте хорошенько, мэ. Ему нужен пленник. Он хочет извлечь информацию из живого тела.

Женщина задумалась.

— Если он нас догонит, то ваше желание стать жертвой исполнится. В двигателе осталось достаточно антибериллия, чтобы устроить взрыв, который осветит всю систему. Но это крайнее средство. Истребитель все еще разворачивается, у нас хорошая фора, и мы всего лишь в двадцати восьми миллионах километров от перигелия. Если мы доберемся туда первыми, то сможем промчатся мимо красного карлика, а далее выбрать случайный курс. Если Фанатик не угадает нашу выходную траекторию, это подарит нам достаточно времени.

— А у него будет достаточно времени, чтобы отыскать нас снова. Мы же далеко от дома, а их кораблей может оказаться несколько, — возразил Картер.

— Нам надо лишь прожить достаточно долго, чтобы узнать все возможное об инженерном проекте трансцендента и сбросить информацию домой по узкому лучу. — Улыбка у нее оказалась жуткой: на зубах виднелась кровь. — Хватить спорить, рядовой. Вам что, нечем заняться?

За шлюпкой тянулся хвост мусора, постепенно становясь все шире. Время от времени какая-нибудь гладкая поверхность вспыхивала, отражая свет красного карлика. Прежде чем выбросить скафандры, Картер загерметизировал их и включил системы жизнеобеспе-

чения и рации. Быть может, Фанатик попадется на эту уловку и решит, что в скафандрах живые люди. Затем Картер выпустил за борт длинные струи пены и выбросил опустевшие баки. Шанс на то, что какой-нибудь кусочек мусора ударит в истребитель Фанатика, был ничтожно мал, но даже малый шанс лучше, чем никакой, к тому же работа отвлекала его от мыслей об ужасной перспективе стать пленником.

Разбитое кометное ядро за кормой уже превратилось в размытое пятнышко, волочащее по звездному небу короткие светящиеся полоски. Экспедиция стянула его с орбиты и спрятала внутри научную платформу, а потом, как сказочная армия, на целый год погрузилась в сон, пока комета летела к красному карлику. Их миссия стала последней и отчаянной попыткой узнать что-либо о секретах трансцендента, однако когда ядро кометы приблизилось к звезде и члены экспедиции проснулись и взялись за работу, один из роботов, патрулировавших окрестности звезды, каким-то образом засек научную платформу, и Фанатики послали истребитель, чтобы ее уничтожить. Как и все вражеские боевые корабли, он двигался очень быстро, с убийственным ускорением, которое просто расплющило бы обычных людей. И появился менее чем через тридцать секунд после сигнала тревоги, посланного с наблюдательной обсерватории на поверхности ядра. У экипажа научной платформы просто не было шансов уцелеть.

Теперь истребитель находился точно между кометой и шлюпкой. Он развернулся вдоль продольной оси и тормозил на восьми  $g$ . При максимальном увеличении, которое выдавал щиток его шлема, Картер мог разглядеть лишь черточку выхлопа, но не сам корабль. В противоположном направлении на дне своеобразного колодца светящейся темноты мерцал красный карлик. Его ядерная топка еле работала, и звезда излучала в основном в инфракрасном диапазоне. Картер мог смотреть прямо на нее, почти не включая фильтры. Резкие тени огромных солнечных парусов медленно уходили за горизонт звезды, а в противоположном направлении ярко-белой нитью била реактивная струя звездной материи — гораздо более яркая, чем ослепительная точка белого карлика, восходящего чуть в стороне от струи. До того, как трансцендент начал свою работу, красный карлик обращался вокруг меньшего, но более массивного белого карлика по широкой эллиптической орбите, в ближайшей точке приближаясь к нему на двадцать астрономических единиц — расстояние от Солнца до Урана. Теперь он находился гораздо ближе, и это расстояние все сокращалось. Ученые предполагали, что трансцендент планирует использовать приливные силы близкого прохождения одной звезды мимо другой, что-



бы разорвать красный карлик, но у них оказалось менее сорока часов на изучение замысла трансцедента — а потом истребитель Фанатиков нанес удар.

Зависнув в скафандре неподалеку от шлюпки, с огромной мишенью красного карлика за спиной и безбрежным звездным небом перед глазами, Картер Чо размышлял над тем, как лучше всего распорядиться своей судьбой. Вселенная огромна и бесчеловечна. Война тоже. Где-то далеко, вокруг звезд, чьи названия — Альфа Центавра, Эпсилон Эридана, Тау Кита, Лаланд 21185, Лакейл 8760, 61 Лебеда, Эпсилон Индейца, Грумбридж 1618, Грумбридж 34, 82 Эридана, 70 Змееносца, Дельта Павлина, Эта Кассиопеи — звучали как гордый перечень мифических героев, решалась судьба человеческой расы. Пока Картер и остальные члены экспедиции спали в капсулах глубоко в сердце кометы, Фанатики блокировали и уничтожили десяток поселений в астероидном поясе Кейда, а кейдийцы нанесли ответный удар и уничтожили один из огромных звездолетов Фанатиков. По сравнению с этой великой битвой судьба Картера значила меньше, чем капля воды в штормовом океане — мысль одновременно и унижительная, и вдохновляющая.

Что ж, пусть его жизнь ничтожна, но он не собирается доверить ее умирающей молодой женщине без боевого опыта. Отталкиваясь кончиками пальцев, он подплыл к корме, открыл панель и отключил ручную блокировку управления, после чего вернулся в шлюпку. К этому времени он проработал уже шесть часов, вымотался и сильно вспотел в скафандре, но не мог его снять, потому что воздух из шлюпки был выпущен, а большинство систем отключено — так он надеялся обмануть Фанатика, заставив его поверить, что это лишь корпус разбитого корабля. Внутри было темно и холодно. Свет по обе стороны щитка его шлема отбрасывал резкие тени. В тех местах, где он содрал обшивку, на переборках блестел иней.

Женщина лежала в закрытой капсуле, сквозь окошко виднелось ее наполовину обезображенное лицо. Она казалась спящей, но когда Картер подлетел ближе, она открыла уцелевший глаз и посмотрела на него. Он воткнул кабель в переговорный разъем и услышал какую-то музыку — простые ритмичные последовательности для ударных, пианино, тромбона и саксофона. Женщина сказала, что это ее любимое произведение и она хочет послушать его еще раз.

— Вам надо разрешить капсуле усыпить вас, — снова предложил Картер. — Пока...

Женщина хрипло закашляла. На окошко капсулы брызнули капельки крови.

— Пока я не умерла, — договорила она.

— Перед включением в состав экспедиции я прошел определенную научную подготовку, мэм. Просто скажите, что мне надо сделать.

— Перестаньте называть меня «мэм», — сказала она и закрыла глаза, вслушиваясь, как тромбон ведет долгую и приятную мелодичную линию на фоне негромкого шороха ударных. — Разве у вас не замирает сердце? Это Майлс Дэвис. Запись сделана на концерте в Нью-Йорке более ста лет назад. Поистине музыка для ангелов!

— Интересно. Простой размер шесть восьмых, но вот модальные изменения... — Женщина уставилась на Картера, он почувствовал, как смущенно краснеет, и встревожился: а вдруг она это заметит? — Я унаследовал чувство ритма от матери, — пояснил он. — Она пела в оперном хоре, пока не вышла за моего отца и не стала растить детей и разводить вакуумные организмы.

— А вы не пытайтесь разложить музыку на составляющие. Ее надо слушать как целое. В своей полноте она совершенна. И я лучше умру, слушая ее, чем во время сна в капсуле.

— Вы не...

— Я записала все, что смогла вспомнить о работе, проделанной до нападения. К этому я добавлю наблюдения, которые сделаю, когда мы облетим звезду, а потом сброшу всю информацию на Кейд. Быть может, там из нее добудут что-либо полезное, поймут, в чем суть фокусов трансцендентов с магнитными полями, гравитационными захватами и всем прочим... — Она закрыла глаз и глубоко вдохнула. В легких у нее захрипело. Тихо, словно для себя, она проговорила: — Как много людей погибло. Мы должны сделать все, чтобы их смерть оказалась не напрасной.

Картер едва успел познакомиться со своими товарищами по экспедиции, набранными из разных мест системы Кейда, прежде чем они залегли в годичный сон, но ученая потеряла друзей и коллег.

— Истребитель все еще разгоняется, — заметил он.

— Знаю.

— Он может догнать нас раньше, чем мы долетим до звезды.

— Быть может, ваш трюк возымеет действие.

— С тем же успехом я мог бы отбиваться подушкой.

Женщина улыбнулась:

— Мы должны попробовать. Мы просто обязаны испробовать всё. Поэтому я объясню, что планирую сделать, когда мы окажемся в перигелии.

По ее словам, телескопы на автоматических зондах и астероидах показали, что трансцендент упорядочил магнитное поле красного карлика,

направив плазму в одну точку фотосферы\*, откуда она теперь бьет постоянной струей, превратившись в реактивный двигатель, неумолимо подталкивающий звезду к гибели на дне крутого гравитационного колодца белого карлика. По ее мнению, трансцендент манипулировал гигантской энергией магнитного поля звезды за счет нарушения симметрии кипящего моря особых виртуальных частиц, определяющих квантовый вакуум, генерируя при этом заряженные частицы и перенаправляя потоки плазмы и замкнутые магнитные поля напряженностью в тысячи гаусс на участках в тысячи километров с такой же легкостью, как это делает ребенок, играющий магнитиком и железными опилками. Зонд с приборами, которые она настроила на проведение нескольких экспериментов, был утрачен вместе с научной платформой, но она полагала, что имеется способ проверить хотя бы одно предсказание ее теоретической работы по нарушению симметрии.

Она открыла инфоокно на дисплее в шлеме Картера и показала схему маневра вокруг красного карлика.

— Вам надо подойти настолько близко? — поразился он.

— Период полураспада странных фотонов\*\* будет очень коротким, чуть меньше миллисекунды.

— Понял. До своей гибели они не успеют пролететь более нескольких сотен километров. — Картер ухмыльнулся в ответ на ее удивленный взгляд. — Скорость света — одна из тех фундаментальных констант, с которой приходится иметь дело каждому астронавту.

— Это значит, что нам надо подобраться близко к источнику. Но это также означает, что сразу над фотосферой поток фотонов аномально возрастет. Должен появиться или внезапный градиент, или несколько скачков... Это один из экспериментов, который должен был провести мой зонд.

— Но зонд уничтожен, поэтому нам надо сделать это вместо него. В такой близости от звезды будет очень горячо. О каких температурах мы говорим?

— Не знаю. Средняя температура на поверхности красного карлика относительно невелика, чуть выше 3000 градусов по Кельвину, но станет выше у основания факела, где мы должны будем пролететь.

— А почему бы нам не пройти вдоль края самого факела? Пусть да-

\* Фотосфера — нижний слой атмосферы звезды, из которой выходит почти все ее электромагнитное излучение.

\*\* «Странность» — одна из характеристик элементарных частиц в квантовой физике. Бывает целой, положительной и отрицательной, у частиц и античастиц противоположна по знаку. «Странными» называются частицы, у которых странность не равна нулю.

же он горячее поверхности, зато время нашего пролета сильно уменьшится.

— Вокруг факела магнитные поля очень сильны и к тому же закручены по спирали. Они могут швырнуть нас в любом направлении. Если повезет, то в сторону от звезды, а если нет — то к звезде. Нет, я хочу нацелиться туда, где силовые линии идут в одном направлении. Но магнитные поля могут внезапно изменить направление, и ко всему прочему остается риск нарваться на случайный выброс плазмы, поэтому я не могу включать двигатель, пока мы не подберемся совсем близко.

Картер вспомнил, что уже переключил управление на себя и сказал:

— Если надо проскочить в узкую щель, то я тот, кто вам нужен. Этот кораблик я смогу провести даже сквозь игольное ушко.

— Как только я увижу наш шанс, то включу полную тягу, чтобы свести время пролета к минимуму.

— Но и в этом случае без термозащиты кометного ядра здесь будет очень жарко. Намного хуже, чем совать руку в пламя свечи. Пожалуй, я смогу заставить корабль вращаться вдоль продольной оси и запустить систему охлаждения на максимум. Капсула защитит вас от перегрева, я тоже заберусь в капсулу, но если нас и не убьет температура, то это вполне может сделать мощный поток излучения. Вы действительно думаете, что сможете узнать нечто полезное?

— Это уникальная возможность, рядовой. Инженерные проекты трансцендентов обычно очень трудно изучать, потому что они держатся в стороне от обитаемых звездных систем. Некоторые из нас считают, что Стоминутная война велась за судьбу человеческой расы, а трансценденты, которые выиграла войну и покинули Солнечную систему, решили, что нас следует оставить в покое и не мешать людям жить, как им хочется.

— Но ведь этот не оставил нас в покое.

— Если рассуждать формально, то оставил. В тройной звездной системе 40 Эридана компоненты Б и В, то есть белый и красный карлики, образуют тесно сцепленную пару. Третий же компонент, наш Кейд, связан с ними весьма слабо. А оба карлика представляют собой тот редкий тип двойных звезд, который очень интересует трансцендентов — массы компонентов сильно отличаются. У нас сейчас уникальная возможность наблюдать звездную инженерию вблизи. Фанатики об этом знают, поэтому так ревностно стараются уничтожить любого, кто подбегает слишком близко.

— Они хотят, чтобы секрет трансцендентов остался секретом.

— Их интересует не понимание трансцендентов, а лишь поклонение им. Они такие же упертые и неизменные, как их вера, но мы-то хотим

узнавать новое, учиться, использовать новые знания, чтобы меняться и развиваться. Вот почему мы выиграем эту войну.

\* \* \*

Следуя инструкциям ученой, Картер разобрал три камеры и переделал их оптические схемы в счетчики фотонов. Пока он работал, женщина рассказывала ему о своем семейном доме в Счастливой Долине на Новой Калифорнии. Он был сильно поврежден во время одной из первых атак Фанатиков, и ее родители и трое братьев помогали организовывать эвакуацию. Ее мать была разработчиком экосистем, а отец возглавлял правительственную программу межзвездной торговли. Сейчас они члены Военного совета.

— И очень горды и очень встревожены тем, что их единственная дочь вызвалась добровольцем в эту экспедицию.

Картер поведал, что его семья — самые обычные люди, члены кооператива, владеющего фермой по выращиванию вакуумных организмов на покрытых водным и метановым льдом равнинах Сан-Хоакина. Он пилотировал один из принадлежащих кооперативу грузовых буксиров и записался добровольцем в силы обороны Кейда, как только началась война с Фанатиками. Однако ему не хотелось рассказывать о двух безрезультатных стычках, в которых ему довелось участвовать до назначения в эту экспедицию. Вместо этого он поведал женщине о накрытом куполом ущелье, ставшем домом для его семьи, и генетически модифицированных крысах, которых он помогал выращивать.

— Я любил этих крыс. Жаль, что у меня не хватило ума остаться дома, выращивать крыс и завести детей, но мне пришло в голову, что мои скромные математические таланты и чувство пространства могут стать билетом в более интересную жизнь.

— Черт, — процедила ученая. — Истребитель только что пролетел сквозь ту кучу мусора.

Она открыла инфоокно и показала Картеру картинку с радара.

Он почувствовал странную легкость, не имеющую никакого отношения к невесомости.

— Что ж, во всяком случае, мы пытались...

— Я уверена, он не перехватит нас раньше, чем мы долетим до звезды.

— Если мы сейчас включим двигатель...

— То упустим возможность измерить потоки фотонов. Как бы мы ни поступили, мы все равно умрем, рядовой. Так давайте придадим смысл нашей смерти.

— Хорошо.

— Почему вы их любили? Своих крыс?

— Потому что они те, кто выживает. Потому что сумели добывать пропитание у людей с тех самых пор, как мы изобрели сельское хозяйство и города. На Земле они были грызунами-вредителями, маленькими, упорными, умными и плодовитыми. Они питались тем же, что и люди, у нас даже появились общие болезни и паразиты. Мы взяли их с собой в космос, потому что эти же качества сделали их идеальными лабораторными животными. Вы знаете, что они стали первым видом млекопитающих, чей геном был полностью расшифрован? Именно поэтому среди них сейчас так много генетически измененных разновидностей. Мы разводили их в основном ради мяса, меха и биологического материала, но несколько пород мы продавали как домашних зверушек. В раннем детстве у меня была пушистая пятнистая крыса, и я любил ее не меньше, чем любого из братьев или сестер. Чарли. Он прожил более тысячи дней, а для крысы это весьма почтенный возраст, и когда он умер, я не позволил сунуть его в утилизатор. Отец помог мне сделать гробик из обрезков черного дуба, и я похоронил его на полянке в своем любимом цитрусовом лесу...

— Приятное, должно быть, местечко для вечного упокоения.

— А у нас вообще хорошо. Есть рощи, много маленьких полей. Люди выращивают цветы, просто так, для красоты. У нас на воле живет восемнадцать видов млекопитающих. Все они, конечно, генетически подправлены, зато дают представление о том, какой была когда-то дикая природа. Мне не терпелось выбраться оттуда, а сейчас жду не дождусь, когда смогу вернуться. Не дурак ли я?

— Мне бы хотелось увидеть эти края. Может, когда-нибудь вы сможете пригласить меня в гости, покажете самые красивые места... А моя семья устраивала большой пикник обычно раз в пару сотен дней. Арендовали участок в каком-нибудь парке, играли в разные игры, готовили столько еды, что не могли все съесть, курили, пили...

— Мой отец замечательно готовит. А мать руководит отличным любительским хором. Нам обязательно надо собраться всем вместе.

— Непременно.

Они улынулись друг другу. То был серьезный момент. Картер подумал, что надо бы сказать что-то подходящее — но что? Он никогда не был многословен, а теперь еще смутился от того, что не знает имени своей спутницы. Его-то собственное значилось на скафандре.

— Время идет, — напомнила ученая.

— Да, мэм. Схожу закреплю это барахло и сразу же вернусь.

Он приварил детекторы фотонов к тупому носу шлюпки и подключил их кабелем. Затем подготовил антенну. Когда шлюпка чиркнет по

основанию факела, ее компьютер сожмет необработанные данные и пошлет их коротким зашифрованным импульсом, нацеленным на Кейд, повторяя его так долго, сколько окажется возможным. До тех пор, пока их не догонит истребитель Фанатиков. Сейчас их разделяло менее десяти тысяч километров. Прямо по курсу половину неба заслонял диск красного карлика. Факел выглядел тонкой белой нитью, выходящей из пятнышка оранжево-желтого термоядерного пламени. По мере их приближения нить зрительно укорачивалась, уходя при этом в бесконечность. Картер сказал, что ее основание напоминает пятнышко грибкового заболевания на коже яблока, и ученая сообщила, что аналогия не очень-то и преувеличена: незадолго до гибели научной платформы одна из групп исследователей обнаружила, что в этом месте протекают странные ядерные реакции, в которых ежесекундно образуются тонны углерода. Она показала ему фото, сделанное одной из камер шлюпки — редкое изображение трансцедента. Его было трудно разглядеть на фоне пылающей поверхности звезды, потому что это была идеально отражающая сфера.

— Диаметр ровно километр, период обращения над экватором восемь минут. Полагают, что они замыкаются внутри пузырей пространства, где фундаментальные константы изменены для усиления их познавательных процессов. Этот трансцедент — сторож или смотритель. Я вышлю это фото...

Мимо них промчалась струя раскаленного газа, похожая на пылающую змею длиной в тысячи километров. Шлюпка вздрогнула — наверное, из-за порожденного струей магнитного потока.

— Мне пора возвращаться, пока я не изжарился, — сообщил Картер.

— Мне уже очень скоро надо будет включить двигатель. Погодите... Картер стал ждать, ухватившись за край люка.

— Вы включали антенну?

— Всего на несколько секунд, чтобы проверить.

— Что-то проникло в компьютер. Думаю, это вирус. Я пытаюсь ставить блокировку, но он распространяется по системе. Он уже перекрыл доступ к двигателю и системам навигации...

— Я также контролирую ядро системы, — произнес другой голос, легкий и мелодичный. И коварный, как змея. Он звучал прямо в голове Картера. — Картер Чо, я тебя вижу. И знаю, что ты меня слышишь.

— Я не могу включить двигатель, — сказала ученая, — но надеюсь, ты сумеешь что-нибудь придумать.

Значит, она все это время знала о его трюке с перехватом управления. Картер начал перебираться на корму.

— Картер Чо, — не унимался голос, — вскоре я получу полный контроль над вашим кораблем. Сдавайся.

Сейчас Картер уже мог разглядеть истребитель — плоский треугольник на острие копья из белого пламени. Их разделяло всего несколько секунд. Он поднял панель, воткнул в разъем кабель управления. По дисплею в шлеме поползли редкие строчки информации. Он не мог получить доступ к подготовленному ученой плану полета, а из навигационных приборов у него остались только собственные глаза и задница. Ему придется наводить корабль на основание факела почти вслепую и надеяться, что удастся попасть в узкое окно, пройти под нужным углом, да еще в правильном месте, где параллельные силовые линии магнитного поля идут в верном направлении...

— Картер Чо. У меня полный контроль над кораблем. Убей женщину и сдавайся, и я обещаю, что ты будешь жить с нами в славе.

...Или он мог рискнуть и бросить кости. На удачу. Картер вытянул страховочный фал с пояса скафандра и пристегнулся к ближайшей скобе. Почти полностью затемнив щиток шлема, он мог смотреть прямо на поверхность неумолимо приближающейся звезды и даже разглядеть сложную путаницу упорядоченных потоков, направляющих плазму в ослепительное пятно термоядерного пламени у основания факела.

— Убей ее или я буду убивать твой живой мозг нейрон за нейроном.

— Сдохни, — отозвался Картер и отключил переговорник. Бьющая из звезды струя поднималась в бесконечность, гигантским мечом рассекая космос пополам. Картер вспомнил слова своей спутницы о том, что если корабль пройдет вплотную к струе, то спиральные магнитные поля выбросят его в небо со случайным вектором. А звезда расплзлась уже на половину неба...

Да пошло оно все! До сих пор ему везло. Настало время еще разок бросить кубик в надежде, что удача от него не отвернется. Он включил управление ориентацией и нацелил тупой нос шлюпки. На щитке высветилось окошко меню. Он выбрал «зажигание» и «полная тяга».

Двигатель заработал, и он, вцепившись руками в скобу, внезапно ощутил свой вес. Ускорение составляло чуть меньше одного  $g$ , большинство когда-либо живших людей прожили всю свою жизнь при такой силе тяжести, но пальцы Картера в толстых перчатках свело от напряжения, а пояс, от которого тянулся фал, словно пытался разорвать его тело пополам. Огромная разделительная линия плазменного факела рванулась навстречу. Жар пробивался сквозь скафандр. Если его система охлаждения откажет хотя бы на секунду, он поджарится не хуже куска мяса в отцовской каменной печи. Или же Фанатик сожжет его



импульсом рентгеновского лазера, или же магнитный поток разорвет шлюпку на куски...

Картеру на все это было наплевать. Оседлав шлюпку, как бычка на роде, он мчался на плазменный факел шириной в тысячу километров. Охваченный дерзким весельем, он завопил...

...а через мгновение шлюпка оказалась где-то в другом месте.

Прошла целая минута, пока Картер не вспомнил, что надо бы включить переговорник.

— Что ты сейчас сделал, черт побери? — немедленно услышал он.

\* \* \*

Им понадобилось немало времени, чтобы это выяснить.

Картер направил шлюпку на край факела в надежде, что ее отбросит под случайным углом от красного карлика и она останется в целости достаточное время, чтобы передать всю информацию, накопленную во время эксперимента. Но теперь красный карлик превратился в ржавую шляпку гвоздя среди звезд у них за кормой, а в нескольких угловых секундах в стороне от него виднелась яркая точка белого карлика. Буквально в мгновение ока шлюпка набрала скорость убегания\* и оказалась перенесенной в пространстве на десятки миллионов километров.

— Это наверняка проделал трансцедент, — сказала она.

Картер снова загерметизировал шлюпку, и теперь система охлаждения, напряженно гудя, работала на полную мощность, но внутри все еще было жарко, как в сауне. Он уже снял шлем и вытряхнул на плечи мокрые от пота волосы, но женщина осталась в закрытой капсуле, потому что из-за ожогов ее кожа стала очень чувствительной к теплу. Картер завис перед капсулой, глядя на нее через окошко.

— Я поставил все на единственный шанс, который у нас оставался, и нам повезло, — сказал он.

— Никакое магнитное поле не смогло бы забросить нас так далеко и так быстро. Тут явно не обошлось без трансцедента. Возможно, он лишил нас инерции. И на несколько секунд мы утратили массу наподобие фотонов, достигли скорости света...

— Нам повезло, — повторил Картер. — Я попал в нужную точку магнитного поля.

— Проверь дальний радар, рядовой. Истребитель Фанатиков бесследно исчез. А ведь он висел у нас на хвосте. Если бы магнитные по-

---

\* Скорость убегания (вторая космическая скорость) — скорость, необходимая для преодоления силы притяжения небесного тела.

ля имели к случившемуся хоть какое-то отношение, то его отбросило бы в том же направлении, что и нас.

Картер проверил радар. Никаких следов истребителя. Он вспомнил блестящую серебряную сферу, безмятежно летающую вокруг звезды, и сказал:

— Думаю, трансценденты хотели оставить нас в покое. Вот почему они покинули Солнечную систему. Вот почему они переделывают только необитаемые системы...

— В детстве у тебя были ручные крысы. Если одна из них убегала, ты возвращал ее в клетку. Если они начинали драться, ты их разнимал. А какие чувства испытывали крысы, когда ты засовывал в клетку руку, чтобы их разнять?

Картер улыбнулся:

— Если мы крысы, то кто тогда Фанатики?

— Тоже крысы, только с манией величия. Свихнувшиеся крысы, которые думают, что распространяют волю богов, хотя на самом деле они ничем не лучше остальных. Хотела бы я знать, о чем сейчас размышляет Фанатик. Пусть на мгновение, но его коснулась рука его бога...

— И как она выглядит?

— Я закончила обработку потока информации, полученной во время эксперимента. Когда мы достигли края факела, произошло мощное и внезапное увеличение потока фотонов.

— Из-за того самого нарушения симметрии, о котором вы говорили. Вы уже послали эти данные?

— Сперва надо все детально изучить.

— Посылайте данные, — решил Картер, — и я переведу корабль в автоматический режим, а мы заснем в капсулах.

— Возможно, кое-какие ответы даст анализ продуктов распада...

— Вы уже завершили свою миссию, мэм. И теперь обо всем остальном пусть волнуется кто-нибудь другой.

— Джессин Файвер, — сказала она и улыбнулась ему через окошко. Картер на миг увидел, какой она была красивой. — Ты ни разу не спросил, как меня зовут. Я Джессин Файвер. И теперь ты сможешь представить меня своим родителям, когда мы поедем на пикник.

Перевел с английского  
Андрей НОВИКОВ



## ГЛЮК

## ДЛИННОЮ В ФИЛЬМ

**Киноадаптация романа Филипа Дика «Помутнение» резко отличается от других экранизаций произведений этого писателя. Учитывая тематику романа, это вполне закономерно, но насколько убедительным получился пафос новой ленты? Это пытается выяснить наш автор.**

Как-то незаметно, тихой сапой писатель Филип Киндред Дик (скончавшийся в 1982 году) стал главным фантастом современного Голливуда. Мало кто мог это предположить при его жизни, тогда гремели другие имена — Роберта Хайнлайна, Айзека Азимова, Рэя Брэдбери... Но вот началось новое тысячелетие, и оказалось, что прежние кумиры... слегка потускнели, что ли. Во многом устарел их художественный язык, сонмы последователей до неприличия затерли тематику их творчества. А вот Дик, не чуравшийся приемов трэш-литературы, остался актуален и злободневен.

Недаром его сейчас столько экранизируют. И тут вырисовывается любопытная тенденция: конец XX века — снимаются «Бегущий по лезвию бритвы» и «Крикуны» по вполне традиционной, «обычной» диковской фантастике о киборгах. 1999 год — выходит «Матрица», сценарий которой (в чем призна-

вались братья Вачовски) был написан не без влияния романа Дика «Убик» — о фальшивой сути известной нам реальности. Начало нового столетия — появляются «Особое мнение» и «Час расплаты», фильмы, чьи сюжеты хотя и основаны на предсказании будущего, на самом деле содержат относительно мало фантастических элементов. И вот наконец в 2006-м дело дошло до самой реалистичной (можно сказать — автобиографической) фантастики Дика — до экранизации его романа «Помутнение», этой мрачной баллады о наркоманах ближайшего будущего, о шизофрении отдельных людей — и всего общества.

Неудивительно, что за эту тему взялся режиссер, ранее в склонности к фантастическому кино не замеченный, — Ричард Линклейтер, биограф и певец тех представителей «поколения Икс», которые осознанно отказались участвовать и в карьерной гонке, и в бунте про-



тив системы. В основном Линклейтер снимал комедии и мелодрамы, не лишённые социальной критики («Под кайфом и в смятении», «Школа рока», «Нация фаст-фуда»), но была на его счету экспериментальная работа «Пробуждение жизни», где каждый кадр обрабатывался по методу «ротоскопирования» — когда обычная картинка становится как бы нарисованной, анимированной. И это изобразительное решение, превратившее мир «Помутнения» в мультик, оказалось идеальным для фильма. Конечно, прорывы «глюков» на большой экран случались и ранее, вспомним хотя бы «Страх и ненависть в Лас-Вегасе». Но там это были лишь эпизоды, а сейчас единым «глюком» смотрится вся картина.

Актерский ансамбль, собравшийся для съемок «Помутнения», сделал бы честь любой ленте. Киану Ривз, Вуди Харрельсон, Роберт Дауни-младший, Вайнона Райдер... Пресса сообщала, что снимались они за чисто символические гонорары, просто потому, что считали важным донести до людей историю боли и одиночества тех, кого угораздило подсесть на наркотик. Это, конечно, личное, ведь и Харрельсон, и Дауни, и Райдер сами долго боролись с этим недугом. А фильм (вслед за романом) высказывается однозначно: такие люди невиновны, они достойны лишь сочувствия, а виноватых следует искать среди тех, кто наживается на чужой беде, кто продает бедолагам наркотику и кто их потом

за большие деньги лечит. Впрочем, разве тем и другим не могут заниматься одни и те же негодяи?..

Но это я уже начинаю открывать сюжетные секреты, что, конечно, нехорошо. Потому прервусь и замечу одно: созданный фантазией Филипа Дика мир (а он перенесен на экран максимально бережно) значителен сам по себе, без привязки к конкретным коллизиям. Ведь это мир, где человек может донести властям на самого себя, следить за самим собой. Это мир, в котором правительство, борющееся с наркоторговцами, ведет себя так же жестоко и подло, как они, а может, даже подлее. Это мир, откуда хочется сбежать любым способом, и суицид не самый худший из них. Жить в таком мире практически невозможно, и очень неприятно замечать в окружающей реальности его зреющие черты...

Однако есть важный нюанс. Ни в книге, ни в романе не показано, ПОЧЕМУ люди соглашаются терять человеческий облик. Скажем, у героя Киану Ривза была нормальная жизнь — свой дом, жена, двое дочерей. И ВДРУГ он осознал, что ему эта жизнь надоела, а вскоре уже стоял на дороге, ведущей к распаду личности. Разве не собственные пороки оказались главной причиной его бед? А значит, если мы хотим, чтобы мир «Помутнения» остался только на пленке и на бумаге, надо начинать не с претензий к правительству. Начинать надо с себя.

**Александр РОЙФЕ**



## ГРОЗА МУРАВЬЕВ

(ANT BULLY)

Производство компаний Warner Bros. Pictures и др., 2006.

Режиссер Джон А. Дейвис.

Роли озвучивали для российского проката: Екатерина Гусева, Николай Фоменко, Георгий Дронов и др. 1 ч. 28 мин.

Не секрет, что под крышу «семейного кино» ныне готовы зазвать кого угодно — от бабушек и дедушек до грудных младенцев. И столь же очевидно, что большинство family films оказываются не интересны либо той, либо другой возрастной группе. Но «Гроза муравьев» идет гораздо дальше — ввергает семью в пучину локальной гражданской войны.

Только давайте откровенно (пока дети не слышат): вы не устали от вездесущих муравьев на дачном участке? А как насчет осиной назойливости, сопровождаемой замиранием сердца и всех фигур в интерьере? Быть может, комариное пение вам навеивает чудесные сны? Или, обнаружив очередной набег тараканов на кухню, вы лишь умиляетесь их жизнестойкости?

Покуда в анимационном же «Муравье Антце» создатели занимались выяснением отношений между работягами и паразитирующим классом, все было прекрасно. Наблюдать ИХ разборки с равным успехом могли и взрослые, и дети: вся семья, от мала до велика, сочувствовала неудачнику-изобретателю, ставшему в конечном итоге спасителем своего народца. Здесь же членистоногие вторгаются в наш мир, продельвая это столь успешно, что в памяти неизбежно возникает фильм Пола Верховена «Космический десант»: ну мы им еще покажем!

Да ничего мы им не покажем. Можно увеличить жука до размера коровы и расстрелять его из гранатомета. Но с этими — мелкими, всепроникающими и всепроникающими — человечество не совладает никогда. И поэтому оно, человечество, политкорректно делает фильмы о справедливости проживания инсектоидов у себя под носом.

Ребенок готов принять условность заданного мира. Вместе с героем ленты он вполне способен уменьшиться до муравья и пройти все положенные банальнейшим сюжетом испытания. И, проникнувшись интересами насекомых, возглавить атаку на Главного Злодея.

Представлен этот Главный воистину омерзительно. Да только для взрослых он все равно будет Спасителем Человечества. Хотя бы на их маленьком человеческом участке.

**Вероника РЕМИЗОВА**



## ДЕВУШКА ИЗ ВОДЫ

(LADY IN THE WATER)

Производство компаний Warner Bros. Pictures и Legendary Pictures, 2006.

Режиссер М. Найт Шьямалан.

В ролях: Пол Джаматти, Брайс Даллас Хауард, Боб Балабан, М. Найт Шьямалан и др. 1ч. 50 мин.

Найт Шьямалан, несмотря на регулярные обещания «завязать» с фантастикой, по-прежнему остается одним из самых стойких приверженцев жанра. Еще бы, при очевидном кризисе идей и сюжетов в современном заокеанском кинематографе где же, как не в фантастике, реализовать себя одному из лучших «придумывателей историй». И совершенно не удивительно, что идея «Девушки из воды» родилась из сказки, рассказанной Шьямаланом на ночь маленьким дочкам.

Оказывается, с давних пор на Земле существует параллельная цивилизация — Лазурный мир. Ее странные представители — подводные жительницы нарфы, злобные скранты, не менее злобный блюститель порядка Тартутик (единый в облике трех обезьяноподобных монстров), гигантский орел Этлон — практически не пересекаются с людьми, а если и выходят на контакт, то с целью изменить наше существование к лучшему. Однажды комендант жилого комплекса «Коув» Кливленд Хип обнаруживает в бассейне нарфу Стори — она пришла в наш мир для того, чтобы кое-что поведать автору книги, которая в будущем изменит человечество. А для того, чтобы нарфа вернулась назад, необходима помощь разных людей, наделенных необычными способностями. Такие люди есть, но они не знают о своем предназначении в деле построения счастливого будущего. Тем временем за нарфой начал охоту спятивший скрант...

Шьямалан верен своей манере постоянно загадывать загадки, перекладывать сюжет с ног на голову, при этом наполнять поиск героями истины непрерывным саспенсом. Но совершенно невозможно назвать «Девушку из воды» фантастическим триллером — даже несмотря на почти детективный сюжет. Практически все происходящие события, зачастую трагические, режиссер (также исполнивший и одну из главных ролей) подает с непременной иронией. Иногда даже непонятно, как можно умудриться создать столь тонкую грань между комедией и трагедией, не срываясь в эклектику: зрителю постоянно хочется то плакать, то смеяться, то задумываться, то бояться...

**Тимофей ОЗЕРОВ**



## В СОЗВЕЗДИИ МЁБИУСА

(THRU THE MOEBIUS STRIP)

Производство компании IMDB (Китай), 2006.

Режиссер Гленн Чайка.

Роли озвучивали: Марк Хэмилл, Джин Симмонс, Майкл Дорн, Келли Мартин. 1 ч. 30 мин.

Главная завлекалочка этого дорогостоящего китайско-американского анимационного проекта — отнюдь не Марк Хэмилл (Люк Скайуокер) и не Джин Симмонс (лидер группы «Kiss»), озвучившие главные роли. Для киномана куда больше значит другое имя в титрах. Это знаменитый комиксмейкер-интеллектуал Жан Жиро, известный также под броским псевдонимом Мёбиус. Жиро — художник более чем неординарный, смело идущий на радикальный эксперимент, автор предметного мира таких бестселлеров, как «Чужие», «Дюна», «Трон», «Пятый элемент», «Бездна», «Уиллоу», а также культового НФ-мультфильма «Властелин времени»... Словом, от проекта ждали чего-нибудь эдакого — интеллектуально-авангардного, с взвихренным непредсказуемым сюжетом и, естественно, с потрясающими зрительными образами.

Визуальный ряд, конечно, красочен, но явно не дотягивает до уровня Жиро, хотя знатный художник и использовал в создании планеты Рафикки некоторые находки из своей комиксной космооперы «Майор Грубер». Да и сюжет поначалу кажется занимательным. «Засекреченный» физик Саймон Вейер создал портал, открывающий «двери» в любой уголок Вселенной. Но во время пробного путешествия ученый оказывается отрезанным от своего мира — на планете Рафикка, где живут синекотические гиганты, владеющие магией и пребывающие в состоянии бесконечных феодальных конфликтов. Спустя семь лет сын ученого отправляется на поиски отца... И с этого момента сюжет стремительно сваливается в банальность, предсказуемость, мелодраму и ложный пафос.

Вообще, эта картина навела рецензента на невеселые размышления. Лично меня пугает стремление современной анимации, почти повсеместно перешедшей на 3D-технологии, максимально имитировать игровое кино. Но ведь это уподобление, стирание граней, разрушает самую идею и художественную прелесть мультипликации. И по существу — уничтожает ее. Пойду лучше посмотрю какой-нибудь старый добрый рисованный мультфильм: до чертиков надоели 3D-суррогаты.

**Евгений ХАРИТОНОВ**



## НАСЕЛЕНИЕ 436

(POPULATION 436)

**Производство компаний Pariah и Sony Pictures Home Entertainment (США—Канада), 2006.**

**Режиссер Мишель МакЛарен.**

**В ролях: Джереми Систо, Фред Дарст, Шарлотта Салливан и др.  
1 ч. 32 мин.**

Тихий милый городишко Роквелл Фоллс. Согласно последней переписи населения, в нем живет 436 человек. Столько же жило десять, двадцать, пятьдесят, сто лет назад. Население — 436 человек. Всегда...

Понятное дело, что в такое загадочное место обязательно должен попасть чужак. Им оказывается Стив Кади (Джереми Систо, «Мэй», «Версия 1.0»), аккурат при въезде в городок ломается его машина, и добряк-помощник шерифа (Фред Дарст) проявляет гостеприимство. Наутро, опрашивая местных жителей, Кади узнает невероятную вещь: если рождается новый житель города, в тот же миг умирает своей смертью или погибает в катастрофе другой человек, словно передавая эстафетную палочку. А если в город попадает посторонний, то в его честь проводится праздник, на котором один из жителей приносит себя в жертву, а затем новичок заболевает загадочной «лихорадкой»...

Достоин снятый за небольшие деньги мистический триллер, увы, в напряжении не держит — неторопливое действие поначалу даже вгоняет в тоску. Сюжет предсказуем — уже в самом начале становится ясно, чем все закончится. Ничего выдающегося зрителю вроде бы не предлагается. Кроме разве что красивейших пейзажей, от которых трудно оторвать глаз. Тем не менее фильм смотрится с интересом — в основном, благодаря игре Джереми Систо, который практически вытягивает картину, тонко балансируя на грани между мистикой сюжета и реальностью своего героя.

Подбор актеров вообще хорош. Например, видеть в одной из главных ролей солиста группы «Limp Bizkit» Фреда Дарста — настоящее удовольствие. Знакомый по видеоклипам и саундтреку «Готики» рок-музыкант оказался хорошим драматическим актером, уверенно отыгравшим свою дебютную роль.

Остальные актеры работают тоже в меру сил — правда, нудновато, отстраненно, но правдоподобно. Как будто они настоящие жители тихого милого городишка Роквелл Фоллс. Население — 436 человек. Всегда...

**Вячеслав ЯШИН**





## ДОМ-МОНСТР

(MONSTER HOUSE)

Производство компаний Sony Pictures Animation  
и Amblin Entertainment, 2006.

Режиссер Гил Кинан.

Роли озвучивали: Митчелл Муссо, Сэм Лернер, Спенсер Лок,  
Стив Бушеми, Мэгги Гиленхол, Кэтлин Тернер и др. 1 ч. 31 мин.

В одном чёрном-пречёрном городе стоял чёрный-пречёрный дом...

Классическое начало тех страшных историй, которыми нынешние взрослые пугали друг друга два-три десятка лет назад, волею летних каникул оказавшись среди темных-темных лесов — в детских лагерях.

Итак, в одном маленьком американском городе стоял самый обычный дом... Но мы-то заранее знаем, что дом этот не так уж прост. Хотя, как выясняется, опасно не само строение, а его странный обитатель. За ним в подзорную трубу наблюдает живущий через улицу мальчик; он ведет статистический учет игрушек, которые нервный и дико вращающий глазами старикашка отнимает у пробегающих мимо детей. Но вскоре и сам юный следопыт вместе с приятелем попадает в историю: рассерженный дед, схватив мальчика, случайно забросившего мяч на чужую частную собственность, вдруг падает замертво. Казалось бы, наблюдение за домом можно прекратить... Однако сам дом, сначала исподтишка, а потом все активнее и наглее начинает «боевые действия против мира» — но строго в рамках участка: не лезь, мол, в чужой огород... Несмотря на строгое следование законам жанра, создается ощущение экспромта. Будто фантазер-подросток рассказывает историю, на ходу сочиняя продолжение. А когда самые маленькие и «неопытные» слушатели начинают прятаться под одеялами и просить пощады, рассказчик придает повествованию совершенно неожиданный поворот...

Мимика персонажей этой анимационной ленты по-мультяшному карикатурна, но при этом довольно тонка и приятна, что большая редкость в технологии компьютерной графики CGI.

Кому надоела анимация — смотрите игровые ленты, кому страшно — смотрите комедии, кого достало кино вообще — так ведь можно провести время иначе! А смельчаки, отважно не прекратившие просмотр на самом кошмарном месте, впоследствии будут вознаграждены ответом на вопрос «почему?», а также разумным, добрым и вечным советом не глумиться над странностями человеческими.

**Василий ТОДТ**



## НЕ ВИЖУ ЗЛА

(SEE NO EVIL)

Производство компаний **WWE Films** и **Lions Gate Films**, 2006.

Режиссер **Грегори Дарк**.

**В ролях:** Глен Джейкобс, Кристина Видал, Стивен Видлер, Саманта Ноббле и др. 1 ч. 25 мин.

Казалось бы, очередной хоррор про маньяка-убийцу. Сколько их было? Персонаж ночных кошмаров, в шляпке и полосатом свитере, бесчисленное количество других серийных киллеров-психопатов... В них никто не верит, всем на них наплевать, зато потом, при встрече — слезы, вопли, реки крови... Давно вошедшие в фольклор двадцать анекдотических правил выживания в молодежных ужастиках (главные из которых: убегая от маньяка, не оглядывайся, не обнимайся, не шути, не «тормози»), по-видимому, никому из голливудских сценаристов не известны. Оттого и видит зритель одни и те же сюжеты и ходы...

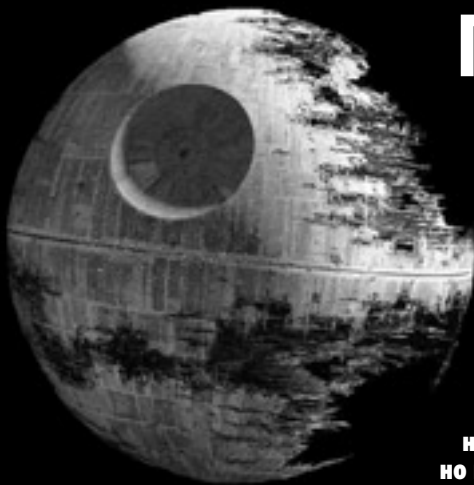
Восьмерых малолетних преступников отправляют в заброшенный отель на принудительные работы. Там их и двух надсмотрщиков ожидает владелица отеля, старушка божий одуванчик. Как водится, на ночь запираются двери, кругом полумрак, грязь, вонь, тараканы... Первый труп — на двадцатой минуте. Маньяк появляется сразу — здоровенный лось с бритым черепом и соответствующим роли выражением лица. Да, такого brutального уroda нечасто увидишь...

Впрочем, в кино таких раньше и не было. В этой роли — Глен Джейкобс, известный на ринге как Кейн. Рост 2 метра 6 см. Рестлер, чемпион мира, живущий по принципу: «Я не делаю того, чего хотят от меня люди. Я делаю то, что хочу сам». И ведь хорошо получается! Для дебюта в большом кино — достойное начало. Выдающийся драматический талант. Посильнее будет, чем рестлеры Рок Скала, Халк Хоган или хайрастые близнецы-няньки.

Представьте, как двухметровый «киллер» с арены, в шоу безжалостно расправляющийся с противниками, здесь, в фильме, играет ранимого, полубезумного выродка, который после убийств с пугающе тоскливой безысходностью смотрит на своих жертв пустыми глазами или трепетно дрожит в сцене общения со старушкой. Фрейд бы прослезился...

В остальном — примитивнейшая и до отвращения предсказуемая лента. Виною тому — флэшбеки, пусть и нужные, но портящие общий саспенс фильма.

**Вячеслав ЯШИН**



# ПОГИБШАЯ В «ЗВЁЗДНЫХ ВОЙНАХ»...

**Не так давно, в августовском номере журнала, мы рассказали об истории космооперы на литературном материале. Сегодня разговор пойдет о ней же, но в кинематографе.**

## **Со звездного проселка — на звездный хайвэй**

На запрос, что такое «космическая опера» (space opera), некоторые поисковые ресурсы в интернете сообщат вам, что это... «Космическая опера». В смысле, так называется спектакль на музыку композитора Дэвида Басса по мотивам знаменитых «Звездных войн» Джорджа Лукаса. Премьера состоялась в 1998 году. Зайдя на соответствующий сайт (один из таких — [www.boston.com](http://www.boston.com)), вы можете увидеть клонов лугасовских героев на театральной сцене и даже послушать, как они поют. К примеру, арию СЗР0.

В том, что популярный и изобильный жанр фантастического кино и ТВ, в какие-то времена подменявший собой само понятие «кинофантастика», у многих из нас ассоциируется сегодня с ри-

мейками, пародиями и компьютерными играми по мотивам одного-единственного фильма, есть своя сермяжная правда. Шесть фильмов, сделанных Лукасом (в качестве режиссера и/или продюсера), так и подмывает сравнить — как бы это поточнее? — с шестизэтажным гипермаркетом, воздвигнутым на месте старого кондового сельпо: там, где раньше на полках пылились только оцинкованные ведра, вдруг стали продавать все, от зубочисток до автомобилей.

Впрочем, скорее всего, это цветистое сравнение хромает. Ведь даже «оцинкованные ведра», взорвавшие просторы Вселенной в до-лугасовских космооперах, были отнюдь не одного фасона. А главное — экранная космоопера родилась на свет не намного позже, чем ее комиксовая прароди-



тельница. Судите сами. Первые комиксы о Флэше Гордоне появились в 1934-м, а всего два года спустя на экраны вышел первый фильм о легендарном футболисте, отправившемся на борьбу с инопланетным злодеем императором Мингом Беспощадным. В двух выпусках 1936 года («Флэш Гордон: космические солдаты» и «Флэш Гордон: ракетный корабль») герой, которого сыграл Бастер Краббе, сражался с врагами на планете Монго, потом отправлялся на Марс («Путешествие Флэша Гордона на Марс», 1938), а еще через два года искал антидот от Багровой Чумы на заснеженной Фригии и на лесистой Арбории.

Сразу после второй мировой войны в Америке начинается эра телевидения, а вместе с ней — эра телевизионных космических опер. Первым культовым проектом такого рода становится «Капитан Видео и его видеорейнджеры» (1949—1955, автор концепции — Лоренс Менкин). Героем 1537(!) эпизодов, по 15—30 минут каждый, был «чемпион в борьбе за справедливость, правду и демократию во Вселенной» капитан Видео. В отличие от необремененного интеллектом Флэша Гордона капитан Видео был ученым-электронщиком; соответственно, и в его похождениях стал все сильнее ощущаться привкус научной

фантастики. Основным местом действия была штаб-квартира капитана Видео, оборудованная реальной и фантастической электронной техникой — например, оптикон-циллометром, позволявшим видеть сквозь любые преграды. Коллизии некоторых космических приключений Видео даже сегодня не кажутся смешотворными: разрушение смертоносной кометы, разработка инопланетных урановых месторождений, борьба с наступлением мирового океана... Это и неудивительно, учитывая, что среди авторов сюжетов сериала были такие писатели, как А.Азимов, А.Кларк и Р.Шекли. Конечно, и от комиксово-фэнтезийной начинки создатели сериала отказываться не захотели. Как и Флэш Гордон, капитан Видео боролся с inferнальным галактическим злодеем доктором Паули и шайкой его приспешников (один из них — властелин подводного города с характерным именем Клизмок). Наряду с реальными планетами Солнечной системы действие переносилось в вымышленные миры — Черная Планета, Метисферос, Таовар, — которыми правили короли, князья и герцоги.

В последовавших за «Капитаном Видео» «Космическом патруле» (1950—1955) и «Затерянной планете» (1953—1954) прослеживается все та же тенденция — космос приобретает черты реальности,



но его обитатели продолжают жить по законам сказки. Чуть больше реализма предложил сериал «Том Корбетт: космический кадет» по Р.Хайнлайну, где героям противостояли не столько сказочные злодеи, сколько космическая стихия. Но что равняло всех под одну гребенку, так это по-земному жесткая экономия при съемках космических эпизодов. Недельная смета «Капитана Видео» отводила на спецэффекты... 50 долларов. Повсеместно использовался архивный киноматериал, в том числе и позаимствованный у собратьев по жанру. Например, космолет злобного доктора Груда из «Затерянной планеты» — это не что иное, как подмонтированные кадры ракеты «Гэлакси», на которой летает капитан Видео.

Шестидесятые стали эпохой «Стар Трека». Сразу оговоримся, что самый культовый фантастический телесериал всех времен и народов примерно половина критиков и составителей фильмографических баз относит к космической опере — и едва ли не столько же категорически с этим не соглашается. Аргументами в пользу первого мнения можно считать то, что самые харизматические «трекеры» (прежде всего, капитан Кирк в исполнении У.Шатнера и

его друг мистер Спок, сыгранный Л.Нимоем) являют собой типичные космооперные маски, неизменные на протяжении всего сериала. В еще большей степени это относится ко всякого рода странным героям второго плана, среди которых можно встретить не только обитателей других планет, но и безумных ученых, космических пиратов, персонажей «Алисы в Стране Чудес», а также Авраама Линкольна и Чингисхана. Однако, с другой стороны, ни один космический сериал до «Стар Трека» не относился с таким уважением к реалиям освоения космоса, и ни один макет из этих сериалов не был так конструктивно сложен и визуально правдоподобен, как макет корабля «Энтерпрайз»\*. Добавим, что именно после первого «Стар Трека» сценаристы космических опер похоронили идею заселить планеты Солнечной системы агрессивными или, наоборот, дружелюбными аборигенами. Исключения стали встречаться только в «камповых» фильмах-пародиях, типа «Женщина-амазонка с Луны».

Впрочем, не будем считать последнее исключительной заслугой сериала Джина Родденберри. Ведь в 1966—1969 годах в космос летали не только на кино- и теле-

---

\* На самом деле их было два — 3 и 11 футов длиной. (Здесь и далее прим. авт.)



экране, более того, именно это время стало эпохой самого яркого и впечатляющего космического рывка. Так же, как и прочие жанры фантастики, космоопера испытывала влияние реальной космонавтики. Она становилась все менее наивной, не опускалась до откровенного нонсенса и пребывала в ожидании того, чтобы переработать новые достижения «космической гонки» в канву фэнтезийных сюжетов.

Увы, это ожидание продлилось не слишком долго. Уже в начале 1970-х сценаристам стало ясно, что сенсационных фактов лунные экспедиции и полеты автоматических зондов не принесут. А вскоре и сами космические программы стали сворачиваться. Повод для фантазий (довольно мрачных) давала разве что громоздкая пентагоновская затея с космическими платформами, сбивающими лазерными лучами советские баллистические ракеты.

Не знаю, как повлияли эти платформы на творческое воображение Джорджа Лукаса, но, по-моему, приступая к своему третьему фильму, он смотрел не столько вперед, сколько назад — на космические оперы прошлых лет, в том числе на того же «Флэша Гордона». Говорят, Лукас даже соби-

рался делать его римейк, но с этим что-то не заладилось, и тогда режиссер стал сочинять свой собственный сценарий в духе «Волшебника из страны Оз» — о космических приключениях девочки (впоследствии превратившейся в мальчика — Люка Скайуокера) и сопровождавшего ее инопланетянина (преобразованного в Хана Соло).

Если бы Лукас стал снимать свои «Звездные войны» с кинематографическим арсеналом 10-летней давности, то эпохального кино, скорее всего, так бы и не получилось. Даже с чудо-моделями космолетов Дугласа Трамболла нельзя было снять фильм «Звездные войны», который бы затмил в памяти благодарного человечества пресловутую пентагоновскую разработку под тем же названием. Произвести революцию в «космической опере» позволили компьютерные технологии. Именно благодаря им удалось вывести на экран целый космический флот и на бешеной скорости лавировать между астероидами.

Анализировать перипетии и стилистику «Звездных войн» бессмысленно — не потому, что на эту тему все уже сказано, но потому, что для этого надо писать целую книгу\*. Ограничимся тем, что разо-

---

\* *Кемати, она уже есть, и не одна. Например: Carol Titelman. The Art of Star Wars — посвященная первому фильму цикла.*



вьем наше, возможно, не самое удачное сравнение с гипермаркетом. В 1977 году только на первом этаже этой ярмарки космических мифов было предложено столько товара, что даже два года спустя покупатели, то бишь зрители, продемонстрировали весьма умеренный спрос на киноверсию знаменитого «Стар Трека», поставленную Робертом Уайзом. В США итоговые сборы фильма составили 82 млн долл., в то время как у «Звездных войн» сборы только за первый год показа достигли двухсотмиллионной отметки. В СССР, находившемся под впечатлением от первого лукасовского блокбастера, «Стар Трек» — этот и нестандартный для космооперы фильм — практически вообще не был замечен. С точки зрения проката (точнее, его отсутствия), стартовые позиции обоих фильмов были равны. Практически та же ситуация повторилась в современной России: в 1998-м мы уже предвкушали долгожданную и широко разрекламированную встречу со «Звездными войнами: эпизодом I», а посему весьма спокойно отнеслись к «Стар Треку: восстанию» Джонатана Фрейкса, чья космическая машинерия, на мой взгляд, превосходит все, что было сделано Лукасом и его «Индустриал Лайт энд Мэджик». А в 2002 году не слишком искрометный «Стар Трек: возмездие» Стюарта

Бэрда попросту был торпедирован «Эпизодом II: атакой клонов». Заключительный «Трек» с треском провалился в мировом прокате, недобрав почти 30 миллионов долларов до своей бюджетной стоимости.

«Вавилон 5» и в еще большей степени «Звездный десант» Пола Верховуена попытались переориентировать космооперу на более взрослого зрителя: мужчин и женщин, которые хотели бы верить, что даже в галактической цивилизации будущего не исчезнут секс, агрессивность и жажда самоутверждения — словом, все то, что подкачивает в кровь адреналина. Лазерные пушки Лукаса по этим целям пристреляны не были. Заметим, что и повзрослевшая космоопера конца 1990-х — начала 2000-х годов ищет сюжетную и изобразительную подпитку в «черных» космических триллерах и антиутопиях... Не случайно в мини-сериале «Боевой корабль «Галактика» (2003), так же, как и в «Бегущем по лезвию», главная интрига сводится к выявлению враждебных андроидов, а в политике Галактического Альянса из «Миссии «Серенити» (2005) можно легко увидеть сходство с репрессивным тоталитарным режимом из «Гаттаки».

«Миссия «Серенити» Джосса Уидона, подхватившая эстафету у бесперспективного, по мнению продюсеров, и поэтому закрыто-



го на пятнадцатой серии телесериала «Светлячок», стала едва ли не главной сенсацией последних лет в жанре экранной космооперы. С точки зрения набора героев и мрачной атмосферы, фильм действительно не назовешь очередным клоном «Звездных войн». И космический волк капитан Рейнолдс, укрывший на борту своего звездолета девочку, обладающую мощными паранормальными способностями, и сама эта странная эксцентричная героиня, и агент спецслужб Альянса, хладнокровный убийца Operative, и живущие на космических задворках каннибалы-риверы сведены не просто в цепочке комиксовых эпизодов, но в приключенческой драме, втягивающей зрителя в свое пространство. Неслучайно фильм (к сожалению, недобравший 15 миллионов до самокупаемости по итогам первого года проката) завоевал на удивление много поклонников в интернете. Правда, при фамилии «Рейнолдс» у меня вдруг выстроилась ассоциативная цепочка: Рейнолдс — режиссер Кевин Рейнолдс — «Водный мир» с Кевином Костнером... Там, хотя и не в космосе, тоже действовал одинокий волк-капитан, с риском для жизни приютивший на своем катамаране девочку «с секретом», которую хотят заполучить дикие банды пиратов XX-н века...

## **О канонах и отклонениях**

Как известно, любые схемы ущербны. Трактовать фильмы и телесериалы в духе правил проезда в метрополитене — неблагоприятная вещь. Однако, когда перелопачивая интернет, наткнуешься на заявление, что «космическая опера — это любое научно-фантастическое шоу, развернутое в открытом космосе», хочется затеять «базар», методично загибая пальцы на обеих руках.

Итак, по моему глубокому убеждению, каноны космической оперы на кино- и телеэкране предполагают...

### **1. Место действия — космос.**

Главная и неперемнная особенность любой космооперы. На раннем этапе развития жанра инопланетные миры различались не столько пейзажами, сколько обитателями (люди-акулы и людиястребы в довоенном «Флэше Гордоне»). Впрочем, даже там уже имелись оригинальные виды марсианского города с фантастической инфраструктурой. Дальше всех шагнули Лукас и его последователи — каждая из планет в «Звездных войнах» имеет свой неповторимый ландшафт и климат: пустынный Татуин никак не спутаешь с ледяным Хотом. Зато экстерьер и отсеки космического крейсера наиболее впечатляюще выглядят в «Стар Треке: первом контакте» (художник по декорации-





ям — Арт Дуайер, который, кстати, разрабатывал декорации и для фильмов «Терминатор-2», «Чужой-4»).

Естественно, что в телесериалах все обставлялось гораздо проще. Например, в «Капитане Видео» эпизоды в открытом космосе вирировались в синий цвет, а на планетах — в красный. Основной ареной действия в первом «Стар Треке» была командирская рубка «Энтерпрайз». Создатели «Вавилона 5» сразу уведомляли зрителя, что действие происходит на космической станции весом два с половиной миллиона тонн, где живут и работают 250 тысяч землян и пришельцев, чтобы потом ограничиться несколькими весьма скромными декорациями.

Исключения: исключений нет. Правда, с той оговоркой, что на данный момент еще ни в одной «космоопере» не было постановочных сцен, действительно снятых в космосе.

## 2. Серийность.

Многозвенная цепочка сюжетов — основа любого эпоса. Для эпоса космического это особенно важно, ибо растянутость во времени показа дает зрителю ощущение галактической или, по крайней мере, межпланетной масштабности... С другой стороны, одни и те же говорящие головы в одинаковых интерьерах легко

могут вызвать идиосинкразию. Проблемой в этом смысле становится и работа с неизменной актерской командой. В отличие от героев книг и комиксов экранные герои, точнее, играющие их актеры, в редких случаях могут участвовать во всех эпизодах проекта. Капитана Видео начинал играть Ричард Куган, а заканчивал Эл Ходж. Кажется, рекордсменом в этом смысле остается Леонард Нимой, сыгравший Спока во всех 79 сериях первого «Стар Трека». Перестановки в серийном цикле также не приветствуются зрителем. Выпуская приквелы своих первых трех фильмов, Лукас шел на немалый риск, но неослабевающий интерес к культовым персонажам плюс сохраненная творческая энергетика позволили осуществить маневр с сюжетной конструкцией поистине космических масштабов.

Исключения: предостаточно! Например, одна из лучших голливудских космоопер — «Запретная планета» (1956) Фреда Уилкокса, у которой по сей день нет ни сиквелов, ни римейков.

## 3. Девиз «Я ♥ фэнтези».

За этим скрывается очень многое. Во-первых, нежелание подчиняться холодному рационализму «сайнс фикшн» в интриге, мотивировках и развязках. Во-вторых, барочная пышность визуального ряда: нарочитая эклектика летаю-



щих городов, подводных дворцов и подземных храмов, фантазмагорического вида пришельцы (рога, хвосты, копыта, перепончатые крылья, выпученные глаза и змеиные головы) в одной толпе с хомо сапиенс, подчеркнутые смешение стилей в костюмах, бытовой утвари, манерах поведения. Пренебрежение тонкостями устройства космической техники и факторами пространства и времени (сегодня герой — на Юпитере, завтра — в Созвездии Лебедя). Но, кроме того, фэнтези — это еще и четкая последовательность повествования, логичный монтаж, отказ от экспрессивной игры ритмом и планами, словом, от всего того, на чем стоит комикс.

Исключения: «Стар Трек», категорически не уместяющийся в фэнтезийном русле, равно как и современные модификации космоопер (та же «Миссия «Серени-ти»»), тяготеющие к киберпанку.

#### **4. Пафос превыше юмора.**

Без смешных героев, комичных ситуаций и остроумных реплик космоопера безнадежно тормозит. Но в ее основе, на уровне подтекста, есть набор патетических клише, которые не могут подвергаться осмеянию, как то: незыблемость общечеловеческой морали, честь мундира, платоническая любовь и т.п. Если герои «Звездных войн» издеваются над этими ценностями, значит, вы смотрите «Ко-

смические яйца» Мэла Брукса, которые, наряду с другими пародиями, и следует причислить к исключениям.

#### **5. Хорошие и плохие парни.**

Понятно, что на выяснении их отношений и строится конфликт Добра и Зла, разрастающийся до галактических масштабов. Флэш Гордон — Минг Беспощадный, журналист Рекс Барроу — доктор Груд («Затерянная планета»), капитан Пикар — доктор Толиан Соран («Стар Трек: новое поколение»). Счет таких пар можно вести на дюжины. Немаловажно, что в большинстве случаев главным злодеем является не примитивный монстр, а по-своему сложная демоническая личность, претерпевающая известную внутреннюю эволюцию. Главный в этой шеренге — безусловно Дарт Вейдер. По законам жанра судьба Галактики решается в рукопашном поединке; для этого командиры враждующих космических армад готовы даже покинуть свои корабли, как это делают капитан Кирк из «Стар Трека» и противостоящий ему капитан звездолета горпов. Иногда «плохих парней» не убивают, а просто перепрограммируют их сознание, как в «Космическом патруле» 1950 года.

Исключение: «Звездный десант», где в роли «плохих парней» выступают безмозглые насекомообразные монстры.



## 6. Космические баталии.

Битвы космических эскадр и наземные баталии на других планетах — это фирменное блюдо космооперы. Что касается первых, то, как ни странно, я бы отдал здесь пальму первенства не «Звездным войнам», а «Стар Треку» («Первый контакт»), где, не в пример творениям Лукаса, есть ощущение физически реального, а не компьютерно-условного боя в космосе. Аналогичные претензии можно предъявить и к планетарным битвам «Звездных войн» (в «Эпизоде I»), но не будем забывать, что Лукас делал свои фильмы прежде всего для детей до 14 лет. Вообще же возникает мысль, что настоящий космический бой — прерогатива космического батального боевика, жанра, на полпути к которому остановились «Звездные десантники» и «Боевой корабль «Галактика».

Исключения: «Запретная планета» и «Затерянные в космосе» — правда, в последних есть забавный эпизод «Война роботов».

## 7. Роботы и андроиды.

По-моему, первым культовым роботом экранной «космооперы» был сподвижник капитана Видео восьмифутовый Тобор. Определенно больше симпатий вызвал верный слуга доктора Морбиуса робот Робби из «Запретной планеты». У нас едва ли не самыми любимыми в народе персонажа-

ми космоопер стали роботы C3PO и R2D2. Зато нам практически неизвестен безымянный Робот из сериала «Затерянные в космосе» (этакий кухонный комбайн с гофрированными конечностями), чьи идиотические реплики дали повод внести его в число «25 великих легенд фантастики». В «Боевом корабле «Галактика» мы видим целую расу роботов-андроидов, которые эволюционируют до человеческой расы.

Исключения: ровно столько же, сколько и канонических примеров.

## 8. Не больше одного поцелуя на серию.

Для многих космических опер весьма актуальным был мотив соблазнения главного положительного героя коварной инопланетной королевой или принцессой. Флэша Гордона пыталась соблазнить принцесса Аура и космическая женщина-вамп леди Сонья. Королева Борга («Стар Трек: первый контакт») применяла свои чары против андроида Дэйты. Однако во всех случаях процесс обольщения обрывался при первом же физическом контакте героев. Более невинные формы носила любовь романтических положительных героев, вроде командора Адамса и Альтаиры («Запретная планета»), Анакина Скайуокера и королевы Амидалы, Хана Соло и принцессы Лейи. Все, на что они



(и зрители) могли рассчитывать, это однократный нежный поцелуй. Максимальная степень обнажения, дозволенная героиням, предполагала появление в весьма целомудренном бикини (принцесса Лейа в «Возвращении джедая»), и то на периферии кадра. Современная космоопера, взяв у киберпанка известную вольность в трактовке сексуальных отношений, предпочла остаться в рамках категории PG-13, кои и не позволяют героиням обнажаться.

Исключения: «Барбарелла» Руже Вадима с эротическими эскападами и космическим стриптизом заглавной героини. «Космический десант» с достаточно откровенной любовной сценой. А ведь был еще и просто порнографический «Флэш Гордон» с планетой Порно и ракетой-фаллосом!

**9. Музыка — это последнее, на что вы обращаете внимание.**

Не преуменьшая выдающихся способностей композиторов, писавших саундтреки к самым известным космооперам (Джерри Голдсмит — к «Стар Треку», Джон Уильямс — к «Звездным войнам»), надо все же признать, что в большинстве случаев эта музыка претендует лишь на создание определенной атмосферы. До гениальных звукозрительных решений, подобных кубриковской «Космической одиссее», космоопера, в принципе, так и не добралась.

Исключения: первый в истории кинофантастики полностью электронный саундтрек «Запретной планеты» и «Флэш Гордон» 1980 года с саундтреком в исполнении «Куин».

**10. Все «космооперы» делаются в Америке.**

Это неправильно. Лучше сказать так: все культовые космооперы сняты в Америке. Свои космические сериалы появлялись практически в каждой европейской стране, не говоря уже о Японии. Даже в нашем не слишком богатом кинематографе было создано не менее десятка космических опер. Лучшей из них по сей день остается «Через тернии к звездам» Р.Викторова. К сожалению, в нашем кино не сработывал механизм серийной раскрутки удачных идей и сюжетов. К примеру, из той же «Планеты бурь» при желании можно было сделать превосходную космическую оперу.

В общем, если строго следовать канонам, то космическая опера — это семейный фэнтези-сериал, в котором на просторах космоса сталкиваются силы Добра и Зла, использующие в своей схватке космические флоты, равно как и другие средства взаимного уничтожения. Если же принимать в расчет и исключения, то... Может быть, не следовало горячиться и загибать пальцы?

**Дмитрий КАРАБАЕВ**

РОДРИГО  
ГАРСИЯ-И-РОБЕРТСОН

# ПО ДОРОГЕ



Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

# ИЗ ЖЁЛТОГО КИРПИЧА

## Страшила

**М**з окна своей спальни Эми наблюдала за тем, как летнее солнце садилось в бескрайнее поле, обливая золотым огнем зеленое море кукурузных листьев. Ее рыжие волосы тоже вспыхивали в косых лучах, обрамляя голову пламенным нимбом. Живые карие глаза высматривали на небе первую вечернюю звезду: Эми во что бы то ни стало нужно было загадать желание. Сегодня ей еще двенадцать лет. Но завтра — день рождения, и следующая ночь станет ее первой брачной ночью.

Высунувшись по пояс из окна второго этажа в надежде разглядеть хоть какую-нибудь звездочку, Эми еще раз повторила про себя желание: «Хочу, чтобы мне снова было одиннадцать... нет, лучше девять лет! И до свадьбы было — как до луны...» Выйти замуж Эми была не готова категорически. Особенно за какого-нибудь незнакомца втрое старше ее — ведь это еще как повезет... Кошмар. Уж лучше навоз ложкой выгребать!

Впрочем, ее мнения никто не спрашивал. Все вели себя так, будто нет ничего естественнее, чем выйти замуж за совершенно незнакомо-го человека. Никто не разделяет ее тревог — ни мама, ни Лилит, ни Делайла и Дот. Что до Натана и Така, так они мальчишки, какой с них спрос? А папа и сам когда-то взял в жены двух девочек-подростков, причем одна училась в классе Эми... Вот и оставалось надеяться только на вечернюю звезду, раз уж родственникам все равно.

А вот и она — светлое пятнышко низко над горизонтом, на севере, прямо за плечом страшилы-пугала, что торчит на краю поля. От солнца далековато: значит, это не Венера, а самая настоящая звезда. Эми сориентировалась по линии забора, который уходил от дома строго на север: пятнышко сияло именно там, где полагалось быть Полярной звезде. Эми торопливо прошептала желание: «Звездочка, свети, свети и от свадьбы защити! Пусть наутро, ровно в пять, будет девять мне опять!».

Словно в ответ на это звезда вспыхнула ярче и из смутного пятнышка превратилась в ясно различимую искорку. Странное дело, в этой части неба таких ярких звезд быть не должно... Хотя какая разница? Лишь бы сбылось желание, и Эми получила свободу.

А потом звезда упала. Оставляя за собой огненный след и по-прежнему ярко сверкая, она камнем рухнула вниз и исчезла за северным горизонтом. Силы небесные, что это?! Ничего подобного Эми в жизни не видела. Наверное, это плохой знак, и она все-таки обречена на замужество...

Повторить опыт с другой звездой Эми не решилась и отправилась в постель, хотя еще не стемнело. Сегодня она в последний раз спала одна, в своей кровати, в своем доме, так что грех было этим не воспользоваться.

И все же утро наступило слишком рано. Эми последней спустилась к завтраку, где была встречена зловещим хором: «С днем рождения!». Потом был праздник: всё, как полагается, с именинным пирогом и подарками. Мама и обе мачехи подарили по платью. Дот преподнесла Эми цветок, а мальчишки — собственноручно вырезанную свистульку. Папа торжественно вручил ей свой лучший кожаный чемодан.

Изо всех сил стараясь быть душой общества, Эми говорила «спасибо» и покорно сидела за столом, хотя пирог не лез в горло. В конце концов мама велела ей взять себя в руки и развеселиться.

— Ведь нам недолго осталось быть вместе, — укоризненно сказала она.

Что правда, то правда.

— Не хочу быть тринадцатилетней, — заявила Эми в ответ.

Простая констатация факта, но мама почему-то приняла это за детский каприз.

— Над своим возрастом мы не властны. Я, например, тоже гораздо старше, чем хотелось бы.

Одна только белокурая Лилит попыталась утешить Эми: с ободряющей улыбкой она тихоноcko коснулась ее ноги под столом. Как младшая жена отца, больше Лилит не могла ей помочь ничем. С Эми они были подругами и одноклассницами: Лилит дважды оставалась на второй год. Что и говорить, отличный способ сплотить семью — делать уроки за собственную мачеху!

— Итак, ты достигла совершеннолетия, — напомнила мать, как будто об этом можно было забыть. А отец добавил с обычной практичностью:

— Если мы сами не отвезем тебя в Конкордию, это сделают Бродяги.

Будучи старше, чем все три жены вместе взятые, отец предоставлял женщинам самим решать семейные проблемы. Впрочем, испытывая слабость к девочкам, он всегда обходился с дочкой внимательно и нежно, словно с любимой внучкой. И никогда не занимался рукоприкладством, предпочитая воспитание с помощью ремня.

— Какой прок от этого совершеннолетия? — упрямылась Эми. — Я не хочу замуж!

— Совершеннолетие означает, что ты можешь поступать как хочешь, — наставительно произнес отец. А мать добавила:

— Никто не заставляет тебя выходить замуж.

По другую сторону стола ехидно улыбулась Делайла:

— Ведь всегда есть Академия для старых дев.

— Да уж...

Судя по слухам, ходившим об этом заведении, в сравнении с Академией для Несговорчивых Девиц замужество было раем. Сама Делайла вышла за отца в тринадцать и совершенно не понимала, из-за чего весь сыр-бор. В этом доме, с маленькой дочерью и Лилит в качестве бесплатной няньки, она жила в свое удовольствие. Прошлая ночь была ее ночью, а Делайла как-то раз сообщила своей падчерице: «С виду этого не скажешь, но в спальне твой папаша еще очень даже ничего!». Можно подумать, каждая девочка мечтает такое услышать...

Эми сидела за столом в мрачном молчании, всем сердцем желая, чтобы их дом унесло ураганом куда подальше. Так высказал предположение:

— Может, никто на тебя, такую глупую, и не позарится. Я бы, например, тебя не взял.

— Я тоже, — поддержал брата Натан.

Однако на это надежды было мало. Иногда девочек действительно отсылали домой, но очень редко. Взять хотя бы Лилит: программу пятого и шестого класса она не осилила, зато с замужеством проблем не возникло. Эми достаточно было заглянуть в ведро с водой, чтобы понять: кто-нибудь ее обязательно выберет. Она была юна, и это главное, а умственные способности демонстрировать не предлагалось.

Когда праздник кончился, Эми поплелась наверх собирать вещи. Дот, дочурка Делайлы, неуклюже заковыляла следом, лепеча:

— Тетя Эм, ты уижжяишь?

Дот никак не могла привыкнуть называть Эми просто по имени. Да и как объяснить такой малютке, что никакая она ей не тетя, а сводная сестра? Эми только и оставалось, что ответить:

— Да, тетя Эм уезжает.

— Я соскучусь по тебе.

Дот говорила то, что думала.

— Я тоже.

Эми понимала, что будет скучать не только по Дот и другим домашним, но и по всей своей жизни, которая очень скоро перестанет ей принадлежать. Она взглянула в окно на дорогу, что тянулась вдоль по-



лей на север, мимо пугала, и растворялась в утреннем тумане. Было слышно, как мальчишки выводят лошадей, чтобы запрячь их в повозку. Путь до Конкордии недалек, поэтому выехать надо до полудня.

Дот вдруг повисла на ней со слезами:

— Не хочу, чтобы ты уходила!

Присев на корточки, Эми оказалась с сестренкой лицом к лицу.

— Я буду очень-очень по тебе скучать.

В какой-то миг она даже подумала, не взять ли Дот с собой, хотя понятия не имела, куда направляется сама. Но где бы она ни оказалась, хуже, чем здесь, уже не будет. А Дот была единственным по-настоящему близким человеком из всей семьи. Но она была еще и дочерью Делайлы.

— Ты вернешься? — спросила Дот.

— Да. — Эми ждала сестренку в объятиях. — Я вернусь за тобой.

До тринадцатилетия Дот оставался еще добрый десяток лет, и может быть, тогда Эми сумеет вытащить ее отсюда.

— А сейчас иди к мамочке.

— Пока, тетя Эм! — крикнула Дот и умчалась прочь, решив, что это такая игра.

Ах, если бы! Набив рюкзак всем, что туда влезло, раскрытый отцовский чемодан Эми оставила на ковре. Затем вылезла в окно и спустилась по водосточной трубе. В темноте этот трюк она проделывала сотни раз, но еще ни разу среди бела дня и с рюкзаком. Двор был пуст, если не считать копошащихся куриц.

По дороге Эми заглянула в коптильню, откуда вышла с палкой колбасы. Наполняя фляжку водой из колодца, она бросила на дом последний взгляд. Высокий, квадратный, с большущими окнами, он походил на гигантский кукольный домик. Два деревца — единственные на много миль вокруг — отбрасывали на землю пятна тени. Когда фляжка наполнилась, Эми прокралась на скотный двор, перемахнула через забор и исчезла в кукурузе.

Без труда пробираясь сквозь зелень вдоль оставленных плугом глубоких борозд, она направилась к перекрестку, где ведущая на восток, к Авроре, дорога пересекалась с той, что шла мимо фермы. Там стояло пугало, наряженное в старую рубашку и куртку Натана, протертые рабочие брюки и потрепанную соломенную шляпу. Натянув эти лохмотья на себя, Эми привязала куртку к рюкзаку и убрала волосы под шляпу. В таком виде издали она могла сойти за мальчишку.

Для платья места в рюкзаке не было. Эми зарылась лицом в складки ткани, в последний раз вдохнув запах матери, оставшийся после

объятий вокруг именинного пирога. А потом зарыла платье в между-рядье и отправилась дальше.

### **Железный человек**

Эми представления не имела, куда ей идти и каков этот мир в принципе. География не входила в число трех «П»: пеня, прилежания и послушания. Потому она просто решила идти к своей звезде — строго на север, даже если это приведет ее в Республиканский округ. Больше всего на свете Эми боялась Бродяг, но они еще не должны были ее искать.

Когда ее семейство в назначенный срок не объявится в Конкордии, люди захотят знать почему. Но пройдут по меньшей мере сутки, прежде чем она будет объявлена сбежавшей невестой. Желая использовать эту отсрочку по максимуму, Эми в своих лохмотьях, не оглядываясь, торопливо шагала по дороге.

Мимо продребезжало несколько телег, затем промчались жизнерадостные семейства в легких экипажах, но на все предложения подвезти Эми отвечала вежливым отказом. Теоретически, она еще не сделала ничего дурного и имела право зарегистрироваться в качестве невесты до темноты, однако ей вовсе не улыбалось, чтобы кто-нибудь по доброте душевной отвез ее в Конкордию.

Миль через десять ей пришлось сделать первый крюк: забрав немного к западу, она полями обошла Джеймстаун и дорогу на Конкордию. Теперь она уже точно была в бегах: впереди не было ничего, кроме окружной границы. В летнем зное сновали кузнечики. Взмывая высоко в воздух, они выпрыгивали на дорогу, ждали Эми и снова сгинули прочь.

Впереди появилось облачко пыли, которое вполне могло оказаться смерчем: погода для урагана была самая подходящая. Эми наблюдала за приближением пыльного беса без особой тревоги, пока облако не взобралось на пологий холм. Это был Колёсник, и он направлялся прямо к ней.

Вот черт! Эми видела Колёсника второй раз в жизни. И угораздило же ее наткнуться на него именно сейчас... Колёсники жили далеко на западе, за Нортоном и Оберлином. Передвигаясь с чудовищной скоростью, они могли легко догнать ее и сцапать почище Бродяг. И те, и другие занимались тем, что искали сбежавших девчонок. Но если сейчас сойти с дороги, это лишь привлечет внимание... Эми поглубже нахлобучила шляпу на лоб и тронулась дальше.

Колёсник, оставляя позади тучу пыли, стремительно приближался

и вскоре превратился в человека в алом костюме и черных сапогах, восседающего на серебристой раме с парой колес. Те, казалось, вращались сами по себе, без помощи лошади или педалей. Прикрывая лицо соломенной шляпой, Эми приветливо помахала рукой — так поступил бы на ее месте мальчишка. На Колёснике были защитные очки и красный шлем, а переднее колесо управлялось серебристым рулем, таким длинным и изогнутым, что во время езды можно было с комфортом откинуться назад.

Исчез Колёсник так же молниеносно, как появился, не удостоив Эми даже взглядом. Когда осела пыль, девочка ускорила шаг, решив, что больше ее врасплох не застанут. Теперь она то и дело оглядывалась назад и, прошагав с полмили, заметила еще одно пыльное облачко — на этот раз на юге. Еще один Колёсник. Второй за день? Или это тот же самый — решил вернуться и взглянуть на нее поближе?

Эми нырнула в кукурузу и продиралась сквозь зеленые ряды до тех пор, пока не убедилась, что с дороги ее не видно. Она могла поклясться, что на этот раз Колёсник затормозил, а может, даже остановился, словно кого-то искал. Но ничего не увидел, и пылевое облако укачало на север.

На дороге Эми больше не чувствовала себя в безопасности, и ощущение это значительно усилилось, когда мимо промчался еще один Колёсник, направлявшийся на юг. Хотя, возможно, это снова был все тот же.

Шагая на север по кукурузному полю, Эми пробиралась между рядами высоких стеблей, позволяя бороздам указывать путь. В том, что приходилось скрываться от Колёсников, радости было мало, зато они задали ее движению цель, точно так же, как раньше задала направление звезда. И это было неплохо, поскольку до сих пор она знала только, от чего бежит, но не знала куда.

Неожиданно Эми вышла к проплешине в форме блюдца, ярдов двадцати в диаметре. Кукуруза здесь полегла, примятые стебли лучами расходились от центра, где в земле виднелось углубление в форме кольца. С тех пор как Эми оставила дорогу, она впервые увидела небо, и оно ее пугало. Явно какая-то штуковина вроде гигантской тарелки свалилась с этого неба, придавила кукурузу, а затем улетела по своим делам. Столбик пыли вдали говорил о появлении очередного Колёсника...

Крадучись обойдя проплешину по широкой дуге, Эми надеялась обрести безопасность в узких зеленых туннелях меж высокими стебля-

ми. И это ей удалось: лишь изредка удивленно каркали вороны, завидев ходячее пугало.

Вскоре она вышла к новой проплешине, которую также обошла стороной. Но вслед за этим путь ей преградила широкая открытая полоса, протянувшаяся прямо наперерез. Смятые стебли кукурузы смотрели в одну сторону, как будто что-то пронеслось над полем в нескольких дюймах от земли. У себя на ферме Эми ничего подобного не видела.

Она попыталась обойти прогалину и наткнулась на огромное серебристое крыло, наискось вонзившееся в землю. Оно словно лезвием срезало кукурузу, выбрив на поле широкую плешь. К крылу крепился искореженный, обгоревший корпус планера.

Забыв о страхе, Эми подобралась поближе. Ей и раньше доводилось видеть планеры, но только скользящие в вышине. А так близко, что можно даже потрогать, если хватит смелости — в первый раз.

В смятой кабине девочка обнаружила гигантскую мертвую обезьяну. Раньше таких огромных она никогда не видела: ростом обезьяна была выше Эми. На разбитой приборной панели засохли брызги крови.

Зрелище было жуткое даже для Эми, умевшей потрошить свиней и сворачивать головы курам, — а ведь свиней она считала своими друзьями, да и кур растила из маленьких цыпляток. Она медленно попятилась назад, пока не уткнулась спиной в кукурузу. Да, она надеялась, что где-то за Конкордией жизнь устроена по-другому. Но не настолько же! Сперва Колёсники, теперь раздавленная всямятку обезьяна... Что же будет дальше?

И словно в ответ на этот немой вопрос она услышала, как кто-то с треском продирается сквозь кукурузу. Лошади, много лошадей, скакали по полю напролом. Сомнений быть не могло: единственными, кто мог свободно разъезжать по фермерским полям, были Бродяги.

Не слишком доверяя своей маскировке, Эми бросилась в гущу кукурузы. Если Бродягам ее вид покажется подозрительным, они бросят ее через седло и с гиканьем и свистом отвезут в Конкордию. А ей это совершенно ни к чему.

Эми бежала по борозде, держась по ветру на тот случай, если у следователей есть собаки. Обнаружив безопасное местечко, она присела на корточки и прислушалась. Что делать дальше, она не знала. Поход за звездой оборачивался гораздо более крупными неприятностями, чем она могла вообразить. Бродяги еще не должны были ее искать, и тем не менее вот они, так близко, что слышен запах пыли и лошадиного пота.

Вдруг кто-то шепотом окликнул ее:

— Эй, малыш!

Резко обернувшись, Эми чуть не выпрыгнула из позаимствованных у пугала штанов. Сзади на корточках сидела темноволосая улыбчивая девочка в голубом клетчатом платье, рубиновых башмачках и с косичками. Она махнула Эми рукой:

— Давай сюда!

Удивившись, что «малышом» ее называет тот, кто явно младше ее, Эми по-пластунски поползла туда, где пряталась девочка. Внимательно оглядев Эми, та спросила:

— Как тебя звать?

— Тип. — Эми брякнула первое, что пришло в голову. Вообще-то так звали ее собаку.

— Как скажешь. — Вытащив из кармана пробирку, девочка поднесла ее к губам Эми. — Вот, сплунь сюда.

Эми вытаращилась на нее, как на сумасшедшую.

— Ну давай, плюй, — настаивала та.

Эми сплюнула и запоздало спросила:

— А зачем это?

— Образец ДНК. — Девочка аккуратно запечатала пробирку, придирчиво глянула на просвет, потом засунула ее обратно в карман и заявила: — Пора сваливать.

— Куда?

— Главное, подальше отсюда. — Девочка кивнула в сторону разбитого корабля. — Планер двухместный, а труп в нем всего один. Даже Бродяги умеют считать до двух.

Эми об этом как-то не подумала.

— Там была ты? — спросила она.

Девочка кивнула.

— А кто там остался? — спросила она. — В кабине.

— Суперобезьяна Хэм. Он был моим пилотом.

— Пилотом?!

— И чертовски хорошим пилотом. Его называли так в честь первой обезьяны-космонавта. — Поднявшись, девочка оправила платье, добавив: — Пойдем-ка, пока не явились Бродяги.

Они тронулись в путь и почти час в полном молчании пробирались по зеленым кукурузным туннелям. Не встретив больше ни препятствий, ни подозрительных проплешин, они вышли к ручью с растущими вдоль берегов тополями. Здесь они остановились, чтобы утолить жажду и дать уставшим ногам отдохнуть в прохладной журчащей воде.

— Как тебя зовут? — спросила Эми.

— Дороти, — ответила девочка в клетчатом платье.

— Это имя означает «любимая богом», — благочестиво заметила Эми.

Дороти кивнула:

— Отчасти поэтому я его и выбрала.

— Ты, похоже, нездешняя? — предположила Эми. Во всяком случае, никто из ее знакомых не выбирал своих имен.

— Боже упаси! — усмехнулась Дороти. — Я ведь свалилась с неба. Собственно, это случилось прошлой ночью. Так что в этой дыре я чуть меньше суток.

Эми легко поверила. Дороти разговаривала и вела себя совсем не так, как полагается обычным маленьким девочкам. Впрочем, Эми решила не заострять на этом внимание — она ведь и сама притворялась мальчишкой.

— А откуда ты? — продолжила она расспросы.

— Из Канзасской системы.

Эми никогда о такой не слышала.

— Это в каком округе?

Дороти улыбнулась ее наивности.

— Канзас — это звезда класса «G», недалеко отсюда.

Космические путешествия были для Эми чем-то совершенно фантастическим.

— А что ты делаешь здесь?

— В данный момент пытаюсь попасть домой, — беспечно объяснила Дороти. — Есть что-нибудь пожевать?

Эми развязала рюкзак и вытащила кусок пирога. Лукавая улыбка Дороти превратилась в ухмылку.

— Именинный пирог?

— Есть еще немного колбасы.

— И так сойдет. — Дороти отломил хрустящую корочку и затолкала в рот. — Ну и сколько же тебе сегодня стукнуло?

— Тринадцать, — призналась Эми.

— Мне очень жаль.

— Мне тоже. — Эми уже и забыла, что ей полагается быть мальчишкой.

— Значит, ты сбежала?

Эми виновато кивнула:

— Ты меня осуждаешь?

— Ну вот еще! — поспешила успокоить ее Дороти. — Быть бо-

сой и беременной женушкой — не самый лучший способ окончить школу.

Дороти отломилла еще кусок пирога.

— А имечко Тип — это причуда родителей или часть маскировки?

— Меня зовут Эми. И я сбежала, вот только не знаю куда. Вчера вечером я загадала желание на первую звезду, а она упала с неба с огненным хвостом. Вот я и пошла в ее сторону.

— Это была я, — заявила Дороти, радостно бултыхая ногами в воде. — Нас подбили эти чертовы тарелки.

— Тарелки?!

— НЛО, — объяснила Дороти. — Ты видела по ночам блуждающие огни?

— А папа говорил, это болотный газ...

Дороти закатила глаза.

— Я тебя умоляю! Тебе по пути встретилось хоть одно болото?

Действительно, болот Эми не видела. Только кукурузные и пшеничные поля.

— Эти тарелки гоняют с дикой скоростью, — предупредила ее Дороти, — и видят на мили вокруг. Из-за них я и валялась на земле, пока не явились эти чертовы Бродяги.

Эми поведала Дороти о собственных приключениях после побега из дома, о том, как скрывалась от Колёсников, а потом удирала от Бродяг.

— Ты увидела, как рухнул мой корабль, и явилась прямо к нему! Это говорит о твоём здравом смысле и отличном глазомере, — заметила Дороти.

Эми отнюдь не была в этом уверена.

— Я думала, это звезда.

— Неважно. Главное, что ты здесь.

Они отправились вниз по течению, шагая прямо по воде, чтобы замести следы, на случай, если Бродяги с собаками. Такое случалось, когда им приходилось выслеживать особенно трудных девиц. Собак они натаскивали, охотясь по ночам на енотов.

Ручеек вывел их к реке Республиканке, что текла из Республиканского округа и земель индейцев пауни. Они устроились на ночлег на южном берегу: развели костер и смотрели на звезды, закусывая колбасой. Эми усмехнулась:

— А ведь это должна была быть моя первая брачная ночь.

— Жалеешь? — спросила Дороти.

— Нисколючко.

Тринадцатилетняя и незамужняя. Еще сегодня утром это казалось невозможным, а как это, оказывается, чудесно! Идти ей было некуда, и этот лагерь у костра казался Эми самым замечательным местом на свете.

— А где он находится, Канзас? Та звезда, с которой ты прилетела?

— Отсюда почти не видно. — Дороти оглядела небо, а затем указала вверх: — Во-он та точка.

— Вижу.

Ночное небо Эми знала как свои пять пальцев.

— Канзас — это солнце нашей системы. В ней две обитаемые планеты, Вичита и Топека, но ни одна из них мне не родная. Я родилась на корабле.

— Сколько же тебе лет? — с подозрением спросила Эми.

— В земных годах? — Эми ухмыльнулась. — Уж постарше тебя.

Эми не слишком удивилась. Дороти вела себя гораздо взрослее, чем все, кого она знала раньше. Кроме разве что папы.

— А выглядишь ты, как ребенок.

— Я из породы жевунов. — Дороти была невозмутима. — Продукт генной инженерии. Нас создали так, что мы неспособны не только взрослеть, но даже достичь половой зрелости.

— Но зачем? — Из всего, что Эми узнала с тех пор, как сбежала из дома, это было самым нелепым. Даже более странно, чем летучая обезьяна.

— Потому что кое-кто решил, что это забавно. — В демонстративно беззаботном тоне Дороти послышалась горечь. — Богатые педофилы, предприимчивые сутенеры и жадные генетики. Меня вытащили из гарема работорговца, когда мне было четыре.

— «Работорговца»?! — Это было одно из тех слов, которые взрослые произносили шепотом, надеясь, что дети их не слышат.

— Это примерно то же, что и Бродяги, только хуже.

— Так сколько же тебе все-таки лет?

Сейчас, при мерцающем свете костра, Дороти выглядела на девять, от силы десять лет.

— Тридцать два года, если не считать релятивистских эффектов. Я ведь полжизни прожила на скорости света.

— А родные у тебя есть?

— Зачата в пробирке, рождена в инкубаторе. Самые ранние мои воспоминания — о жизни в яслях, среди кучи других детишек. Это было на борту «Гидры». Но на Топеке у меня были чудесные приемные родители. Они-то меня и вырастили.



А Эми еще казалось, что это у нее тяжелая судьба...

На следующее утро, встав спозаранок, они позавтракали остатками именинного пирога. Пока Эми скармливала крошки воробьям, Дороти составляла план действий.

— Вдоль Республиканки мы можем пройти до следующего округа. Как только минует Кэкли, городов можно не опасаться вплоть до самого места встречи, а это сразу за Драгоценным городом. Хэм должен был сбросить меня, а затем отвезти в безопасное место, но если бы что-то пошло не так, всегда оставался запасной вариант.

И что-то действительно пошло не так, особенно для Хэма, которого размазало по приборной доске. Было решено, что теперь они вместе отправятся к этому загадочному «месту встречи». Впрочем, если у Эми другие планы... Дороти почувствовала ее страх.

— Помни одно: завтра ночью, ближе к рассвету, на западе от Драгоценного города. Доберешься туда — и все будет о'кей. А вообще, чем меньше будешь знать, тем меньше из тебя смогут вытрясти Бродяги.

Хорошенькая перспектива, нечего сказать! Вместе с родителями и учителями Бродяги были уполномочены выколачивать правду из злостных обманщиков или заблудших беглецов. Эми относилась к обеим категориям.

Шагая вверх по течению, они вступили в границы Республиканского округа, названного так в честь республики племени пауни, которая находилась выше по реке. Эми была бы счастлива, если бы этот добрый и гостеприимный народ предоставил ей пристанище, но как раз в конце лета пауни приносили в жертву Утренней Звезде девственниц, так что стучаться в их двери сейчас не лучшее время.

Наконец они вышли к мосту и перпендикулярной ему дороге, мощенной желтым кирпичом. На каждом кирпичике стояло клеймо: «Компания «Золотые кирпичи», Драгоценный город». Эми и Дороти шагали по дороге, болтая и смеясь, пока не подошли к Кэкли, который, похоже, был битком набит Колёсниками. Одни из них направлялись на юг, в Облачный округ, другие просто гоняли вокруг города, поднимая тучи пыли. Что и говорить, зрелище не из приятных.

Это означало, что придется снова идти в обход, через поля, потратив на это почти все утро. Пару раз Дороти заходила на фермы, чтобы попросить еды и взять образцы ДНК. Когда они снова вышли на дорогу из желтого кирпича, было уже далеко за полдень, а путь предстоял неблизкий. На краю округа дорога уходила к югу, ненадолго превращаясь в пограничную линию, а потом решительно сворачивала к Драгоценному городу.

И почти сразу им улыбнулась удача. Они наткнулись на дорожно-го робота, занятого ремонтом. Это был механический человек с железным корпусом и девизом компании на груди: «Наши кирпичи не простые, а золотые!». На блестящей спине робота значилось: «Компания «Золотые кирпичи», Драгоценный город».

— То, что надо, — заявила Дороти, извлекая из кармашка электронного жучка с паучьими лапками. Эми завороженно смотрела, как, пробежав по золотым кирпичам, жучок ловко взобрался по железной ноге и туловищу. Стоило ему приклеиться к голове робота, как тот застыл в нелепой позе.

— Дорожные роботы не страдают избытком мозгов, — объяснила Дороти. — Забирайся. Он сделает все, что прикажешь.

Для начала Дороти велела роботу сбросить свой груз и поднять их на плечи вместо кирпичей.

— Пока на нем этот жучок, робот будет слушаться и тебя, и меня. Попробуй.

Эми приказала механическому человеку идти на запад, тот тронулся с места и с легкостью понес их по желтой кирпичной дороге. Путешествовать верхом оказалось гораздо приятнее. Никаких усилий, сидишь себе на плече робота, глазеешь по сторонам, а ноги стоят на железной ладони, как на подставке. Робот, конечно, не мог состязаться в скорости с Колёсниками, зато теперь, сверху, девочки вовремя замечали опасность.

— А что если Колёсники ждут нас в Драгоценном городе? — спросила Эми.

— Они опаснее всего по ночам.

Дороти не боялась темноты, и когда Эми уже спала, долго еще собирала хворост для костра и считала звезды.

Однако проблемы начались задолго до темноты. Как только солнце склонилось к юго-западу, от сияющей короны светила отделился серебристый диск и стал нарезать круги над дорогой. Дороти велела роботу сойти на обочину и что есть духу мчаться на север.

— Это за нами, — сказала она. — Тарелка следит за дорогой, так что до темноты в Драгоценный город не стоит и соваться.

Дороти решила, что просто спрятаться недостаточно: она приказала железному человеку продолжать двигаться на север, к Вебберу, что неподалеку от земель пауни.

— Эти тарелки видят очень далеко и могут сообщить Бродягам, где нас искать.

У Эми были основания ей верить, ведь Бродяги напали на ее след раньше, чем она могла представить.

Солнце село, а они все еще продолжали путь, миновав развилку у Белого Камня и в темноте обойдя Веббер стороной.

Эми забеспокоилась:

— Но впереди ведь только округ пауни?

— Поэтому мы пройдем там ночью, — объяснила Дороти. — Сейчас сезон жертвоприношений.

— Знаю, — шепнула Эми в ответ. — А что там, за их землями?

Этот вопрос Эми никогда прежде себе не задавала. Пауни на севере, чейены на западе, оттава на юге\* — так определялись границы ее мира.

— Увидишь, — коротко ответила Дороти.

И Эми увидела. Степные просторы и пашни по берегам речушек, облюбованные племенами пауни и оттава, внезапно обернулись песчаной пустыней, за которой, в свою очередь, обнаружились пшеничные поля, сияющие в лунном свете на фоне кукурузных стеблей.

Эми почему-то всегда казалось, что за округом пауни могут быть только земли других индейцев. Однако увиденное больше всего напоминало родной край.

— Где мы сейчас?

— Это округ Митчелл. Мы все еще идем на север, чтобы пересечь Соломон-ривер к западу от Белойта\*\*.

Эми могла поклясться, что они действительно направлялись на север, ориентируясь на Полярную звезду, но вот все остальное было сущей бессмыслицей. Округ Митчелл был к югу от Драгоценного города. А Белойт вообще находился совсем рядом с домом, через округ.

— Но как мы могли сюда попасть, если шли на север?!

Дороти вздохнула:

— Вот тут-то и начинается самое неприятное. Ты живешь не на Земле.

— Как это? — опешила Эми.

— Держись крепче, — посоветовала Дороти. — Твой мир — это даже не планета, а орбитальная станция, бублик, или по-научному тор, сотня миль в диаметре, вращающийся в погибшей звездной системе. Земля кажется тебе плоской благодаря искусственной гравитации и ЗV-эффектам. Идти «на север» — значит просто двигаться по внутренней поверхности тора против часовой стрелки.

\* Пауни, чейены, оттава — племена североамериканских индейцев. (Здесь и далее прим. перев.)

\*\* Использованные в рассказе топонимы — названия реально существующих городов и округов в Канзасе и прилегающих штатах.

Эми недоверчиво уставилась на Дороти, но девочка в клетчатом платье продолжала:

— Постарайся привыкнуть к этой мысли. Любой мир не бесконечен. Этот просто чуть меньше других и к тому же вывернут наизнанку, словно гигантский пончик. Север — против часовой стрелки, юг — по часовой, восток — по ходу вращения, запад — наоборот. Так что если идти прямо в любом направлении, вернешься туда, откуда вышел.

Очевидно, так оно и было. Но Эми все еще не могла поверить.

— Точно так же дела обстоят и снаружи, в большой Вселенной, — успокоила ее Дороти. — Если не считать эффектов относительности. Племена оттава и пауни давным-давно в курсе, однако оседлые народы стараются держать это в секрете от детей.

Вся эта дикость подтвердилась, когда они пересекли Соломон-ривер к западу от Белойта и Эми узнала большой крытый мост, по которому она уже проходила. Вскоре они снова оказались в Драгоценном округе. Вдалеке сверкал Драгоценный город, а на севере виднелась дорога из желтого кирпича, которую они давно оставили.

Дороти взвесила их шансы:

— Этот участок они обыскали вчера вечером и ничего не нашли. Значит, сейчас здесь безопасно, особенно если двигаться с юга. Я ввела в память робота координаты места встречи, поэтому, что бы ни случилось, оставайся с ним.

Поскольку больше ей идти было некуда, Эми кивнула. По словам Дороти, за пределами ее маленького мирка существовал огромный безграничный космос. И другого шанса туда попасть уже не будет. Если она не отправится сейчас с Дороти, то можно смело идти и сдаваться на милость Бродяг.

Они еще не добрались до желтой кирпичной дороги, когда Эми заметила мигание огоньков на востоке, в стороне Драгоценного города. Дороти велела железному человеку спустить их на землю.

— Дальше пойдем пешком, — решила она. — Так мы будем привлекать меньше внимания.

— А как же он? — забеспокоилась Эми, которая успела привыкнуть к роботу.

Улыбнувшись, Дороти поспешила развеять ее тревоги:

— На всякий случай я оставлю на нем жучка. Будем надеяться, скоро мы окажемся на свободе, дома.

В лексиконе Эми слова «свобода» и «дом» совершенно не сочетались, но у Дороти в запасе было еще немало подобных нелепостей. Приближаясь к дороге, она тихонько шепнула:

— Сейчас нас должны подобрать, вон там, в двухстах метрах к северу. Если потеряешь меня из виду, ориентируйся по Большой Медведице.

Эми кивнула. «Ступай за тыквенным ковшом»\*... Вцепившись в руку Дороти, она поползла к дороге. На востоке, за огнями Драгоценного города, занимался рассвет, но луна уже села, и только звезды сияли на севере. Эми не видела дороги, пока больно не споткнулась о невидимый кирпич.

— Черт! — прошипела Дороти. — Нас заметили.

Но кто? Эми уставилась в темноту, потирая ушибленный палец, но ничего не увидела. Дороти столкнула ее с дороги, крикнув:

— Беги!

Но куда? Перед глазами вдруг вспыхнули яркие стрелы лучей, ослепив ее окончательно. Ничего не видя, Эми упала на колени, прижав к себе шляпу. Маленьким темным пятном на фоне слепящих огней мелькнула Дороти. Взвизгнули во мраке колеса, и лучи скакнули вперед, устремившись по дороге вслед за Дороти. Эми хотела закричать, но не осмелилась, пока огни не промчались мимо.

Ослепленная, все еще стоя на коленях, Эми таращилась в темноту и прислушивалась. Ничего. Колёсников не слышно, огней Драгоценного города не видно. Она хотела было позвать Дороти, но не решилась.

Вдруг чьи-то сильные руки подхватили ее и подняли в воздух. Ожидая услышать торжествующий клич Бродяги, она вырывалась изо всех сил. Однако державшие ее руки оказались прохладными и твердыми на ощупь. Это был робот. Перемахнув через дорогу из желтого кирпича, он помчал ее дальше, в ночь.

### Трусливый лев

Рассвет Эми встретила, сидя посреди пшеничного поля, озябшая, одинокая и несчастная, наедине с молчаливым роботом. Высокие взбитые облака плыли по яркому 3V-небу. Очевидно, «встреча», что бы под этим ни подразумевалось, не состоялась. Вместо этого она по-

---

\* «Follow the Drinking Gourd» («Ступай за тыквенным ковшом») — песня американских негров времен рабства. В ней в зашифрованном виде содержались указания для беглых рабов, в какое время и в каком направлении им следует двигаться. «Тыквенным ковшом» во многих африканских племенах называли созвездие Большой Медведицы, — соответственно, «ступать за тыквенным ковшом» означало идти на север.

теряла Дороти — своего единственного друга. Конечно, Дороти была со странностями, но разве не странно, например, заниматься репетиторством со своей мачехой-семиклассницей? Или когда младшая сестра называет тебя тетей?

Несмотря на свое генетическое уродство, Дороти была храбрее и умнее всех знакомых Эми. Ну кто, кроме нее, мог сказать: «Послушай, детка, все это пустяки. Мы вытащим тебя отсюда?»

Вот только куда теперь идти? Тот, с кем должна была встретиться Дороти, не явился, оставив Эми в полном неведении, что же делать дальше. Большой и блестящий робот был отличным спутником — сильным, быстрым, неутомимым и послушным, но он совершенно не умел давать советы, а на все попытки выудить из него хоть что-нибудь, отвечал: «Неверная постановка вопроса», «Уточните данные» или «Освободите поле ввода»...

Эх, были бы у него мозги! Отхлебнув воды из фляжки, Эми заметила, что ее неплохо бы пополнить. Здесь, вдали от Соломон-ривер, где за лето пересохли и без того редкие ручейки, сделать это будет совсем не просто.

Решив попутно справить малую нужду, Эми встала и отошла от железного человека подальше в поле. Конечно, это всего лишь машина, но так Эми было спокойнее. Раздумывая, что предпринять дальше, она стащила штаны и присела на корточки посреди пшеницы. Ничего дельного в голову не лезло. Когда Эми уже натягивала штаны, откуда-то сбоку, из пшеницы, вынырнула рыжая тень и сбила ее с ног. Эми схватили чьи-то когтистые руки: одна зажала ей рот, другая придавила к земле. Что-то тяжелое и мохнатое навалилось сверху и прошептало в ухо:

— Не дергайся и не ори, не то нас выдашь.

«Нас»?! Что бы это значило? Несмотря на наличие рук и пальцев, напавшее на Эми существо больше всего напоминало пантеру в человеческий рост с желто-коричневой шерстью. Оно снова зашептало:

— Обещай, что не закричишь, и я уберу руку.

Существо немного шепелявило. Эми с готовностью кивнула, и хватка ослабла. Девочка сделала глубокий вдох, а затем обернулась, чтобы посмотреть, кто же все-таки на нее напал. При виде желтоглазой кошачьей морды с белыми и длинными, как сабли, клыками у своего горла Эми взвизгнула.

Сильная рука оборвала ее крик, вновь зажав ей рот.

— Ты же обещала! — прошипело существо. — Хочешь, чтобы на твои вопли сбежались Бродяги?

Похоже, он тоже не желал подобной встречи. Эми вновь кивнула, и «кошка» ослабила хватку.

— Ты кто? — выдохнула Эми.

— Зови меня Лео, — ответила огромная кошка. — Так меня обычно называют.

— Но кто ты такой?

— Ты что, никогда не слышала про Суперкотов? — В голосе Лео послышалась легкая обида. — Генетически усовершенствованный вид, гибрид человека и льва, выведенный сотни лет назад для выполнения сверхсложных боевых задач. Мы самые быстрые, самые сильные, самые умные и свирепые.

Пока что Лео продемонстрировал лишь свои способности в напрыгивании на маленьких девочек, однако он явно был готов и к более серьезным схваткам: об этом говорили бронезилет и связка газовых гранат, которая давила Эми под ребра. Кроме того, она впервые смогла как следует разглядеть ствол «Стингера», зажатого в мохнатой подмышке Суперкота.

— Нынче у меня простое задание. — Коварная саблезубая усмешка Лео стала шире. — Ты случайно не видела тут маленькое темноволосое существо женского пола в голубом платье? Боюсь, оно попало в беду.

— Может быть, и видела.

Лео не был одним из Бродяг. Не был он и Колёсником. И вообще, этот вооруженный до зубов генетически модифицированный человекокот был явно не из этих мест. В Облачном округе животные обычно знали свое место: разговаривали одни лишь попугаи, и даже самые злостные похитители кур, койоты, не разгуливали по окрестностям с оружием.

— У меня есть приказ ее спасти, — объяснил Лео. — Ее ведь командировали сюда из Корпуса мира.

«Корпус мира»... Эти слова взрослые тоже произносили только шепотом. Кроме сбжавших девчонок Бродяги выискивали еще и шпионов Корпуса мира — самых ужасных злодеев, которые являлись по ночам за такими непослушными девочками, как Эми. Что уж они с ними делали, одному богу известно. Однако Дороти не слишком подходила под это описание.

Хитро улыбнувшись, Суперкот глянул на нее многозначительно:

— Только не говори, что ты никогда не слышала о Корпусе мира!

— Почему же? Слышала.

Правда, не знала, что это такое.

— Ну, вот и отлично. — Лео встал и помог Эми подняться на но-

ги. — Потому что на миллиард световых лет в округе никто, кроме них, за твою голую задницу не даст и ломаного гроша. Так что помогать мне в твоих интересах.

Образ «голой задницы» был неслучаен. Закончив наконец надевать штаны, Эми сказала своему новому знакомому:

— Как тебе не стыдно насакивать, когда человек пишет!

Лео расхохотался, встав на задние лапы.

— Это лучшая возможность напасть на бодрствующего человека. К тому же мне не хотелось связываться с твоим роботом, а это был единственный случай, когда ты от него отошла.

— Верно.

Ну что ж, приятно сознавать, что Суперкот боится робота, который запрограммирован на защиту людей от диких животных. Отряхивая солому с ее штанов, Суперкот спросил:

— Так ты видела Дороти?

— Ее схватили Колёсники. — Эми указала назад, в сторону дороги из желтого кирпича. — Они двигались на запад.

— Вероятно, чтобы доставить в Колесоград.

Эми ужасно встревожилась за Дороти. Колесоград — это было даже хуже, чем Академия для Несговорчивых Девиц.

— Ты пойдешь туда за ней?

Лохматые плечи вздернулись вверх.

— Я что, похож на Колёсника?

Не слишком.

— Так что ты будешь делать?

— Доложу начальству, что она не вышла на встречу.

Похоже, Лео начинал говорить, как робот. Эми решительно сгребла свою шляпу и заявила:

— Я отправляюсь ее искать.

— В Колесоград? — Лео расхохотался.

Да куда угодно! В двух днях пути от дома, не имея ничего за душой, кроме тряпья с огородного пугала да дурацкого робота, Эми точно знала теперь, что должна сделать. Спасти Дороти! Вся ее жизнь перевернулась после того, как она загадала желание. Вернуться теперь было равносильно самоубийству.

— Но это же глупо! — возразил Лео. Эми тем временем возвратилась к своему железному спутнику и приказала поднять ее. Робот послушно посадил девочку на плечо.

— А что предлагаешь ты? — спросила она.

Лео снова пожал плечами:



— Ничего.

Вот именно... Эми велела роботу возвращаться к желтой кирпичной дороге и двигаться на запад. Закатив глаза, Лео с ворчанием потрусил за ней.

— Ты идешь не в ту сторону.

Эми обернулась:

— А тебе какое дело?

— Никакого, — заверил ее тот. — Но я не могу допустить, чтобы тебя сцапали. Ты слишком много знаешь.

Ну, разумеется! Пока речь шла лишь о какой-то Дороти, ему было все равно. Но Эми видела Суперкота, и он не мог позволить Бродягам выпытать у нее эту великую тайну. Не слишком беспокоясь о людях, своей мохнатой шкуркой Лео очень даже дорожил.

— Чтобы добраться до Колесограда, — продолжал он, — Колёсники вынуждены ехать по дороге из желтого кирпича. Это длинный путь, вокруг всего тора. Мы же можем срезать, пройдя через земли кикапу\* и чейенов, и добраться до Колесограда раньше них.

Пойти в обратную сторону и оказаться первым. Трудно привыкнуть к подобной мысли.

— Ты пойдешь со мной?

— Придется, — поморщился Лео. Теперь, когда она сидела верхом на своем железном защитнике, он уже боялся применить силу.

Итак, они повернули назад, к владениям кикапу, мимо Драгоценного города, Кэкли, Норвегии и Аджены. Когда дорога из желтого кирпича закончилась, Лео повел ее через бесплодные земли. И хотя стоял белый день, ни одного даже самого завалищающего кикапу они не встретили. Лео не солгал о своих суперкошачьих способностях: неутомимый железный человек едва за ним поспевал.

Через несколько часов они уже были в землях чейенов, перебравшись через южный приток Республиканки, которой полагалось остаться на много миль позади. На противоположном берегу Эми увидела поднимавшуюся из воды дорогу из желтого кирпича. Следовательно, она вышла к западному концу дороги, отправившись на восток. И это означало, что ее мир гораздо меньше, чем она могла предположить.

Лео провел ее мимо Колесограда, к пустынному отрезку дороги к западу от Птичьего города — так близко, что Эми даже мельком увидела башню насеста в полмили высотой. Ей хотелось взглянуть на башню поближе, но приходилось опасаться Птицелюдей, которые бы-

---

\* *Племя североамериканских индейцев.*

ли ненамного лучше Бродяг, да еще к тому же и летали. Ведь теперь она, конечно же, уже объявлена сбежавшей невестой, и за ее поимку в Конкордии назначено вознаграждение.

В тенистом уголке, неприметном с башни, они с Лео устроили наблюдательный пост. Эми, которой было интересно все, что касалось внешнего мира, спросила:

— Откуда ты прилетел?

— Из далекого-предалекого мира, — шутивно ответил Лео.

— А зачем?

— Хороший вопрос, особенно сейчас, когда я взваливаю на себя проблемы с кучей Колёсников и пугалом в придачу. — Судя по всему, Лео не слишком верил в удачу и раздражался от того, что она втянула его в это предприятие. — Даже агенты Корпуса мира порой нуждаются в помощи. А люди с этим не слишком-то спешат.

Тут уж не поспоришь. Все в Облачном округе, от Бродяг до простых жителей, словно задались целью превратить ее жизнь в ад.

Здесь, в местах обитания чейенов, движение на дороге из желтого кирпича было не слишком оживленным, поэтому когда вдальеке закрубилась пыль, Эми сразу поняла, что это Колёсники. Лео пригляделся и наконец изрек:

— Она с ними.

— Откуда ты знаешь? — Эми не могла разглядеть впереди ничего, кроме крошечных точек в облаке пыли.

Лео легонько постучал себя возле глаза.

— Двухтысячекратные ночные линзы. Я вижу даже ее ресницы.

Неудивительно, что Дороти могла разбирать дорогу в темноте... Затаив дыхание, Эми наблюдала за тем, как растет пылевое облако. А когда обернулась, обнаружила, что Лео исчез вместе с роботом. Бросил ее на произвол судьбы — как и полагается трусливому льву.

Теперь уже Колёсники были так близко, что Эми могла разглядеть в коляске связанную Дороти. Когда они поравнялись с ней, на дорогу из желтого кирпича посыпались газовые гранаты. Усыпляющий дым закрубился вокруг Колёсников, которые, потеряв управление, стали валиться в кювет, сталкиваясь друг с другом. Благодаря коляске, мотоцикл с Дороти не потерял устойчивость и с рычанием выехал из облака белого газа: Дороти спала, а за рулем сидел железный человек.

Чистая работа! Лео поднялся из высокой травы, стараясь не подходить близко к поверженным. Робот остановил мотоцикл прямо перед Эми. Обмякшая, бесчувственная Дороти все еще сидела в люльке. Неспешным шагом Лео прошествовал к ней и ввел противоядие.

Глаза Дороти распахнулись, и девочка в голубом клетчатом платье уставилась в 3V-небо.

— Где я? — спросила она.

Эми опустила на колени, чтобы взять ее за руку.

— К западу от Птичьего города, на дороге к Колесограду.

Это сообщение повергло Дороти в шок.

— И какого черта я здесь делаю?!

— Слишком долго рассказывать, — вмешался Лео. — Мы пропустили встречу, и теперь надо двигать к Подсолнуховой горе.

Дороти поморщилась:

— Неужто все так плохо?

— И даже хуже, — заверил Суперкот, помогая ей взобраться на работа. Эми вскарабкалась на другое плечо, и они двинулись к Подсолнуховой горе, оставив спящих Колёсников валяться на дороге из желтого кирпича.

К югу от Колесограда холмистые равнины поднимались к горе в милую высоту. Они пересекли Литтл-Бивер и Северную развилку Дымного холма, не встретив на пути ничего, кроме вигвамов чейенов да бизоньих стад. Зловещие вспышки молний на севере сопровождались отдаленными раскатами грома, хотя день был солнечный. Самая подходящая погода для урагана.

Они уже миновали Дымный холм, когда внимание Дороти привлекло что-то сзади.

— Похоже, на севере тарелка.

Лео угрюмо с ней согласился, однако прошло целых двадцать минут, прежде чем Эми разглядела над горизонтом голубоватую искорку на фоне высоких кучевых облаков и потемневшего неба. Почувствовав, как усиливается ветер и падает давление, Эми предупредила:

— Приближается ураган.

— Да что ты говоришь? — язвительно сказал Лео. Видимо, он пришел к такому же заключению.

Тогда Эми поинтересовалась у Дороти:

— А что будет, когда мы доберемся до Подсолнуховой горы?

Та улыбнулась:

— На ее вершине, там, где за него уж наверняка никто не запнется, расположен запасной выход в космос.

Эми уже многое повидала, но как же удивительно было думать, что твой мир такой крохотный и в нем есть потайные ходы в реальную вселенную!

Когда начался подъем, пошел дождь — сначала слегка покапало, а потом посыпался град. Колючие шарики льда размером с горошину вскоре превратились в холодные комья, которые отчаянно колошматили по соломенной шляпе Эми. Поднявшийся ветер расшвыривал льдинки вокруг, и Эми видела, как облака над горой кружатся в знакомом танце. Покрепче вцепившись в шляпу, она пыталась сопротивляться движению воздуха, который тянул вверх ее головной убор.

Вскоре град перешел в косой ливень. Он хлестал прямо в лицо, а потом, как только они оказались в центре урагана, вдруг прекратился. Эми вцепилась в плечо робота, Дороти приказала железному человеку бежать еще быстрее. Эми видела, как над головой у них кружится облако в виде воронки, огромный серый вихрь, который вращается все быстрее и поднимается все выше.

На вершину горы обрушился дождь из обломков, прутьев, ветвей, комьев грязи, черепицы и оторванных досок. Ветер с завыванием пытался оторвать Эми от робота. Соломенная шляпа давно улетела. Эми чувствовала: еще несколько секунд — и воронка из песка и камней заставит ее разжать пальцы и унесет прочь. Целый мир обернулся против нее: Колёсники, летающие тарелки, Птицелюди, Бродяги, а теперь еще и ураган...

Лео упал на колени и, ухватившись за клочок дерна, рванул его на себя. Под дерном обнаружился люк. В ту же секунду ураган коснулся почвы, сбил Суперкота с ног и взметнул вверх вместе с землей. Упрямо цепляясь за крышку люка, Лео крикнул роботу:

— Стащи нас вниз, мать твою!

Лишь у робота хватало веса, чтобы сопротивляться урагану. Нырнув в открывшуюся нору, железный человек поймал Лео и уволок Суперкота за собой.

— Крышку закрой! — прорычал Лео, цепляясь когтями за лестницу, пока вихри торнадо пытались высосать их обратно. — Закрывай же, быстрее!

Сражаясь с чудовищной силой стихии, механизм замка отказывался повиноваться. Лишь когда робот всем своим весом повис на дверце, она захлопнулась. Завывания стихли, и ветер прекратился.

Маленький шлюз наполнила тишина. Эми огляделась: все были на месте — и Дороти, и Лео, и железный человек. Все промокли до нитки и перепачкались, но были целы и невредимы.

По стенам шлюза висели скафандры, а в полу виднелся еще один люк. Дороти помогла Эми выбрать скафандр нужного размера. Больше всего проблем с передеванием возникло у Лео.

Напоследок Эми обняла железного человека и сердечно с ним попрощалась, услышав в ответ трогательное:

— Данной программы не существует.

— Я тоже тебя не забуду, — пообещала она роботу.

Дороти сняла своего жучка, а затем Лео откачал из шлюза воздух и откинул крышку нижнего люка.

Эми изумленно уставилась в невероятно глубокую шахту. На дальнем ее конце виднелись звезды. Вот уж, действительно, край света. Поток кислорода из воздухообменника охлаждал затылок.

— И как мы попадем вниз? — спросила она у Дороти по радиосвязи.

— Легко, — ответил Лео, сталкивая ее в шахту, и крикнул вдогонку: — Расслабься и постарайся не сопротивляться!

Рухнув в шахту вниз головой, Эми из состояния нормального ускорения перешла в постепенно ускоряющееся падение. Пока гладкие стены шахты скользили мимо, а она набирала скорость, падая все быстрее и быстрее, Эми впервые в жизни ощутила настоящее притяжение космоса. Потом стены исчезли, и оказалось, что она летит в звездной пустоте, в своем герметичном скафандре — крошечное, но самостоятельное космическое тело.

Оглянувшись, она увидела громадную внешнюю оболочку своего мира — медленно удалявшуюся серую безликую стену. Вскоре показались и Лео с Дороти — две фигурки в серебристых скафандрах, которые вылетели из серой стены. Из скафандра Дороти послышалось: «Майский день, майский день, майский день...»

При чем тут май? Ведь сейчас август.\* Или в космосе другой календарь?

Тут вмешался голос Лео:

— Транспортный люк открылся.

Эми увидела, как в серой стене образовалась светящаяся щель и оттуда выскользнули три плоских диска.

— Тарелки, — объявил Лео. — Три штуки.

«Майский день, майский день...»

Эми смотрела, как диски растут, приближаясь. Вблизи они действительно напоминали пары тарелок, опрокинутых одна поверх другой.

Вдруг Дороти вскрикнула:

— Вон наша «Галка»!

Одна из звезд бесшумно отделилась от остальных и стала расти в

---

\* *Mayday* — радиосигнал бедствия.

размерах, вскоре превратившись в небольшой космический корабль — военный корвет с ядерным вооружением. Оглянувшись, Эми заметила зияющие отверстия, открывшиеся в днищах летающих тарелок. Ну вот, все готово, чтобы заарканить беглецов.

— Наши спустили «церберов»! — воскликнул Лео, когда от «Галки» отделились три искорки поменьше. Произведенный эффект был поистине чудесен: тарелки немедленно закрылись и поспешно ретировались, выпустив несколько ложных целей, чтобы сбить с толку ракеты. Однако одурачить «церберов» было не так-то просто: не обращая внимания на пустышки, они устремились за удирающими тарелками.

Трое друзей так и остались одиноко болтаться в космосе.

Эми смотрела, как, приближаясь, «Галка» превращается в длинный цилиндрический ковш с целым арсеналом самонаводящихся атомных торпед и минимумом помещений для экипажа. Затем с помощью гравипривода «Галка» смела всю компанию в свой ковш, где автозахваты подняли их на борт.

Эми помогли выбраться из скафандра и вручили форменный комбинезон. Дороти помогла ей переодеться в костюм из необычной гладкой ткани с застежкой-молнией. Все, теперь от привычного мира Эми не осталось ничего. На обзорных экранах корабля этот мир выглядел, как гигантский серый бублик, повисший среди тусклых звезд. Трудно представить, но все, что Эми знала раньше, помешалось там.

— И что теперь со мной будет? — спросила она у Дороти.

— Сложно сказать. — Она понимала, какие противоречивые чувства сейчас одолевают Эми. — Но ты можешь остаться со мной, пока не решишь окончательно.

— С тобой? — Эми не смела поверить такому счастью.

— Есть одно местечко в Канзасской системе, — пояснила Дороти. — Туда-то мы и направляемся.

Однако в данный момент они никуда не направлялись. «Галка» летала вокруг станции, ведя наблюдение за ее миром. Покачив головой, Эми призналась:

— Я все еще ничего не понимаю.

— А мало кто понимает, — заметила Дороти. — Твой мир — это украденная орбитальная станция, спрятанная в мертвой системе. В Космической разведке полагают, что это гнездо работорговцев, и поэтому «Галка» ведет здесь слежку. Но доказательств все не было, поэтому им пришлось попросить агента Корпуса мира провести расследование.

— Ты и есть этот агент?

Похоже, война и мир всегда шагают рука об руку.

— Именно. Мне было приказано вести наблюдение и собирать доказательства — образцы ДНК и все такое.

— Так вот для чего нужно было плевать в трубочку!

Дороти кивнула.

— Ты в родстве с пятью известными работорговцами, которые либо уже убиты, либо генетически идентифицированы: это два твоих двоюродных брата, дядя по отцовской линии и оба дедушки. Они и им подобные совершают налеты и похищают людей.

Эми вспомнила, как отец обмолвился однажды, что прежде чем купить ферму, он жил «вольно»... Теперь понятно, что он имел в виду. И почему его никогда не волновали семейные ссоры, пока дело не доходило до бластеров...

Дороти взяла Эми за руку (как странно принимать материнскую ласку от того, кто кажется младше тебя) и сказала:

— Ты живое доказательство того, что это рабовладельческий рай. Ушедшие на покой торговцы растят здесь сыновей, которые станут рабами на кораблях, и дочерей, которые пойдут по рукам, развлекая мужчин.

Довольно неприятно было слышать, как весь твой мир сводят к таким грубым понятиям. Но, в конце концов, неспроста ведь все началось с того, что она из него сбежала?

— И что же теперь?

— Очень может быть, что ничего. В Канзасской системе есть те, кто считает, что все здесь происходящее — не наше дело. — Сама Дороти явно так не думала. — Цивилизованные миры вмешиваются, лишь когда под угрозой их собственные интересы — вот что отличает нас от варваров.

В голосе Дороти звучала горькая ирония. Эми молча смотрела на свой вывернутый наизнанку, кружащийся в вакууме мир. Мама и папа, Так и Натан, Лилит, Делайла и Дот — все они были там. Там осталось всё, что Эми знала, всё, что она увидела за свои тринадцать лет. Невозможно поверить... Но одно она знала точно: настанет день, и она вернется. Вернется, чтобы спасти Дот.

Перевела с английского  
Зоя ВОТЯКОВА

© Rodrigo Garcia y Robertson. Kansas, She Says, Is the Name of the Star. 2006.  
Печатается с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

журнал

# АНТИКВАРИАТ

ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА

И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

*Ваш гид по рынку*

**Достоверная информация  
и реальные цены**

## **Подписка:**

- ◆ по каталогу ООО «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) — индекс **99438**;
- ◆ по каталогу «Пресса России» — индекс **45720**;
- ◆ в отделе распространения, тел. (095)248-6819.

Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9.  
Тел.: (095)248-2090 (редакция), 248-6819  
(отдел распространения), тел./факс: 248-2190.  
[www.antik.ru](http://www.antik.ru), e-mail: [info@antik.ru](mailto:info@antik.ru) (редакция),  
[sales@uuu.ru](mailto:sales@uuu.ru) (отдел распространения)





А Л Е К С А Н Д Р   Г Р О М О В

# ПРЫТКАЯ



Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

# И ПОТАСКУН

*Как говорится, «недостающее звено».  
Ну, недостает, и черт с ним, обошлись бы и без него!*  
Артур Конан Дойль

#### 14 мая, жизнь в норме

**В**чера Лысый Кактус меня уволил. И позавчера тоже. Он часто так делает, я уже привык. Позавчера он не ограничился мною, а уволил всю нашу группу параллельной разведки — уж не знаю, за что. Наверное, из-за чесотки. А мы-то тут при чем?

Правда, туннельщиков он и вовсе грозился расстрелять. Тут я с ним согласен: с какой стороны ни глянь, неизвестный минерал доставили на Землю именно они. Зато и пришлось же им почесаться, когда здоровеннейшая глыба прорвала амортизирующую сетку и рухнула на бетон, мигом обратившись в пыль! Любо-дорого. Жаль только, что часть пыли засосало в вентиляционную систему, кое-что распространилось по всему зданию... ну и вот. Чешемся, как блохастые макаки. «Свербит» — так я назвал инопланетный минерал. По-моему, удачно. Сразу прижилось. Нарочно влез в минералогический справочник: сидерит есть, сванбергит есть, а свербита нету. Теперь будет.

Ходят слухи, будто Лысый Кактус хотел на правах директора дать новому минералу свое имя. Но лично я думаю, что это ему и в голову не пришло. Когда скребешься без перерыва и всю лысину себе расцарапал, тут как-то не до мыслей об увековечении своей фамилии. Вот расстрелять кого-нибудь или уволить — другое дело.

Если честно, туннельщики тоже ни в чем не виноваты. Откуда им знать, что попадетса? Рыболов может подцепить на крючок и карася, и старый башмак, и даже водолаза, тут дело случая. А уж когда бросаешь хобот Туннеля в иной мир, исключи удивление из списка своих эмоций. В приемной шахте может оказаться все, что только можно придумать. И чего нельзя — тоже.

Чаще всего, понятно, вылавливается всякая горная порода. Реже — чужая флора-фауна в дохлом виде. И уж совсем редко — так называемые предметы материальной культуры. Ну, тогда все на ушах стоят. А чтобы живую бациллу засосать или вирус какой — ни-ни. Ничего живого. Вита-фильтр.

Как бы это понятнее объяснить? В общем, Туннель — это вроде как шланг пылесоса, только фильтр у него на другом конце трубы. Да и сам шланг не вещественный, а, похоже, сотканный из радужного

воздуха. Весь переливается. Хороший такой шланг, метров сорок в диаметре, а длину его в привычных человечеству понятиях определить нельзя. Я так и не понял, каким манером длина эта может одновременно равняться нулю и бесконечности. Да и не моего ума это дело.

Если кто и притащит на Землю инопланетную заразу, так это мы, параллельные разведчики. Параллельные — это из-за параллельных миров, где мы шарим. Или лазутчики, как нас чаще называют, потому что для нас существует малый Туннель — попросту Лаз, по понятным причинам лишенный вита-фильтра. Зато вокруг Лаза наворочено пять карантинных зон друг в дружке, и после рейда только держись! Вымоют в десяти водах и растворах, облучат какой-то сволочью, накормят убойной химией, загонят в кишку клистир и будут две недели смотреть из-за бронированных стекол, как мы там — живы ли?

Но пока — тьфу-тьфу-тьфу! — обходилось. А если вам скажут, что лазутчики однажды притащили-таки на Землю инфекционную хвостатость, то вы этому не верьте. Объясню популярно: кроме нас захворал только один лаборант, да и болезнь эта приводит всего-навсего к разрастанию копчика. Лечится хирургическим путем. Не страшно, только потом какое-то время сидеть невозможно. Ну и, конечно, хиханьки за спиной. А мы злые все как один. С понятными последствиями для юмористов. Лысый Кактус в тот же день всех нас уволил и до вечера помнил.

Ну так вот. Сижу, стал-быть, я уволенный, дело привычное, но работать что-то вдруг расхотелось. А тут Клоп мне книжку подсунул, «Кольцо вокруг Солнца» называется. Какой-то Симак написал давным-давно. Древняя книжка, страницы лохматые. Никогда не был любителем чтения, но что делать, когда нечего делать? Вчитался. Ну, я вам доложу! То, что параллельных миров великое множество, этот Симак верно понял, но решил почему-то, что все они копии нашего, разве что без людей. Да если бы это на самом деле было так, неужели кому-нибудь понадобились бы мы, лазутчики? Чего проще — открывай Туннель настежь да знай стриги с эмигрантов выездную пошлину. Еще и давка будет несусветная — удрать в рай всякий рад.

То-то и оно, что подобий Земли в параллельных вселенных видимо-невидимо, а вот рай до сих пор не обнаружен. Пока что бегло исследованы сто семнадцать миров, и вот какой итог. Солнце везде примерно одно и то же, вроде нашего, чего не скажешь о Земле. Ну, что у материков не те очертания — еще ладно. Чепуха. Так даже интереснее. А вот то, что сорок девять миров начисто лишены жизни, — это серьезнее. В пятидесяти трех мирах свободного кислорода настолько

мало, что вряд ли выживет и муравей, не то что человек. Жизнь там простейшая и преимущественно анаэробная, ей кислород не нужен. Из оставшихся пятнадцати миров одиннадцать пока неприемлемы по разным соображениям, а в четырех Земли как космического тела нет вообще. Правда, в одном случае на месте третьей от Солнца планеты оказался пояс астероидов, а в другом — одиноко бредущий по орбите аналог Луны, но в двух других мирах не удалось найти даже этой малости. То ли Земля там вообще не рождалась, то ли погибла, то ли унеслась прочь от светила, не знаю. А на что нам мир без Земли? Кому нужен Марс в иной вселенной, если и в нашей-то он признан бесперспективным для колонизации?

Но людей куда-то девать нужно, тут я согласен. Люди и сами мечтают куда-нибудь деться, желательно в одно из тех мест, о которых писал этот Симак. Где воздух почище, трава погуще и можно купаться в каждом водоеме. Где леса растут не только в заповедниках и не чахнут. Вот мы и ищем, хотя, конечно, считается, что ищет «Шанс Инк.», а мы у нее на службе. Но ведь мед дает пчела, а не пасечник, верно я говорю?

Болтают, будто вчера на совете директоров опять обсуждался вопрос о Земле-87. Это та самая, с вирусной хвостатостью. Были аргументы «за». Мол, хорошая планета по всем другим показателям, с лесами, водоемами и все такое. Мол, иных возбудителей опасных болезней там не выявлено, а эта не столь уж страшна: у однажды переболевших образуется стойкий иммунитет, а длинные копчики можно и укоротить. Не знаю, не знаю. Я-то, скажем, получаю приличный оклад плюс особую надбавку за страх, иногда еще хорошие премиальные, а разве я согласился бы сам выложить свои кровные, чтобы обзавестись хвостом, как собака? Да ни в жизнь! И Клоп то же самое говорит. Не-ет, наплыва переселенцев на Землю-87 не жди, дураков нет.

Лысый Кактус увидел меня с книгой и опять уволил. А через десять минут прибежал, глаза поперек лысины. «Общий сбор! — кричит. — А ты какого-растакого сидишь? — Это он мне. — Живо в инструктажную!» Ну ясно: опять, стал-быть, туннельщики пробилась в новый мир. Это уже сто восемнадцатый будет.

Гляжу: кто на уши поставлен, кто носится с языком на плече. Такого переполоха в Центре не было с того случая, когда в страховочную сетку на нашем конце Туннеля упал зеркальный шкаф о трех створках. Знаю, знаю, что вы скажете: фальшивка, трюк для инвесторов. Я и сам так думаю. Фурнитура из сплава палладия с церием — явный перебор. Правда, породу дерева, из которого был сработан шкаф,

экспертиза признала неизвестной на Земле, но ведь эксперты тоже были наши, из «Шанс Инк.». А главное, никому с тех пор не удалось проложить Туннель в тот мир, где делают такие шкафы.

В инструктажной комнате вся наша смена собралась, человек десять с Клопом во главе. Оказалось, час назад удалось засосать в Туннель ветку какого-то растения и взять пробу воздуха. Что надо воздух! Двадцать процентов кислорода. Углекислоты, правда, почти процент, что настораживает. Опять же двуокись азота, сернистый ангидрид и другие нехорошие примеси. Индустриальный мир?

Может, да, а может, и нет. Что взять с туннельщиков? Они вслепую шарят, потому что вита-фильтр такая штука, что не только все живое делает мертвым, но еще и никаких изображений оттуда к нам не пропускает, хоть в радиодиапазоне, хоть в рентгене, и кабель сквозь него тоже не просунешь. В таких случаях без Лаза и без нас, лазутчиков, не обойтись.

И точно.

— Готовность номер два! — объявляет Лысый Кактус торжественно, как на параде, а сам весь сияет и чесаться забыл. И нам сразу все ясно: Туннель держится устойчиво, группа разведки имеет штатное время на подготовку. С этой минуты мы все на казарменном положении, и домой я теперь попаду не скоро. Плевать. Чего я там забыл?

И уже пошли капать лишние денежки — кап, кап. Пока немного. В параллельном мире капает куда больше. За каждый час пребывания плюс надбавки за сложность местных условий. Иной раз за два часа в том мире накапает столько премиальных, сколько потом за три недели в карантине. Не люблю карантин.

Между прочим, ясно еще вот что: в «Золотую дюзу» мы нынче не попадем. А жаль: сегодня танцует Грета Бриккен. От ее бюста даже стены потеют. И я.

Ну все, хорош болтать, пора зарабатывать денежки.

### 15 мая, жизнь в норме

Готовность номер один. Подгоняем снаряжение. Все время поступают новые данные о Земле-118. Тяжесть там повышенная на двадцать два процента, что не радует. Зато воздух признан годным для дыхания через мембранный фильтр. Стал-быть, идем попросту, в «эластиках». Уже кое-что.

Клопу при большой тяжести хорошо, он легковес. Мне при моем центнере хуже. Да еще свыше тридцати килограммов снаряжения — это в земном весе!

Ладно, не помру. Я вообще ничего не боюсь, когда мне не страшно. Хотя не припомню, чтобы третья от Солнца планета была такой тяжелой. Это что-то новенькое.

Посторонних как ветром сдуло. Ждем команды. Нас шестеро: Папаша, Удав, Гадкий Цыпленок, Клоп, Кошмарик и я, Потаскун. Плохое прозвище? Вы свое заработайте, прежде чем зубы скалить. К новичкам у лазутчиков отношение подчеркнуто ироничное, обращение только на «вы» и с отменной вежливостью. «Не угодно ли вам, высокоуважаемый Имярек, выкопать ямку для мусора?», «не затруднит ли вас просьба не отставать и не шуметь?» — и все в таком духе. Новички сперва шалют, потом звереют, ну а кто стиснул зубы и вытерпел рейда три-четыре, тот уже не новичок и созрел для посвящения. Прозвище — это ведь как признание тебя равным в группе, полноправным лазутчиком, а не довеском. А что Потаскун, так я, видите ли, достаточно силен и вынослив, чтобы таскать тяжести. Шесть человек, две полуавтономные тройки. В каждой тройке один биолог, один геолог и одна ломовая лошадь.

Шучу, конечно. Все мы универсалы в своем роде. Геолог, например, работает и за метеоролога, и биолог это сможет, ну разве что самую чуточку хуже. И я смогу. Подготовка у всех лазутчиков что надо, ну и практический опыт тоже кое-чего стоит.

Старший в группе и в нашей тройке — Клоп. Во второй тройке — Папаша. Хорошее прозвище, уважительное и вполне соответствует. По возрасту Папаша уже мог бы бросить нашу профессию и жить припеваючи, а не хочет, скучно ему без работы, без риска. Кое-кто из психологов утверждает, что люди нашей и похожих профессий — до старости мальчишки, кровь в жилах вечно кипит и остывать не хочет. Не знаю, не знаю. А только такого осторожного и осмотрительного человека, как Папаша, еще поискать!

— Готовы? — интересуется выпускающий. Голос у него звенит — волнуется парень.

— Готовы, — отвечает Клоп за всю группу, прежде мельком опросив нас взглядом.

— Еще минута.

Минуту можно и потерпеть. Однажды терпели час — что-то там у туннельщиков не ладилось. Озверели, конечно. Хуже нет начинать разведку в кипящем настроении — тут нужны ясные мозги и ровное дыхание. Как у сапера на минном поле.

Так и есть — обещанная минута затянулась. Она у техников всегда резиновая. Выпускающий тоже нервничает, лоб в крупных каплях, но

взял себя в руки, глядит в нашу сторону старым мудрым орлом: спокойно, мол, ребята. Ничего парень, мне он почти нравится. Главное — молчит, понимая: от крика на техников толку не будет, а нам перед выходом лишние слова и вовсе ни к чему.

Шесть человек стоят гуськом, я третий. Навьючены, как верблюды. Перед нами дверь бронированная, кумулятивной ракетой ее не пробить, инфузории в щель не проползти, а за ней после короткого коридорчика еще одна такая же дверь, и уж после нее малый Туннель. На Землю-118 попасть просто, труднее вернуться обратно. Отсидки в карантине никому не избежать.

Нервы. Вот и дрожь по ногам пошла — слабая, посторонним не заметная, а неприятная. Но только вякнул сигнал, только замигала идотская красная лампочка — и я опять в порядке. Рвусь в бой. Уйди с дороги, разможжу!

Хотя уходить, как правило, бывает некому. Высшая жизнь — редкость, а низшую автоматом не напугаешь. И все же бывали случаи, когда оружие спасало жизнь...

— Пошли!

Не вижу, а знаю: поворачиваются задрайки, ползет вбок бронированная дверь. Вбегаем рысцой, и нас закупоривает, как в саркофаге. Секунда ожидания — и вторая дверь прядется в стену, словно ее и не было. И вот он — Лаз во всей красе!

Невелик он — только-только пройти, согнувшись. Молочно-белый круг, висящий низко над ребристым полом и с виду ничем не поддерживаемый. Шагнул в него — и нет тебя в нашей Вселенной, а где ты есть, способен понять только сумасшедший математик. Для публики и начальства годится «параллельная вселенная». Одна из. Та самая, где вокруг желтой звезды ковыляет по орбите Земля-118.

Клоп ныряет первым, за ним Кошмарик. Я следом.

Били вас когда-нибудь по голове резиновой дубинкой? Кунали в кипяток, затем в ледяную воду и снова в кипяток? Тут ощущение схожее, только боли нет. «Эластик» смягчает удар по ушам, да тут не в перепаде давления дело. О реакции туннельного проникновения в иную вселенную на живые организмы написано столько, что одной жизни не хватит, чтобы это прочитать. Само собой, принимаются все меры к тому, чтобы удар по организму не вышел нокаутирующим. И все равно первые, самые ценные секунды человек мало на что годен.

Мой номер нечетный, и сразу после шага вперед я ухожу влево. На автопилоте, ничего не видя. Я еще не боец, я жертва для всякого, кто вздумает напасть. Терпеть не могу эти секунды.

Справа на меня налетает Удав, и тут спадает с глаз мутная пелена, начинаю видеть. Руки-ноги пока плохо слушаются, мышцы ватные, по коже бегут мурашки и омываются холодным потом, но это сейчас пройдет. Главное — никакое местное зверье не собирается нами пообедать. Зверей просто-напросто нет в поле зрения. Очень мило с их стороны.

Выглядит эта планета как...

Тьфу. Идиотский вопрос: «Как выглядит планета?» — и ответ на него можно дать только идиотский. Например: «Как джунгли Борнео» или «Как Сахара». И что, вся планета так выглядит? Ясно, что нет. Только место нашей высадки. Скажите-ка: как выглядит наша Земля? Ну то-то.

Можно, конечно, ухмыльнуться и ответить: «Как голубоватый шарик с облаками». Невероятно ценные сведения, правда? Но мы-то не космонавты, мы планету с орбиты не видим и не владеем даже такой информацией. Между прочим, отвечать посторонним на вопросы о планете мы вообще не имеем права, с каждого из нас специальная подписка взята, но интересующихся с того не убывает. И журналисты, и девки, и просто разные-всякие...

Врем мы им, конечно. Много и нагло врем, зато в героях ходим. Девки, что тусуются в барах, любят, когда их лапает не кто-нибудь, а отважный первопроходец и истребитель инопланетных тварей. Места-ми героизм еще в цене, это я вам говорю. Места только знать надо.

А что на самом деле было — то исключительно сюда, на личный диктофон. Для истории и вообще. Может, кому из аналитиков Центра пригодится потом, когда найдут тело. Если найдут.

Понятно, лучше бы эти записи аналитикам не пригодились. Лучше уж я сам для них отчет напишу, если собранных материалов и видео-записей им мало будет. Все равно в карантине скука смертная.

Короче, выглядит эта планета... то есть место нашей высадки, как горная страна. Куда ни кинь взгляд, повсюду одни горы. Иные поросли лесом, а иные так, голые стоят.

И дождь! Небо над горами ясное, синее, солнце светит — нормальное, желтое, ласковое, а капли по шлему так и барабанят. То, что называется грибным дождиком. Я даже прислушался — как насчет раскатов грома? И туча-то где?

Глянул вверх — ничего не понял. Повернулся кругом — а! Мокрая скальная стена. Отошел от нее осторожненько, чтобы на мокрых валунах не поскользнуться, взглянул вновь — уронил челюсть.

Не дождь это был, а водопад, водопад высоты небывалой, неслышанной! Я об осторожности забыл, пятился и пятился, не глядя по сторонам, а глядя только вверх, пока не открылось передо мною зрелище



во всей красе. Представьте: мрачная серая стена и где-то на ее середине бродячее облачко застряло, а с верха стены прыгает речка — сначала гладким потоком, будто масляная, ниже ширится и белеет, а еще ниже, но выше облачка рассыпается дождем. Две радуги висят. Мокрая скала под солнцем блестит, и видно по цвету камня, что ветер иногда мотает дождевой хвост туда-сюда, мажет им по скале. Хорошо, что сейчас безветрие...

Клоп подошел, языком поцокал. Я думал, он тоже водопадом восхищается, но геологу камень интереснее воды. «Сброс, — говорит, — феноменальный». Это он насчет обрыва. Я ему: «Километра три высотой, наверное?» — «Сейчас посмотрим».

Отошли подальше, измерили геологическим компасом — оказалось два с половиной километра. Все равно ни на нашей Земле, ни на какой иной водопадов такой высоты не бывало — этот первый. Вот вам пожалуйста: не успели осмотреться, как наткнулись на туристский объект. Если грамотно организовать дело, так народ толпами повалит. И плевать большинству туристов на то, что здесь тяжесть повышенная! Час-полтора кто угодно выдержит, исключая сердечников и астматиков. Ну, этих — не пускать. Медкомиссию им за их счет, и хворым от ворот поворот. А будут настаивать — пусть подписывают бумагу об отказе от всех претензий...

Тут я подумал о том, что пытаюсь зацепиться хоть за что-то. Так всегда бывает, если планета не идеальна. А вы покажите мне идеальную! Где она, ау! Нету. Что-нибудь всегда не так. Вот и тут уже ясно: новой Землей, пригодной для расселения миллионов, Земле-118 не быть, но объектом туристского паломничества — почему бы нет? Надо только отследить опасные для жизни и здоровья местные факторы и нащупать способы защиты. Понятно, нащупыванием будет заниматься большая экспедиция, которая пойдет после нас, однако и мы кое на что годимся и даром хлеб не едим. Авось в случае успеха «Шанс Инк.» расщедрится на дополнительные премиальные.

По правде говоря, тут я слегка вру, точнее, недоговариваю. Деньги — деньгами, но успех нам нужен и сам по себе. Всем нам давно поперек горла лазать в непригодные для обитания миры. Грязи, пота и риска сколько угодно, а результат — пшик. Сидишь потом в карантине в черном настроении и думаешь: зачем ходил? Кому от этого польза? Все равно что выкопал канаву, а потом сам же ее и закопал, чтобы начать копать в новом месте. Мартышкин труд.

Нужен успех. Очень нужен. Для себя. Ну и походить в героях — тоже приятно.

Пора, однако. Клоп осмотрелся по сторонам — чисто — и давай командовать. Тройка Папаши пройдет сколько сможет вдоль сброса. Вторая тройка пересечет долину, держа направление вон на тот лесок вон под той горой. Да-да, под той, что со скальным зубом. Всем — сугубое внимание! Встреча на этом месте через три часа. Вопросы?

Какие тут могут быть вопросы? Методика действий отработана до автоматизма. Насчет сугубого внимания — тоже лишние слова, хоть и предписанные инструкцией. А оно и так понятно. Если один наклонился поднять камешек или, допустим, поймать жука, то двое других прикрывают его с оружием на изготовку. Выскочить из кустов или спикировать на голову может что угодно. На тех двойниках Земли, где развилась жизнь, она присутствует в таких формах, что саблезубый бегемот с рыбьим хвостом покажется банальностью.

А посему никогда не думай, что за несусветная тварь тебя атакует, и не пытайся понять, настоящая это атака или ритуальная, для виду. Не только опыт, но и инструкция велит: сначала стреляй, потом думай. В противном случае думать станет некому.

Разошлись мы, у Лаза оставили радиомаячок. С этой стороны Лаз не молочно-белый, а насквозь прозрачный, с переливчатым дрожанием воздуха в нем. Издали не заметишь — мало ли отчего воздух дрожит. Маячок необходим. Чтобы не вызывать любопытство местной фауны, он замаскирован под обычный камень, каких повсюду навалом, да еще sprыснут чем-то, чтобы отбить запах. А мне мелкая радость — полкило с плеч долой.

Хорошо пошли, легко, но я твердо знаю, что возвращаться мы будем с языками на плече, может, и на карачках. Топаю себе в хвост Клопу и Кошмарику, поглядываю по сторонам, а сам считаю в уме: сколько это во мне и на мне лишнего веса? Если в земном весе я вешу центнер и ташу на себе, допустим, тридцать ка-гэ, то какую ношу влачу здесь, при лишних двадцати двух процентах тяжести?

Получилось без малого шестьдесят килограммов. Однако! Под такой ношей я свободно пройду километра три-четыре, а потом захочу отдыха. Хоть я и Потаскун, но все же не вечный двигатель. Одно хорошо: «эластик» почти ничего не весит, не стесняет движений, да и груз распределен так, что нигде не давит, не трет. Авось продержусь без отдыха километров пять...

Дышать, правда, чуть трудновато. Фильтр фильтрует, но один процент углекислоты — многовато и с фильтром. Над каменистым, кое-где покрытым жесткой травой склоном, полого сбегаящим от обрыва, висит знойный воздух, и нет в нем свежести, а есть что-то тревожное,

настораживающее. Любой человек, не будь он лазутчиком и попади сюда в одиночестве, изведется со страху.

А я верчу головой и в упор не вижу никаких причин для страхов. Ну, склон и склон. Видно, что формация вулканическая, так что на гипотезе насчет индустриального мира можно, пожалуй, ставить крест. Нет тут никакой индустрии, и цивилизации, наверное, нет, а есть повышенный вулканизм, отчего и воздух с дурными примесями. Что еще? Ну обрыв небывалый с небывалой высоты водопадом, что сеется понизу дождем... Ну речка, в которую вся эта вода собирается снова... по зарослям кустов видно, как она петляет. Ну поросшие лесом горы впереди... Горы как горы, лес как лес.

И никакой видимой опасности! Клоп породу ковыряет. Говорит: типичное лавовое поле относительно недавнего происхождения. Пучки жесткой травы скрипят под ботинками, прыгают из-под наших ног насекомые, удирают мелкие ящерицы. Кошмарик поймал одну, так она в два счета отбросила не только хвост, но и голову, да так и удрала без головы. Наверное, фальш-голова. Ну, над этим не нам головы ломать, а специалистам на Земле. Наше дело — доставить им образцы живых тканей.

Крупных животных не видно, следов их пребывания — тоже. Кошмарик разглядел в бинокль не то птиц, не то не птиц, порхающих над лесом, — но и только. Даже скучно стало. Уже час идем, ноги начали уставать, а опасного зверья нет как нет. В такие минуты даже хочется, чтобы тебя атаковала какая-нибудь местная тварь, желательно покрупнее да поусталее, — тогда вмиг об усталости забываешь. Проверено.

Один раз слева пролетело что-то покрупнее вьющихся над лесом пташек. Хотел было подстрелить ее, но далеко, результат не гарантирован, а стрелять попусту я не люблю. Только и разглядел, что тварь летела планирующим полетом — тянула к лесу. На нас — ноль внимания. Ну и ладно.

И тут ни с того ни с сего нападает на меня страх — не страх, а, скажем так, беспокойство. Верчу головой, одна рука на спусковом крючке, другая на пряжке — готовлюсь одним движением сбросить с плеч груз и остро чувствую: что-то не так. И без того успел вспотеть, а теперь пот аж в глаза полез. Не видно никакой опасности, а внутри меня как будто что-то кричит: берегись! Вижу — Клоп с Кошмариком ощущают то же самое. Инстинкт лазутчика — штука иррациональная, но верная. Присели оба, стволы вперед себя выставили — ну давай, подходи! Встретим.

А некому подходить. Нет никого вокруг нас, кроме глупых насекомых и фальшивоголовых ящериц. В лесу, может, и затаился кто, но до

леса нам еще полкилометра топать. Ничего не понятно. Что мы просмотрели? Где опасность? Почему тревогу чувствуем?

Вдруг над лесом туча птиц поднялась — и ну кружить. А ведь точно — птицы. Судя по крикам, почти такие же, как у нас на Земле. Чего они взлетели и развопились?

Смотрю я на лес, потому что опасность может прийти только оттуда, — и зря смотрю. Ничего интересного не увидел до тех пор, пока кто-то — бац! — не вышиб землю у меня из-под ног.

Ну что за подлый прием! «Землетрясение!» — кричит Клоп, но я уже и сам догадался. Пытаюсь подняться и не могу, почва ходит ходунном, как будто она ковер, который выколачивают ударами снизу. Пересыпается черный лавовый песок, в горах грохочет, в лесу трещит и стонет, и на все эти звуки накладывается грозный гул, идущий, кажется, отовсюду. Солнце померкло. Оставил я попытки встать, потому что если и встану, следующий толчок опять сбросит меня на землю, а это при моем весе удовольствие ниже среднего. Терплю, жду.

— Стихает вроде? — кричит с надеждой в голосе Кошмарик.

Какой-то миг и мне так казалось. Ага, жди! Тут только и началось. В ста шагах от нас лавовое поле встало дыбом, целый пласт поднялся вертикально, как торос. Со стороны речки земля разверзлась трещиной, и из нее с сумасшедшим ревом забил горячий гейзер. А толчки все сильнее. И тут — последний аккорд, до конца дней моих его не забуду. Страшный и долгий грохот, удар такой силы, что меня лежачего на метр вверх подбросило, и все небо, без того мглистое, враз задернуло жутко клубящимися вихрями пыли.

— А-а-а! — затянул Кошмарик. Глаза в пол-лица, в них ужас текущий. Этого крика мне тоже вовек не забыть.

Сила толчков вроде на спад пошла. Рискнул я подняться на одно колено, огляделся сколько мог — и чуть не завопил точно так же.

Обрыва не стало. Рухнул он, рухнул во время землетрясения, уничтожив небывалый водопад и завалив тройку Папаши миллионами тонн базальта.

А заодно и Лаз.

Толчки еще не кончились, еще ворочалось под землей неведомое чудовище, понемногу слабело, но не желало успокоиться, а мы, перепрыгивая через только что открывшиеся расщелины, забыв усталость и пережитый ужас, уже бежали вверх по пологому лавовому склону — туда, в крошечную клубящуюся пыль, в буро-коричневый хаос разрушения и смерти. Каждый из нас понимал, что у наших товарищей, двинувшихся вдоль обрыва, не было ни единого шанса уцелеть, когда

обрыв рухнул. Каждый понимал и то, что наши собственные шансы вернуться на Землю-1 отныне надо считать очень незначительными. И уж конечно, мы понимали, что спешить, не спешить — ничего уже не исправишь и не переиграешь заново.

Но мы бежали.

\* \* \*

Полное ее имя можно было бы с грехом пополам перевести на лубой из человеческих языков как «Чрезмерно Любопытная, Которой Не Хватает Достаточного». Иногда имя обозначалось комбинацией звуков, но чаще и охотнее — характерной мыслеформой. Перевести мыслеформу в звук всегда означает потерять часть тонких смысловых оттенков. Звуки убоги.

Ее детеныш пяти месяцев от роду еще ничем не выделился и не имел пока имени. А ее Рой был просто Роем, точно таким же, как у любого разумного существа на Беспokoйной.

Рой вел себя смиренно. Пройдет еще немало времени, прежде чем одно из яичек, отложенных Маткой в кожистой сумке Хозяйки, получит химический сигнал развиваться в новую матку, а не в рабочую особь и не в трутня. Тогда за Роем будет нужен глаз да глаз. Непросто управлять жужжащими слугами в период роения, хотя, казалось бы, для этого не надо ломать могучий инстинкт насекомых, достаточно лишь направить его в нужное русло. Слуги нуждаются в хозяине не меньше, чем хозяин в слугах. Увы, они глупы. Слуги нуждаются в постоянной заботе и постоянном управлении. Без хозяина Рой погибнет.

Хозяин без Роя — возможно, и нет, несмотря на все буйство Беспokoйной. Разумное существо выживет и в одиночку, но разве речь идет только о выживании? Выжить способен и крылатый моллюск Фу, начисто лишенный мозга. Мыслящее существо нуждается в большем, гораздо большем.

Ночь она провела на Большом обрыве, найдя удобную полочку и узкую нишу для защиты от ветра. Разумеется, она не собиралась оставаться там на день. Умение предчувствовать землетрясения и некоторые другие стихийные бедствия чисто инстинктивно, ум лишь подсказывает пути отхода. Касаясь базальтовой скалы, она ощущала ее напряжение. Недра Беспokoйной готовили очередной выплеск ярости. Все, кто чуял беду и мог уйти, уже вчера откочевали подальше от опасного места.

Крупные звери убежали первыми. Когда бушует Беспokoйная, им всегда достается больше, чем мелким тварям. Мелочь начала откоче-

вывать с вечера и продолжала уходить всю ночь. Сородичи тоже ушли ночью. К утру во всей округе не осталось никого, кроме совсем уж мелких и бессмысленных тварей.

Она тоже задержалась. Обрыв рухнет примерно к полудню, а до того времени он практически безопасен. Нависающий над головой выступ скалы отлично защищает от случайных камнепадов. В нише тепло. Зачем перестраховываться, загодя покидая опасное место? Времени предостаточно. Чутье предупредит, ветер поднимет на крыло, а Рой поможет дотянуть до безопасного места. И пусть некоторые считают ее авантюристкой, это не так. У нее уже третий детеныш. Двух первых удалось сохранить, выкормить и вырастить, теперь они уже взрослые. Многие ли матери могут похвастаться таким результатом?

Но если честно, задержаться на обрыве ее заставил не расчет. Ей просто хотелось еще один раз — последний — насладиться видом водопада в утренних лучах, а потом с безопасного далека посмотреть, как рушится обрыв. Отвесных скальных стен такой высоты на Беспокойной не так уж и много. Зрелище обещало быть прелюбопытным.

Вышло еще любопытнее, чем она предполагала. Она провела ночь в нише, закутавшись от прохлады в кожистые крылья. Детеныш в сумке попискивал и сосал молоко. В другой сумке тихонько гудел Рой, выражая недовольство — он не получил сегодня вдоволь пищи. Слуги шекотались, слизывая предназначенные для них кожные выделения, и мало-помалу успокаивались. Приказов им не поступало.

Утром ветер дул с севера, пикируя с обрыва, и не был удобен для дальнего полета, а вскоре после рассвета и вовсе стих до штиля. Она осталась ждать, уверенная в том, что покинет обрыв до первого толчка. Осталась — и не прогадала.

Внизу, где сеялся дождем растрепанный водопад, случилось нечто странное. Прошло несколько минут, прежде чем она поняла суть явлений.

Поняв, она удивилась. Появившихся у подножия обрыва двуногих бескрылых существ стоило бы рассмотреть поближе, если бы разум и чутье не говорили ей в унисон: эти существа могут быть опасны. Издалека она чувствовала их эмоции — эманации любопытства, страха, настороженности, готовности убивать, защищаясь, и убивать просто так. И она ничем не выдала себя.

Вдобавок завозился и запищал детеныш в сумке. Несмышлениш проголодался и, конечно, получил требуемое. Покормив малыша, она взяла его на руки и вычистила сумку. У матери всегда хватает забот. В другой сумке оживился Рой, и ей пришлось успокоиться, чтобы слуги вновь впади в летаргическое оцепенение. Рой понадобится позже.

Существ внизу было шесть. Она отметила, что их тела защищены полупрозрачными покровами явно технологического происхождения, что существа пользуются искусственными заменителями сумок, расположенными вряд ли удобно, и что передние хватательные конечности прищельцев отягощены смертоносным металлом. Эти существа как будто явились из далекого прошлого, они ни в коем случае не могли водиться на Беспокойной. Громоздкие, неуклюжие тела, до смешного малая скорость перемещения, отсутствие Роя... нет, им здесь просто не выжить.

А значит, они явились извне. Примерно тем же путем, каким в результате давней ошибки подобных же существ возникла Беспокойная, только более примитивным. Наверное, этим существам еще не пришла в голову мысль таскать планеты из вселенной во вселенную...

Вскоре стало еще интереснее: существа разделились на две группы. И в то время как одна из них разумно начала удаляться от обрыва, вторая не сделала ни малейшей попытки избежать верной гибели. Неужели они не чувствуют, что обрыв должен вот-вот рухнуть? Или одни чувствуют, а другие нет? Они неравноценны по чутью и разуму? Почему тогда особи с более совершенным чутьем не убедили все стадо в необходимости спастись?

Не зря ее звали Чрезмерно Любопытной, Которой Не Хватает Достаточного. Она еще долго оставалась на обрыве, наблюдая и строя предположения. Все они никуда не годились. Казалось, презумпция разумности вовсе не работает для этих существ.

И только когда ощущение близости катастрофы стало невыносимым, она взлетела, предварительно активировав и выпустив наружу Рой. Ее полет был планирующим; кожистые перепонки передних и задних конечностей, частично перекрываясь, образовали то, что аэродинамик назвал бы щелевым крылом. Ее вид не знал машущего полета, да, по правде говоря, и не особенно нуждался в нем. Зачем наращивать лишние мышцы, когда есть Рой?

Полет был пологим. Лавовое поле опускалось по направлению от обрыва к лесистым горам, но она, планируя, теряла высоту быстрее. И Рой, повинувшись мыслеприказу, помог, как помогал всегда, когда в том возникала необходимость. Сотни слуг вцепились крохотными лапками в шерстку на ее спине и дружно зажужжали, помогая легкому тельцу удержаться в воздухе.

Тут-то и грянул первый удар.

Она ощутила его как избавление от гнетущего, давящего психику ожидания. Сразу стало легче. Беспокойная отдавала накопленную

ярость, и это было как долгожданная вечерняя прохлада после невыносимо жаркого дня. Пройдет несколько десятков дней, прекратятся повторные толчки, и жизнь вернется сюда на целые десятилетия — до следующей катастрофы.

Впрочем, нет... Уж где-где, а здесь землетрясение — лишь первый аккорд.

Впереди качался и стонал лес, с шумом рушились деревья, не утихал глупый птичий гвалт, но все это была чепуха. Разве трудно выбрать для посадки дерево, которое не упадет и не пострадает от падения соседнего дерева? На это не способны только самые глупые из птиц, совсем безмозглые насекомые да еще, пожалуй, эти новые двуногие существа...

Усевшись на крепкий сук и дав команду Рою быть наготове, она продолжила наблюдение за двуногими. Эти существа занимали ее все более и более.

Увы, они в очередной раз продемонстрировали глупость и непригодность, помчавшись для чего-то к обвалу. Для чего — дышать пылью? Этого добра там сколько угодно. Неужели они рассчитывают спасти своих сородичей, заваленных целым кряжем битого камня? Или попытаются откопать намертво заваленный ход в свой мир? Нет, вряд ли они настолько глупы...

Или все же настолько?

Толчки кончились. С ними ушла и опасность, чисто символическая для нее и ее сородичей. Отпустив Рой подкормиться, она еще долго наблюдала за пришлыми существами, но к окончательным выводам так и не пришла.

### **16 мая, ситуация нештатная**

Что мы можем втроем, без Лаза, без поддержки, без выхода в наш такой уютный, безопасный мир? Ну что?

Не так уж мало. Прежде всего, продолжить изучение Земли-118. Вовсе не исключена вероятность того, что туннельщики «Шанс Инк.» пробьют к нам новый Лаз. Так сказал Клоп. Умом я понимаю, сколь невелика эта вероятность, но она все же не нулевая.

Значит, есть надежда. Будем за нее цепляться. И прав Клоп: лучше заняться работой, чем ныть и киснуть. И для дела лучше, и для нас самих. Работай и не трави себе душу понапрасну — целее будешь.

Вот, значит, какова эта планета. Западня. Ловушка, уже ставшая могилой для трех лазутчиков. Вон и могильный холм — миллионы, если не миллиарды тонн породы рухнувшего обрыва. Вчера радовались



— уникальное геологическое образование! Сегодня — безобразный каменный хаос, смотреть на него не хочется...

Хотелось бы знать: поняли ли на Земле-1, что произошло? Надо думать, Лаз забило камнем, после чего он автоматически схлопнулся. Нет Лаза. По идее, следующим действием туннельщиков станет попытка пробить Лаз в ином месте, но в сравнительной близости от первого. Мало нам будет радости, если Лаз возникнет на другом материке. Туннельная наводка — труднейшая задача, требующая филигранной работы настройщиков и массы везения. На нее могут уйти недели, если не месяцы, а бесплодные попытки будут исчисляться сотнями...

Нет, я не верю, что нас бросят. Лысый Кактус за нас горой. Жаль только, что его вес в совете директоров не столь велик, как нам хотелось бы. Но ничего. В руководстве «Шанс Инк.» сидят не полные кретины. Допустим, на нас, лазутчиков, им по большому счету плевать, как на всякую мелкую сошку, зато не плевать на уникальную планету. А что катаклизм, так ведь катаклизмы случаются и в райских уголках. Вы видели толпы жаждущих переселиться из Калифорнии в Гренландию на том основании, что в последней не бывает землетрясений? Я тоже не видел.

Так что десятибалльное землетрясение в одной точке планеты еще не повод отказываться от ее изучения и освоения. Просто нам не повезло. А второй тройке не повезло так, как никому не пожелаю. Постояли мы возле обвала, повздыхали. Н-да. Положим, везение нас тоже не очень-то балует, но мы хотя бы живы и имеем шанс.

Кошмарик, правда, сказал, что не мы имеем шанс, а «Шанс Инк.» нас имеет, но Кошмарик вообще ворчун, пессимист и язва. Иной раз начнет предсказывать, так всем настроение испортит, а сам — это хорошо видно — со всей силой надеется, что выйдет не так, как он напрогнозировал, а в точности наоборот. Бывают такие люди, к ним привыкнуть надо.

Ладно. Комплект для полевых исследований у нас уцелел. Оружие уцелело. Сами мы уцелели, никто не пострадал в катаклизме, если не считать синяков и ссадин. Что еще надо для работы?

Вода, пища и кров. Именно в такой последовательности. Строго говоря, у нас есть НЗ и практически невесомая надувная палатка, но гораздо надежнее мобилизовать местные ресурсы. Вода? Давеча водопад дождем сеялся и собирался внизу в речку, так что воду мы найдем. Пища? Попробуем охотиться. Жилье? Вон сколько камня и дерева, неужто не построим хотя бы примитивную хижину полуземляночного типа?

Справимся, конечно. Базовая подготовка лазутчиков — это вам не баловство бойскаутов. Каждый из нас научен выживать в таких милых местечках, где рядовой горожанин окочурится сразу. Можно обойтись и без хижины, но почему бы не построить ее, раз есть возможность?

Само собой разумеется, эта работа выпала на мою долю. Начал я, правда, с того, что нашел воду — грязный ручей, теряющийся в каменном хаосе обвала. Отфильтровал — годится. И знаю, что уже завтра вода унесет всю грязь, так что хватит обычного кипячения. Дров вон сколько. Обеззараживающие таблетки лучше бездумно не тратить, мало ли что.

Клоп и Кошмарик тоже делом заняты — один собирает образцы породы, другой бросается на всякую живую и дохлую органику. К середине дня оба умаялись собирать, пустили в дело экспресс-лабораторию. Как будто ничего не случилось — удивляются и присвистывают, фиксируя данные. Профессионалы, одно слово.

Я бы не отказался им помочь, меня тоже любопытство разбирает, но на мне все хозработы. Сходил в лес нарубить дров — ну и бурелом там после землетрясения! — и вернулся не только с дровами, но и принес за хвост дохлого зверька типа крысы, отдал Кошмарiku. Тот крысу отпрепарировал и нашел, что она по строению близка к земной черной крысе. Тут даже я понял, что это значит.

Необратимость и неповторяемость эволюции — об этом вы слышали? Вылейте на плотно убитую землю ведро воды — она пустит ручейки во все стороны, ища, куда бы стечь. Какой ручеек первым достигнет низинки, зависит от местных условий. Так и биологическая эволюция. Возьмите Землю эпохи динозавров и переиграйте эволюцию наново — получатся ли со временем те же киты, тигры, крысы, человек? Вот вам — получатся. «Ручейков» триллионы. Условия жизни на планете могут меняться достаточно случайным образом, мутации тем более случайны, а случайность не воспроизводима. Может, со временем дело и дойдет до разумного существа, но человеком оно не будет, это я вам говорю.

С крысой, собственно, то же самое. Ну не должно быть такого сходства!

— Помнишь Землю-51? — спрашивает меня Кошмарик.

Еще бы мне не помнить. Вместе уносили ноги от орды прожорливых тварей и одну подстреленную утащили с собой в Лаз. По изучении твари оказалось, что она не имеет аналогов на Земле даже на уровне надтипа. Уникальная дрянь.

В других землеподобных мирах, где развилась жизнь, картина примерно та же — чуждая биота, напрочь чуждая. И это при том, что сила тяжести там нормальная! А тут?

— Ну и что нам об этом думать? — вопрошаю.

Кошмарик пожимает плечами. Он не знает. Может, он думает, что я знаю? Так зря.

Клоп тем временем укрепил сейсмограф, а как пошли писаться кривые, так и сел. Головой вертит, шары в пол-лица. Не поверил прибору, запустил тест.

— Ну? — я ему.

— Не бывает такого, — бормочет Клоп.

— Чего не бывает?

— Полутора сотен одновременных землетрясений по всей планете силой свыше пяти баллов не бывает...

— Прибор врет, — говорю я ему и сам на то надеюсь.

У Клопа вид задумчивый. Скверная это задумчивость, такая бывает у самоубийц и приговоренных.

— Да нет, прибор в порядке...

— Уверен?

— Прибор в порядке, — настаивает Клоп. — Зато планета не в порядке. В том-то и беда.

Почесал я в затылке, вздохнул.

— Продержимся как-нибудь. Нас выручат.

Взглянул он на меня с видом «ты так думаешь?», но вслух, конечно, ничего не сказал. За такие слова можно и в лоб схлопотать. Вера нам нужна и оптимизм, с ними целее будем.

Ужинать пришлось пищевыми брикетами, размочив их в воде, да еще взяли из НЗ по две галеты. Я бы и крысу местную слопал, только Кошмарик ее не отдал на съедение. Ничего, и так жить можно. Надо только настроиться на то, что еды будет мало, и не ждать гор снеди. Еще полезно умять себя работой до дрожи в конечностях.

Все это у меня получилось, особенно второе. Ни одного достойного пойти нам на ужин представителя местной фауны я не подстрелил, потому что не встретил, зато выворотил из лесного бурелома два отличных нетолстых бревна. Пойдут на стропила. Завтра притащу еще, а кроме того, продолжу возведение стен из плоских камней с глиняно-грязевой связкой. Подсохнет — будет то, что надо.

При нормальной тяжести я бы вдвое больше наворочал, но тут уж ничего не поделаешь. Сорву пуп — никому от того пользы не будет. И без того тело ватное, а ноги того и гляди сведет судорогой — то пра-

вую, то левую, то обе сразу. И это я, тренированный лазутчик, Пота-скун! Представляю себе рядового горожанина на нашем месте! С брюшком и одышкой. Он еще вчера упал бы на землю, моля пристрелить его.

И пришлось бы, наверное! Уж лучше принять смерть сразу, чем в мучениях.

Клоп с Кошмариком выглядят чуть получше меня, но не намного. Им тоже досталось. Сжевали мы по брикету без всякого аппетита, просто по необходимости, запили кипятком. Ночевать придется, как вчера — на голых камнях вокруг потухающего костра. Но пока огонь горит ярко, запас дров имеется, и можно просто полежать, поглядеть на огонь и поразмыслить.

— Во всем этом дегте, — раздумчиво говорит мне Клоп после долгого-долгого молчания, — есть чуть-чуть меда. Ты его ощущаешь?

— Смеешься?

— И не думаю. Мы еще живы. Неплохо, правда?

Возражать этому оптимисту я не стал. А вы стали бы?

Стемнело, на небе звезды высыпали. Тусклые они здесь какие-то. Наверное, дело в том, что на Земле-118 атмосфера толще и плотнее. Рисунок созвездий незнакомый. Потом звезд вовсе не стало — с юга принесло то ли облако, то ли просто какую-то мглу. Но еще до того, как она поглотила все небо, Кошмарик выпучил глаза и ткнул пальцем повыше моей головы:

— О! Луна!

Оборачиваюсь — и впрямь Луна. Вышла из-за гор, полузатянута дымкой, и что-то с нею не в порядке. Не сразу, но сообразил: маленькая она какая-то. На вид раза в два меньше, чем привычная нам Луна. А ведь она висит низко и должна казаться больше, чем на самом деле! Чепуха какая-то.

Клоп с Кошмариком затеяли спор, а я решил отключиться. Хватит с меня на сегодня местных пакостных чудес. И тяжесть тут повышенная, и атмосфера не та, и трясет, и уникального водопада больше нет, и даже Луна неправильная! Дрянь планета. Бывали хуже, но эта мне совсем не по нутру.

Но пока нам придется здесь жить, и Грету Бриккен я увижу не скоро.

Ночью почему-то хочется спать. Вот не днем, а именно ночью, когда любая сволочь может подползти к тебе в темноте и напасть. Где фауна, там и хищники, а кто мы для них? Ходячие антрекоты.

Ну, правда, Кошмарик наострил электронные «сторожки» — датчики движения с дико воющей сиреной, если к нам приблизится су-

шество крупнее морской свинки. На уже упомянутой Земле-51 один любитель антрекотов с клыками в две пяди сдох на месте от голоса этой сирены. Вскрытие показало разрыв обоих сердец — их у него два, — а череп сей зверюги и посейчас украшает кабинет Лысого Кактуса, пугая посетителей.

Еще подумал: жаль, что Лысый Кактус взаправду меня не уволил, да чего уж теперь. Влип, так соответствуй и влипнув. Штатная единица.

Лег и ухом чувствую: гудит земля. Иногда затрясет легонько и перестанет, но гудит постоянно. Не нравится это мне. Ругнул туннельщиков, пробивших Лаз в сейсмический район, да и заснул. Правда, недолго мой сон оказался...

\* \* \*

Сегодня Рой нашел много корма, и незачем было спешить уйти подальше от места, сделавшегося еще более опасным. Она довольно точно знала время и характер следующей катастрофы и не собиралась спастись раньше времени. Кроме того, ее чрезвычайно занимали пришедшие двуногие существа, расположившиеся на лавовом поле невдалеке от леса.

Одно из существ несколько раз навевывалось в лес, неуклюже трещало буреломами, издавало бессмысленные звуки. Она ощущала эманации страха, агрессии, усталости и тупого упорства. Потрявоженный паук-метатель встал на голову и напряг брюшко, готовый выстрелить в существо ядовитым жалом. Она отогнала паука мысленным приказом, а существо поволокло сухой ствол, даже не заметив, сколь близко оно прошло от тонкой грани жизни и смерти.

Поистине странные существа! Давно поняв, кто они такие и откуда взялись, она продолжала дивиться их бьющей в глаза беззащитности. Знать и видеть не одно и то же. Зрительные образы, преобразованные в мыслеформы, будут переданы сородичам и разойдутся по всей Беспokoйной. Но лучше видеть воочию. Нет сомнения, что эти беспомощные существа не совместимы с Беспokoйной, но пока они еще живы, надо наблюдать за их действиями и эмоциями. Нет бесполезных знаний. Постигая других, постигаешь себя.

Она не пряталась, не отводила двуногому существу глаза, уверенная в том, что сумеет защититься, — и все же существо прошло мимо, не обнаружив ее. Потрясающая слепота и невероятная беспечность! Любопытно, долго ли они продержатся? Если не догадаются перевалить через горную цепь на юге, то до послезавтра...

Быть может, стоит их подтолкнуть?

Одно из существ весь день строило нечто похожее на каменную западню — наверное, жилище. Эти двуногие, оказывается, совсем глупы. Два других существа возились с примитивными устройствами — ей понадобилось усилие, чтобы понять их назначение. Вот даже как? Эти двуногие совсем слепы, они не могут нормально видеть мир без своих неживых помощников?

Неудивительно, что вчера трое из них даже не подумали отойти подальше от скальной стены. Неживые помощники, видать, глупы отменно...

Попискивал маленький, тянул из сумки лысую головенку на тонкой шее, дивился на мир, потом нырнул вниз и начинал сосать. Рой нашел неподалеку дерево огго со спелыми плодами, принес малую толику хозяйке на пробу. Плоды были вкусны, и, почувствовав голод, она перелетела на огго и насытилась. Мешали криком птицы, все еще вьющиеся над упавшими деревьями с погибшими кладками в сброшенных наземь гнездах. Пришлось прогнать глупых, вселив в них ужас. Пусть улетают подальше и не возвращаются, им же полезнее. Послезавтра в этой долине не останется ни одного живого существа.

Удивительно все же, что эти трое ничего не чувствуют...

Ночь выдалась душная, зря двуногие существа жгли хворост. Быть может, они делали это не для тепла, а для освещения и отпугивания хищников? Если так, то они не только лишены всякого чутья, но и редкостно тупоумны. Им не видно ничего вокруг, зато их великолепно видно. К тому же любой хищник на Беспokoйной прекрасно знаком с огнем и не испугается кучи пылающего хвороста.

Она не могла уловить мысли двуногих на расстоянии. Еще до середины ночи любопытство победило. Взобравшись на вершину самого большого дерева, она поймала порыв встречного ветерка и ринулась ему навстречу. Лавовое поле отдавало накопленное за день тепло, рождая восходящие потоки. Расправив крылья, она летела почти без потери высоты.

Что это расставлено вокруг лежбища двуногих? Она уловила знакомые электромагнитные поля. Ну точно, двуногие поручили охрану своего сна неживым слугам.

Попытка подавить сторожей не удалась, заставив подумать, что хоть в чем-то двуногие оказались не очень глупы. Она заложила пологий вираж, облетая лагерь двуногих по широкому кругу. Вскоре с неживыми сторожами все стало ясно: они не могли убивать или калечить чужаков по своему разумению, а лишь будили спящих. Любопытно узнать, насколько эффективна такая охрана...

Сирена взывала, когда она пролетала над спящими.

**17 мая, ситуация тревожная**

Вскочил от воя. Где, что — не пойму. Ясно только, что «сторожок» сработал. Темно, только угли костра едва рдеют под серым пеплом. Клоп включил фонарик, да снопом света прямо мне в глаза! Мне только почудилось, будто над нами пролетело что-то. Воздух слегка всколыхнулся, это точно. «Стреляй!» — орет мне Кошмарик, а куда стрелять? Ничего не вижу. Когда отморгался, опасность уже миновала. «Птица, наверное, — бурчу я, укладываясь сызнова. — Просто птица».

Клоп с Кошмариком меня раззявой обзвали, а за что? Сами-то не лучше. Надо было освещать цель, а не меня. В кого мне стрелять, ослепленному? В черноту? А сами что же — безоружные? Зачем им стволы — мушкой спину чесать?

Высказал я им эти соображения и до рассвета так и не заснул — маялся то в полудреме, то в полном бодрствовании, ловя ухом каждый шорох. Мысли в голову лезли... странные.

Почему я не выстрелил вверх на колыхание воздуха — вот что интересно. Попал бы, не попал бы — вопрос второй, но почему не нажал на спуск? Ведь по идее должен был. На автоматизме. Как всякий лазутчик, прошедший не одну планету со зверьем, я и жив-то до сих пор только потому, что в критических ситуациях стреляю раньше, чем осознаю свои действия, и вот что примечательно: стрелковый рефлекс часто был спасителем, иногда бесполезен, но вреден — никогда. Так почему же я не выстрелил?

Вспомнил все до мелочей — понял. Палец на спусковом крючке не согнулся — вот почему. Спросонья, наверное. Знаете, как бывает в кошмарном сне, когда ты то ли убегаешь от опасности, то ли, наоборот, гонишься за кем-то, а ноги не двигаются, словно отсиженные. Отвратительные сны, терпеть их не могу. Ну а тут, видно, то же самое, только с пальцем на спусковом крючке. По инерции. Не успел я, видно, понять, где кончился сон и началась уже явь.

Не очень убедительное объяснение, но иного я не нашел.

А пролетела над нами, конечно, птица. Наверное, случайно. Хотя встречались мне такие пташки, что с ними можно только свинцом разговаривать. Но эта не из тех — во-первых, всего одна, а во-вторых, пугливая. «Сторожок» ей дал децибелами по ушам, больше не сунется.

На рассвете загудела земля, заходила ходуном, но не так сильно, как при первом землетрясении, и вскоре угомонилась. Клоп сказал, что это первый, но не последний из повторных толчков. Норма, в общем. Так и должно быть, опасаться нечего. После большого землетрясения всегда бывают повторные толчки, и всегда они слабее основного.

Не позавтракав, принялись за работу. Я в лес потопал — за бревнами. Бобровая у меня специальность. На всякий случай осторожничаю, верчу головой, особо присматриваюсь к густым кронам, автомат снял с предохранителя. Ну, подходите ко мне, вы, любители плоти, угощу с удовольствием. Не плотью, конечно.

Одно бревно приволок, чуть отдышался, за другим пошел. И тут...

Лес на опушке редкий, деревья стоят далеко друг от друга, кроны не смыкаются над головой. Да сколько раз я уже тут проходил! Иду, не жду опасности. Вот дальше, в буреломе — там все может быть. Там работаешь почти ощупью, а все внимание — на наружное наблюдение. Потому как будь я голодным зверем — не упустил бы случая кинуться с дерева на загревок тому, у кого руки заняты.

Но знаю преотлично: опасность реальна как раз тогда, когда ее не ждешь, а посему не теряю бдительности.

Ап!

Словно током меня пробило. Замер я, не завершив шага. Не поднимая головы, веду взгляд вверх, аж боль в глазных яблоках и резь от пота.

Вот она — ночная «птица». На ветке сидит, на меня смотрит. Я сразу понял — та самая, что позавчера стороной пронеслась.

Но не совсем птица. Точнее, совсем не птица. Клюва нет, а есть личико, карикатурно напоминающее человеческое. Личико маленькое, как у гнома или микроцефала, отчего глаза, уши и лоб кажутся ненормально большими. Хотя вряд ли они больше моих.

И эти-то огромные, почти свиные глаза смотрят прямо на меня, не мигая и не выражая ничегошеньки.

Крылья? Нет у существа крыльев. Есть одна перепонка, натягиваемая передними лапами, и другая, натягиваемая задними. Что за притча? Человекообразная летяга? Планирующий лемур? Хотя хвоста вроде нет... Летучая обезьяна, как в стране Оз?

А главное, чего она на меня глазеет? Гипнотизирует, что ли? Так это зря. Никакой гипнотизер ничего со мною не сделает, если я сам того не захочу, проверено.

А вот я могу сделать! Подстрелить это чучело — и вся недолга. Окажется съедобной — прекрасно! А не окажется, так все равно поделом ей. Пугать нас ночью и остаться безнаказанной — это она много хочет.

Не торопясь, чтобы не спугнуть, нащупал рукоять автомата, положил палец на спусковой крючок, повел стволом вверх. Вот так. Сейчас хлестнет по тебе свинцом, кувыркнешься ты с ветки, уродина глазазастая, и послужишь пищей если не нам, то науке...



Потемнело в глазах. Странно: я не кисейная барышня, а до голодных обмороков мне еще ой как далеко! Устал, конечно, но ведь не слишком. Может, надышался? Надо проверить фильтр.

Секунда — и упала с глаз пелена. Ну то-то. Я вам не какой-нибудь слабогрудый задохлик, я лязутчик и Потаскун! И не жертвой явился я в этот мир, а хозяином! Пусть будущим, но хозяином! Несмотря на.

Глядя на ветку — нет там летяги, как и не было. А, вот она! Успела перескочить на соседнее дерево. Прыткая. Но пуля проворней.

Не могу согнуть палец!

Что такое? Почему? Ведь выцелил же, осталось нажать на спусковой крючок... Не могу! Пот с меня прямо-таки ручьями льется, стараюсь шевельнуться, да куда там! Оцепенел я под взглядом летяги — не шелохнуться. Тот же сон, только наяву и оттого стократ жутче. Страшно мне! Ужас липкий, текучий. Не обмочиться бы...

Вдруг — гудение. Вижу, как в тумане: откуда-то из брюха летяги с сердитым гулом вырывается рой черных, как антрацит, ос, и ну носиться вокруг меня. Одна села на руку да как цапнет! «Эластик» на раз прокусила, тварь! Никогда не думал, что такое возможно.

Я свету невзвидел. Раз на Земле-1 меня шершень куснул, так та боль по сравнению с этой вроде легкой шекотки. Жуткая боль, невыносимая. Если выбирать между ней и костром инквизиции, я бы выбрал костер.

Мне бы вопить, метаться, а я не в силах шевельнуть ни одним мускулом. Ничего не вижу, не слышу, дышать тоже не могу. Я человек тренированный, а все равно не понимаю, как мое сердце это выдержало. По идее миокард должен был порваться так, что брызги наружу!

И вдруг — р-раз! — отпустила боль. Как-то сразу, рывком швырнуло меня из адского небытия в райское бытие. Да, райское! Потому что для того, кто в аду побывал, рай везде, где нет ада. Деревья надо мной покачиваются на ветерке, шевелят листьями, солнечные пятна играют на стволах, и я, представьте себе, готов целовать каждую былинку, обнять каждое дерево и рыдать от счастья! Потому что боль ушла, потому что жив и буду жить!

Осы куда-то делись, а летяга по-прежнему сидит на ветке и на меня глазееет. Вроде равнодушно так глазееет, без эмоций, хотя что я понимаю в летяжьей физиогномистике? Но стрелять в нее мне сразу захотелось — спасибо, научен. Нарочито медленным движением подобрал я упавший автомат, повесил на плечо стволом вниз и ретировался осторожненько, бочком и мелким шагом. Осы, кажется, у летяги в подчинении — наверное, симбиоз такой. Они ей — защиту, она им... тоже что-нибудь.

Короче, ясно: не надо сердить летягу. Жутко даже подумать, что со мною стало бы, укуси меня не одна оса, а все! Э, а что же тогда выходит? Получается, что я наказан и предупрежден, но и только. Она легко могла бы убить меня, но не убила!

Похоже, она не хищница и не падальщица, зря мы пугались. Мы в ее глазах не добыча. «Сторожки» надо перенастроить, пусть себе летает...

Кошмарик выслушал меня внимательно, но перенастраивать «сторожки» отказался. Никто, мол, еще не доказал, что твоя летяга безопасна — это первое. Кроме нее к нам на огонек может забрести и кое-что похуже — это второе.

Не стал я с ним спорить. По-моему, он моему рассказу не очень-то поверил — во всяком случае, в лес по моим следам не пошел. Ему и в поле работы хватает — собирает насекомых, ловит ящериц, смотрит, как они отбрасывают хвосты и головы, и восхищается.

После полудня — еще одно землетрясение. Я с ног полетел, но сильные толчки, к счастью, быстро кончились. Вот слабые — остались. Лежу на базальте и чувствую: содрогается подо мной земля, не желает успокоиться. Да что это за планета! Если здесь повсюду так, то «Шанс Инк.» опять выгащила пустой билет. Каких туристов сюда заманишь? Есть, правда, отвязные экстремалы, но ведь их немного. Экстремалы сами регулируют свою численность, через них человечество пытается бороться с перенаселением. Нормальный же турист любит поахать на чудеса природы из безопасного места, твердо уверенный, что при любом раскладе останется цел и невредим.

Клоп уже на ногах, считал данные с сейсмографов, запустил в обработку.

— Как оно? — вопрошаю.

— Очень мелкофокусное, — отвечает он нехотя. — Гипоцентр на глубине полутора километров. Почти точно под нами.

— Но ведь все кончилось?

— Возможно, кое-что еще даже не начиналось. Гипоцентр утреннего землетрясения находился на глубине два восемьсот. Понимаешь, что это значит?

Фыркнул я:

— Следующее землетрясение прямо на поверхности будет, что ли?

Не ответил Клоп. Вижу: решение принял. Так и есть:

— Сворачиваемся. Ночевать будем вон там, в распадке.

Не очень мне это понравилось. Во-первых, топать до вечера. Во-вторых, очень жаль бросать недостроенное жилище, пусть над ним еще работать и работать. А насчет «в-третьих» я спросил прямо:

— Ну а если Лаз откроется?

— Оставим маячок и записку. Нас найдут.

Ну да, конечно... Если будут располагать временем да еще приказом руководства найти нас во что бы то ни стало. А если нет? Если спасательная группа получит приказ лишь высунуть нос и не рисковать?

Хреново быть расходным материалом, вот что я вам скажу. Вернусь — подумаю о смене работы, честное слово. Авось найду такое место, где сгодятся мои навыки и где ценность жизни не эквивалентна денежной сумме, ни большой, ни маленькой, и плевать мне на особые премиальные! Много эти деньги помогли Папаше, Удаву и Гадкому Цыпленку?

Свернулись мы в десять минут и до заката отмахали километров, наверное, пятнадцать. Худо было дважды — на крученной-перекрученной «канатной» лаве, где не знаешь, куда поставить ногу, и на подъеме на сопку. Могли бы ее обойти, между прочим, сэкономили бы время и меньше устали. Но Клоп в том никогда не признается.

Место мне не понравилось. Распадок — он распадок и есть, да еще меж сопок, поросших молодым лесом и кустарником. Обзор ограничен, простора для маневра нет. Но дальше в горы — еще хуже. Так что расчистили мы площадку, расставили «сторожки» — и спать. На костер уже не осталось сил, и не надо. «Эластик» в общем-то неплохо греет, да и ночи здесь не холодные.

Положил я голову на заплочный контейнер и слышу гул и удары из-под земли: бум-м! бум-м! Хоть и вымотался, но заснул не сразу. Тревожно что-то.

\* \* \*

Она не последовала за двуногими — она ушла раньше, ибо оставаться близ лавового поля становилось опасно. Восходящие потоки были хороши — грунт за день прогрелся не только солнцем, но и подземным теплом. И все же полет на вершину ближайшей сопки нипочем не удался бы, если бы не Рой. Повинуясь приказу, слуги покинули сумку и вцепились лапками в шерстку на передних крыльях, жужжа и гоня воздух назад. Слуги выбивались из сил, но работали истово, им нравилось работать. Потом, правда, Рою потребуется отдых и пища, но пищи вокруг было вдоволь, а что до отдыха, то катастрофа случится во второй половине ночи. Задолго до этого времени Рой будет в полном порядке.

Опасно было и на сопках, и в распадке, куда — она это заметила — нацелились двуногие существа, и в крохотной долине между сопками

и настоящими горами, и на склонах гор, особенно вон той, с кривым каменным зубом близ вершины, который наверняка обвалится и положит начало хорошему камнепаду. Опасность резко уменьшалась за горным хребтом, и было крайне желательно добраться туда до начала катаклизма. Самый короткий и самый легкий способ ускользнуть из западни.

Еще вчера, даже позавчера она должна была сделать это. Чутье, разум, материнский инстинкт — всё говорило в пользу немедленного ухода. Всё, кроме любопытства. Ей повезло увидеть то, чего еще никто не видел. Она сможет поделиться не чепухой, а действительно весомым знанием! Ее поймут и не осудят за риск.

Она видела, как спасается все живое. Высшие существа, имея развитое чутье, давно покинули опасное место, теперь спасались низшие. Трепеща влажной перепонкой, пролетел крылатый моллюск Фу, а вскоре еще один. Признав в этом втором самку, недавно отложившую яйца в какую-нибудь лужу и потому все равно доживающую последние дни, она приказала моллюску приблизиться и умереть. Утомленному Рою нужна пища, впереди еще долгий путь. Мясо моллюска Фу скверно пахнет, но вполне годится для слуг.

Солнце еще не село, когда она перевалила через хребет — рубеж между опасностью безусловной и опасностью весьма относительной. Если бы не уснувший в сумке маленький, она рискнула бы задержать ся — очень уж хотелось посмотреть, как будут выпутываться из беды двуногие, и почувствовать их нелепые эмоции. Через хребет этого не сделать.

Спланировав в долину, она легко насытилась плодами и насекомыми. Хотелось настоящего мяса, но от него меняется состав молока, и маленький будет беспокоен. С чревоугодием придется подождать.

Ее мозг не улавливал ничего похожего на мыслеформы сородичей. Без сомнения, всякое разумное существо ушло и из этой долины, посчитав ее не вполне безопасной. Откочевали они, пожалуй, на восток, вдоль береговой линии. Неужели океан сейчас тих и не грозит бедами?

Пожалуй, так и есть. Даже удивительно.

### **18 мая, ситуация критическая**

Я один.

Один на чужой планете. Без снаряжения. Без товарищей. Клоп и Кошмарик погибли.

Вот как это случилось. Посреди ночи нас тряхнуло так, что подбросило в воздух. И еще удар, и еще! С тяжким стоном падают деревья, где-

то грохочут обвалы, почва ходит ходуном. В ста шагах от нас разверзлась земля, и из трещины с ревом забил горячий гейзер. Завоняло серой, как в аду, в облаках пара гаснет луч фонаря, Клоп кричит что-то, а слов не слышно. Ну зачем кричишь, зачем? Мы и так знаем, что надо делать: похватать что под руку попадетя и смываться на формаже.

Еще одна трещина, да какая! На наших глазах полсопки отъехало в сторону и провалилось под землю. Но самый ад разверзся там, откуда мы ушли днем — и правильно сделали, как оказалось.

Исчезло лавовое поле. Расколось, разбросано на мили вокруг небывалой силы взрывом. Этого грохота я никогда не забуду. Раскрылся кратер, и взметнулся из него в небо столб огня. Рев, свист. Вокруг нас камни падать начали — и маленькие, с кулак, и побольше, с хороший домик.

Эх, не спать бы нам, а идти, идти! Даром что вымотались. Наплевать, что ночь. Убегать отсюда надо было, уползать на карачках, за шиворот выволакивать себя из этой преисподней! Пинками гнать друг друга!

Думал, не выбраться нам из распадка — ан выбрались. Бежим к горам через долинку, кое-где поросшую кустарником, и некоторые кусты уже горят...

— Вулканические бомбы! — неслышно кричит Клоп, но я прекрасно его понимаю. Втянул голову в плечи, будто это поможет, когда раскаленная бомба приземлится мне на макушку, и бегу. Барахло, какое успел подхватить, бросил, когда увидел, что Клоп и Кошмарик уже с пустыми руками. Ну и правильно. На что покойнику вся эта тонкая техника? Потом, может, подберем, если живы будем.

Не скажу, что убегали мы без оглядки, потому что один раз я все же оглянулся. Все мощнее работают огненные фонтаны! Вулкан плюется лавой, взрывы раскидывают по небу полчища светляков, и каждый такой «светляк» — нагретая до тысячи градусов вулканическая бомба. Иные, кажется, целятся прямо в меня. Черная туча нависла и швыряет в новорожденный кратер молнии — не то подстегивает его, не то пытается наказать за буйство, да всё без толку...

Ноги подкашиваются. Дышать нечем. Но надо бежать — и бежим.

Куда? К горам? К ним, черти бы взяли все эти склоны и обрывы! Впереди грохочут камнепады, с важными вздохами сходят оползни, но там все же безопаснее. А если пропадать, то лучше уж под камнепадом, чем в лавовом потоке или палящей туче.

Сверху начинает сыпаться пепел и жжет даже сквозь «эластик». Много пепла. Ничего не вижу, Клоп и Кошмарик исчезли в раскаленной черноте. Ору — нет ответа.

Бежать надо. Направления я не терял, нет у меня этой глупой привычки. Надо найти укрытие — расщелину какую-нибудь или пещеру... Отставить! Только не пещеру. Никаких сводов, которые при новом подземном толчке рухнут и в лучшем случае раздавят тебя, как букашку, а в худшем — замуруют, и подыхай себе от голода и жажды.

А вот чувство времени я все-таки потерял и, хоть убейте, не скажу, как скоро нашел укрытие — кучу огромных валунов. Забился в тараканью щель и начал ждаться...

Вулкан работает вовсю. Багровые отблески в горячей черноте. Земля дрожит. Молюсь, чтобы не пошли пирокласты и чтобы с горы не сошел обвал — тогда капут и амба. Туча над кратером расплзлась во все стороны, ливень пошел. Рассвета я не заметил. Вулкан не унимается, но пепла и бомб вроде стало меньше. Посерело небо, солнечный диск в нем проявился. Рискнул я высунуть нос из укрытия — ну так и есть, по ту сторону сопки за ночь вырос шлаковый конус, и течет из него огненная река. Быстро течет, как на Гавайях, и в мою сторону, но сопки ее пока задерживают. Чисто базальтовая лава, очень жидкая. Прикинул: успею ли уйти выше, если лава прорвется? Убедил себя: успею. А пока надо поискать Клопа и Кошмарика...

Только я об этом подумал, как глядь — идет ко мне Кошмарик и сейчас как никогда оправдывает свое прозвище. Вид у него, прямо скажем, не для слабонервных. Грязен, дик и с автоматом. Хотя и у меня, наверное, не лучше, только я без автомата. Бросил.

Я бросил, а он сохранил. Ай, умница!

— По маячку меня нашел?

Он только кивнул, не подколов: «Нет, по запаху». Совсем на него не похоже.

— А где Клоп? — спрашиваю я, уже догадываясь об ответе.

— Вулканическая бомба, — кратко поясняет Кошмарик и прячет глаза, будто виноватый. Нет на нем вины, я точно знаю. Будь Клоп жив, Кошмарик его не бросил бы, не из такого он теста.

— Сразу?

— Сразу.

— Где?

— Вон там, — указывает Кошмарик на непроходимое болото жидкой грязи — результат пеплопада и ливня.

Ясно... Поиски тела бессмысленны, а похороны, можно считать, уже состоялись. Когда-нибудь грязь высохнет и превратится в туф, навеки сохранив в себе тело Клопа... как мошку в янтаре.

Изо всех сил бью кулаком по камню. Ай, Клоп, Клоп...

Но и мы хороши! Где были мои глаза? А Кошмарик? Он, биолог, только и отметил, что виды растений здесь почти земные с разницей на уровне видов и подвидов, — а много ли это нам дало? Как никто из нас не разглядел, что здесь нет старых, могучих деревьев?! А ведь нет их! Теперь я понимаю почему: ни одно местное дерево попросту не имеет шанса дожить до старости. Успело обрести зрелость, разбросало семена — уже хорошо. А дальше его либо спалит лавой, либо засыплет пеплом, либо снесет оползнем, либо свалит землетрясением, либо похоронит под каменным обвалом. Мир краткого постоянства. Нестабильная, больная планета, трясушаяся, точно в лихорадке, покрытая фурункулами вулканов...

Вот почему на ней столько летающих тварей! Способность к полету нужна, чтобы вовремя удрать из опасного места!

И Клоп проشياпил. Теперь-то ясно, что все пережитые нами землетрясения, включая первое, обрушившее скальную стену, были лишь прелюдией к грандиозному извержению. Насторожился наш командир, приказал уходить, но не учел размеров опасности...

И все же мы обязаны ему тем, что пока живы. Если повезет, то еще поживем, еще вернемся домой, еще увидим Грету Бриккен... Правда, нам должно очень сильно повезти. Когда и где откроется Лаз — неизвестно. Засекут ли спасатели наши маломощные радиомаячки — тоже никому не ведомо.

— Что делать будем? — спрашивает меня Кошмарик, теряя лицо. Это я его спрашивать должен. Он теперь главный, а я всего лишь Потаскун, даром что таскать мне нечего...

— Уходить надо. Перевалим через хребет, осмотримся. Здесь нас угробит.

— Эту гору обойдем справа или слева?

— Лучше слева, там седло удобное.

Кивнул он, соглашаясь, и двинулись мы. Хорошо идем. Без груза даже при здешней тяжести легко ходить по горам. Молчим каждый о своем. Хотя наверняка мысли у нас схожие.

К полудню вышли на седло, устроили привал на десять минут. Нашли теплый родничок, попили минеральной водички. Кошмарик снял забитый пеплом дыхательный фильтр и бросил. Глядя на него, и я сделал то же. Ничего, дышать можно. А если в этом мире все-таки есть болезнетворные микроорганизмы, то мы заразились еще позавчера, когда съели по две галеты из НЗ.

Жаль, что не сожрали НЗ целиком! К чему было откладывать?

Умом понимаю, что в любом случае я был бы сейчас голоден, как весенний медведь, но все равно жаль провизии до слез.

И вдруг...

Ненавижу, когда в книгах попадаетея «вдруг»! Но что поделаешь, если действительно вдруг?

Шагах в десяти от нас на валуне вдруг появляется давешнее чучело с кожистыми крыльями — та самая летяга, что недавно напустила на меня осиный рой. Та, которую я прозвал Прыткой. Я уже понял, что она умеет отводить людям глаза, но все равно удивился: ведь только что никого на валуне не было! Откуда? Почему? Ничего не понимаю.

Кошмарик тоже увидел, а он стрелок не хуже меня. Спокойненько так передвинул автомат, сбросил предохранитель... Видит же — пища. Сама пришла в руки. Ну, тут надо быть ослом, чтобы не воспользоваться таким подарком, особенно когда живот подвело...

Хочу крикнуть ему: «Не смей!» — и не могу. Язык онемел и не шевелится. И Кошмарик тоже оцепенел. Видно, как пот с него ручьями льет, впитывается «эластиком» и выступает снаружи крупными каплями.

Ж-ж-ж! — вылетает из сумки на брюхе чучела стая черных ос. Кошмарик пикнуть не успел, как они его всего облепили. Уронил он автомат, упал, дернулся раз-другой и замер. К счастью, недолго мучился. А я не могу шевельнуться и только думаю отстраненно: сейчас мой черед помирать. Интересно, каково это — умирать от болевого шока?

В том, что Кошмарик мертв, усомнился бы лишь тот, кого такая оса не кусала. А тут — сразу сотня укусов. Мне все ясно, не тупой.

Теперь моя очередь, да? Ну, налетайте, кусайте, убивайте! Вот он я. Эта сволочь меня загипнотизировала, пользуйтесь моментом!..

\* \* \*

Когтистый хвататель, существо с той стороны, перенесенное через океан, не иначе, каким-нибудь ураганом, атаковал ее сверху. Мыслетформ он вовсе не имел, эмоции излучал слабо, и она заметила его в последний момент — заметила глазами, а не почувствовала! Заложенный ею резкий вираж заставил хватателя промахнуться, но этого было мало. Потусторонняя тварь лучше летает и обязательно повторит атаку. Придется избавиться себя от ее присутствия.

Мысленный приказ, вообще говоря, не всегда хорошо действующий на потусторонних, запретил хватателю выход из пике. На камнях остались перья и брызги.



Она поднималась кругами в восходящих потоках, пока вершины гор не оказались под ней. С этой высоты картина продолжающегося катаклизма предстала во всей полноте.

Вулкан работал в полную силу и должен был извергнуть еще немало лавы. Но главное событие произойдет вот здесь, когда на склоне горы откроется еще один кратер. Лавы не будет, но раскаленная туча пепла скатится в погибающую северную долину и выжжет все, что еще уцелело в ее пределах.

Уже скоро.

Следовало бы покинуть и южную долину — в ней тоже будет неуютно. Даже зверье почувствовало это и уходит, что уж говорить о разумных. Последний сородич ушел еще утром. Она не видела его, но обменялась на расстоянии мыслеформами. Ничего удивительного, что она уловила пренебрежительные нотки. Мысли не слова, они не лгут. Приходится признать: мало кто уважает Чрезмерно Любопытную, Которой Не Хватает Достаточного.

Но быть иной она просто не могла, да и не видела резона меняться. Зачем стараться стать кем-то, кто не ты?

Значит, остается терпеть пренебрежение?

Этого можно избежать, если правильно взяться за дело. Вот для чего она поднялась над хребтом. Ей были нужны двуногие. Смутное ощущение пользы от них, попав на благодатную почву, проросло уверенностью.

Очень скоро она ощутила флюиды усталости и страха. Двуногие были здесь. Правда, их осталось лишь двое.

Ничего удивительного. Странно другое: то, что уцелели хотя бы эти. При их потрясающем отсутствии чутья и слабости интеллекта у них было мало шансов.

Но и двоих более чем достаточно. Хватит и одного.

Она нашла двуногих на седловине. Безусловно, они решили перебраться через хребет в южную долину и остановились отдохнуть. Совершенно неприспособленные существа, лишенные как ума, так и выносливости...

Вмешаться в работу их мозговых центров, отвечающих за анализ зрительной информации, оказалось сущим пустяком. Двуногие не могли заметить, как она спланировала и села на валун рядом с ними. А потом она позволила им увидеть себя.

Одно из существ попыталось навести оружие. Она уже знала принцип его действия: сейчас из черной трубки с большой скоростью вылетят остроносые кусочки металла, делающие живое неживым. Суще-

ство было столь же самоуверенным, сколь и наивным. Разве можно так вести себя, имея мозг, податливый, как мягкая глина?

Приморозив обоих, она дала команду Рою: атаковать вооруженное двуногое. С одним существом возиться легче, и оно станет покладистее, увидев, чем грозит неповиновение.

Когда вооруженное двуногое умерло, а Рой, повинаясь приказу, убрался в сумку, она вернула уцелевшему существу управление мышцами и внушила ему страх. Не перед собой — перед вулканом. Двуногое вскочило, пошарило по сторонам безумным взглядом, дико заорало и бросилось вниз по склону — прочь, прочь от адского пламени! В мирную цветущую долину! Туда, где природа добра и ласкова, где светит солнце и текут прозрачные чистые ручьи, где ветки гнутся под тяжестью спелых плодов, где никто никого не убивает, предварительно обездвизив!..

Сразу пришлось ослабить давление — вопящее существо мчалось огромными прыжками, забыв глядеть под ноги. Совсем не дело будет, если оно упадет, переломив мощной инерцией своего мяса (кстати, зачем им столько мяса?) одну или несколько непрочных костей. Пусть оно боится, но не паникует.

Дождавшись порыва ветра, она взлетела и вновь парила кругами, наблюдая сверху за существом. Дважды она совсем снимала давление, понимая, сколь трудны скальные участки для такого нелепого животного. Излишний страх заставит сорваться и убьет. Один раз двуногое споткнулось и покатило по каменной осыпи — голова-ноги, голова-ноги... Но все обошлось.

Лишь к вечеру существо оказалось на равнине — вымотанное до предела и ни на что не годное. Свалившись головой в ручей, оно, кажется, сделало попытку утопиться, но, как вскоре выяснилось, лишь утолило жажду. Покончив с этим — замычало, бестолково зашевелилось, кое-как отползло от воды шага на два и немедленно уснуло. Эманации его мозга ясно указывали, что слабосильное двуногое живо и даже почти здорово — просто лишено сил от непривычного ему напряжения мышц, сильных эмоций и голода. Приятная неожиданность для любого хищника — налетай да вонзай зубы.

Во всей долине, покинутой большинством животных, остался один лишь летучий кот — похоже, ненормальный. Нормальные все ушли. Она почуяла его, когда он подбирался к неподвижной добыче, бесшумно перелетая с дерева на дерево, далеко распространяя вокруг себя эманации голода, жадности и азарта. Выбрать позицию для атаки, неслышно спикировать, точным движением когтистой лапы перервать

жертве шейную артерию и молнией пронестись дальше, в то время как добыча будет бестолково метаться, брызгая кровью и ревя от ужаса...

Она прогнала кота. Тот не хотел сдаваться, злобно шипел в лесной тьме, фосфорически сверкал глазами, но в конце концов все же отступил, убежденный настойчивым мыслеприказом. Ей не хотелось беспокоить спящий в сумке Рой. В темноте от слуг мало проку, к тому же они голодные — весь день провели в сумке, слизывая скупо выделяемое хозяйкой соленое молочко. Слуги умеют терпеть и потерпят до рассвета. Полную дозу молока получил лишь детеныш.

Она и сама была голодна. Не будь летучий кот отвратительным на вкус, она без колебаний убила бы его, чтобы насытиться самой и насытить Рой.

Нельзя сказать, чтобы все зверье ушло из долины. Как всегда, остались дряхлые старики и потерявшиеся детеныши, слишком слабые, чтобы бежать. Она чужала их страх. Таились в листве потусторонние твари, перелетевшие через океан и кое-как прижившиеся здесь. Охотились ночные хищники. Саблекрылая птица пала на спину крысиному ящеру. Стонал в овраге грузный древолом с переломанными при падении спинными щитками. В омуты прятались электрические раки, готовые поразить разрядом копытную мелочь, пришедшую на водопой. Древесные пиявки скручивались винтом, нацеливая прыжок на любой подозрительный шорох. Мелкие создания с ничтожным — до ближайшей катастрофы — сроком жизни караулили крупных и подвижных, изнемогая под бременем желания отложить в их кожу или шерсть яйца, чтобы продолжить свой род в более спокойном уголке планеты.

Завтра к полудню часть палящей тучи перевалит через седло и выжжет часть долины. Только часть. Достаточно немного откочевать, не подвергая заметной опасности себя, детеныша, Рой и двуногое. Пищи хватит. А присутствие сородичей в ближайшие дни даже нежелательно...

### 19 мая, ситуация хуже некуда

Проснулся и пожалел о том. Весь разбит. Мышцы болят, голова работает плохо. Хорошо, что она у меня еще есть, но это единственное утешение.

Я один. Без оружия, без снаряжения. Из всего инвентаря мне удалось сохранить лишь «эластик», прорванный в трех местах, маячок в правом рукаве и диктофон в левом. Нечем даже развести огонь.

Горевать, сокрушаться, отчаиваться? На здешнюю мелкую луну повать? Никто меня не видит, никто не осудит за малодушие... Только

можно я не стану этим заниматься? Не люблю делать то, к чему не приспособлен. Мои шансы вернуться на Землю-1 мизерны, но не равны нулю, из этого и буду исходить. Пока я жив, надежда не потеряна. А уж насколько мне удастся продлить мою жизнь на этой бешеной планете, зависит в первую очередь от меня самого. Пусть старая леди с косой не обижается — я не стану с ней сотрудничать.

Не будь олухом — не станешь и трупом, верно я говорю?

Во всяком случае, данный силлогизм никем еще наглядно не опровергнут.

От вулкана я, похоже, защищен хребтом. От местного зверья не защищен ничем. Самое время подумать об оружии. Это первое. Затем о пище — это второе. Добыть огонь — третье. И наконец, жилище — это четвертое. В четырех стенах я в безопасности: мой дом — моя крепость.

Выломать дубину. Соорудить несколько силков из стеблей вьющихся растений и расставить их по лесу. Смастерить лук — пока не для охоты, а для добычи огня трением с лучковым приводом. Добыть прямой дрын и обжечь на костре наконечник — будет копьё. Подумать, из чего можно сделать пращу, и, сделав, поупражняться в метании камней. Вот программа на сегодняшний день.

Доведется или нет подкрепить силы чем-нибудь посущественнее ягод — науке не известно.

Желудок между тем выводит музыкальные рулады — требует уронить в него что-нибудь. Желательно — мясное. И поскорее!

Ба! — услышаны мои молитвы. Гляжу и глазам своим не верю: из ручья ползут на берег рыбы. Небольшие, вроде пескарей, зато в большом количестве. Подгибают под себя хвост, затем распрямляются, делают рывок вперед, вонзают в почву шипы на грудных плавниках и снова гнут хвост. Просто ать-два, ать-два! Шустрые, умелые в ползании и не задыхаются. Наверное, местный — и крайне уместный! — аналог наших земных двоякодышащих.

Схватил одну рыбецу — укололся. Сразу мысль: а не ядовиты ли у них шипы? И вот странность: знаю, что не ядовиты. Не надеюсь, не предполагаю, а именно знаю! Убежден в этом не меньше, чем в том, что дважды два вовсе не пять.

Откуда я это знаю, спрашивается?

Но в тот момент не задал я себе такого вопроса. Ловлю разбегающихся рыб, острым осколком камня оттапываю им головы, а потом вжик — одним движением освобождаю их от шкурки, а вторым от ребухи. Словно всю жизнь этим занимался. И ем сырую рыбу, ем! Жую,

слюной давлюсь, остановиться не могу. Еще бы шепотку соли! Но мне давно известно: идеал недостижим, хотя приближаться к нему не возвращается...

Уф-ф! Насытил чрево, не могу больше. Сонно гляжу на уцелевших «пескарей», а они, как только я перестал за ними гоняться, выстроились колонной и замаршировали куда-то в лес. Ать-два, ать-два... Миграция у них, что ли? Сезонная? Или почуяли, что в ручье им оставаться опасно?

Последнее соображение мне не очень понравилось. Огляделся, прислушался — вроде тихо. Только удары из-за хребта, как далекий гром — бум-м! бум-м! Вулканические взрывы. Да еще висит над горами черная туча, но уже не столь густая, и ветер сносит ее на север. Правильно делает. Чем дальше от горячего пеплопада, тем мне лучше.

А не перебраться ли на всякий случай на другой конец долины?

Мысль показалась дельной. Более того: нутром чую, что оставаться мне здесь не резон. Шестое чувство во мне проснулось, что ли? Сижу на бугорке и ощущаю зуд: уходить надо! Побыстрее и подальше.

Не высидел — вскочил. Через ручей перемахнул в таком прыжке, что мировой рекордсмен нажил бы язву от зависти. Спокойно вокруг, мирно, а я тороплюсь. Забыл о своем намерении выломать дубину, так с голыми руками и пру через лес, как танк, с треском проламывая путь в зарослях. Язык на плече. Нет, это не паника, нет у меня привычки паниковать, к тому же соображалка действует нормально, мысли не путаются. А вот чувствую: правильно делаю, что ухожу! Да что это со мной?

То ли померещилась мне Прыткая, то ли и вправду мелькнула в древесной кроне — не понял. И вот еще одна странность: я чую опасность и ухожу от нее, но опасность эта — убежден — с Прыткой никак не связана. Тут что-то другое, а что — не возьму в толк. И от того мне немного не по себе.

Новая странность: не понимаю, как выбираю путь. Иной раз сворачиваю вбок и лезу через буреломы, хотя впереди лес чистый — хоть на джипе катайся. Почему отринул прямой путь — не знаю. Ноги сами несут. Краем уха слышал, что есть такая научная дисциплина — бихевиористика вроде, если не путаю. Она как раз о том, почему муравей или, скажем, кошка выбирает этот путь, а не тот. Или здесь как раз тот случай, когда дороги выбирают нас? Ох, попался бы мне хоть один бихевиорист, я бы из него душу вынул, но ответ получил! От меня заумными фразами не отделаешься — говори понятно или пожалеешь, что на свет родился...

Вышел было к речке, но и полюбоваться на нее не успел — потянуло меня влево; по компасу судя — к востоку. Кончился лес, пошло лавовое поле. Еще одно. Сероводородом воняет. В ямах грязь булькает. Оступишься — привет горячий. Даже очень горячий. К иным ямам и не подойдешь — почва жжет пятки сквозь подошвы «эластика», грязь жаром дышет. Вареный лазутчик кому-нибудь нужен? Мне — точно нет.

Потом пологий склон пошел, и тут я позволил себе отдышаться. Вернее, что-то мне позволило. Или кто-то позволил. Но страха уже нет, присел на камушек, ноги массирую. Побегайте при повышенной тяжести с мое — и у вас начнутся мышечные судороги. А место хорошее. Наверху горы, окаймляющие долину с юга, но до крутых склонов еще далеко, и буде случится обвал, он мне не страшен.

Так. Что я хотел? Дубину, потом огонь, потом силки для дичи... Или наоборот? Что-то плохо я нынче соображаю...

Бабах! Подпрыгнул я от грохота. От того грохота, что по камням ко мне дошел, а воздушная волна пришла позже, зато такая, что оглохнуть можно. И вижу я: с северной стороны над горами чуть правее того седла, через какое мы вчера переваливали с Кошмариком, а перевалил я один, в одну секунду вырос новый столб огня и дыма. Страшное зрелище! Одна радость, что я далеко, меня не достанет...

Пяти минут не прошло — вспухла над хребтом клубящаяся туча, перевалила через седло и пошла в мою долину, как селевой поток. Дошла только до леса, но лес сразу вспыхнул. Пирокласты! Ясно, что за седлом открылся не паразитический кратер — там заработал совершенно отдельный вулкан с иным составом магмы. Предпочитаю лаву — от нее, как правило, можно убежать, не то что от пирокластов. Вовремя я унес оттуда ноги! Каков, а? Вот что значит чутье лазутчика! Выходит, и «пескарики» мои не зря из ручья драпанули — ручей-то наверняка выкипел...

Дошла и до меня волна горячего воздуха, но ничего, терпимо. А лес сгорел едва на треть — сырой оказался. Ну-с, тем лучше.

Радуюсь я своей догадливости и об усталости забыл. Как заново родился. Никогда не понимал самоубийц. Жизнь хороша! Как можно этого не видеть?!

Каким образом на камешке, где я только что сидел, материализовалась Прыткая, я не понял. Хотел я руками замахать, чтобы согнать ее — и ведь замахал бы сдуру, — но вовремя понял: не надо этого делать. Лучше удалиться. Существо не крупное, субтильного сложения,

весит вряд ли больше домашнего кота, серьезными клыками и когтями не снабжено, так чего же я боюсь?

Роя черных ос, вот чего.

Не могу уйти!

Приросли ноги к склону. Дрожь пробрала от темени до пяток. А Прыткая неспешно, как бы напоказ разводит в стороны передние лапы вместе с кожистыми перепонками, приоткрывает одну из двух сумок на брюхе...

Потекли из сумки осы... одна за одной... гудят. Собрались в шар.

Медленно приближается гудящий клубок. Почти коснулся лица — а я ни отклониться, ни отвернуться не в силах, не говоря уже о том, чтобы убежать или — пропадать, так с музыкой! — подшибить Прыткую камнем. «Ну вот и все, — думаю. — Ну вот и все...»

Не все оказалось. Повисел осиный рой перед моим носом, обдал странным запахом — и назад, к Прыткой. Вытянулся веревочкой и в сумку уполз. Смолкло гудение.

Попробовал шевельнуть мизинцем — могу! Полной воли над мышцами еще нет, но прогноз, как говорят медики, благоприятный!

Что ей от меня надо, этой полуобезьянке-полулетяге? Если я для нее добыча, то на каком основании еще жив? Похоже, она имеет на меня какие-то виды, но вот какие?

А она глядит на меня огромными глазами, ни звука не издает — и тут, представьте, на меня чесотка напала. Да такая, что я вытерпел всего несколько секунд, а потом взвыл, заплясал и давай скрестись! Сразу чувствительность к мышцам вернулась. Деру себя ногтями, а толку нет — «эластик» мешает. Муки адовы. Зарычал я по-звериному, разодрал молекулярный шов, вывернулся из своей одежды, как змея из кожи, остался голым, как Адам...

Кожа вмиг перестала зудеть. Да что за черт, а?

И уже догадываюсь, кто тут виноват...

— Так это, значит, ты? — вопрошаю я Прыткую не самым любезным тоном. — Твои штучки?

Никакой реакции.

— А ну-ка... Если это твои фокусы, верни мне чесотку. Да только чур ненадолго!..

Я еще не договорил это, как почувствовал, что зря я чесотку заказал. Мог бы попросить что-нибудь менее мучительное.

— Хватит! Хватит, сказано тебе!..

Отпустило. Оно, конечно, приятно с одной стороны, а с другой — с какой стати она лезет в мои внутренние дела? Насколько я понимаю,

желание почесаться возникает в мозгу и не всегда связано с потребностями кожи. Об этом многое могут порассказать те, кому ампутировали руку или ногу. Конечностей нет, а они чешутся.

Значит, она наглым образом врзает в мой мозг?

— Ну вот что, — говорю я ей. — Я человек. Ты зверушка. Ступай себе. Нам не по пути, понятно?

Опять нет ответа. Ну, как хочешь. Если гора не бежит от Магомета, то Магомет сам уйдет от горы. Пешочком.

— Счастливо оставаться! — и ручкой ей сделал.

Да что за... Опять не могу шевельнуться!

Не отпускает Прыткая меня от себя. А на что я ей? Для забавы? Или — страшно подумать — я не более чем питательный ресурс для ее осинового роя, в данную минуту не голодного? Живые консервы к ужину?

Все возможно. И мало-помалу снисходит на меня понимание: все, что я делал с сегодняшнего утра, а может, и со вчерашнего, не было моими сознательными действиями, а диктовалось чужой волей. Спуск с седла... ночной покой... ловля «пескариков»... уход, почти бегство в безопасную часть долины... Мной управляли! Дергали меня за веревочки, как бессмысленную тряпичную куклу. А для чего?

Не знаю. Готовлюсь к худшему, уже не очень надеюсь на лучшее. Молюсь неслышно. Господи, не оставь! Господи, помоги! Укрепи мя, Господи!

Пауки на ум приходят. С крестом на толстом пузе, с правильно-геометрической ловчей сетью. Молилась муха мушину богу, застряв в паутине...

И все равно молюсь. Помогает.

## **20 мая, полный кошмар**

Все очень плохо. Наверное, мне не вырваться. Но если так и случится, если я никогда не вернусь в родной мир, то пусть хоть эти диктофонные записи когда-нибудь будут прослушаны людьми. Я лазутчик, я привык рисковать своей шкурой, и в общем-то нет ничего странного в том, что иногда тот или иной мой коллега не возвращается из разведки. Мысль о смерти не приводит меня в панический ужас. Гораздо меньше мне нравится роль без вести пропавшего. Финал жизни тоже должен иметь какой-то смысл.

Вот почему я постараюсь делать записи почаще и сохранить диктофон во что бы то ни стало. Острым камнем я сумел вырезать его из рукава «эластика» — ну и намучился же! — и вместе с маячком привязал к запястью тонкой лианой. Прыткая это видела и не возра-



зила. Наверное, решила, что получившийся браслет на одежду «не тянет» — в лучшем случае на украшение. «Эластик» ей не нравится, наверное, потому что она прекрасно обходится без всякой одежды и не понимает ее пользы. Днем — согласен, но ночами здесь бывает прохладно. Однако Прыткая позволила мне набрать в лесу дров и развести костерок для обогрева. Добывать огонь трением не понадобилось — я просто наведалься в выжженную полосу, где еще тлело. Обжег пятки, между прочим, и насажал колючек, пока не догадался отодрать от дерева два куска коры и примотать их к ступням древесными волокнами.

Прыткая выразила неудовольствие — наказала меня коротким приступом мигрени, но избавиться от допотопных тапочек не заставила. Может, она хотя бы отчасти понимает мои нужды?

И вообще, чего ей от меня надо?

Наверное, я не пища — в противном случае я не был бы отпущен в лес. Похоже, и в симбионты я не гожусь — ибо что могу предложить? А может, я просто раб? Тогда почему Прыткая не внушила мне безумную любовь к какой-нибудь деятельности? Раб должен ворочать на хозяина. Тут можно ворочать, например, камни. А я чем занимаюсь?

Сижу у костерка, греюсь. Прыткая к огню не идет, но она где-то неподалеку, я ее чувствую.

А что если я не пища, не симбионт, не раб, а попросту игрушка? Если не для самой Прыткой, то для ее детеныша, что сидит в сумке, не занятой осами. А?

Интересная мысль.

По-моему, меньше всего я похож именно на игрушку. Но у высокоразвитых созданий из иного мира могут быть свои взгляды на этот вопрос.

А в том, что Прыткая принадлежит к высокоразвитым существам, у меня давно не осталось никаких сомнений. Возможно, она даже разумна в той или иной мере.

Вот это хуже всего. Зверушку я мог бы приручить. Но если Прыткая начнет приручать меня, мне это оч-чень сильно не понравится!

А ведь, кажется, уже начала...

Но по порядку. Вчера, надо признать, я был загипнотизирован. Помучив меня, чтобы отбить охоту удрать, и поняв, что урок мною усвоен, Прыткая «отпустила вожжи». А я не бегу, нет, не бегу! Вот и в лес сходил без попытки удрать (а как хотелось!). На закате костерок развел, посидел возле огня, потом прилег. Спать буду, ясно? Я тихий,

я покорный, не надо меня наказывать, мне очень нравится жить под чужим руководством...

И впрямь уснул. Однако ненадолго — есть у меня умение просыпаться в нужный час. В данном случае — незадолго до рассвета.

Угли в кострище давно пеплом подернулись. Темно, но кое-что увидеть можно. Луна сегодня яркая и, по-моему, выросла в размерах. Туча над северным хребтом подсвечена багровым пламенем — вулкан никак не угомонится. Контуры предметов вполне отчетливы. Чего же мне еще?

Шагах в десяти спит Пряткая — сунула голову под перепонку и смахивает то ли на большую птицу, то ли на карлика, закутавшегося в темный плащ. Нет, спасибо, пытаться разделаться с нею, пока она видит сны, я не стану. Пока подкрадешься, пока замахнешься камнем — наверняка проснется. Всегда считал себя человеком рискованным, но к самоубийцам прошу меня не причислять. Гипноз и осиный укус мною уже испытаны — спасибо, больше не хочу.

Тихо-тихо снял я опорки, чтобы ненароком не нашуршать. Медленно-медленно встал. Почти не дышу. Тихонько иду, трогаю пальцами ног почву, прежде чем наступить. А ну как хрустнет веточка, покажется камешек?

Нет, все тихо. Ай да я! Удалился шагов на сто, пошел быстрее. Минут через десять под ноги стал попадаться щебень с острыми углами, и я обулся. Правильно ли иду? Вроде правильно. Сначала на запад, потом сверну влево и с утренней зарей уже буду подниматься на тот перевал, что я вчера приметил. На север хода нет, значит, пойду на юг. Отделюсь от Пряткой хребтом, а лучше двумя. В одной долине с ней мне места нет.

Вроде не заблудился. Повернул и начал подъем там, где и намечал — за купой колючих кустов. Колючки — они и в темноте колючки, не спутаешь. Камни под ногами слегка вздрагивают. Позади за северным хребтом плюется и дымит вулкан, слева мало-помалу разгорается рассвет, справа нет ничего интересного, а впереди подъем, который вполне мог бы оказаться менее крутым. Просто из любезности. Но такая уж это планета, что любезного обращения с пришельцами не понимает. Тяжелая, сейсмическая. Углекислоты в атмосфере многовато, а кислорода — наоборот, нехватка. Пусть не такая уж большая нехватка, но очень чувствительная для того, кто лезет в гору.

Задыхаюсь. Пот течет. Положил себе отдыхать через каждые пятьдесят шагов. Не выдержал. Отдыхаю через каждые тридцать, и то эти тридцать даются через страшное «не могу». Сердце колотится так, буд-

то намерено пробить дырку и ускакать от меня. Худо ему в грудной клетке, на волю хочет.

Местами так круто, что на карачках ползу. Голый альпинист. Ничего, переберусь на ту сторону — все пойдет по плану. Робинзонить легко, если грамотно выстроить приоритеты, а я уже это сделал. Оружие, еда, огонь, жилище... теперь еще и одежда. Пусть здесь тепло, а ночью можно спать у костра, но бегать нагишом я не готов. Хоть бы какой-нибудь набедренник... Да и мокасины не помешали бы. Авось попадется дичь с подходящей шкурой.

Как ее выделывать — не знаю даже приблизительно. Вот, между прочим, большой изъян в подготовке лазутчиков! Всех нас учили опираться на технику, на помощь команды, на возможность покинуть особо опасный мир через Лаз!

Пока я размышлял на скорняжную тему, совсем рассвело. Я уже поднялся довольно высоко и стал делать паузы не через тридцать, а через двадцать шагов. Нет-нет да оглянусь: не видно ли Прыткую? Она уже запросто могла обнаружить мое отсутствие. Станет искать или нет?

Пока чисто. Один раз справа камешки посыпались, но это явно не она. Зачем ей карабкаться, когда она может летать?

А еще от души надеюсь, что ее осы на такое расстояние от хозяйки не улетают.

Выше, выше! Успеть уйти.

Последние метры полз на карачках. Вот он, перевал. Солнце уже высоко взошло, залило голый склон той горы, что справа и куда мне, к счастью, не надо. Чуток отдохну, отдышусь и начну спускаться.

Надо быть осторожным — спуск опаснее подъема. Вон та осыпь мне сугубо не нравится...

Вот те раз!

Думал попасть в следующую долину, запертую с юга следующим хребтом, а попал — глазам не верю — к морю! Дымка мало-помалу рассеивается, лишь над самым горизонтом висит плотно, и вижу я, как вдали поблескивает водная рябь. До нее еще далеко, надо сперва спуститься с перевала, потом обойти вон те сопки, затем пойти вдоль речки... Но море! Настоящее, теплое, ласковое! Синее! Островок вон симпатичный. Несколько скал торчат из воды вблизи полоски пляжа. Йодом пахнет. Красота!

Вечно наши туннельщики не туда Лаз пробьют, куда надо. Хотя... с сейсмичностью и вулканизмом шутки плохи. Нет уж, хватит. Пора забыть о Земле-118 как о перспективном мире. Да и растительность по

ту сторону перевала мне что-то не нравится, бедная она какая-то, низенькая да кривенькая...

Тишина — вот что еще мне не понравилось. Странная тишина. Никакой лазутчик доверять тишине не станет.

А что это с дымкой над морем? Вроде она увеличивается или это мне кажется? Нет, точно растет! Приближается. И нет уже тишины, а висит в воздухе негромкий низкий гул. Тут-то и доходит до жирафа, что никакая это не дымка над морем, а волна! Цунами исполинской высоты!

Я высоко стою, даже очень высоко, но и то мне не по себе. Прет к берегу водяная стена, быстро движется, слизывает километр за километром, а я замер и рот раскрыл. Если бы знал точно, что цунами накроет перевал, и то не уверен, что побежал бы. Завораживающее зрелище, не могу оторваться.

Исчезли под бурунами скалы, занесла волна гребень над пляжем, но пронеслась над ним и опрокинулась на сопки. Сотряслись горы. Ударил в лицо воздух. Та осыпь внизу, которой я опасался, пришла в движение. Меньше чем через минуту вода и до осыпи добралась, поглотила ее вмиг и взбирается все выше, никак не может погасить разгон...

А у меня ноги к камню приросли, и одна мысль в голове: хватит волне инерции, чтобы перехлестнуть через перевал или нет? Бежать, спасаться уже, пожалуй, поздно.

Не дошла до меня волна. Долго бесилась внизу, шлифуя сопки, смывая тощий грунт, выкорчевывая хилую растительность, засасывая мусор в водовороты. Пошла было назад, да не тут-то было — новая волна с моря идет, не дает уйти воде и грязи. Опять пошла шлифовка ландшафта. Видел я, как из бурунов выскочила рыбина, блеснула чешуей, расправила плавники да как замашет ими! В одну минуту скрылась из глаз. Вот уж воистину летучая рыба, не то что наши. В таком мире, как этот, надо уметь летать, если не хочешь, чтобы тебя размолотило в кашу тем или иным катаклизмом. Вон и для Прыткой ее перепонки явно не лишние...

Вспомнил Прыткую — рефлекторно обернулся. Ну так и есть — вот она. Сидит, на выступе скалы, на меня глазеет, а на цунами ноль внимания.

— Нашла? — спрашиваю без почтения.

Нет ответа.

Выругался я мерзкими словами. Чувство такое, будто делал я кропотливую работу, долго делал и сделал почти, да сам же на свое рукоделие наступил и раздавил всмятку. Злость дикая. Но прав был Папаша, говоря в таких случаях: «Если хочешь кого-нибудь убить, начни с себя». И то верно: кого мне винить? Разве что мир этот дурацкий...

Но откуда мне было знать, что по ту сторону перевала еще опаснее, чем по эту? По идее, где на тектонически активной планете океаны, там и цунами. Это теория. А я знал, что там океан?

Прыткая так и сидела, ни во что не вмешиваясь, пока до меня мало-помалу доходило, куда я попал. В тюрьму! В клетку. Вроде иди куда хочешь, но далеко ли уйдешь? Оказывается, раньше я не понимал, насколько крепко влип. Теперь осознал.

Вот тут-то и началось...

\* \* \*

Она лишь делала вид, что спит, когда двуногое существо проснулось. Двуногое не умело отдыхать поочередно правым и левым полушарием мозга и, подобно ребенку, нуждалось в так называемом сне. Потрясающая недоработка природы! Как же оно может чутать опасность, когда мозг отключен? Никак. Вот потому-то эти существа и вымерли здесь много миллионов лет назад. Они не сумели приспособиться, а неприспособленных Беспокойная не терпит...

Существо ушло, крадучись. Возможно, ему казалось, что оно совсем не шумит. Забавно. Впрочем, если бы оно в самом деле ухитрилось не издать ни звука, его бы выдал страх. Страх выдает всех, даже крылатого моллюска Фу. Лишь существа с примитивной нервной системой, вроде червей или насекомых, не излучают боязненных эманаций. Вернее, излучают — куда им деваться, — но на уровне, не превышающем пороговый уровень чувствительности высших организмов.

Рой спал; лишь несколько слуг почти неслышно работали крыльями у приоткрытого входа в сумку — создавали вентиляцию.

Не вовремя проснулся и запищал маленький. Существо не услышало — где ему услышать с его несовершенным слухом! Зато она отлично слышала его шаги и дыхание. При желании она могла бы видеть его глазами. Могла бы внушить ему неудержимое желание вернуться — но зачем? Каждый несмышлениш должен сам набить свои шишки, так он лучше запомнит урок.

Не прекращая отслеживать удаляющееся двуногое, она поиграла с маленьким. Обязательная разминка вне сумки — это первое, но не главное. Игра в мыслеформы гораздо полезнее, но вот беда: все дети поначалу стараются уклониться от нее. Им нравится бегать, кувыряться, учиться летать. Лишь позднее, годам к четырем-пяти малыш начинает понимать дивную красоту изящной мыслеформы — и то не каждый малыш. Некоторые так и вырастают олухами, толком не умеющими ни общаться, ни мыслить, ни чувствовать. Это атавизм. Вне

социума такой индивид гибнет — Беспокойная жестоко наказывает атавизмы.

Поиграв, маленький забрался в сумку, поел и успокоился. Двухногое уже карабкалось на перевал. Поразительно: оно даже не чувствовало идущую с океана волну! Пожалуй, существо не успеет доковылять до реально опасных мест, где будет смыто, но все же стоит проследить за ним вблизи...

Рассвет — не время для полетов, разве что в крайнем случае. Над остывшими за ночь склонами нет восходящих потоков, а машущий полет — удовольствие ниже среднего. Пришлось разбудить Рой и заставить слуг работать.

Волна с океана пришла в точности такая, как ожидалось, — заурядной высоты. Иные волны, порожденные землетрясением, взрывом подводного вулкана или гигантским обвалом, перехлестывают через горы. Пора уходить из этой долины, зажатой между стихиями огня и воды. К востоку лежат относительно безопасные земли. Но сначала надо окончательно приручить двухногое...

Чесотка. Затем головная боль. Потом чесотка и мигрень одновременно. Двухногое корчило и вопило, то хватаясь за голову, то принимаясь яростно драть ногтями свой эпителий, то катаясь по земле. Наказание не было ни долгим, ни излишне жестоким. К чему мучить без нужды живое, страдающее существо? Но если хочешь выработать и закрепить рефлекс послушания, без наказаний не обойтись.

В какой-то момент она почувствовала: все, двухногое покорилося. И сейчас же ему было даровано облегчение, граничащее с блаженством. Нужен еще один урок? Нет? Вот и хорошо. Сейчас мы осторожно спустимся в долину и больше никогда не посмеем убежать, правда?..

### **21 мая, день физкультурника**

Стою на голове. Точнее, на голове и руках, потому что без рук балансировать трудно. К тому же я вешу здесь сто двадцать килограммов.

Еще недавно я написал бы: сто двадцать с гаком. Но где он теперь, тот гак? На Земле-118 не разжиреешь, особенно если рядом Прыткая.

Она меня гипнотизирует, я знаю. Иначе почему мне хочется — вот именно хочется! — стоять на голове?

Чем и занимаюсь. Весь день. К счастью, с перерывами. Некоторые из них связаны с тем, что кровь приливает к голове, отчего я почти теряю сознание и вынужден потом какое-то время приходиться в себя. Другие — с естественными потребностями. Был и обеденный перерыв. Черные осы натаскали мне каких-то насекомых, отдаленно смахивающих

на саранчу, только я не стал это есть. Подбил камнем толстую змею, насадил ее на прямой, вроде орехового, прут и зажарил над костром. Ничего, есть можно. Еще пожевал каких-то плодов с сильно вяжущим вкусом. Неспелые, наверное, зато уж точно не ядовитые. По-моему, Прыткая не позволит мне самоугробиться ни сознательно, ни по дураости.

Четверть часа на пищеварение — и опять чую в себе неудержимую тягу задрать ноги в зенит. Не могу сопротивляться этой тяге. Едва обед назад не отдал. Всей моей силы воли с трудом хватило лишь на то, чтобы нагрести кучку сухого мха в качестве подушки для темени, прежде чем вновь, подвывая от азарта, встать на голову.

С собой мне все понятно — ну хочется! А вот зачем это надо Прыткой?

Загадка.

## 22 мая, то же самое

К макушке не притронуться. По счастью, макушка моя нынче не в работе — хожу на руках. Физподготовка у меня, как у всякого лазутчика, нормальная — в противном случае из меня бы уже давно дух вон. В мировые рекордсмены по любому виду спорта я не гожусь, но среднестатистического землянина сделаю одной левой. Администратор «Золотой дюзы» уже предлагал мне работу вышибалы — на тот случай, если меня турнут из «Шанс Инк.». Вернусь домой — обязательно об этом подумаю.

Ходить на руках я умею с детства и даже любил когда-то. Потом набрал вес, слегка расплылся в пояснице и остыл к сему увлечению. Теперь же, несмотря ни на что, я желаю только одного: встать на руки! Мышцы болят и деревенеют, а мне, представьте, плакать хочется, когда падаю от усталости. И ведь понимаю, что во всем виновата Прыткая, а злюсь на себя!

Почему не на нее? Элементарно: не такой я дурак, чтобы раздражать Прыткую сверх меры. Она может убить человека быстрее, чем дует тигровой змеи и плюющей кобры. И вместе с тем в ней совершенно нет злобности кровожадной бестии. С добротой, правда, тоже большие проблемы. Как вспомню, что она сделала с Кошмариком...

Чувства у нее есть, это точно. Правда, чувства нечеловеческие, мне их вовек не понять. Кажется, лишь в ее отношении к детенышу слегка проступает нечто похожее на материнскую любовь. Наверное, это атавизм для существ, общающихся при помощи мыслей. Но в свои мысли она меня не пускает — много чести! Я для нее фигура низшего порядка.

**24 мая, делишки так себе**

Болею какой-то неизвестной хворобой. Все тело покрыто синюшными пятнами и зудит невыносимо. Плюс жар. Прыткая, конечно, это заметила, она все примечает, и давай меня лечить. Выпустила на волю своих шершней, и те в четверть часа натаскали ей каких-то насекомых вроде гибрида таракана с богомолем. Она им головы пооткусывала, крылья оборвала, а брюшки напихала себе в рот и давай жевать. Уж на что я не брезглив, а и меня затошнило. Вышла каша, и Прыткая опять напустила на нее своих шершней. Облепили шершни жевок, ползают по нему в три слоя, отпихивают друг друга, жужжат деловито. Пяти минут не прошло — нет жевка. Сlopали. И по одному в сумку — шашть!

Время идет, мне все хуже. Думаю: помру, наверное. Прыткая ничего не предпринимает и даже не глядит на меня. Не могу сказать точно, но, кажется, обе ее сумки шевелятся. Ну, одна понятно: детеныш вертится, устраивается поудобнее. А вторая, где у шершней гнездо, почему шевелится? Или у меня уже галлюцинации начались?

Наверное, все-таки не галлюцинации. Не знаю, сколько прошло времени, может, час, может, два, а только вновь полезли шершни из сумки. Как по команде. Хотя почему «как»? Уверен, что Прыткая ими командует, а своей воли у шершней нет. Они для нее больше, чем дрессированные собачки. Они ее часть. Тут явный симбиоз под полным контролем Прыткой. Шершни, пожалуй, без нее не выживут. Она их кормит чем-то и держит в повиновении для их же пользы.

Жар душит, мысли путаются, но думаю: странный симбиоз, куда до него нам, землянам, с нашим пчеловодством. Даже не знаю, как классифицировать Прытку. Класс мультипитающих? И только-то? А если полностью, то выходит мультипитающее двусумчатое шелекрылое? И этого мало. Надо еще приписать куда-то невероятную способность Прыткой к эмпатии и гипнозу...

Ну вот. Вылетев из сумки, шершни сразу меня облепили, и почему-то я понял, что так и надо. Гляжу — каждый из них отрывает мне на кожу капельку-другую темной жидкости. Прыткая не шевелится, только глядит в упор, не мигая, и тут до меня доходит, что эту жидкость я должен втереть в кожу. Втер — и света невзвидел. Огонь! Боль адская, как будто меня живьем жарят, верчусь, ору благим матом. Уж лучше бы шершни меня насмерть закусали! Вскочил, прыгаю, как ненормальный, и уже не ору, а вою по-звериному. Потерял все остатки самоуважения. Смыть! Смыть эту дрянь скорее! Где вода? Полжизни за водоем, хоть с крокодилами!



Еще немного, и я решился бы разбить голову о камень, чтобы вместе с вечной тьмой пришло облегчение. Но тут жжение как будто стало уменьшаться, терпеть стало можно. Еще поплясал я немного и угомонился. Боль утихла, осталось только легкое пощипывание, но и оно вскоре прошло. Ничего не хочу, только спать. Прыткая знай себе смотрит на меня, и я проваливаюсь в сон быстрее, чем успеваю как следует улечься на нагретой солнцем скале...

### **25 мая, ни шатко ни валко**

Проснулся почти здоровым, но еще слабым. Видимо, по этой причине я освобожден нынче от стояния на голове и хождения на руках. Больше лежу, однако сходил в лес, набрал там на дерево со спелыми орехами, напоминающими грецкие. Очистил один на пробу, расколол камнем, пожевал — вкусно и питательно! Набрал сколько смог в кулек, свернутый из большого листа, и на обратной дороге заметил еще несколько таких же деревьев. Если что, я на одних орехах кое-как проживу.

Прыткая поглядывает на меня с нетерпением — когда, мол, буду готов вернуться к тренировкам? Сделай любезность, подожди еще, а?..

Весь день было облачно, даже моросило, но к ночи облака сдуло на север, где функционирует преисподняя. Вулканическая туча всосала их и не заметила. Звезды высыпали, а во второй половине ночи взошла и Луна, уже на ущербе. Увидел ее — испугался: громадина! Отчего бы? Решил, что обман зрения или, может, даже галлюцинация. Осложнение после болезни.

### **27 мая, ситуация проясняется**

Меня дрессируют — это я вчера точно понял. Прыткая, конечно, разумна, но мне в разуме отказывает, что немного обидно. Не мне с ней спорить — она сильнее. Дрессируем же мы, люди, всяких там собачек, медведей и бенгальских тигров для цирковых выступлений! Наверное, она собирается показывать меня соплеменникам, и чтобы я при этом еще делал разные выкрутасы. Без выкрутасов я для них, возможно, и диковинка, но еще не шоу.

Взбесился я было, а потом решил: буду соответствовать. В конце концов, лазутчик должен выполнять свою работу в любых условиях. И если на Земле-118 существует столь странная цивилизация, мой долг — узнать о ней как можно больше. И если нет для того иной возможности, кроме как прыгать с тумбы на тумбу, — буду прыгать!

Надеюсь, «Шанс Инк.» возместит мне не только физический, но и моральный ущерб...

Меня больше не наказывают — скорее, поощряют. Как только я догадался, что Прыткая хочет, чтобы я выполнял мои акробатические этюды без прямого принуждения, всего лишь по малозаметному кивку ее головы, так я и стал это делать. Зато и тренировки стали менее изнурительными, и свободное время у меня появилось, вот как! Хочу — лежу, хочу — разминаю ноги. Вулкан за хребтом выдал новую серию взрывов, и несколько раскаленных бомб шмякнулось по сию сторону. У меня снова есть огонь!

Осы Прыткой убили животное, похожее на некрупную лошадь. Мне досталось полтуши, жарю шашлык. Досадно, что нет соли и перца, а вместо лимона я приспособил кислые ягоды неизвестного мне вида, сделав из них кашу в каменной ступе. Дорвался до настоящей еды. А из кожи, выскоблив ее хорошенько, попробую скроить себе мокасины. Всё лучше, чем тапочки из коры. А если что останется, попробую смастрячить хоть какие-нибудь портки, по крайности набедренник, — хотя чувствует мое сердце, что Прыткая заставит меня тренироваться нагишом, как в бане. Но не всю же жизнь я проведу вниз головой!

Терзаю лошадиную шкуру куском обсидиана. Кто-то, помнится, предлагал полцарства за коня. А за полконя что дадут?

Даже эту глупую мысль не успел додумать. Подъем, труба зовет! Снова дрессировка. Пожалуй, она уже смахивает на генеральную репетицию. Все получается отлично. А что вы думали? Я ведь не ежик и не корова безмозглая — я хомо сапиенс! Я понятливый. Что до гордыни, то лучше ее спрятать до поры до времени, чтобы не гневить Прыткую. Ну нет у меня против нее никакого оружия! Вдобавок надо признать, что она не только заставляет меня работать, но и оберегает.

Надеюсь, это когда-нибудь кончится и именно так, как хочется мне. Откроется Лаз, новая группа засечет сигнал моего маячка... А еще надеюсь, что никто, кроме не расположенных к праздной болтовне экспертов «Шанс Инк.», не узнает, как меня здесь дрессировали!

### **29 мая, положение неопределенное**

Второй день уходим на восток. Правильно делаем. Вулкан решил, что ему пора проснуться по-настоящему, а не валять дурака. Оказывается, то, что было до сих пор, даже не настоящее извержение, а так, прелюдия к нему. Настоящее началось сегодня. Мы ушли уже далеко, и все равно при взрыве я не устоял на ногах. Куда там земным Санторину, Тамбора и Кракатау! Они не более чем петарды в сравнении с этим фугасом.

Всей середины северного хребта как не бывало! Снесло ее. Открылся гигантский кратер, да какой! Столь огромной эксплозионной каль-

деры еще ни один человек не видывал, я первый. Нас не убило только потому, что во время взрыва мы находились под защитой скалы, которая, к счастью, не рухнула. Интересно, случайность это или тонкий расчет Прыткой? Подозреваю второе.

Грех сказать, что я на нее за это сердит.

Кратер фонтанирует вовсю. От леса, где я намеревался начать Robinsonian life, не осталось и головешек. Вовремя мы ушли, вовремя... Прыткой точно известно, где и когда вырвется из местного ада местный дьявол.

Откуда она это знает, спрашивается?

Осмелился — спросил. Нет ответа. А сейчас нет и Прыткой. Исчезла. Конечно, она не погибла, она где-то рядом и не только наблюдает за мною, но и ненавязчиво лезет ко мне в мозги, подсказывает дорогу. Видимо, я представляю для нее какую-то ценность, но ее детеныш, конечно, стократ ценнее. Им — а значит, и собой — она рисковать не станет, вот и прячется где-нибудь под надежным скальным навесом...

Вся беда в том, что я только Потаскун. Знаком с общими положениями естественных наук, умею при наличии соответствующей аппаратуры провести экспресс-анализы, выбрать интересные образцы для более детального исследования — но и только. Клоп и Кошмарик умели больше, но не намного. Мы ведь лазутчики, а не настоящие ученые. Наша специальность — не строить теории, а возвращаться живыми и с информацией. В определенном смысле нас можно сравнить с покорителями космоса — нет, не теми спецами, что поспенно работают на орбитальных научных станциях или, скажем, на Лунной, а теми, которых по старинке посылают туда, где риск и неопределенность. Где человек «заточен» на то, чтобы вернуться, доставив пусть немного информации, зато с хорошей вероятностью. Лучше принести вопросы, чем не принести ответов, потеряв их вместе с кораблем и жизнью. Человек умеет либо то, либо это. Попытки добиться универсальности до добра не доводят.

А вот еще один вопрос без ответа: откуда здесь столь высокая сейсмическая активность? Версия насчет случайного стечения обстоятельств не выдерживает критики — по всему видно, что Землю-118 корежит постоянно. Чем-то больна эта планета...

Подземный котел перегрет — но в чем причина? Неужто в большей, чем у Земли-1, массе? Да нет, чепуха. Даже у тяжелой планеты земного типа было с избытком времени, чтобы успокоиться.

А если на секунду вообразить, что меня непонятным образом занесло, допустим, в местный катархей, то откуда здесь, позвольте поин-

тересоваться, взялись высшие формы жизни, да еще трогательно похожие на наши, земные?

Бац! Щелкнуло что-то прямо в мозгу. Ага, понял. В смысле, понял, что на горной тропинке мне не следует отвлекаться на посторонние размышления, если я хочу еще пожить. Прыткая бдит, ведет меня. Ну веди, веди...

К вечеру устал как собака. Горы, горы... Вверх-вниз, вверх-вниз... Базальты. Застывшие корявые лавы. Горячие шлаковые поля. Фумаролы. Долины Тысячи дымов, Десяти тысяч дымов, Ста тысяч дымов... Гейзеры, плюющиеся кипятком и горячей грязью. Желтая сера и белый нашатырь. Закрытые долины, убивающие все живое скопившейся в низинах углекислотой. Озера бурлящей магмы в кратерах. Озера кипятка. Озера со смесью сернистой и соляной кислот вместо воды. Скелеты сожженных деревьев — и (нет, вы поглядите только!) молодые побеги, пробившие корку слежавшегося пепла.

Твердое озеро из черного вулканического стекла, странно поющего, если пустить по нему камешек. Сравнительно недавняя формация. Не хотел бы я оказаться под вулканической тучей, дождящей капельками жидкого стекла! Еще меньше желал бы торчать на пути стеклянного потока, с безумной — куда там лаве! — скоростью несущегося вниз по склону... вот в эту закрытую долинку, принявшую в себя стеклянное озеро.

И рядом со всеми этими ужасами — прелестные долины с чистыми ручьями, цветами в высокой траве и зеленью молодых деревьев. Старых здесь не бывает. Да, это мир краткого постоянства...

Но почему?!

### **30 мая, у меня выходной**

До места дошли поздней ночью. Я брел уже на полном автопилоте и свалился, как только получил разрешение. Проснулся поздно. Солнце светит, страшная луна закатилась за горы. Прыткой нет! То есть я понимаю, что по-прежнему нахожусь под полным контролем, однако на голову меня никто не ставит и ходить на руках не заставляет. Можно заняться своими делами, да и осмотреться.

Долина большая и очень зеленая. Остров спокойствия среди буйной литосферы. Я уж и не ждал, что на Земле-118 встречаются столь идиллические места, — ан нет! Есть по меньшей мере одно, и я в нем нахожусь, что приятно.

Здесь есть большой лес, молодой, конечно, и несколько перелесков, но две трети долины — саванна. В ней пасутся стада каких-то копытных — издала я не разобрал, каких именно, но могу надеяться на

полноценное меню. Настроение сразу пошло вверх. В ближайшем перелеске нашел орехи и плоды вроде апельсинов, только почему-то синие. На вкус горчат, но есть можно. Еще нашел растеньице, отдаленно напоминающее дикий лук. Пригодится сдобрить мясо.

Пришлось, однако, утолить голод орехами и плодами, даже не попытавшись выйти на охоту. Во-первых, еще рано, нет навыков. Охотник из меня пока, как из Греты Бриккен академик. Сделал пращу из клочка лошадиной кожи и тонких лиан, набрал в ручье подходящих окатышей, тренируюсь. Все мимо цели.

А во-вторых и в-главных, я не начну охотиться, пока не выясню, как к этому отнесутся соплеменники Прыткой. Тут этих летучих обезьян больше, чем мне хотелось бы. Меня они не трогают, лишь провожают внимательными взглядами, ну и я не нарываюсь. Учел опыт. Орехи и плоды мне рвать разрешается, а охотиться — еще не знаю. Как тут у них с частной собственностью?

Вот она — высшая форма жизни в этом мире. Мне уже давно ясно, что ничего похожего на людей я здесь не встречаю. Сородичи Прыткой куда более приспособлены к жизни в мире краткого постоянства, чем мы, люди. Они цари там, где человека не стали бы терпеть. Один их симбиоз с насекомыми чего стоит! Тут сразу и защита от врагов, и помощь в разнообразных делах, и, наверное, разведка... Плюс способность аборигенов предсказывать катаклизмы и гнуть в бараний рог чужую волю!

Они всеядные, или, как я это называю, полиглоты — в смысле, глотают все подряд. Им годятся насекомые, черви, корешки, сомнительные плоды. Впрочем, от аппетитных плодов и свежего мяса (сырого, кстати) они тоже не откажутся. Думаю, они жалеют, что в их сумках квартируют осы, а не пчелы. Был бы свой мед, хотя это уже изыски. Пищи им хватает, и они не тратят много времени на ее поиски. Хорошо устроились.

Идеальная форма жизни. Если и можно что-то добавить, то бьюсь об заклад: это вне границ физической реализуемости. Поди поспорь с такими!

О-хо-хо... Пойду-ка я практиковаться с пращой.

### **1 июня, кризис жанра**

Впервые вижу обескураженную Прыткую. Она даже не пытается замаскировать свой провал. Точнее — наш провал.

Сегодня мы дали первое представление. Десятков шесть зрителей — таких же летяг, какова Прыткая — расселись на ветках вокруг поляны.

Чего я только ни вытворял! Стоял на голове, ходил на руках, крутил сальто-мортале... Никакого эффекта! Такое впечатление, что зрителям, проявившим поначалу какой-то (весьма умеренный) интерес к моей персоне, совершенно до лампочки мои акробатические номера. Почти все они разлетелись, не дожидаясь конца представления. А ведь я старался как мог и, по-моему, был в ударе! Что не так?

Пряткая тоже не знает, что не так. Сидит на ветке, нахохлилась, о чем-то думает. Меня оставила в покое.

Мне того и надо. Попробовал подобраться к стаду копытных на расстояние убойной дальности выпущенного из пращи камня. Напрасный труд! Стадо медленно перемещалось, не позволяя мне приблизиться. Не то эти животные уже пуганые, не то такие же эмпапы, какovy сородичи Пряткой.

Плюнул и отступился. Тут надо либо уговорить дичь добровольно пойти на шашлык, либо иметь в подчинении рой шершней.

Пряткая то возится с детенышем, то вдруг замирает неподвижно и сидит статуей. Мыслит, значит.

Ну-ну.

## **2 июня, я гениален**

На рассвете затрясло. Я сразу вскочил и ну оглядываться: нет ли поблизости деревьев, которые могут упасть, и валунов, непрочно лежащих на склонах? Нет, все чисто. Рефлекс выбирать правильное место для ночлега тут вырабатывается в два счета. Мог бы дальше спать, если бы не трясло.

Ничего особенного, баллов шесть. Нутром чую: землетрясение глубокофокусное, эпицентр далеко. Минуты три почва ходила туда-сюда, потом все успокоилось. Только пыль стоит вдали над горными обвалами. Только дым вулканический на западе стал гуще, да еще прибавилось два... нет, три дыма на востоке и северо-востоке.

Взглянул вверх — обомлел и голову в плечи втянул. Луна — исполинская! Бледное ущербное чудовище на бледном небе. Первое впечатление — сейчас свалится на маковку. Отчетливо видны кратеры, разломы и даже, кажется, один лавовый купол вижу. Как в телескоп!

Ну ясно: эллиптическая орбита у местной луны, причем резко эллиптическая. Вот и ответ на вопрос о причинах тектонизма: приливные силы в перигее. Но достаточный ли ответ?

Что-то мне не верится, чтобы луна могла играть роль большую, чем «спусковой крючок»...

Через час трянуло снова, уже сильнее. Прыткая и ухом не повела — ну и я успокоился. По-видимому, эта долина до поры до времени безопасна, а когда станет опасной, вся живность, от копытных до разумных, переберется в другое спокойное место. Только так здесь и можно жить.

Успокоился я, и третий толчок направил мои мысли совсем в другую сторону. Вспомнилось вчерашнее. Почему провал? Разве я плохо кувыркался? Ну не профессиональный я акробат, что верно, то верно, а вы найдите мне здесь профессионального!..

Стоп машина, полный назад! А разве для этих зрителей я акробат? Зверушка я для них, вот кто. Кажется, даже не очень забавная.

Ну а что делают звери в цирке?

Тигры через кольцо прыгают, но то тигры! У меня не те кондиции. Крупных хищников уважают за силу, а меня за что уважать?

Собачки ходят на задних и на передних лапах. Тявкают сколько-то раз — якобы умеют считать. Медведи катаются на велосипедах и мотоциклах, боксируют в перчатках, играют в хоккей!..

Понял! Цирковой зверь, чтобы понравиться публике, должен делать то, чего он никогда не сделает в природе. И уж совсем хорошо, когда он делает то же, что и человек!

Только я об этом подумал — Прыткая сразу встрепенулась. Понимает! Тут-то и началось!..

### **3 июня, день откровений**

Жалею о своих неуместных мыслях. И что меня вчера дернуло? Сроду я не был мыслителем и прекрасно себя чувствовал.

А еще жалею о том, что на свет родился.

Измучен Прыткой до последнего предела. Поспать толком не удалось. Поесть тоже. Идет творческий процесс: разработка новой цирковой программы с моим участием.

Я-то думал о полете. Атмосфера здесь плотная. Смастерить из подходящего материала некое подобие параплана!..

Отказ. И невидимого щелчка мне по мозгам — думай о другом. А лучше всего вообще не думай, не берись за непосильное. Тут и без тебя есть кому думать. По-видимому, дело совсем не в том, что в здешних краях трудно раздобыть подходящий материал, а в том, что мои полеты не вызовут большого интереса. Хотел бы я знать почему?

Неужто соплеменники Прыткой хорошо знают, что полет при помощи искусственных приспособлений не диковина для человека? А если предположить, что так оно и есть, то... что же получается? Они знают о нас и нашем образе жизни?

Быть может, на Земле-118 все-таки живут люди?!

Конечно, нет. Люди здесь не выживут. Повсеместного их распространения не наблюдается, а изолированная группа обречена. Тогда что все это значит?

Вскоре понял — не без помощи Прыткой...

\* \* \*

С оформлением она справилась без труда. Несколько мыслеформ, изображающих тупайю, лемура, человекообразную обезьяну, австралопитека, питекантропа, человека и так далее, выстроилось в эволюционную последовательность. Человек-мыслеформа являл собой точную копию двуногого существа, имевшего место быть в реальности.

Обучить существо оказалось значительно труднее. Для начала оно попросту село на землю и разинуло рот, едва восприняв мыслеформы — особенно дальнейший эволюционный ряд — своим большим, но примитивным мозгом. Подтвердилось очевидное: существо даже не подозревало, что высшие разумные происходят от человека, и полагало себя венцом природы. Истина повергла двуное в эмоциональную контузию. Пришлось слегка кольнуть его, чтобы оно очнулось и начало работать.

Мыслеформы его были слабы и хаотичны, как у еще не покинувшего сумку младенца. Предстояла большая работа.

Раз за разом она транслировала существу картинку: вращающийся зелено-голубой шар, населенный и даже перенаселенный давно вымершими двуногими, отравленные ими океаны, ядовитые реки, изгрызенные шахтами недра, токсичный воздух, гигантские города, похожие сверху на разрастающиеся пятна лишаяев... И поиск, поиск! Поиск чистых и удобных миров, способных дать приют если не всем, то некоторым. Примитивная экспансия, напоминающая расширение газа в пустоте. Ни до чего другого двуногие существа не додумались.

Ломиться прямо сквозь космос было, конечно, невыгодно. Двуногим казалось, что они нашли иной путь. Не умея толком пользоваться свойствами пространства-времени, они навоображали себе невесть чего. Их убогий разум еще мог с трудом постичь концепцию параллельных вселенных, мог даже создать технику для проникновения в иные миры — и не продвинулся ни на шаг дальше.

Но ведь это то же самое, что, сложив крылья, прыгнуть с обрыва, не задумавшись о последствиях!

Они «прыгнули». После долгих поисков и многих неудач в одном из миров нашлась планета с подходящими параметрами — почти



двойник их Земли, с материками, океанами, кислородной атмосферой, бурлением жизни и отсутствием разумных существ. Проблемы, связанные с колонизацией, поддавались усилиям двуногих и вскоре были решены.

Вопрос состоял в другом: оставить планету в параллельном мире, всякий раз тратя массу энергии для переброски туда и обратно материальных тел, — или перетащить в Солнечную систему всю планету, потратившись один раз на создание в космосе гиперпространственного туннеля небывалого прежде диаметра?

К несчастью для себя, двуногие выбрали второй вариант.

Что-то у них пошло не так... Вернее всего, они вообще не учили гравитационных поправок в теории гиперпространственных переходов, созданной примитивными мозгами их ученых. Ошибка чудовищная, характерная для тех, кому опыт — критерий истины. Ведь при переброске тел МАЛОЙ массы линейное отклонение невозможно зафиксировать самыми чувствительными приборами...

Вместо того чтобы «вынырнуть» на устойчивой околосолнечной орбите, землеподобная планета, влачащая за собой свой естественный спутник, материализовалась «из ничего» в самой непосредственной близости от Земли — столь близко, что не получилось даже хорошего удара при столкновении. Фактически две планеты попросту легли друг на друга полюсами, а уж дальше силы тяготения начали лепить из них то, что у них получается лучше всего — шар.

Один шар из двух.

...Она транслировала картинки раз за разом. Страшная планетарная катастрофа. Трескающаяся до мантии земная кора. Землетрясения невероятной силы. Океаны, единой волной переливающиеся через материки. Почти мгновенная гибель нахальной и беспечной цивилизации двуногих. Две чудом не столкнувшиеся луны, выброс одной из них из сферы тяготения двойной планеты и приобретение второй луной резко эллиптической орбиты. Непроницаемые облака дыма и водяного пара, закрывшие двойную планету, когда на ней одновременно работали тысячи вулканов...

Прервав трансляцию, она пыталась заставить двуногое повторить пройденный материал. Это так просто! Достаточно представить себе все картинки одна за одной, не испортив их глупыми посторонними мыслями. Но все было тщетно. Двуногое то бессмысленно тарашилось, то впадало в буйство, выкрикивая лишние слова, то попросту мычало, раскачиваясь и держась за череп передними конечностями. Сладить с ним было непросто.

Наказывать? Конечно. И она наказывала двуногое уколами головной боли, с каждым разом все более сильными, а потом принималась терпеливо транслировать картинки с начала...

### **8 июня, премьера новой программы**

Кажется, у нас успех. Отработал на ять. Публики пришло (частично и прилетело) существ сорок, многие с подростками детенышами, торчащими из сумок. Мамаши, значит. Наше представление что-то вроде детского утренника.

Не исключаю, впрочем, что у нас не чистое шоу, а совмещенное с учебным процессом. Улавливать мои мысли ребятне в чистую радость, это даже я понял, а эволюционный ряд и всякое прочее образование идут полезным довеском.

То ли я клоун, то ли учебное пособие. Ну и ладно, если клоун. Разве мало среди землян желающих блистать на арене? Работаю на совесть, за что получаю приличную пищу и отдых в свободные часы. Прыгкая почти не наказывает меня. А за что меня наказывать? Я лоялен. Нелояльным здесь худо. Живу себе, тружусь, приношу, надо думать, пользу и жду спасателей. Мой радиомаячок все еще работает. Ну не верю я, что меня бросили, отказываюсь верить! Им есть смысл меня вытащить хотя бы ради информации.

А я много чего могу порассказать! Во-первых, вот что дивно: сколько-то миллионов лет назад (сколько именно — еще не понял) на этой планете была жизнь, во всем сходная с Земной. Вот и говорите теперь о неповторяемости эволюции! Я вас и слушать не стану, потому что верю тому, что вижу.

Во-вторых, я просто обязан предостеречь руководство «Шанс Инк.» от повторения давней ошибки местных гуманоидов, во всем похожих на людей, насколько я понял, и особенно — в образе мыслей. Не надо нам такого счастья — две планеты, слившиеся в крепких объятиях, корежащие и сминающие друг дружку...

Как-то раз Клоп рассказал мне: есть такой астероид из мелких — Тутотис. На самом деле это не один, а два примерно одинаковых астероида, лежащие друг на друге. Но это мелкие тела! Недра всякого планетоида, имеющего в поперечнике от двухсот километров и больше, переходят в пластичное состояние, отчего планетоид со временем становится более или менее сферическим. А тут — планеты! Ежику понятно, что через несколько миллионов лет два шара сольются в один — разумеется, со всеми вытекающими отсюда геологическими последствиями. Они уже почти слились. Наверное, если взглянуть на Землю-

118 со стороны, глаз не различит вытянутости планеты, и только кольцевой океан по экватору будет вызывать удивление.

Фильм о делении клетки, пущенный задом наперед. Со временем — через миллионы веков — сольются и ядра двух планет, придут в норму мантийные движения, уймется тектоническая лихорадка. Уже сейчас, при всех местных ужасах, она намного слабее, чем была в начале слияния!

Наверное, в катаклизме все же выжила какая-то группа людей. Где, как — не знаю. Возможно, этого не знает и Прыткая. О дальних потомках этой человеческой горстки я знаю только из картинок в эволюционном ряду.

Все крупные существа исчезли. Измельчали и люди. Наверное, их жизнь мало чем отличалась от крысиной. Тонко чуют и быстро убежать — вот и вся стратегия. Умение планировать в плотной атмосфере, перелетая с дерева на дерево, со скалы на скалу они приобрели как нельзя более кстати. Планета возвращалась к норме. Потомки людей, эволюционируя, уходили от прототипа все дальше и дальше.

Они вернулись к собирательству, потому что земледелие и скотоводство здесь невозможны, но вернулись на новом витке. Они больше не нищие, выпрашивающие у природы крохи со стола, и не воры, крадущие что плохо лежит. Они хозяева, диктаторы. Живая природа стелется им под ноги, а от ярости мертвой природы они защищены изумительной способностью предугадывать время, место, тип и силу катастрофы.

Вчера я сделал открытие: у двусумчатых мультипитающих нет науки. Хотя, пожалуй, лучше сказать так: у них нет того, что мы понимаем под наукой. Нет мучительного поиска с нагромождением ошибок на ошибки, создания все более сложных и капризных экспериментальных установок, научных направлений и школ, и я уже не говорю о борьбе за гранты. С их обостренными до предела чувствами, эмпатией, телепатией и невероятно острым умом они прекрасно обходятся тем, чем их наградила природа.

Каждое из этих существ само по себе сверхчувствительный измерительный прибор универсального назначения плюс гениальный интерпретатор. По легкому дуновению ветра, форме облачка, зацепившегося за вершину, по мерцанию звезд оно способно воспроизвести погодную карту на всей планете, не тратя на это никаких умственных усилий. Чисто инстинктивно. То же касается геологии, астрономии, истории, биологии, медицины, и я уж не знаю, чего недостает в списке. Вчера Прыткая, поддавшись на мои долгие уговоры, показала мне ряд мысленных картинок об истории Вселенной и строении мироздания.

Девяноста процентов увиденного я просто не понял! От остального — обалдел. Это, я вам доложу, нечто!..

В наш бы мир ее, на Землю-1. Как живую шпаргалку.

Только успел об этом подумать, как бац! Шлепок по мозгам. Шатнуло меня, взвыл, за череп держусь. Больно, между прочим! Ну ладно, ладно, это я пошутил, не надо меня наказывать...

Отпустило. Нет, это черт знает что такое! Звери как боги. Ведь Прыткая — зверушка на вид. Мало ли, что мультитипитающая! Зато двусумчатая. Казалось бы, эволюционный вывих в сторону позавчерашнего дня, а поди ж ты...

На самом деле это я для нее зверушка. Хорошо еще, что она снизошла до меня, несмышлениша тупоумного, в мысленный разговор вступает. Вот интересно, сумел бы я объяснить устройство газовой турбины какой-нибудь человекообезьянке вроде проконсула?

Ну да, как же. Устройство рычага — еще может быть. При великом терпении.

Вот и я для Прыткой нечто вроде обезьянки-проконсула. Сколько между нами миллионов лет эволюции приматов? Да еще в таких собачьих условиях, какие здесь норма!

Интересно бы узнать: как она предугадывает приближение очередной катастрофы? Земные животные, я слышал, тоже на это способны, и никто толком не знает, как и почему. Чуют вспучивание почвы? Ощущают характерные микросейсмы? Ориентируются на локальные изменения магнитного поля и состав просачивающихся из грунта газов? Все сразу?

В наш бы мир Прыткую, да в хорошую лабораторию, да поставить серию тщательно продуманных экспериментов... Увы, я реалист. Могу лишь наблюдать за ней и пытаться понять ее хотя бы на десять процентов так, как она поняла меня. Об экспериментах и думать нечего. Позволит она мне ставить над собой эксперименты, как же! Очень ей это надо.

А я, кажется, догадался, чего ей надо. Общественного признания и того, что называется социальным статусом! По-моему, до сегодняшнего дня ее тут не очень-то уважали. Сейчас вижу — Прыткая довольна. Детеныша нянчит и чуть ли не мурлыкает потихоньку. Изображает застенчивость — мол, что это вы, не надо мне цветов и оваций! Ну-ну. Кое в чем все гоминиды одинаковы.

## **20 июня, все по-прежнему**

Наверное, мои «картинки», которые я, как попка, мысленно повторяю изо дня в день да еще стараюсь сделать их повыразительнее, ка-

жутся аборигенам изрядной пародией. Во всяком случае, наши представления пользуются успехом. Теперь мы выступаем дважды в день, утром и вечером. Да еще репетируем днем.

Прыткая пожелала углубить тему. Теперь я рисую в воображении еще ряд картин, в особенности качественно выписывая главную: некий напыщенный долдон, карикатурно «срисованный» мною с Лысого Кактуса, сидит за бутафорским пультом, готовый одним движением указательного пальца переместить планету из мира в мир. Через несколько секунд долдону станет очень плохо, но он о том еще не знает. Я тоже толком не знаю, посредством чего туннельщики открывают Туннель или Лаз, в их аппаратуре черт ногу сломит, но ведь публика тем паче об этом не осведомлена! И все довольны.

Но жалование мне не идет. Кажется, в этом мире не принято платить актерам и вообще деньги не в ходу. Меня кормит Прыткая — иногда сама одним усилием мысли убивает какое-нибудь животное, иногда приказывает своим шершням закусать ту или иную дичь. А вчера, когда я от нечего делать упражнялся с пращой, она выгнала на меня некую тварь — нечто вроде помеси зайца с дикобразом. Я попал! Мясо у зверушки оказалось первый сорт. Шашлыки — объединение. С огнем проблем нет — на добычу его трением я теперь трачу не более минуты. Напрактиковался.

Мы медленно кочуем по долине. Она оказалась даже больше, чем я предполагал вначале. Сородичей Прыткой здесь по крайней мере несколько тысяч.

Позавчера видел, как одна юная обезьянолетяга навеки покинула материнскую сумку. Мать, кажется, была тому только рада. Думаете, вследствие этого она отпустила свое дитя просто так — катись, мол?

Ничего подобного. Вижу: дитя тоже не спешит удалиться, ждет чего-то. А «осиная» сумка мамы приходит вдруг в бурное движение и гудит, как трансформатор. Продолжается это минут десять—пятнадцать и кончается тем, что из сумки вылетает не один осинный рой, а два. Тут мне все ясно стало. Вернусь — расскажу биологам о том, что самостоятельность потомства приурочена у местных обезьянолетяг к созреванию новой осинной матки. Так и вышло, как я думал: один рой скрылся в мамшиной сумке, а другой, покружившись еще минут пять, втянулся в сумку сына. Ясно, что это сын, а не дочь, потому что у него на брюхе одна сумка, а не две.

Провались они в преисподнюю, эти летягомакаки! Подумать только — они произошли от существ, во всем похожих на нас, людей! Хотя надо признать, что местные люди-человеки сами в том виноваты.

За что и были наказаны по полной программе — вымиранием своего вида. Какой теперь с них спрос? При такой тектонике от них давно уже не осталось ни памятников материальной культуры, ни даже окаменевших костей. Вчинил бы иск, да поздно.

Вон она, летучая обезьяна, — сидит на ветке и смотрит на меня с таким видом, будто насмехается. Ну чего вылупилась, образина? Гляделки выпадут. У-у, тварь! Не-на-ви-жу, поняла?

Поняла. И не реагирует. Какое ей дело до эмоций низшего существа!

С тем же полнейшим отсутствием всякого эффекта оскорбляю ее вслух с перечислением всех сексуальных извращений, о каких когда-либо слышал. Только это мне и дозволено. Ори, грозись, брызгай слюной — пожалуйста! Хоть разорвись от злости, она все равно бессильная. О том, чтобы взяться за прашу, лучше и не думать. Полезнее для здоровья.

### **Примерно 9 августа, делишки так себе**

Давно не надиктовывал новых впечатлений. Устал. И в счете дней не уверен. Жить можно, но очень уж противно. Вчера отработал вечернее представление на великом упрямстве и скрежете зубвном.

Причина? Элементарно: я оказался не готов к такой жизни и признал это. Держусь только верой в то, что однажды меня отсюда все-таки выгаташат.

Вера еще теплится. Боюсь потерять ее. Без нее — что у меня останется?

Тут самое главное — чем-нибудь себя занять. Каждый день, как только выдастся свободная минута, упражняюсь с прашой. Иначе съеду с катушек. Уже могу попасть со ста шагов в древесный ствол, а с тридцати—сорока — сбить с ветки любой из плодов, на выбор.

Никому это не надо, кроме меня, но мне не мешают. Животное в клетке должно иметь какие-то предметы для игр, не то оно заскучает и начнет бросаться на служителей.

А им это надо?

Из шкуры животного, похожего на миниатюрного бронтозавра, смастерил бурдюк. Не для воды — зачем мне ее хранить, если ручей рядом? Накрошил туда сочных плодов, добавил ягод и выставил на солнышко. Дни тут довольно жаркие, и брожение не замедлило начаться. Думал, винцом побалуюсь, не так тошно жить станет.

Ага! Прыткая унюхала — заставила вылить, да не в ручей, а в яму, какую сам же и выкопал. Чтобы, значит, не портить экологию. Плакал, а вылил. И яму потом сам же засыпал.

По-вашему, это жизнь?

**21 (?) сентября, день свершений**

Что прошло, о том я расскажу как-нибудь потом. К тому же в этом нет ничего особенно интересного — заурядные будни. Ну разве что мы — я и Прыткая — перебрались через невысокий перевал в смежную долину, потому что там с виду посушнее и еще потому что на старом месте наше шоу уже видели все аборигены, а многие и не по одному разу.

Представления, представления, представления...

Их нет, только когда, грузно переползая через хребты, с океана приходят набрякшие тучи. Грозовые ливни я переживаю под теми же деревьями, что и аборигены. Мне твердо известно, что ни в одно из этих деревьев не ударит молния. Но стоит дождю утихнуть — пожалуй-те на манеж.

А вы знаете, что я не человек? Ну так знайте. Я белка в колесе, поршень в двигателе, колесо в конвейере. Плюс к тому — ученый. Бывают ученые собачки, а я ученый человек. Ха-ха. Самому смешно. Между прочим, вы в курсе, что у алжирского бея под самым носом ба-а-альшая шишка?

Новая долина меньше старой, зато уютнее. Видно, что и здесь давно не трясло всерьез. Крепкое место, пускай и временно крепкое. Я-то теперь точно знаю, что нет ничего постоянного. Нигде нет, ни в одном из миров, а здесь в особенности.

Когда приспичит, местными обезьянолетягами живо овладеет тяга к перемене мест, вот увидите.

Но к делу. Дней десять все шло как по маслу: утренние и вечерние представления, молчаливое одобрение зрителей, беспрекословно исполняемые мною приказы Прыткой, репетиции, совершенствование программы, еда, сон да немного свободного времени. Но сегодня произошло нечто из ряда вон.

Во-первых, я подбил камнем некую крылатую дрянь. В полете подбил! Вообще-то здесь кто только ни летает, даже моллюски, но такой твари я раньше не видел. Крупная, чем-то смахивает на орла, хотя в такой же степени на варана в перьях. Клюва нет, зато язык с шипом на конце, туловище длинное и гибкое, когтищи — во! Лапы суставчатые, тонкие, числом шесть, на кончике хвоста еще один шип — надо думать, ядовитый. Жуткая тварь. Даже обезьянолетяги забеспокоились, когда она начала нарезать круги над долиной, высматривая какую-то добычу — уж не меня ли? Ну, меня, положим, так просто не возьмешь, когда ко мне в мозги не лезут. Не успели выпущенные аборигенами осяные рои взмыть для атаки, как я уже сообразил упреждение, рас-

крутил пращу и послал твари гостинец — получай! Она кувырк! И вдребезги. А не летай над чужой половиной планеты!

Прыткая выразила удовольствие. Она и раньше давала мне понять, что на юге за кольцевым океаном живут совершенно иные существа — с той, другой планеты. А я тогда еще подумал, что когда-нибудь настанет время решить, кто кого. Ставлю на обезьянолетяг. Ау, букмекер! Десять к одному? Согласен!

Кажется, Прыткая мне что-то ответила, я не совсем уловил. Что-то насчет того, что им, мол, не надо расселяться шире. Они, мол, живут в гармонии с половиной планеты, не зарясь на большее. Помоему, чушь. Что за цивилизация без экспансии? Ясно же — сгинут такие непротивленцы. Приспособленный не тот, кто приспособливается к обстоятельствам, а тот, кто приспособливает к себе все, что ему надо. А не будет приспособливать, так вымрет за милую душу, я так считаю.

И не верю, что сородичи Прыткой думают иначе. Это они мне мозги пудрят.

Но к чертям свинячьим чужих крылатых тварей — тут хватает и «своих». Не успел я, повинувшись приказу, закопать дохлятину, которая, как выяснилось, не годится в пищу даже черным осам, как почувал: что-то случилось или вот-вот должно случиться. Не вижу и не слышу ничего интересного — а нутром чую: тревога!

Где?.. Кто?.. Кого бить?.. Да что вообще творится?..

\* \* \*

Медитация в одиночку возможна, но бессмысленна. По-настоящему медитируешь лишь тогда, когда, отрешившись от мелкой суеты, улавливаешь бесчисленные мысленные флюиды всех разумных особей Беспокойной, предающихся в данный момент медитации, и в свою очередь открываешь всем свои мысли. В такой медитации нет ничего сложного, она естественна, как дыхание.

И, разумеется, необходима. Беспокойная диктует свои законы жизни. Народ, лишенный подобия коллективного разума, не может чувствовать себя в безопасности, сколь бы совершенными ни были чутье и интеллект отдельной особи. Тоненькие ручейки сливаются в огромное море, откуда каждый может черпать по потребности. Не сходя с места, можно узнать о том, что делается в любой точке громадного северного материка.

Новости можно снимать слой за слоем. Первое — где трясется земля или скоро начнет трястись, где извергаются или скоро начнут из-



вергаться вулканы и какого типа извержение. Это важнейшие новости, но есть и просто важные, как, например, оптимальные пути эвакуации из опасных мест во временно безопасные, пища и приплод, всевозможные необычные явления. Нет бесполезных знаний. В свое время появление на Беспокойной двуногих существ, не несущее никакой угрозы, зато уникальное, было сочтено отнюдь не важнейшей, но все-таки важной новостью.

Насосавшись молока, спал в сумке маленький. Беспокойно жужжал Рой, чуя, что скоро настанет время убивать трутней, но не мешал медитировать Чрезмерно Любопытной, Которой Не Хватает Достаточно. Растворив часть себя в общем потоке, она узнала, что в Горячем краю все спокойно, что Великий Западный разлом вновь заполнился жидкой плюющей лавой и потому полеты над ним небезопасны, что благоприятный период для Лазурного плато продлен по меньшей мере до зимы, что на противоположном меридиане Беспокойной небывалый по силе ураган принес из-за океана целую стаю когтистых хватателей, что найден новый подвид крылатого моллюска Фу, отличающийся приемлемыми вкусовыми качествами, что в северных районах слуги начали хворать какой-то еще не вполне понятной болезнью...

Чуть позже начали приходить эмоциональные волны. Ее появление не прошло незамеченным. Она вызывала интерес. Ею больше не пренебрегали, обвиняя в странности. Многие слали мыслеформы, свидетельствующие о дружественных намерениях.

Потом обозначилась тревога. Сперва она была неясной, еле уловимой, не локализованной и не идентифицированной. Это беспокоило и вызывало стремление узнать больше. Неясную тревогу способны ощущать и животные. Даже несуразному двуногому, реликту давно минувших эпох, оказалось не чуждо это свойство, хотя, разумеется, в самой зачаточной степени. И Чрезмерно Любопытная продолжила медитацию, проникая все глубже и глубже в невидимые мыслепотоки высшей и единственной разумной расы на планете.

Вот оно что! Несовместимый! Она почувствовала его, с трудом тянувшего над горами при помощи измученных слуг, из последних сил работающих крылышками. Он долетит. Он тяжел, но силен и вдобавок расчетливее всех, кого она когда-либо знала. Без уверенности в успехе он не пустился бы в полет.

Очень скоро Несовместимый опустится в долине. И тогда не избежать поединка. Один на один. Без слуг. Интеллект против интеллекта, воля против воли. До победы одного, означающей смерть другого.

Почему именно теперь? Ответ ясен: он не простил ей успеха. Ког-

да она скиталась почти что в одиночестве, не пользуясь ничьим уважением, ей позволялось жить и даже спариваться с теми, кому она не была слишком уж противна. Униженное положение недруга — уже победа. Сейчас все иначе, и Несовместимый не стерпел, примчался издалека. Уклониться от состязания — значит обречь себя либо на полный бойкот до конца жизни, либо на бой без правил одной против всех. Поэтому никто и никогда не уклонялся... слишком явно. Но куда бежать? Да и зачем? Она понимала: Несовместимый будет преследовать ее повсюду и рано или поздно настигнет.

Придется принять вызов. Так было, и так будет. Это закон. Если два существа нестерпимо мешают друг другу, одно из них должно исчезнуть — иначе не станет вообще никакого спокойствия на Беспокойной.

К счастью для вида, истинная, не врачуемая никакими средствами несовместимость встречается очень редко. Но она все же встречается, а значит, всегда найдутся те, кому не повезло. И некого винить.

То, что Несовместимый, которого некогда звали иначе, был отцом первого ребенка Чрезмерно Любопытной, не имело сейчас никакого значения. Важно не то, что было, а то, что есть и будет. Поэтому третий ее малыш, тот, что сладко спит в сумке, в случае смерти матери будет выкормлен и выращен другими. Со временем у него появится свой Рой. О будущем позаботятся, но настоящее решается здесь и сейчас.

Есть ли у нее шанс одержать верх в поединке? Почти нет. Исчезающе малая величина. Несовместимый гораздо сильнее и полон ненависти. Он может проиграть лишь в том случае, если удастся заставить его совершить промах. Но это непросто, тем более что противник УЖЕ ЗНАЕТ, что его будут провоцировать на необдуманные действия...

Но и она вскоре узнает, какие приемы он припас. Заранее заготовленных хитростей нет, их невозможно скрыть. Знание против знания. Сила против силы.

...Оба Роя были отосланы на дальний край долины — туда, где их не могли достать мыслеприказы хозяев. После поединка останется один осиротевший Рой. Без приказов хозяина, а главное, без его кожных выделений он быстро погибнет, как вечно гибнут слуги, всецело преданные кому-то одному. Младенец, погруженный в легкий сон, был передан другой матери. Она сильная, она сумеет вырастить двоих. К тому же это повысит ее статус. Наконец зрители удалились за пределы поляны и ввели себя в полуоцепенение, не желая создавать помех.

Поединок начался.

Она ударила первой — это удваивало шансы на победу. Правда, даже удвоенные, ее шансы оставались призрачными.

Несовместимый отбил удар игаючи. Он и не думал хитрить — попросту рубанул наотмашь, обрушив на свою противницу приказ умереть, и мощи приказа достало бы, чтобы умертвить десяток когтистых хватателей.

Остановилось сердце. Усилием воли она запустила его вновь, но вслед за первым ударом немедленно последовал второй, еще сильнее.

Щит! Надо построить щит! Но не поздно ли? И главное, придется выбирать: либо защита, либо нападение. Кто только защищается, тот не победит. Несовместимый силен, он пробьет любой щит...

Она создала лишь видимость щита, надеясь обмануть противника, но тот был начеку и ни на мгновение не расслабился перед очередным ударом.

Удар был страшен — все тот же бесхитростный приказ умереть. Несовместимый не собирался разнообразить приемы нападения. К чему? Еще несколько таких ударов — и все будет кончено.

Он едва почувствовал ответный удар Чрезмерно Любопытной — противница быстро слабела, и все шло хорошо. А потом... потом он перестал чувствовать что бы то ни было.

\* \* \*

Ну я же допер: что-то должно случиться, да? И не самое приятное.

Так оно и вышло. Гляжу: Прыткая отпустила на волю свой осиний рой, передала другой обезьянолетьяге детеныша, а на меня ноль внимания. Иногда я могу заметить, что мною управляют, иногда нет. Сейчас — вроде не управляют. Я сам с усам. Не говоря уже об отросшей дикой бородине. Питекантроп на воле. Недостающее эволюционное звено.

Сижу на травке возле ручейка, что бежит по гладким окатышам на краю поляны, никого не трогаю, починая пращу и вижу краем глаза: аборигены куда-то сматываются. Мне приказа нет, значит, эвакуация не связана с опасностью, могу и дальше груши околачивать. Я даже обрадовался: сейчас потренируюсь прямо тут, а заодно добуду себе витаминный полдник. Присмотрел дерево со спелыми плодами, не знаю, как они называются. Но вку-у-усные!..

Прыткая, однако, не ушла — сидит на низкой голой ветке, нахохлилась. И еще одна обезьянолетьяга осталась — та выбрала ветку на другой стороне поляны. Сидят, друг на друга глазают. А я в ожидании, когда они уберутся, подергал пращу — нормально, подобрал в ручье подходящий голыш и присматриваюсь, какой бы плод сбить первым...

Тут меня и ударило!

Говорил уже и еще повторю: я ничего не боюсь, когда мне не страшно. Прыткая может внушить мне страх, но я понимаю, во-первых, что это влияние извне, а во-вторых, что оно делается для моего же блага. И вот — ужаснулся не по чужой воле, а как-то сам по себе! Словно чья-то лапа пролезла ко мне в грудь и сдвинула сердце. Подумал: вот она, смерть. Вот как, оказывается, умирают. Проще простого.

Причину долго искать не надо — вон та обезьянолетяга, что тарашится на Прыткую, отчего ту прямо-таки корежит. Драка у них... ментальная, что ли? В общем, один черт, мне не до семантики. И бьет меня противник моей Прыткой. За что? Наверное, просто так, случайно зацепил...

Сердце встало, по-моему. Хочу вдохнуть — и не могу. Приехали. Кончен твой путь, лазутчик по прозвищу Потаскун, поезд дальше не идет, освобождай вагон.

Вдруг понял я, чего боится человек — неизвестности. А когда все ясно, чего ж бояться? Сразу на меня спокойствие нашло. Страх ушел, как и не было его, одна печаль осталась. И с печалью этой вспоминаю я свою жизнь от и до. Картинки детства мелькают, потом юность пошла, зрелые годы...

Это прямо в мозг. А в глазах уже чертики какие-то плавают, видеть мешают. Дальше будет еще хуже: уйдет явь, а что нарисуется? Не знаю. Туннель, говорят, со светом вдалеке.

Не хочу туда, а придется. Насильно тащат.

И знаете, что дальше было? Кто-то внутри меня как крикнет дурным голосом: **И ТЫ НЕ ПОПЫТАЕШЬСЯ НИЧЕГО ПРЕДПРИНЯТЬ? СЛАБАК! НИЧТОЖЕСТВО! СДАЛСЯ? А ВОТ ХРЕН ТЕБЕ ПО ВСЕЙ РОЖЕ! ДЕЛАЙ! ДЕЛАЙ, ГОВОРЮ, ЧТО-НИБУДЬ!**

Последняя защитная реакция сознания, не иначе. Заградотряд.

Это только рассказывается долго, а на самом деле промелькнуло в один миг. Вскочил я. Тела своего не чувствую, а вскочил. Что делать — ясно. Кто виноват — тоже. Вон та обезьянолетяга, что ломает Прыткую и, судя по всему, скоро добьет совсем. Цель вижу, хоть и в пляшущих чертиках.

Окатыш — в пращу. В четыре взмаха раскрутил я снаряд и послал его куда надо. И представьте, ничего не боялся ну вот ни столечко. А чего мне бояться? Я и так, считайте, уже труп, хуже не будет.

Целил в голову, а попал куда-то в бок. И все равно обезьянолетяга с ветки — кувырк! Подергалась-подергалась на земле да и успокоилась. Кранты. На списание. Потерпел аварию летательный аппарат.

Дыхание мое понемногу восстановилось. Сердце вздргнулось и пошло, пошло родимое! Чертики из глаз вмиг брызнули в разные стороны, словно их кто-то святой водой шуганул. Радуюсь. Даже не подумал в тот момент: а сам-то я на списание не пойду ли? Ведь убил — внаглую! — представителя высшей формы жизни, царя и бога местного, звучащего, наверное, жутко гордо!

А дальше как в романе. Хлоп! — на той стороне поляны открывается Лаз. Круг с переливчатым дрожанием воздуха в нем. Сразу и не заметишь, если издалека.

Я и не заметил его сразу, а как пригляделся, кинулся бежать к Лазу что есть духу. Даже пращу бросил, чтоб не мешала. Делаю гигантские прыжки, а в голове одна, но пламенная мысль: «Только бы Прыткая не успела помешать!».

Не успела. Наверное, очухивается. Видать, крепко ее та обезьяно-летьяга приложила. А мне того и надо!

Думаю, в беге на короткую дистанцию я мировой рекорд побил — понятно, с поправкой на местную силу тяжести. Влетел в Лаз со всего разгона, получил по ушам перепадом давления, оглох на несколько секунд, дышу, как рыба на песке... Шарахнулся кто-то от меня, потом набегают со всех сторон, хватают...

— Клоп?! — не верю глазам.

— Потаскун? — Он тоже не верит. Меня теперь только по голосу и можно узнать. Образина я грязная да бородатая.

— погоди... Дай отдышаться... Ты же погиб!

— Я? — смеется Клоп. — А ты труп видел?

— Я — нет. Кошмарик видел.

— Кошмарик? А вот мы его сейчас спросим. Эй, Кошмарик, ты куда спрятал мой труп? Сознавайся. Следствие располагает данными.

Ржут оба. И Кошмарик тут! И Папаша с Удавом и Гадким Цыпленком! Все здесь, все живы! Все в «эластиках» — готовились, значит, к выходу.

— Да как же это?... — бормочу я, ничегошеньки не понимая, и вид имею, должно быть, препотешный, отчего ржание вокруг меня только усиливается.

— Да проще простого, — говорит Клоп, отсмеявшись. — Тебя же почти сразу аборигены охмурили, забыл? Ну тогда, когда ты в лес за бревном пошел, мы еще хижину хотели строить... Вспомнил? Мы тогда всю долину прочесали — нет тебя! Пропал без вести. Потом-то уразумели: аборигенам загнипотизировать человека — раз плюнуть. Тебе внушили что-то, ты и пошел, как болванчик... Прости, не смогли тебя

сразу вытащить — пришлось в темпе уходить, а потом у туннельщиков с Лазом не ладилось... Слыхал бы ты, как их Лысый Кактус крыл!..

— Стой! А группа Папаши? Они же под обвал попали!

— Никуда они не попадали. Внушили тебе это, понял? Заморочили тебя.

— Кто? Эти обезьянолетяги?

— Ну! Аборигены — они такие. Много чего умеют. Короче, так: мы туда больше ни ногой, понял? За тобой шли, и то в последний раз. Земля-118 признана непригодной для колонизации. А с тебя причитается. Знаешь, какие премиальные тебя ждут? Ого!

Что мне теперь те премиальные! Однако спрашиваю с заинтересованным видом:

— Сумма?

— Карантин тебе сейчас, а не сумма прописью! Недели три точно пропаришься. Ты записи своих глюков делал? Диктофон, вижу, сохранил... Бесценный материал, между нами говоря. Психологи тебя на части порвут. Ну давай не стой, иди, люди ждут...

### 10 декабря, жизнь удается

Вечером славно поддали в «Золотой дюзе». Гадкий Цыпленок познакомил меня с Гретой Бриккен. Везде он первым успевает! Но сегодня не его день: перебрал лишку, замолк и без всякого предупреждения начал валиться со стула. Едва я его успел подхватить. Ну, вызвал такси, отправил парня проспать — друзья как-никак. Не бросать же его.

Грета Бриккен оказалась весьма мила. Чего я уж совсем не ожидал — приняла мое приглашение поужинать вдвоем. Я скромный человек и хвастаться не люблю, поэтому просто скажу: волшебная получилась ночь. А если бы и любил хвастаться, то все равно не нашел бы для описания этой сказки ни существительных, ни глаголов — одни междометия с восклицательными знаками, ровным строем уходящими за горизонт.

Вот как! И вот вам всем! Говорите теперь, что я человек недалекий и звезд с неба не хватаю. Умничайте, умники. Я лучше вас знаю, кто я такой. Ну, недалекий... Зато жизнь моя полна и интересна. Честно признайтесь: обратит ли на вас внимание Грета Бриккен? Ну то-то.

На службу опоздал, конечно. Лысый Кактус меня тут же уволил и минут десять помнил. «Ты еще здесь?!» — шипит сквозь зубы, как аспид. Но потом прибежал, глаза горят: «Общий сбор! А ты какого-рас-такого сидишь? — Это он мне. — Живо в инструктажную! Лентяи! Уволю всех к чертовой матери!»

Мгновенно улавливаем, что к чему, нам не привыкать. Туннельщики пробили ход еще в один мир, и подобная Земле планета там есть, и уже всю идет первичный анализ.

Работаем, братцы! Завтра выход.

Инструктаж, подгонка снаряжения, еще один инструктаж и обязательные восемь часов сна. С недавних пор я не люблю спать — очень уж дурные снятся сны, а главное, однообразные. Будто бы я вновь на Земле-118, двойной планете, слившейся в одну, забавляю крылатых макак, представляя им в уме то одно, то другое. Естественно, под чутким руководством Прыткой, а как же иначе? Иногда после таких снов я просыпаюсь весь разбитый. Не хочется мне обращаться к штатному психологу, да и к частнику не очень хочется, а, видно, придется: вдруг чего-нибудь порекомендует?

Так и сделаю, но только не сегодня. Схожу еще в один рейд, покачаю после него в карантине и уже тогда...

\* \* \*

Двуногое отлично отработало представление. Как всегда. А ведь, по первоначальным прогнозам, оно уже давно должно было износиться на сто процентов — либо сойти с ума до полной неуправляемости, либо покончить с собой на почве безысходности, осложненной психическими сдвигами.

Теперь это надолго. Давно уже Чрезмерно Любопытная и двуногое покинули долину, где произошел поединок — поворот русла судьбы обоих. Хребты и перевалы, перевалы и долины... Беспокойная велика, и везде найдется спрос на необычайное представление. Пусть взрослые легко могут увидеть его издали, просто помедитировав немного, но то взрослые. Детвора предпочитает видеть глазами.

Их ждут. Они нужны. И каждый новый день работает на авторитет Чрезмерно Любопытной, Которой Не Хватает Достаточного.

Строго говоря, авторитета ей как раз хватает...

Раньше все это мыслилось совершенно не так. Во всяком случае, до поединка с Несовместимым...

Двуногое сходило с ума от желания вернуться к себе подобным. Конечно, она не могла открыть то, что двуногое называло про себя Лазом — проходом в иной мир, да не просто смежный, а вероятностно-временной. Двуногое так и не поняло, что на сей раз попало не в какой-то параллельный мир, а в одно из вероятных будущих своего собственного. Пути назад для него просто нет. Вероятность того, что его двуногие сородичи вновь пробьют Лаз сюда же, равна нулю и тео-

ретически, и практически. Никто не в силах вернуть двуногое обратно и меньше всего народ Беспokoйной, предпочитающий не ломать природу, а жить по ее законам. Наверное, можно ослабить землетрясение, заткнуть вулкан, рассеять ураган — но проще заблаговременно уйти. Мыслящему существу нужна свобода, а не всемогущество.

Можно было внушить все это двуногому существу, но зачем? Ясно ведь, что двуногие еще не знакомы с квантово-вероятностной физической пространства-времени и работают наобум. Отнять надежду, открыв истину, — хорошо ли это?

Оставалось ждать, когда двуногое совершенно износится, и покончить с ним, дабы не продлять его мучений...

Поединок был признан честным. Никто из наблюдателей не уловил отданного двуногому существу приказа физически атаковать Несовместимого, да и не мог уловить. Такого приказа просто не было. Чрезмерно Любопытная погибала, тратя на защиту последние силы, она просто не могла управлять двуногим! Двуногое все сделало само. Спонтанное нападение животного не может считаться нарушением условий поединка.

Оживая, Чрезмерно Любопытная открыла в себе атавизм: чувство благодарности. Или она заразилась им от двуногого?

Какая разница! Атавизм был из числа прощительных. Используя его, она, несомненно, усугубила свою репутацию мыслящего существа, которое немного не от мира сего... но с этим можно было мириться.

Она знала наперечет все несложные желания двуногого. Что ж, пусть оно получит то, что заслужило, а в реальности или воображении — так ли уж важно? Да и существует ли реальность на самом деле?

Созданная для двуногого иллюзия поглощала совсем немного психической энергии. Такому низкоорганизованному существу ничего не стоит перепутать сон и явь. Особенно при небольшом, но постоянном воздействии со стороны.

А еще — она полностью взяла на себя заботу о его кормлении, лечении, гигиене и отдыхе. Ее малыш подрастал, готовился к первому полету и уже не требовал столько внимания, сколько раньше.

...Они остановились на ночлег у крохотного озера перед перевалом. Ночь была душной, с юга приближалась гроза. Далеко на севере тоже громыхало — там проснулся вулкан. Двуногое спало, свернувшись на голом, нагретом за день камне, и улыбалось во сне. Оно было дома, среди своих. Оно было счастливо.





# СТО ПОЛЕЙ, или БОЛЬШАЯ ФАНТАСТИКА

Мария ГАЛИНА, Данила ДАВЫДОВ

На страницах «Если» не раз публиковались материалы о том, насколько успешно или неуспешно мейнстримовские авторы пытаются играть на фантастическом поле. А насколько современная фантастика соответствует «стандартам» мейнстрима? И вообще, изменилось ли что-то в этом негласном противостоянии? Обо всем этом мы и предложили побеседовать «парламентерам» обоих лагерей. Итак, с одной стороны — постоянный автор нашего журнала, критик и писатель Мария Галина, с другой — один из ведущих мейнстримовских критиков, поэт и культуртрегер, кандидат филологических наук Данила Давыдов.

**Мария Галина:** Вот мы все время оперируем термином «мейнстрим», но не всегда представляем себе, что это такое. Ты можешь дать определение тому, что все-таки это за зверь такой?

**Данила Давыдов:** Даже среди «толстожурнальных» критиков нет единого мнения. Одни литературные группы полагают, что мейнстрим — это толстожурнальная литература, причем либо либеральная, либо почвенническая, другие — что это литература, наследующая неподцензурной словесности, третьи — что это и вовсе сетература. И получается, что сей невнятный термин — вовсе не способ отделения чего-либо от чего-либо, а способ оценки. Нечто «главное — неглавное».

А в фантастической критике происходит очень интересная перекодировка этого смысла. Мейнстрим — это то, что НЕ фантастика

(и не детектив, и не любовный роман), и вместе с тем то, что претендует на определенную статусность. То есть понятно, что в этих условиях, скажем, детектив мейнстримом не будет. Проблема в том, что фантастика не готова себя воспринимать на одной плоскости с детективом и любовным романом.

**М.Г.:** Не просто не готова — не хочет.

**Д.Д.:** Да, не хочет. Поэтому и выстраивает дихотомию «мейнстрим — фантастика», то есть фантастика и... литература черт его знает какая. Реалистическая — не скажешь. Элитарная — не скажешь. Нефантастическая литература и фантастическая литература. В результате получается так: все, что есть не откровенная попса и не фантастика — это мейнстрим. Здесь, как обычно, фантастическое сообщество не хочет посмотреть на свои пробле-

мы со стороны, а ведь определение фантастики само по себе проблематично. Да, если расценивать ее как элемент рыночной системы, то фантастика является такой же нишей, как детектив, любовный роман и так далее... И, безусловно, в данном случае фантастика будет проходить по ведомству массовой литературы. Но если говорить о способах письма, о способах мировидения, о подходах к взаимодействию автора и текста, то здесь границы размываются до полного исчезновения. Об этом говорилось всеми разумными фантастами, доказывавшими, что нет фантастики и нефантастики, а есть литература — хорошая и плохая. Но обычно это пропускается мимо ушей.

Совершенно очевидно, что фантастический прием вообще характерен для литературы, сформировавшейся в XX веке. И это не мешало так называемой мейнстримовской литературе существовать даже не в другой нише, а в другом *пространстве чтения*. Важна как раз не рыночная ситуация — важны пространства чтения. Есть абсолютно разные читатели, которые ориентированы на чтение разной литературы. Если вдруг выйдут в жанровой серии, к примеру, Замятин, Кафка или Кортасар, читателями фантастики они и будут восприниматься именно как фантасты... В свою очередь, когда Стругацкие печатались в журнале «Нева», они воспринимались в контексте либеральной прозы конца 80-х, а не НФ. Но пока в жанро-

вой критике я не встречал серьезного разговора на эту тему.

**М.Г.:** Были такие выступления. В свое время кто-то из фантастической среды заметил, что все дело в обложках. Под какую обложку, в какую серию встроится книга — так ее и будут воспринимать. В общем-то, это то же самое.

**Д.Д.:** Под лейблом фантастика (и об этом тоже часто забывают) расположились две совершенно противоположные вещи, не разделенные каким-то вакуумом, а, напротив, объединенные некоей пограничной зоной. Один полюс — это литература эксперимента, литература, исследующая взаимоотношения опыта и письма, а другой — формульная проза, сработанная по очень четким шаблонам, тем, которые мы имеем в виду, когда говорим о детективе или любовном романе. А вот посредине и существует фантастика: она не сводится к абсолютной попсе, но и не дотягивает до уровня художественного открытия. Но! То, что фантасты именуют мейнстримом, устроено точно таким же образом. Там есть и абсолютно клишированные вещи, и произведения новаторские, ни на что не похожие. Собственно же литература располагается где-то в этом промежутке.

**М.Г.:** Ну вот смотри, многие критики неоднократно утверждали, что фантастика — это именно то поле, позволяющее делать некие эксперименты, на которые «Большая литература» не решает-

ся. Фантастика расширяет рамки возможного. Мало того, она позволяет в завуалированном виде говорить о болезнях точках общества, болезнях узлах, фобиях, массовых психозах так, как литература «реалистическая» сказать не отваживается, поскольку для читателя разговор напрямую оказывается слишком болезненным. Поэтому НФ можно назвать литературой быстрого реагирования. В результате она осваивает новаторские приемы и стили (о темах я уж и не говорю), а потом ими пользуются мейнстримовские авторы. Например, не к ночи будет помянута Татьяна Толстая с «Кысью». А вот другой полюс: роман Андрея Лазарчука и Михаила Успенского «Посмотри в глаза чудовищ» попал в шорт-лист «Букера». Но разве роман стал от этого восприниматься как произведение мейнстрима, принадлежать его полю?

**Д.Д.:** Шорт-листы и прочее — это исключительно результат работы определенных групп критиков. И еще результат того, что некоторые тексты вдруг в какой-то момент становятся «значимыми» — в частности для этих групп критиков. Речь идет не о качестве текста, а именно о его роли в литературном сообществе.

**М.Г.:** Ты сейчас сказал ужасную вещь: мол, как критик захочет, так и будет. Тем не менее какими-то качествами фантастический текст должен обладать, чтобы его зачислили в мейнстрим? Он должен быть знаковым для этого времени?

Актуальным? Или нести на себе признаки какого-то литературного эксперимента, новаторства — по стилистике, наполнению... Скажем, до Лазарчука с Успенским тусовочного конспирологического НФ-романа с элементами пародии и самопародии просто не было.

**Д.Д.:** В случае с Лазарчуком и Успенским сыграло роль то, что этот текст был адресован некоей аудитории, которая его приняла. Причем аудитории достаточно широкой. У обоих авторов и раньше был свой круг поклонников, но ни псевдославянские сказки Успенского, ни антиутопии Лазарчука мейнстримовской аудиторией восприняты не были... Роман же «Посмотри в глаза чудовищ», в отличие от двух его продолжений, в значительной степени обращен именно к филологической публике, там все построено на обыгрывании целого ряда сюжетов русской литературы, на метаанализе словесности XX века. Я не говорю в данном случае о том, что книга превосходно написана. Здесь важно именно ПРО ЧТО она написана. А нередко бывает и наоборот: мейнстримовские писатели берутся за фантастические темы, но эти тексты как раз не принимают противоположная сторона.

**М.Г.:** Не всегда. Только когда идея, по незнанию использованная мейнстримовским литератором, в фантастике уже затерта до невозможности. Кстати, именно вещи, подобные «Посмотри в глаза чудовищ», сыграли роль буфера, меди-

атора, благодаря чему фантастическое сообщество приняло, например, роман Линор Горалик и Сергея Кузнецова «Нет!». Но вот сейчас как бы навстречу Горалик и Кузнецову с «другой стороны», вышел Илья Новак с «Дето-сферой» — романом вполне мейнстримовским. Мейнстримовское сообщество о нем пока не узнало, и я не уверена, захочет ли оно о нем узнать. Оно что, активно отторгает тексты, созданные «чужаками»?

**Д.Д.:** Я думаю, что войти в это сообщество при сложившихся элитах сейчас практически невозможно. Звучит пессимистически, но это так.

**М.Г.:** Но вот, к примеру, Олег Дивов и Александр Зорич опубликовались же в «Знамени» (а до них Андрей Саломатов даже получил премию этого журнала). А это ведь очень популярные фантасты, тиражные. Значит, кого-то все-таки мейнстрим принимает? И читатель «толстяка» готов принять, скажем, «Ночного смотрящего».

**Д.Д.:** А откуда они о нем узнают? Через фантастическое сообщество, которое все заметней капсулируется, или через мейнстримовское сообщество, которое уже давно закапсулировано. Для этого нужны посредники, причем посредники масскультные — к примеру, «глянец». Или интернетный «Живой Журнал», ныне играющий роль информационного пространства. Или экранизации. В этом смысле экранизация «Дозоров» была скорее минусом, чем плюсом,

некоторая демонстрация нашего провинциализма... Хотя на техническом уровне все было сделано великолепно. Но я говорю о проблематике. Вот, скажем, классик мирового уровня Филип Дик в этом плане...

**М.Г.:** Тут я с тобой не соглашусь и перебую. По высоколобому Филипу Дику сняты вполне себе коммерческие боевики «Вспомнить все» и «Крикуны». Что же касается «Ночного Дозора», то, по-моему, это был прорыв — недаром за него ухватились американцы, которые считают свои деньги и не стали бы платить за то, что заведомо обречено на неудачу. Бывает так, что вполне массовая вещь отражает какие-то общественные мифологемы, даже не ставя перед собой такой задачи. И как раз Сергей Лукьяненко в этом смысле показателен. Почему так за «Дозоры» схватились? Ведь у Сергея есть гораздо более сложные и интересные вещи. Значит, современным массовым сознанием такая «криптосовременность» оказалась реально востребована, вот и все.

**Д.Д.:** Да, но интересно ли среднему читателю фантастики взять журнал «Пламя» или «Ноябрь» и прочесть там сначала подборку стихов, потом какую-нибудь бессюжетную повесть какой-то литературной дамы про девичьи будни, потом рассказ о том, как пьяные студенты сидят в литинституте, а потом повесть, условно говоря, Дивова или Зорича? Это не тот текст.

**М.Г.:** Но ты заметил: фантасты ужасно гордятся тем, что их представители инкорпорированы в «толстые» журналы?

**Д.Д.:** А это ложная гордость, связанная с остаточным статусом «толстого» журнала как центрального явления литературного процесса. Я сейчас не оцениваю их — некоторые из журналов хороши, некоторые плохи, но в целом статус их несколько больше, нежели реальная роль в литературном процессе. Публикация в «Знамени» или «Новом мире» означает, что тебя оценили высокие эксперты и приняли как писателя.

**М.Г.:** Но вот ведь какая получается история. Мы с тобой оба работали экспертами премии «Большая Книга». В финальный список — 15 позиций — вошли либо нон-фикшн, либо, извини меня, фантастика. Причем фантастика, написанная не только мейнстримовцами, но и жанровыми авторами — например, «Шайтан-Звезда» Далии Трускиновской. И я больше чем уверена, номинируй издатели на эту премию «Войну за Асгард» Кирилла Бенедиктова или «Ночного смотрящего» Олега Дивова, эти книги гарантированно дошли бы, по крайней мере, до лонг-листа. Ну, чем отличаются попавшая в лонг-лист «Последняя башня Трои» Захара Оскотского и не присутствовавшая там «Война за Асгард»? Только тем, что Оскотский вышел в издательстве «Захаров», а Бенедиктов — в серии «Русская фантастика» в ЭКСМО.

**Д.Д.:** По мне, так оба плохи.

**М.Г.:** Однако один из них попал в лонг-лист «Большой Книги», а другой собрал все жанровые премии года. Но так и не пересеклись на литературном пространстве.

**Д.Д.:** Верно, но проблема не в этом. Проблема в том, что это искусственное разделение, которое имеет исключительно рыночный характер, а в результате, по закону обратной связи, отражается и на художественных особенностях текста. Мы понимаем: чтобы издаваться в популярных жанровых сериях особых стилистических изысков не требуется. И за исключением десяти, ну, самое большее пятнадцати авторов, которые отстаивали право говорить и писать так, как они хотят, все остальные подвергаются редакторскому усреднению. И здесь я не могу не сделать тебе комплимент — как составителю неформатной серии...

**М.Г.:** Которая плохо продается.

**Д.Д.:** Да, но в массовых сериях всех приводят к общему стилю... Впрочем, вопрос в том, был ли он вообще у кого-то изначально. Поскольку при массовом потоке нужно только одно — чтобы издавались книжки. Это серьезный искус для фантаста. С другой стороны, и у мейнстримовца свой искус — быть не увлекательным, а форматным. Главное — приготовить свой продукт в соответствии с определенными редакторскими ожиданиями (а они прямо противоположны ожиданиям редакторов жанровых серий). В конечном итоге блюдо получается неудобоваримым.

**М.Г.:** Хорошо, предположим, мейнстрим — это то, что интересно «внегрупповому» читателю. И если в сферу этого интереса попадает фантастика, мейнстрим ее тут же присваивает. Инкорпорирует.

**Д.Д.:** Потому что исторически проза вовсе не делится на фантастику и нефантастику. Почти любой значимый роман XX века сохранил в себе элемент фантастики. Дело же не в том, о чем пишет автор, а в том, изменяет он литературное пространство своим письмом или не изменяет, создает ли он некий новый опыт, новое мировидение... Это правило одинаково для всех — и для фантастики, и для реалистической прозы. Герберт Уэллс, с одной стороны, отец фантастики, с другой — отец социальной прозы. Он показывал мир с абсолютно не представимого прежде угла. А Честертон!

**М.Г.:** Давай сделаем такой умозрительный опыт: снимем обложки и без них положим романы Марины и Сергея Дяченко, Ольги Славниковой, Олега Дивова, Линор Горалик перед читателем мейнстримовским и читателем фантастики. Отличит читатель «своего» от «чужака»? Ведь традиционно считается, что фантастика — это головоломный экшн, усредненный язык, кинематографичные диалоги. Но открываем нескольких авторов. У Дивова в «Толковании сновидений» — рефлексия, вполне медитативное развитие сюжета; у Олди — барочная стилистика, принадлежащая к вполне определенной, юго-запад-

ной, школе, что ни книга — литературный эксперимент; у Дяченко «Пещера» вполне может быть названа не столько фантастической, сколько символической прозой; у Юлии Латыниной «Вейский цикл» — по форме изящная стилизация под старинную китайскую новеллу, а по сути суперсовременный экономический триллер... Неужели читатель мейнстрима сразу отложит их в сторону и скажет: «Нет, не мое!». Или все-таки будет рассматривать эти книги наряду с книгами, скажем, Славниковой, Быкова, Сорокина — как общий массив литературы?

**Д.Д.:** Я по этому поводу расскажу историю, которая уже превратилась в притчу. К Дмитрию Александровичу Пригову пришел некий человек, принес стихи своего друга и попросил: «Дмитрий Александрович, скажите мне, это хорошие стихи или плохие?». Пригов прочел и сказал: «Плохие». Человек в ответ: «А это он так нарочно». «Тогда — хорошие», — ответил Пригов. Это, конечно, абсолютизация, но в ней содержится большая доля правды. Такой подход не влияет на писательское мастерство, но влияет на функционирование текста в этом мире. Людей, готовых читать текст, не втиснутый в какие-то определенные рамки, не очень много. Существует даже специальная профессия — читать тексты, не вложенные в рамку, оценивать эти тексты. Это и есть критик, культуртрегер, филолог, редактор. Эта профессия особая, и хорошо, если этот человек добросовестен.

**М.Г.:** Вот я и хотела сказать: так будь прокляты культуртрегеры и прочие, которые мешают хорошему фантастическим текстам попасть к «серьезному» читателю, объявляя их «фантастикой».

**Д.Д.:** Так это же недобросовестные культуртрегеры и критики!

**М.Г.:** А где мерило добросовестности?

**Д.Д.:** Исключительно в нашем сердце. Ситуация очень болезненная и до какой-то степени патовая. Выход один — должна возникнуть новая группа читателей. Кстати, ведь роман Горалик и Кузнецова «Нет!» тоже провалился в некую щель между мейнстримовским и фантастическим сообществом — он был замечен читателем, но не критикой. Дело в том, что он был ориентирован на продвинутую молодежь, поколение, чьи вкусы генетически восходят отчасти к киберпанку, отчасти к психоделической прозе Берроуза, Буковски... Той литературе, которая у нас существует в основном в переводных вариантах. Это же не фантастика и не мейнстрим — это отдельная сфера письма, и вот у нее как раз есть свой читатель! В любом случае, существование трех полей лучше, чем существование двух полей. А тридцати — еще лучше.

**М.Г.:** «Сто полей»? Игра с множеством вариантов?

**Д.Д.:** Да. Кстати, фантастам еще грех жаловаться. Возьмем ситуацию с детективом — его вообще никто не держит за серьезную литературу, а ведь в этом жанре бы-

ли созданы настоящие шедевры — Честертон, Агата Кристи, Конан Дойл, вошедшие не просто в историю литературы, а в ее мифологию. И сейчас такие прорывы в области детектива наверняка есть. Замечает их кто-нибудь?

**М.Г.:** Из твоих слов я сделала главный вывод — надо воспитывать читателя. Пока есть читатель, который выбирает «только фантастику» или «только мейнстрим», у нас все так и будут бегать по загончикам. А появится иной читатель, не будет ни фантастики, ни мейнстрима, а будет просто проза, которую читатель сумеет воспринять.

В принципе, к тому и идет: сейчас на нашем рынке появилось несколько западных имен, «чистых» фантастов, но новой школы, которых охотно приняли продвинутые читатели «просто литературы» — Вернор Виндж, Дэн Симмонс, Нил Стивенс, Нил Гейман... Еще немного, и эту же нишу освоят — уже начали осваивать — наши фантасты. И тогда настанет вечный мир и благорастворение воздушей.

**Д.Д.:** Да нет, просто возникнет некая буферная зона, которая может превратиться во что-то совершенно самостоятельное. А крайности так и останутся крайностями.

**М.Г.:** Так, может быть, эта новая буферная зона, когда возникнет, и будет мейнстримом?

**Д.Д.:** Я думаю, она будет просто хорошей прозой.



Почему фантастам, даже лучшим из лучших, так трудно попасть в поле интересов нежанрового читателя и уж тем более потребителя мейнстрима? Как помочь им пробиться на «чужую» территорию? Эти вопросы мы задали: фантасту, замеченному также в мейнстриме; писателю, ушедшему из жанра; известному прозаическому дуэту, остающемуся верным фантастике.

### Геннадий ПРАШКЕВИЧ:

Еще в 1878 году Эмиль Золя в «Парижских письмах» горячо доказывал: «Жюль Верн — писатель остроумный, он с большим успехом популяризирует науку для невежд... Он не пишет, собственно говоря, романов, он просто драматизирует науку, он пускается в фантастические бредни, опираясь на новые научные данные. Я не стану разбирать этого рода произведения, долженствующие, по-моему, исказить все познания детей, но я вынужден засвидетельствовать их невероятный успех. Впрочем, они не имеют никакого значения для современного литературного процесса. Азбуки и требники продаются в таком же неисчислимом количестве».

В этой цитате воспитательна ссылка на азбуки и требники.

Ссылка эта, собственно, все и объясняет. Как бы ни жаловались издатели и писатели на падение тиражей, бесчисленные требники, азбуки и фантастика выходили и все равно будут выходить; но при этом они (как в свое время книги Жюль Верна) никак не влияют на текущий литературный процесс — за редчайшим исключением.

Почему?

Да потому, что все это — фантомная литература.

Ну да, возрадите вы, книги Василя Аксёнова или Андрея Платонова тоже можно назвать фантомными! Но боли Аксёнова и Платонова — это *реальные* фантомные боли. От них страдали и страдают действительно миллионы и миллионы людей, это все не придуманные страсти. Что же касается фэнтезийных битв — а фантастикой нынче считается в основном фэнтези, — то они никогда не имели и никогда не будут иметь никаких прямых привязок к действительности. А где возможно все, там ничто не имеет значения. К сожалению, такова специфика вообще фантастики.

Даже Михаила Булгакова, даже Алексея Н. Толстого можно упрекнуть (в их фантастических произведениях) все в той же фантомности. И споры шли (если шли) не вокруг «Аэлиты» или «Роковых яиц», споры шли вокруг «Ибикуса», вокруг «Бега». В России литератора, пишущего фантастику, ничто никогда не спасало. «Алексей Толстой, аристократический стилизатор старины, у которого графский титул не только в паспорте, — писал критик Г.Лелевич, — подарил нас «Аэлитой», вещью слабой и не-



оригинальной». Ему вторил Корней Чуковский: «Роман плоховат. Все, что относится собственно к Марсу, нарисовано сбивчиво, неряшливо, хламно, любой третьестепенный Райдер Хаггард гораздо ловчее обработал бы весь этот марсианский сюжет». Чуковского поддерживал Юрий Тынянов: «Единственное живое во всем романе — Гусев — производит впечатление живого актера, всунувшего голову в полотно кинематографа».

О Михаиле Булгакове писали: «Не сумел ни оценить гибели старого, ни понять строительства нового. Его частые идейные переоценки не стали поэтому источником большого художественного творчества».

Само понятие «фантастика» в Литературной энциклопедии тридцатых годов толковалось весьма недвусмысленно: «Изображение неправдоподобных явлений, введение вымышленных образов, не совпадающих с действительностью, ясно ощущаемое нарушение художником естественных форм, причинных связей, закономерностей природы».

Что же вы хотите от тех же Александра Громова или Олега Дивова, Алексея Калугина или Александра Зорича, вовсе не худших представителей современной российской фантастики? Боюсь, дискуссий вокруг весьма известных нынешних фантастических романов так и не возникнет нигде, кроме самой фантастической среды, хотя некоторые произведения названных авторов, возможно, со временем попадут в «Золотой фонд». Таков парадокс. И проистекает он, скорее всего, от того, что читателей фантастики интересует вовсе не война как таковая (от армии лучше откосить), не покорение миров как таковое (интереснее открыть сеть ресторанчиков), не преобразование существующего мира как таковое (гораздо перспективнее огородить и спасти свой собственный участок), а опять же фантомное участие в фантомных зрелищах.

Скажем так, невсамделишное искусство.

Ответ на поставленный журналом вопрос надо искать самим писателям, а не критикам. Людмилу Улицкую можно обсуждать в «Знамени» или «Новом мире», потому что она пишет, не стыдясь деталей, которых обычно стыдятся люди (я говорю о нашей сокровенной жизни) и которые для фантастов изначально запретны. Татьяну Толстую, и Василия Аксёнова, и Дмитрия Быкова можно обсуждать на единственно приемлемом уровне: «мне это действительно интересно... я этого боюсь... я хочу или не хочу чего-то такого...»

Это и есть литературный процесс. Как ни парадоксально, решение серьезных проблем (а чем еще заниматься писателю?) действительно требует вовсе не массового читателя, а всего лишь мужества от самого писателя. Даже мужества остаться в меньшинстве.

Конечно, красивые сказки украшают жизнь. Вроде искусственных цветов. Но не больше. Зачем же дискутировать об искусственных садах, когда в грязных галереях и под открытым небом произрастают чудеса истинные?

**Андрей СТОЛЯРОВ:**

К сожалению, у фантастики, даже у самой лучшей, есть очень внятный «подростковый» оттенок. Как бы ярко ни была написана книга, какие бы важные темы автор ни поднимал, а все равно воспринимается читателем как игра — это понарошку, к жизни отношения не имеет. Поклонники фантастики, как правило, подобного не замечают, однако читатели мейнстрима чувствуют сразу же. Причем бессознательно, на уровне «литературного запаха». Я сужу по себе. Может быть, единственный способ привлечь серьезного читателя на свою сторону — это писать фантастику не как фантастику, а как жизнь, как такую реальность, кроме которой в мире ничего более нет, как «внезапную подлинность», вытесняющую собой все прочее. Другой вопрос — как это сделать?

А если обратиться к технической стороне проблемы, то надо иметь в виду, что за последние годы сильно изменился формат литературного мира. Эта территория уже разобрана на тусовки, и внетусовочный автор просто выпадает из поля зрения. Причем у тусовки — свои особенности. Во-первых, надо хвалить не по принципу «хорошо — плохо», а по принципу «свой — чужой». Тусовку литература не интересует. Ей важно только карьерное продвижение. Во-вторых, тусовочные связи нужно непрерывно поддерживать. Это, как иностранный язык: если нет практики, он уходит. И в-третьих, в тусовку нужно внести свой вклад: связи с критиками, издательствами, радио или телевидением, связи с зарубежными исследователями русской литературы и т.д. и т.п. Если у автора ничего этого нет, то и с ним самим ничем делиться не будут. С какой стати? В литературном мире сейчас властвует известный принцип: «ты — мне, я — тебе». Отсюда засилье авторов, пишущих довольно посредственно, зато умеющих строить карьеру по законам тусовки. Большинство нынешних литературных имен создано именно таким способом: через долгоиграющие стратегии, через «собственных» критиков и издательства, через шумные акции, через упорное накопление нужных людей и связей. Кстати, фантасты понимают все это не хуже других. Это видно по страстным танцам некоторых петербургских авторов вокруг московских тусовщиков. Вероятно, какие-то крошки переппадают. Так что беспокоиться на эту тему не стоит.

Я вообще не очень верю в коллективное спасение. Мне представляется, что фантастика как «такой жанр» все равно обречена на пребывание в литературном гетто. Это ее онтологическая характеристика. Никакие усилия здесь не помогут. Другое дело — конкретный автор. Иосиф Бродский в нобелевской речи сказал, что мир спасти нельзя, но отдельного человека — можно. Так и любой фантаст, предприняв некоторые меры, может перебраться из фантастики в мейнстрим.

Только я не понимаю — зачем? Чем плохо быть известным фантастом?

## Марина и Сергей ДЯЧЕНКО:

Итак, опять мейнстрим? Мы уже, если честно, запутались в литературоведческих сетях — фантастика как жанр или как прием; на ум приходит самое простое толкование: фантастика как маркетинговый ход, удачный или не очень.

Вот мы недавно были участниками 5-го фестиваля «Диалог четырех культур» в Лодзи (Польша), и там этот же вопрос горячо обсуждался. Как утверждал, например, немецкий писатель Томас Мильке, в Германии, для того чтобы книжку хоть кто-нибудь купил, ее ни в коем случае нельзя позиционировать как фантастику: «Если на обложке написано «фантастика», ее купят два с половиной любителя жанра. Пишите на обложке «книга» — и обеспечен многотысячный тираж!».

Для нас это звучит дико, но, возможно, немцы-читатели в чем-то правы. Главным достоинством книги должна быть не жанровая принадлежность, как это у нас сейчас бывает направо и налево. Не идеологическая направленность (если это не публицистика, конечно). Главным достоинством книги должна быть она сама.

Но речь в сегодняшнем разговоре идет, как мы понимаем, не о художественных прорывах на грани жанров (таковые есть и будут, их не надо зазывать обрядовыми песнями, они явятся сами и всех удивят), а о борьбе за читателя, за его внимание и кошелек. Поголовье читателей беспрестанно сокращается — в той же Польше оно, кажется, уже уменьшилось катастрофически, несмотря на давние литературные традиции и обилие книжных магазинов. Поэтому падение тиражей фантастики закономерно. Но разве растут при этом тиражи так называемого мейнстрима?

Другое дело, что по улицам больших и малых городов во множестве (мы надеемся) ходят «латентные» читатели. Они читали бы наши книги или братьев-фантастов, но для них фантастика — это, в лучшем случае, «Гиперболоид инженера Гарина». С этими достойными, но неинформированными гражданами стоило бы поработать, но в таком случае многолетний труд талантливых людей (правильное позиционирование, осторожная целевая реклама, своевременная информация, распространение малыми партиями) не принесет дивидендов. Ну, будет прирост в пару десятков тысяч тиража... Экономически выгоднее издать очередной кровавый межгалактический кошмар, кошмарный во всех отношениях.

А потому — спасение литераторов есть дело рук самих литераторов. Писать надо лучше, и со временем — да, терпения нам не занимать! — мейнстримовские читатели сами придут, заглянут в глаза и спросят: «А когда выходит ваша новая книжка?».



ЙЕН МАКДОНАЛЬД

## РЕКА БОГОВ

Москва: АСТ —  
Транзиткнига,  
2006. — 669 с.

Пер. с англ.

С. Минкина.

(Серия

«Альтернатива.

Фантастика»).

2500 экз.

Спокойно несет свои воды Ганг. Так же неспешно развивается интрига романа Йена Макдональда, именитого британского фантаста, открытого российскому читателю год назад журналом «Если».

Действие романа разворачивается в 2047 году. Спустя сто лет после обретения независимости Индия вновь распалась на несколько независимых государств, соперничающих между собой. Плотины, возведенная одной из таких самостийных сторон на Ганге, затрудняет остальным доступ к водным ресурсам, и локальные конфликты вот-вот грозят перерасти в полномасштабную войну.

Ситуацию усугубляет еще и то, что «разделенные» индусы втайне ведут запрещенные в остальном мире работы по созданию искусственного интеллекта третьего поколения — сарасинов.

Геополитические перипетии и подпольные игры с сарасинами обогащены и третьей сюжетной линией, связанной с обнаружением в космосе таинственного артефакта, несущего в себе изображения реально существующих людей. Тугим клубком переплетаются и судьбы этих самых людей...

Выбор в качестве места действия страны третьего мира — для Макдональда уже традиционный прием. Впрочем, заслуга автора не только в привнесении в НФ суровых реалий, не ведомых счастливым из числа «золотого миллиарда». Роман блистательно написан, литературный уровень весьма высок. Достоверность персонажей и нарочитая обыденность их взаимоотношений вполне позволяют отнести произведение к территории мейнстрима и даже по праву занять на ней одну из господствующих высот. Однако грандиозность собственно фантастической идеи книги, превосходящей по масштабам многие бестселлеры мейнстрима, склоняет чашу весов на сторону фантастики.

Для ценителей художественной НФ книга к прочтению обязательна — удовольствие гарантировано. Да и ценители острой интриги обиженными не останутся.

**Сергей Шикарев**

Ирина  
ОЛОВЯННАЯ

**САМУРАЙ**

*СПб.: Лениздат,  
2006. — 432 с.  
7050 экз.*

После того, как роман Ирины Оловянной «Маленький дьявол» получил приз «Старт» за лучший книжный дебют 2005 года, вполне естественно внимание читателей и критики к новым работам петербургской писательницы. «Самурай» — прямое продолжение приключений «маленького дьявола» Энрика Галларате с планеты Этна. Книга открывается первым днем Энрика в университете Этны. Учеба — дело сложное, но не для нашего героя-вундеркинда. К тому же его ждут приключения куда более серьезные и даже жестокие. В отличие от первого романа, герою реже придется пользоваться своим даром психоконтакта с животными, зато чаще представится повод использовать интеллект и другие умения, вроде пилотных навыков. На Этне грядет война кланов, и в самых горячих точках конфликта неизменно «случайно» оказывается Энрик с друзьями.

Похоже, автор задумала трилогию по схеме «детство—отрочество—юность»: в каждой из книг юному герою предстоит некое «пороговое» возмужание, и в первую очередь — моральное. Кроме того, в новой книге читатель подробнее знакомится с политико-экономическим устройством Этны — бывшей планеты-тюрьмы, ныне обретшей независимость и раздираемой противоречиями между правящими «семейными» кланами, у каждого из которых, несмотря на итальянские мафиозные корни, имеется своя иерархия.

Одно из примечательнейших достоинств книг Оловянной — просветительский момент. Чувствуется, что писала роман учительница. Наряду с головокружительными приключениями героя читатель постоянно знакомится с интересными фактами из истории не только планеты Этна, но и Земли, а также узнает много о литературе, математике, географии. Такой способ подачи информации сравним с обучением в игре. При этом в книгах Оловянной просветительские бонусы ничуть не вредят художественности и увлекательности текста — в отличие от некоторых широко разрекламированных «художественно-образовательных» проектов.

**Илья Североморцев**

Сергей ПАЛИЙ

## ИЗНАНКА

Москва: ЭКСМО,  
2006. — 576 с.  
(Серия «Русская  
фантастика»)  
7000 экз.

Дебютная книга московско–самарского фантаста, как ни странно, демонстрирует достаточно опытное перо.

Вдруг в одночасье падают рейтинги всех российских телекомпаний. Боссы устраивают разносы своим подчиненным, запивая валокордин коньяком, аналитики попеременно впадают то в панику, то в ступор, секретарши бьются в истерике и падают в обмороки. В соответствии с законами жанра, расследование причин «рейтингового краха» поручают классическому «одинокому волку». Герой романа Евгений Рысцов — холостяк в самом соку, небрит и ироничен, бывший сотрудник спецслужб — берется за расследование.

Вскоре выясняется, что во всем виновато некое новое медийное изобретение, рядом с которым телевидение и интернет — детские шалости, буквально, вчерашний день. Эта новая технология позволяет транслировать сны. В общем, сбылась мечта пациентов доктора Фрейда, который утверждал: психика человека устроена так, что не видит разницы между объективной реальностью и грёзами. Более того, внутри психики не существует понятия времени. Для нее все происходит здесь и сейчас. Так что хватит толковать сновидения, хватит заниматься кустарщиной, теперь их можно заказывать, как пиццу!

Постепенно новая реальность крепнет и начинает диктовать условия объективной действительности: то здесь, то там появляются так называемые «изнанники», люди с Изнанки — той самой сновидческой реальности, рожденной новейшей технологией. И их все больше и больше. И похожи они на персонажей «Капричиос» Гойи. Становится воистину страшно...

Однако любая, даже самая продвинутая технология сама по себе ни плоха, ни хороша. «Плохой» ее делают люди.

«Изнанка» удачно соединила в себе черты социального динамичного триллера и философской фантастической прозы. Обнадеживающий старт.

**Сергей Коротков**

Андреас ЭШБАХ

**ЖЕЛЕЗНЫЙ  
ЧЕЛОВЕК**

*Москва: Захаров,  
2006. — 288 с.  
(Серия  
«Европейский  
триллер»).*  
*10 000 экз.*

Эту книгу уже знакомого российским читателям немецкого автора вполне можно назвать перпендикулярной литературой. Именно в такой позиции оказался роман по отношению к главному архетипу американской фантастики.

В центре повествования — самый суперменистый супермен, лучший из засекреченного отряда сверхбойцов, нашпигованный бог знает чем, от титановых сплавов до новейшей электроники. И хотя суперсолдаты, предназначенные для борьбы с террористами, ни разу не побывали в деле, поскольку проект «Железный человек» был свернут незадолго до завершения, все системы «железных людей» способны, если потребуется, мигом привести себя в состояние боеготовности.

Дуэйну Фицджеральду это определено требуется. На родине своих предков, в ирландском городке, где он, сверхсекретно выведенный на пенсию, живет незаметно и тихо, появляются новые лица. За героем ведется странная полуслужка-полуохота, и вот уже вокруг него начинают гибнуть люди...

Ну сейчас он всех супостатов — под корень!

За океаном оно бы так и случилось: всех и под корень. Но здесь — не выходит. Ибо в центре повествования — искалеченный человек, душевно и физически.

«Как же так, — спросит читатель, — значит, в романе два равноценных героя?» Нет, супермен и инвалид — одно и то же лицо.

Фицджеральд, несмотря на возраст, еще способен пробить кулаком стену. Или совершить прыжок на 50 метров. Или за километр увидеть пылинку. Или...

Да что толку, если он сам пылинка. Если против него СИСТЕМА, которую при всех его сверхвозможностях — и даже при помощи порядочных людей — не одолеть. Там, за океаном, можно в одиночку штурмовать бастион, а здесь, в реальности, сил едва хватает, чтобы уберечь самого себя — да и то, пока не откажут имплантаты.

Сколько десятилетий фантастика конструирует Homo Novus... А создает все того же Homo Affictionis, Человека Страдающего...

**Сергей Питиримов**

Евгений ФИЛЕНКО

**БУМЕРАНГ НА  
ОДИН БРОСОК**

*Москва: АСТ,  
2006. — 416 с.  
(серия «Звездный  
лабиринт»).*  
5000 экз.

Евгений Филенко вновь использовал в качестве подмоштов мир, хорошо знакомый читателям по приключениям галактического консула Константина Кратова. Только теперь в центре внимания не он, а приемный сын его подруги из звездного патруля. Это дитя иного мира, инопланетной цивилизации, в силу трагических обстоятельств выращенное и воспитанное в условиях земной культуры. Корней Яшма, вид сбоку. В то же время интеллектуальная нагрузка книги вполне самостоятельна по отношению к «Жуку в муравейнике».

Мир, созданный Евгением Филенко, плоть от плоти Полдня АБС, только эта версия полуденного будущего совершила пару шагов в стартрэковском направлении. Дух «Золотого века» англо-американской НФ отчетливо виден как вторая, наряду с творчеством АБС, опора романа.

«Бумеранг на один бросок» — образец философской фантастики. Основная проблема, поставленная Филенко, это соотношение свободы и ответственности. И по ходу развертывания сюжета автор как бы невзначай предлагает разнообразные модели подобного соотношения у отдельных личностей и у целых цивилизационных сообществ. А заодно и разного рода неприятности, происходящие в тех случаях, когда та или иная модель приходит в состояние кризиса... Пермский фантаст ведет читателя к двум выводам: во-первых, степень свободы должна увеличиваться только после того, как личность или общество достигли определенного уровня ответственности за свои поступки, т.е. прежде всего, способности видеть их последствия и удерживать в узде собственные эмоции, собственный эгоизм. Вывод второй: бывают ситуации, у которых нет очевидного, всех устраивающего выхода. И тогда личности или даже социуму следует дать свободу самостоятельно пройти жизненный путь, сделать собственный выбор и собственные ошибки, даже если неверный выбор грозит гибелью.

Новая книга Евгения Филенко сочетает прочную логику и весьма гибкий гуманизм — со всеми плюсами и минусами последнего.

**Дмитрий Володихин**



Александр  
и Людмила БЕЛАН

**БЕОБОРОТНИ  
КОСМОС**

*СПб.: Лениздат,  
2006. — 539 с.  
(Серия «Боевая  
фантастика»).*  
*6050 экз.*

Новая книга пензенского дуэта относится к циклу, посвященному Фортунату Кермаку — странному созданию с человеческой душой и искусственным телом, позволяющим выходить без особого ущерба из ситуаций, на двести процентов губительных для обычных людей.

По сравнению с основательным философским романом «Имена мертвых» цикл о Кермаке предлагает «облегченные» тексты, положенные на приключенческую основу. Так же и здесь: главный герой прибыл на планету Ньяго, желая купить космический корабль, но попал в передрагу и стал на время бойцом спецподразделения, надеждой цивилизации. Однако любой текст дуэта несет некую интеллектуальную нагрузку. И много ли там боевика, мало ли его, а «вечные вопросы» обязательно пробьются на подмошки. В данном случае весьма ощутимым оказался слой политической сатиры. Пираты, сверхоружие, галактический заговор постепенно дрейфуют в сторону современности. И вот уже текст наполняется ассоциациями с нашим «здесь-и-сейчас»: гуманитарная помощь, деятельность международных фондов, политкорректность... По большому счету, роман выглядит притчей о том, как самые демократические — по внешней видимости — порядки оказываются источником жизни для жутковатых рассадников терроризма, работорговли, власти криминалитета, превратившегося в правящую элиту.

Но, может быть, самый важный мотив книги — поведение главного героя. Принимая серьезные решения, он задается вопросом: по-человечески ли поступает? Соавторы относятся к тем писателям, которые всегда видят четкую границу между добром и злом, а не «сумеречную зону».

Недостатком романа является безудержное авторское желание вводить в сюжет все новых и новых персонажей: в конечном итоге кое-какие линии остались без развязки. По всей видимости, установить гармонию в огромном пестром таборе героев и героинь оказалось нелегко. И уж никак не даются этому авторскому тандему удачные заголовки.

**Екатерина Кристинина**

Владимир  
СОРОКИН

ДЕНЬ  
ОПРИЧНИКА

Москва: Захаров,  
2006. — 224 с.  
15 000 экз.

Таких злободневных текстов у Сорокина прежде не было. «День опричника» острее диссидентской политической фантастики Войновича и Даниэля, актуальнее предвыборных фантазмагорий Доренко и Смоленского. При этом писатель нигде не «влипает» в политическую тематику — для него она лишь предмет изображения, еще один повод для тестирования художественного слова в фантастических обстоятельствах.

Небольшой по объему роман посвящен описанию одного дня из жизни высокопоставленного опричника Андрея Комяги. В России двадцатых годов нового века восстановлена монархия, а также многие другие архаичные институты. Простых провинившихся порют на площадях, а высокопоставленными занимается опричнина. Но Комяга не только «упромысливает» врагов государства, он еще и выполняет функции офицера по особым поручениям. Провести тайное расследование для государя, доставить приворотное зелье для государыни, осуществить госприемку торжественного концерта, перераспределить таможенные платежи в пользу опричнины, вечером отужинать с государыней, потом наркотическая оргия с соратниками... Жизнь «государевых псов» богата на приключения и насквозь пропитана возвышенно-патриотическим пафосом.

В романе немало «фирменных приемов» Сорокина — таких, как овеществление метафоры, «буквальное» прочтение которой преобразуется в насилие над телесностью персонажа. Антизападная политическая риторика доводится до логического завершения строительством стены на западной границе. Сорокин не просто воспроизводит шаблоны общественно-политического языка в сконцентрированном виде — он, как всегда, доводит вложенный в них пафос до предельного выражения, выходящего за грань здравого смысла. В его ранних текстах это казалось формальным абсурдистским приемом. В «Дне опричника» это становится формой фантастического реализма, которая подчеркивает абсурдность сегодняшней жизни и политического языка.

**Сергей Некрасов**

# СТРАННЫЕ ОГНИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Чайна МЬЕВИЛЬ. ВОКЗАЛ ПОТЕРЯННЫХ СНОВ.  
Домино — ЭКСМО



В этом городе обитают странные создания. По улицам наряду с людьми расхаживают кактусы, для удобства спилившие свои шипы и «перделанные» — с деформированными телами. В городской реке плещутся русалки, водяные устраивают профсоюзные забастовки в порту, а с высоты птичьего полета за ними наблюдают вимы и гаруды — властители небес. Только не глазейте по сторонам, следующая остановка — Вокзал на Затерянной улице. Добро пожаловать в Нью-Кробиозон!

Создатель этой урбанистической фантазии британец Чайна Мьевиль отечественному читателю уже известен книгой «Крысиной Король»\* — своеобразным переложением сказки о гаммельнском дудочнике. Мрачная история, ведущая свое происхождение от фольклора и городских легенд, особого фурора своим появлением не вызвала, но пристальное внимание следующей книге молодого автора гарантировала.

«Вокзал потерянных снов» стал

первой книгой нью-кробиозонского цикла, в который на настоящий момент входят три романа: собственно «Вокзал...» (2000), «Шрам» (2002) и «Железный Совет» (2004). Внимание читателей и критиков конвертировалось в примечательный урожай номинаций и премий — все три книги выдвинуты на «Hugo» и «World Fantasy Award», а первая уже получила премию Артура Кларка.

Значительной долей своего успеха Чайна Мьевиль обязан «гео-

\* См. рецензию в «Если» № 8 за этот год. (Прим. ред.)

графическому» ракурсу романа. События книги разворачиваются не в Лондоне, предъявляющем определенные требования к реальности происходящего, а в вымышленном Бас-Лаге, точнее, в одном из его городов — Нью-Кробюзоне. Вот уж где фантазия автора развернулась вовсю.

Череда неординарных и запоминающихся главных и второстепенных героев, представленных читателю в городских ландшафтах, весьма впечатляет. Среди прочих — специалист по кризисной теории профессор Айзек Дэн дер Гримнебулин и его насекомоподобная любовница Лин, создающая с помощью слюны скульптуры, которые пользуются огромной популярностью у артистической богемы и... организованной преступности. Скрывающийся за ширмой главарь мафии Господин Попурри и гаруда Ягарек, лишенный крыльев за серьезный проступок. Обретшая самосознание конструкция-уборщик и путешествующий по измерениям арахнид Ткач, также известный как Плящущий беззумный бог.

Удивительные действующие лица, к числу которых можно добавить и собственно город, напоминают цикл о Горменгасте Мервина Пика, влияние которого в творчестве Мьевиля весьма ощутимо.

Лишь после длительной прогулки по улицам Нью-Кробюзона и обстоятельного знакомства с его

обитателями, необходимого для погружения в атмосферу книги, начинает неспешно закручиваться пружина сюжетного действия. С момента превращения таинственной гусеницы — объекта исследований Айзека Гримнебулина — в практически неуязвимого мотылька, питающегося человеческими эмоциями, темп повествования резко ускоряется практически до первой космической. Правда, этот галоп в какой-то момент начинает работать против автора, привнося в сюжет предсказуемость и самоповторы. Незначительное сокращение авторского текста определенно пошло бы на пользу и писателю, и читателю.

Главным и наиболее примечательным в «Вокзале потерянных снов» являются вовсе не взвихренный сюжет, но атмосфера и колорит Бас-Лага, яркие визионерские образы.

Впрочем, и за красочными образами, и за острым сюжетом легко проглядывается социальная составляющая. Власти Нью-Кробюзона тесно связаны с организованной преступностью и содействуют распространению наркотиков. Подпольная типография печатает газету «Буйный Бунтарь», разоблачающую злодея режима. Профсоюзные стачки портовых рабочих — людей, как-то и водяных — жестоко разгоняются милицейскими отрядами, а руководители сопротивления бес-

следно пропадают. Правда, напоминает советские фантастические книги о плохих капиталистах и борцах–пролетариях годов эдак 60–х? И не случайно. Чайна Мьевиль — убежденный социалист.

Он состоит в Британской социалистической рабочей партии и даже участвовал в выборах в Палату Общин — к счастью для всех поклонников его литературного творчества, неудачно. Марксизму, а точнее, марксистской теории права посвящена и единственная пока нехудожественная книга Мьевеля, вышедшая, кстати, в престижных академических издательствах Британии и Соединенных Штатов.

Тема социализма и некоторые причины, побудившие Мьевеля встать на крайне левые позиции, мельком упоминаются и в «Крысином Короле».

Как и многие европейские левые, Мьевиль хорошо образован. Он получил степень бакалавра по социальной антропологии в Кембридже и продолжил образование в Лондонской школе экономики. Впрочем, мы отвлеклись.

Удивительно, но при всей этой политической заданности и эклектичности образов Мьевиль выдерживает полет своей фантазии именно на той высоте, которая не дает произведению превратиться в бессвязные, абсурдные, а то и вовсе бредовые фрагменты. Напротив, «Вокзал потерянных снов» обладает удивительным свойством

гармонично сочетать несочетаемое (например, магические и научные начала в единой теории поля) и той внутренней непротиворечивостью, которая придает происходящему в мире Нью–Кробюзона достоверность.

Кстати, из–за пристрастия Мьевеля смешивать в своих романах магические атрибуты и новейшие технологии, критики поспешно записали фантаста в стимпанкеры. Однако куда уместнее этот британец смотрится в ряду так называемых «Новых странных писателей», в число которых входят, например, такие разные авторы, как Джеффри Форд, Люциус Шепард и Джефф Вандермеер.

Объединяет «Новых странных» стремление вытолкнуть фэнтези из героической и эпической колеи, проложенной варварами и профессорами.

Отсюда сознательное пренебрежение, казалось бы, родовыми признаками жанра: вторичность сюжета по сравнению с художественными образами, введение в текст социального конфликта — что позволяет говорить о существовании своего рода параллельной фэнтези с собственной системой координат. К их числу относятся и пренебрежение традиционным хэппи–эндом. Пусть враг повержен, но и с положительными героями Мьевиль церемониться не стал.

**Сергей ШИКАРЕВ**

Юрий КОРОТКОВ

## ЗВЕЗДОПЛАВАТЕЛЬ

«Каллисто», «Гианэя», «Звездоплаватели»... Для читателей со стажем эти названия, как код, которым отворяют двери в мир далекого детства, когда любая книжка с заветным логотипом «НФ» была на вес золота, когда фантастика еще умела мечтать и рвалась к звездам. Георгий Мартынов был одним из первопроходцев космических трасс в эпоху «ближнеприцельной» НФ и одним из лучших авторов приключенческой фантастики советской эпохи. В октябре нынешнего года отмечалось столетие со дня рождения писателя.



Родился писатель второго октября 1906 года в Гродно в семье инженера–железнодорожника, так что почти все детство Мартынова прошло в бесконечных разъездах по городам и весям России. Вскоре родители развелись, и 14-летнему Георгию пришлось бросить учебу и устроиться ремонтным рабочим на Юго–Западной железной дороге. В 1927 году семья перебралась в Ленинград, и Мартынов решил попробовать себя на военном поприще. Он поступил в школу военных сообщений, но проучился там недолго — в 1931 году из–за несчастного случая Георгий почти полностью лишился слуха. До самой войны будущий писатель трудился на Ле–

нинградском заводе резиновых технических изделий. Но высшее образование он все–таки получил — во Всесоюзном заочном политехническом институте; а стал инженером уже на третьем курсе.

С раннего детства Георгий был запойным читателем фантастики и книг по астрономии (особенно он любил сочинения француза Камилля Фламмарiona), а в кругу друзей славился как неутомимый фантазер. Часто по дороге к школе или на работу он, окруженный толпой приятелей, пересказывал очередную книгу, щедро дополняя рассказ собственной выдумкой. Но чтобы саму сесть за письменный стол и испытать себя в ремесле сочинительства — об этом Марты–

нов и не задумывался. Если бы не одна встреча, случившаяся в конце тридцатых годов.

Однажды завод посетил писатель Леонид Борисов, известный, в частности, замечательными биографическими романами о жизни Жюль Верна и Александра Грина — «Жюль Верн» и «Волшебник из Гель-Гью». Эта короткая встреча во многом определила дальнейшую судьбу Мартынова. Разговорившись с молодым инженером, маститый литератор посоветовал Георгию попробовать свои силы в литературе. «У вас должно получиться», — напутствовал Борисов (спустя четверть века именно он рекомендует фантаста в члены Союза писателей). Но начавшаяся война распорядилась по-своему. Практически глухой Георгий Сергеевич не стал отсиживаться в тылу, а ушел добровольцем на фронт. Он прошел всю войну — сначала на Ленинградском, а потом на Прибалтийском фронтах, вернулся орденосносцем. На родной завод.

Только летом 1951-го, находясь в отпуске, Мартынов начал писать свой первый роман «Гость из бездны» — драматическую историю своего современника, участника Великой Отечественной войны, которого оживляют потомки из отдаленного коммунистического будущего. Но герой, получивший вторую жизнь, несмотря на заботу, которой его окружили люди прекрасного далека, не может

там прижиться, не чувствует себя полноценным гражданином. Роман необычный по тем временам именно потому, что масштабная утопия, которую и писал Мартынов, нарушается яркой трагедийной нотой, а потому получается слишком чело- вечной.

Биографы творчества писателя Анатолий Бритиков и Андрей Балабуха не без основания полагают, что выйди роман в 50-х, он встал бы в один ряд с «Туманностью Андромеды» И.А.Ефремова. Но Мартынов по неизвестным причинам вдруг забросил роман на половине и сел писать повесть «Мир угасающей жизни» — о космической экспедиции к Марсу. А к своему первому роману он вернулся спустя десять лет. В 1961 году «Гость из бездны» был опубликован, а в следующем году вышел отдельной книгой.

«Мир угасающей жизни» стал печатным стартом фантаста. Правда, вышла повесть в 1955 году под другим названием, хорошо знакомым любителям фантастики — «220 дней на звездолете». Этот первый опыт особо не выбивался из тоненькой струйки космической НФ второй половины 50-х: в истории полета четырех отважных космонавтов по маршруту «Земля — Венера — Марс» (причем Венеру они только облетают, но зато обнаруживают, что там есть жизнь) отчетливо слышны отзвуки «холодной войны».

Впоследствии «220 дней на звездолете», дополненная повестями–продолжениями «Сестра Земли» и «Наследие фаэтонцев», превратилась в роман «Звездоплаватели» (1960)\*. Герои совершают вторую экспедицию, уже на Венеру, и обнаруживают сокровищницу знаний погибшей цивилизации планеты Фаэтон (в романе «Гость из бездны» земляне уже вступают в непосредственный контакт с потомками фаэтонцев). Роман выдержан в традиционном для Мартынова приключенческом ключе и отмечен особой авторской человеческой интонацией. Помимо этого здесь отчетливо звучала главная тема всей мартыновской фантастики — тема Контакта.

В 1960 году популярный в 40—60-х писатель–фантаст Николай Томан оптимистично писал: «Полеты на соседние планеты Солнечной системы давно уже стали обыденными, подобными каботажному плаванью во внутренних морях старушки Земли. Перемещения в пределах нашей Галактики тоже кажутся кое–кому из фантастов скучным путешествием в провинциальное захолустье».

Писатель явно преувеличил. Даже после шумного старта ефремовской «Туманности Андромеды», открывшей новые горизонты

для всей советской фантастической прозы, писатели еще долго не решались покинуть Солнечную систему, предпочитая осваивать ближайшие к нам планеты. Вспомним популярные книги рубенжа десятилетия. Герои Константина Волкова («Звезда утренняя», 1957) и даже «продвинутых» братьев Стругацких («Страна багровых туч», 1959) всего лишь исследуют растительный и животный мир Венеры, а путешественники Леонида Оношко («На оранжевой планете», 1959) обнаруживают там высокоразвитую цивилизацию; космонавты Бориса Фрадкина («Тайна астероида 117–03», 1956) совершают экспедицию чуть дальше — на один из астероидов, а ученые Н.Гомолко («За великую трассу», 1956) и вовсе не решаются оторваться от околоземной орбиты, где сооружают первую космическую станцию, попутно разоблачая вражеских агентов...

И в начале 1960-х Марс, Венера и Луна оставались главными форпостами советской фантастики. Люди только–только преодолели земное притяжение, ни Марс, ни Венеру еще не посещали автоматические станции, так что эти планеты оставались манящей загадкой. Какие уж тут недостижимые звездные системы, когда

---

\* *Косвенно с трилогией — единством мира — связан и роман «Гость из бездны» (1961; 1962). (Прим. авт.)*



родные миры Солнечной так бесконечно далеки!

В 1957 году, практически одновременно с «Туманностью Андромеды», выходит один из самых популярных романов Георгия Мартынова «Каллисто», образующий дилогию вместе с романом-продолжением «Каллистяне» (1960). Одним из первых в советской НФ Г.Мартынов раздвинул фантастический космос до просторов межзвездных, межгалактических. В первом романе описывается прибытие на Землю посланцев высокоразвитой цивилизации из системы Сириуса. Роман динамичен, насыщен шпионскими интригами, действиями диверсантов — дань моде тех лет. Но уже в романе-продолжении земляне (точнее, двое представителей нашего мира) отправляются на корабле чернокожих каллистян в систему Сириуса, где им предстоит познакомиться с совершенным коммунистическим обществом. Роман вполне мог стать еще одной скучной утопией, но, по счастью, писатель не превратил сюжет о путешествии по миру инопланетного коммунизма в слайд-лекцию, а обогатил повествование множеством драматических, непредсказуемых поворотов.

Однако на сюжетном уровне дилогия немногим отличалась от подобных сочинений. И тем удивительнее оглушительный успех книги: «Каллисто» оказалось первым произведением отечествен-

ной фантастики (а может, и литературы), породившим новое явление — фан-клубы. При детских библиотеках десятками возникали общества поклонников дилогии, многие писали продолжения книги и рассказы из мира «Каллисто» (то, что ныне называется фанфиками), создавали музеи «Каллисто», составляли энциклопедию «Каллисто» и т.д. и т.п.

И все-таки лучшим с литературных позиций произведением Г.Мартынова до сих пор остается роман «Гианэя» (1963; 1965), который можно отнести к разновидности интеллектуальной космической оперы. Как и другие книги писателя, роман посвящен Контакту. Начально «Гианэя» была адресована читателю взрослому: роман изобилует сложными этическими и психологическими проблемами, присутствует в нем и легкий налет эротики. Странствуя по Солнечной системе на корабле-астероиде, земляне обнаруживают чужой звездолет, с которого на астероид десантируется человек в скафандре, а сам корабль чужаков неожиданно взрывается. Так начинается трагическая история девушки-инопланетянки Гианэи, волею судьбы оказавшейся гостьей землян. Непросто оказалось преодолеть барьер, разделяющий две цивилизации. И даже вспыхнувшая любовь к землянину не позволяет Гианэе прижиться в новом для нее мире. И заканчивалась книга пси-

хологически достоверным самоубийством героини: какой бы прекрасной ни была Земля, она не могла заменить Гианэе родной дом.

Роман замечателен не только нетривиальной, психологически глубокой разработкой темы Контакта, но и оригинальными НФ-идеями.

Но возмущение читателей (в основном, конечно, подросткового возраста) было столь велико, что Мартынову пришлось написать еще две части, в которых девушка-инопланетянка чудесным образом возвращается к жизни, выходит замуж за главного героя-землянина и рождает ему сына. Такая натужная доработка популярной книги вызвала, однако, негативную реакцию у взрослых читателей, зато определенно удовлетворила читателей-подростков.

Если «Гианэя» своего рода космическая опера, то вышедший следом роман «Спираль времени» (1966) — едва ли не первая в нашей НФ «темпоральная опера». С художественной точки зрения, роман существенно слабее предыдущих книг писателя, но повествование о приключениях инопланетян в различных эпохах земной истории, об их встречах с атлантами, написано увлекательно, столь же увлекательно оно и читается. Одним словом, добротный образец приключенческой НФ.

После «Спирали времени» Георгий Мартынов написал лишь од-

но произведение — повесть «Сто одиннадцатый» (1976; 1979), сюжет которой также подчинен любимой мартыновской теме — Контакту с инопланетным разумом (правда, действие на этот раз разворачивается на Земле 70-х годов XX века). Повесть была написана в «фирменном» стиле фантаста: острый приключенческий сюжет не мешает автору разбираться в психологии персонажей. Однако читателями «Сто одиннадцатый» был принят гораздо прохладнее книг 50—60-х годов. Действительно, после масштабных космических саг вроде «Гианэи», «Каллистан» или «Гостя из бездны» последнее произведение писателя выглядит слишком уж камерным, приземленным. Но определенно — никак не худшим в творческой биографии Георгия Мартынова.

С конца 1970-х фантаст больше не садился за пишущую машинку — не позволяло здоровье, а 26 октября 1983 года писатель скончался.

Георгий Мартынов не самый плодовитый фантаст — за 30 лет творческой деятельности им создано всего семь книг. Экая малость по меркам дня сегодняшнего! Но книги Мартынова помнят и любят вот уже несколько поколений поклонников фантастики, а три мартыновских романа вошли в «Золотой фонд» НФ России.



**Вл. ГАКОВ**

## **ПАТРУЛЬНЫЙ ВРЕМЕНИ**

Для рядового американца история — та, что вершилась за границами Соединенных Штатов (и тем более — до их образования), все равно что научная фантастика. Американские фантасты не исключение. Тем любопытнее на этом фоне фигура одного из классиков жанра — Пола Андерсона, которому 25 ноября исполнилось бы восемьдесят. В отличие от большинства коллег он — историю любил и понимал. И постоянно исследовал — своими, научно-фантастическими, средствами.

Он и внешне мало напоминал типичного американца — высок, курчав, близорук. Что более всего удивляло, так это отсутствие «сто-процентно американской», словно навечно прилепленной улыбки. Последнее не означало, что в жизни Пол Андерсон был эдаким букой и мизантропом, он частенько напоминал взрослого ребенка. И лицо его нередко освещала улыбка — едва намеченная, лишь уголками губ да собравшимися морщинками у глаз. Так обычно улыбаются люди ранимые и стеснительные, что, согласитесь, для Америки вообще редкость. Как и его манера больше спрашивать и слушать, а не говорить самому...

Совершенно нетипичным был и его калифорнийский дом — одноэтажный и одинокий, скромностью и незамысловатостью напоминавший обычную подмосковную дачу. Не нынешнюю, а тогдашнюю, советского времени...

Самое удивительное, впрочем, находилось внутри. Все стены были заставлены книжными шкафами, а на редких свободных «островках» теснились, наполняя друг на друга, старинные географические карты. И везде — на полках, на столах, на полу — какие-то бесчисленные статуэтки, старинное оружие, этнографические маски и прочие безделушки. Немые свидетельства веков и культур, в которых хозяин дома разбирался профессионально. Дом Пола Андерсона был всегда наполнен Историей — как и большинство его книг.

Их автор родился на другом побережье Америки, в городке Бристоль, что в штате Пенсильвания. Произошло это 25 ноября 1926 года — в год рождения легендарного журнала «Amazing Stories», перевернувшего жизнь сотен и тысяч читателей, некоторые из них впоследствии стали известными авто-

рами популярного жанра. Отец будущего писателя работал инженером в местной компании, а мать, Астрид Херц, по национальности датчанка, в городской библиотеке. Скандинавское происхождение Андерсона подчеркивало и данное ему при рождении имя — оно созвучно с распространенным английским Paul, но пишется несколько иначе — Paul.

Отца вскоре перевели в Техас, где мальчик провел 12 лет — первые и, наверное, самые прекрасные годы жизни. Там же, в Техасе, у него родился брат, ставший знаменитым альпинистом. Потом отец умер, и семья на время переехала в Европу, к родственникам матери. Однако и в нейтральной Дании становилось небезопасно — назревала война, и Андерсоны вернулись в Америку. Сначала в столичном Вашингтоне мать получила место в датской дипломатической миссии, а затем все семейство переехало на уединенную ферму в «деревенский» штат Миннесота.

Решив стать физиком, Пол поступил в университет, расположенный в Миннеаполисе. Однако к моменту получения диплома успел заразиться другой страстью — научной фантастикой. Так что выпускник-физик уже мог похвастать несколькими опубликованными рассказами, хотя о карьере профессионального литератора тогда, похоже, не думал.

И еще во время учебы он познакомился с местным фэндомом, цвет которого тогда составляли ныне покойные Клиффорд Саймак и Гордон Диксон.

В творчестве всех троих легко отыскиваются сходные черты. Это нескрываемая любовь к буколке — сельским пейзажам и сельскому же образу жизни (в отличие от писателей-урбанистов, типа Айзека Азимова или Фредерика Пола). Это и частые образы людей подчеркнуто «земных» — крепких, уравновешенных, в меру консервативных. Хотя и они не чужды специфического американского романтизма, основанного на индивидуализме и правах личности, всегда и во всем антагонистичной государству. Подобная философия получила в Америке название «либертарианской»; убежденным либертарианцем всю жизнь оставался и Пол Андерсон.

В 1953 году он женился на Карин Крузе, писательнице и поэтессе, и спустя год у них родилась дочь, названная в честь матери — Астрид (она, кстати, вышла замуж за одну из звезд нового поколения Американской science fiction — хорошо знакомого нашим читателям Грега Бира). Вскоре после рождения дочери семья переехала в окрестности Сан-Франциско — в Оринду, штат Калифорния.

В Оринде были написаны почти все книги Пола Андерсона — а их

он успел выпустить почти полторы сотни.

Первый рассказ «Дети завтрашнего дня», опубликованный в мартовском номере журнала «Astounding Science Fiction» за 1947 год, Андерсон сочинил в соавторстве с таким же, как он, дебиантом — неким Ф.Н.Уолдромом. Проба пера двух новичков замечательна уже тем, что это одно из первых в мировой литературе описаний ядерной зимы. Скорее всего, натолкнулись они на эту мысль случайно, в те годы никакой научной концепции глобальных климатических изменений в результате пожаров — неизбежных спутников ядерных взрывов — вероятно, не могли предложить даже самые прозорливые ученые.

Позже писатель не раз возвращался к этой ставшей популярной в англоязычной science fiction теме. Особенно после того, как она перекочевала со страниц дешевых НФ-журнальчиков на телеэкраны и полосы самых уважаемых газет. Это и роман «После Судного дня» (1962), и повесть «Нет мира с королями» (1963), принеся автору вторую премию «Хьюго»\*, и более поздний сборник «Маури и Кит» (1982) вместе с романом-продолжением «Орион взойдет» (1983).

Вообще Пол Андерсон почти за полвека творческой деятельности

чего только не перепробовал! Однако свою главную тему нащупал на удивление быстро и никогда с ней больше не расставался, о чем бы ни писал. Это тема Времени, Истории. Именно так — с заглавных букв, учитывая отношение автора.

Началось все с истории альтернативной, однако на сей раз неожиданно решенной в жанре фэнтези. То был роман «Три сердца и три льва» (1953) — один из хитов нашей эпохи Великого разлива переводной фантастики, начавшейся в самом конце восьмидесятых. Затем Андерсон вернулся к альтернативной истории в одном из своих лучших романов — «Буря в летнюю ночь» (1974). Помните? Англия времен Карла I, более знакомая по романам Дюма, а в ней — мушкетеры и... уже изобретенный паровоз!

А за два десятилетия до того писателя захватило начинавшее приобретать популярность повествование — построение собственной истории будущего. До него в подобной футуристической истории успели отметить англичанин Олаф Стэплдон и американец Роберт Хайнлайн. Но мало кто — и до, и после Андерсона — строил по камешкам свою историю будущего столь обстоятельно и долго, как он.

Было бы место, стоило бы подробно расписать эту «историогра-

\* В целом писатель собрал внушительную коллекцию трофеев — семь премий «Хьюго», три «Небулы», более десятка других наград и почетное звание «Великого мастера». (Здесь и далее прим. авт.)

фию». Но придется ограничиться лишь беглым напоминанием о главных, «сюжетообразующих» персонажах и общей концепции (тем более что все произведения давно переведены на русский язык).

Схема, в общем, легко предсказуемая для американского менталитета. Сначала Техноцивилизация — галактическое содружество земных колоний на других планетах. Затем новый виток колонизаторской деятельности и распространение принципов свободной рыночной экономики на всю Галактику, в результате чего технологическое объединение свободных миров уступило место экономическому союзу крупнейших трансгалактических компаний. А в итоге — неизбежное превращение торговой Полезотехнической Лиги, пришедшей на смену Техноцивилизации, во вселенский же суперкартель. После чего о свободном рынке и честной конкуренции можно забыть — на смену Лиге приходит коррумпированная, с декадентским духом, Империя. И история будущего по Андерсону, перефразируя отечественного классика, прекращает течение свое.

В советский период считалось хорошим тоном свысока поиронизировать над подобным «социальным инфантилизмом» американских фантастов. Особенно по сравнению с нашей собственной альтернативой — Полднем Стру-

гацких и тому подобными построениями. Сегодня выдвигать эту альтернативу не модно, и мир, похоже, всерьез принял «единственно верный» путь к своему счастливому рыночному будущему. Лично мне этот вариант по-прежнему представляется донельзя примитивным — только иронизировать над сделанным выбором человечества что-то не хочется...

Но вернемся к Андерсону. Он, во всяком случае, не довел свои социальноэкономические построения до самопародии, чего не избежали многие коллеги-соотечественники писателя. Романы этого суперцикла, распадающегося на несколько самостоятельных подциклов, написаны динамично, грамотно, с юмором и без лишней зауми — потому-то и были приняты на «ура» теми читателями, которые ищут в НФ прежде всего приключения и увлекательный сюжет. И то, и другое Пол Андерсон выдавал исправно и безостановочно на протяжении почти полувека.

Конечно, большинство произведений цикла не поднимается выше уровня добротного коммерческого чтива. Однако отдельные фрагменты в состоянии удовлетворить и более взыскательного читателя — ищущего не только сюжеты, но и мысли, яркие образы. Достаточно напомнить две короткие повести, принесшие Андерсону очередные премии «Хьюго»:

«Самое долгое плавание» (1960) и «Поделись плотью» (1968).

Но главное, что обеспечило долгую жизнь «примитивной» схеме, это образы двух центральных героев. Первый — Никлас ван Рейн, принц торговой Лиги, проживший большую часть жизни повесой и беспринципным торгашом, а затем, подобно царю Валтасару, увидевший на стене огненные письмена—предупреждения. И понявший, что «так жить нельзя». А второй — секретный агент Империи Доминик, эдакий звездный Штирлиц на американский лад, читать о похождениях которого весьма занятно. Только благодарить за это надо не Андерсона—социолога, а Андерсона—художника — уж больно колоритным вышел образ.

Писатель исследовал Историю не только с помощью построения своей собственной, галактической.\* Славу писателю принесли и произведения, посвященные вмешательству в историю нашу, земную. Не Стругацкие, конечно, но по американским меркам вклад Андерсона в разработку этой темы значителен.

«Вот уже несколько десятилетий Пол Андерсон скитается по Истории, двигаясь то вперед, то

назад, то вбок, — писала в середине 1970–х годов исследовательница его творчества Сандра Майзел. — В его произведениях приключения во времени составляют хорошую пару, если не сказать, выгодный контраст, приключениям в пространстве». Имеется в виду игра слов: в английском языке «space» — и «космос», и «пространство».

Время, понимаемое в самом широком смысле — как физическая, биологическая и психологическая категории, путешествия в будущее и прошлое, сопровождаемые целым веером социальных и психологических последствий, — притягивало Андерсона, как магнит. Наверное, сказалась странная комбинация естественнонаучного образования и увлечения историей. Вся жизнь писатель подбирался к загадкам четвертого измерения, его парадоксам и проблемам. При этом выбор конкретной модели машины времени, мучивший авторов—предшественников, для Андерсона не представлял проблемы. Да что угодно! Все, что попадалось под руку, будь то анабиоз, релятивистские парадоксы, экстрасенсорные способности, виртуальная реальность или даже мистические «скитания души»...

*\* В тени суперцикла о Техноцивилизации и Лиге как-то потерялись другие серии и циклы Андерсона, более скромные по масштабам. Но не по художественному уровню. В этих «малых» сериях порой встречаются настоящие жемчужины — вроде повестей «Сестра Земли» (1959), «Зовите меня Джо» (1957) и «Царица Воздуха и Тьмы» (1971).*

Еще в пятидесятые годы Андерсон начал публиковать в журналах рассказы нового цикла — о Патруле Времени. Эта организация чем-то напоминает азимовскую Вечность: в обязанности патрульных входит бдительное наблюдение за ходом человеческой истории. И ее корректировка в чрезвычайных обстоятельствах, когда история, по мнению Патруля, начинает опасно приближаться к очередной критической развилке.

На родине писателя цикл был принят с восторгом — что и объясняет его поразительную живучесть (последние сборники о Патруле Времени вышли уже в середине 1990-х). Хотя наших читателей, воспитанных на творчестве Стругацких, должна была бы насторожить та легкость, с которой герои Андерсона вторгались в прошлое. И действовали они очень уж по-американски — с беспепелляционной уверенностью в своем праве руководить и направлять ход цивилизации, решать за ее «субъектов», каким историческим путем двигаться... Хотя нужно признать, что и на другой стороне планеты (во всех смыслах) этические проблемы, связанные с вмешательством в судьбы народов и культур, тогда всерьез обсуждали лишь в НФ. А спустя десятилетия, когда «наш» мир стал во многом «их» миром, подобные большие вопросы вообще отпали за ненадобностью.

Как архаичные интеллигентские рефлексии, мешающие поступательному маршу вперед — к счастливому рыночному будущему человечества.

К счастью, неизбывный «американизм» Андерсона — да еще специфического либертарианского розлива — во многих случаях сглаживается сюжетной изобретательностью и юмором. Поэтому, на мой взгляд, одно из лучших произведений писателя, посвященных теме вмешательства в прошлое, это откровенно «несерьезный» роман «Крестовый поход в небеса» (1960). Ни на какие философские откровения он не претендует, зато каков сюжет! Космическая одиссея рыцарей-крестоносцев, которых нелегкая (точнее, не ко времени навестившие нашу планету пришельцы) занесла на далекую планету, дала возможность писателю волю «погулять» на двух своих любимых плацдармах — сильно романтизированном земном Средневековье и такой же романтической звездной колонизации. В итоге все получилось логично и органично — как завещал великий Марк Твен. Темные и неотесанные мужланы в латах не струхнули при виде инопланетного звездолета — им ли, рыцарям, отступить перед огнедышащим драконом и заколдованным замком!

А еще Андерсон писал традиционную фэнтези, отличавшуюся



от многих произведений этого жанра опять-таки подчеркнутым уважением к земной истории, пусть по большей части и мифологической. И «твердую» НФ. Перечисление достойных произведений затянулось бы надолго — для краткости вспомним хотя бы романы «Время Ноль» (1970) и «Время огня» (1974), премированные повести «Игры Сатурна» (1981) и «Охотники за Луной» (1978), рассказы «Поворотный пункт» (1963) и «Бесконечная игра» (1954)...

Впрочем, Пол Андерсон не только интересно писал — он и в жизни был человеком неординарным. Много путешествовал, строил лодки по старинным чертежам, выходил в море на яхте, занимался альпинизмом. Состоял в различных профессиональных ассоциациях и писательских гильдиях, в том числе и таких экзотических, как Гильдия американских меченосцев и волшебников (имеются в виду, конечно, авторы, работающие в жанре *sword and sorcery* — «меча и волшебства») или «Нерегулярные корреспонденты Бейкер-стрит». А также в организации, о членстве в которой читатель, знакомый с творчеством Пола Андерсона, легко догадается и сам. Называется она Обществом за творческий анахронизм — не больше и не меньше. Чем заняты его члены? Реконструкцией прошлого — в основном, Средневековья. Шьют старинные костюмы,

ладят доспехи, устраивают имитацию рыцарских турниров и праздничных шествий. Словом, живут Историей. Жил ею и Пол Андерсон — точнее, рыцарь Бела из Истмарка...

Участвовал он и в экологическом движении. Причем увлекся защитой окружающей среды в те времена, когда подобная деятельность еще не успела стать модной, а большинству казалась чудачеством. Вроде той самой «махаловки» на самодельных мечах.

В вопросах совести Андерсон оставался убежденным агностиком, считавшим сомнение едва ли не самой конструктивной и плодотворной способностью человека. Думаю, что этой способности писатель не утратил до последнего дня жизни.

31 июля 2001 года Пол Андерсон отправился в последнее путешествие, конца которому не будет. В своей «лодке миллиона лет» — так называлась одна из его последних значительных книг, вышедшая в 1989 году. Огромный 500-страничный роман был посвящен группе бессмертных и открывался эпитафией — египетской иероглифической записью времен XVIII династии: «Пусть отправится в путь в Лодке Утра, пусть прибудет в порт назначения в Лодке Заката, пусть странствует среди звезд в Лодке Миллиона Лет».



## «Звездный мост»



проходил с 14 по 17 сентября в Харькове. В программе этого масштабного фестиваля фантастики, который посетили около 400 человек, нашлось место докладам о современном состоянии фантастики, диспутам, семинару молодых авторов «О бедном романе замолвите слово», поэтическим встречам, художественным выставкам, кинопоказам, а на «закуску» — «Пикнику на обочине» и турниру по пейнтболу «НФ против фэнтези» (победила сборная фэнтези). В честь фестиваля, ставшего благодаря покровительству губернатора Харьковской области Арсена Авакова заметным мероприятием города, на площади Свободы — самой большой площади в Европе — прогремел грандиозный праздничный салют и состоялся концерт группы «Чиж и Ко».

Как всегда, вручалось множество призов и премий. Голосование по основным номинациям впервые проходило в два тура (по примеру «Роскона»). В номинации «Циклы, сериалы и романы с продолжениями» первый приз — «Золотой Кадуцей» — завоевал роман «Исландская карта» (1-я книга дилогии) Александра Громова; «Серебряный Кадуцей» — книги «Искатели ветра», «Ветер полыни» (1-я и 2-я книги трилогии) Алексея Пехова; «Бронзовый Кадуцей» — 3-я книга сериала «Война 2030» Федора Березина. В номинации «Крупная форма» лидером стала «Шайтан-звезда» Далии Трускиновской; на втором месте оказался «Цветок камалейника» Ольги Громыко; на третьем — «Дикая энергия» Марины и Сергея Дяченко. В номинации «Дебютные книги» победил Шимун Врочек с романом «Сержанту никто не звонит»; вторым был Сергей Слюсаренко с книгой «Тактильные ощущения»; третьим — Игорь Польш с романом «Ангел-Хранитель 320». В номинации «Критика, публицистика и литературоведение» первое место досталось Дмитрию Байкалову и Андрею Синицыну за статью «Любите ли вы фантастику так (записки на полях)»; второе — Светлане Бондаренко за подготовку книг «Неизвестные Стругацкие» (в 2-х т.); третье — Аркадию Руху за работу «Страна Фантастика с высоты птичьего полета».

Среди других премий стоит отметить Гран-при от Харьковского Института чудиков («Философский камень»): на

этот раз сверхчистый искусственный рубин, вручаемый «за выдающиеся заслуги перед Ее Величеством Фантастикой», получил патриарх фантастического цеха Владимир Дмитриевич Михайлов. Золотой приз в форме восьмерки (символа бесконечности) был вручен редакции журнала «Если» за многолетнее сотрудничество с фестивалем, аналогичные призы получили также издательство «ЭКСМО» и украинский журнал «Реальность фантастики».

**Кинокомпания**



Strike Entertainment планирует съемки приквела классической ленты Джона Карпентера «Нечто» (1982). Напомним, что фильм Карпентера, повествующий о пришельце-метаморфе на антарктической станции, являлся экранизацией знаменитого рассказа Джона Кэмпбелла-мл. «Кто там?», а также римейком самой первой киноверсии рассказа «Нечто из другого мира» (1952).

**Родственники фантастов**



не дают пропасть незавершенным творениям. Так, Кристофер Толкин, сын Профессора, дописал начатую в 1918 году и так и не законченную повесть отца «Дети Хурина», которая входит в «Книгу забытых сказаний» о Средиземье. Повесть, над которой Толкин-младший работал почти 30 лет, выйдет в свет в начале 2007 года. Вдова недавно умершего английского мастера фэнтези Дэвида Геммела Стелла готова дописать его незаконченный роман «Падение королей», завершающий Троянскую трилогию. Книга почти полностью готова — осталось избразить осаду Трои.

**«Дневники Сары Коннор»**



— так будет называться сериал, развивающий сюжет трилогии о Терминаторах. Пилотную серию для компании Fox Broadcasting снимет в начале 2007 года Дэвид Наттер, режиссер «Секретных материалов». Сценарий написал Джош Фридман («Война миров»).

**В «Lincoln Center»**



прошел фестиваль под названием «От царей до звезд: путешествие в русское фантастическое кино», целью которого было познакомить американских зрителей и профессионалов с лучшими образцами нашего НФ-кинематографа. Для показа было отобрано 16 фильмов — начиная с короткометражной ленты пионера анимации Владисла-

ва Старевича «Мечь кинематографического оператора» (1912) и классики немого кино, представленной двумя фильмами 1922 года — «Аэлита: Королева Марса» Протазанова и «Призрак бродит по Европе» Гардина, и заканчивая «Ночным дозором» и «Первыми на Луне».

### Известный



польский режиссер Ежи Гофман, снявший такие культовые фильмы, как «Пан Володиевский», «Огнем и мечом», «Знахарь», «Потоп», заинтересовался сценарием Марины и Сергея Дяченко «Легенда о Довбуше». Вполне вероятно, что знаменитый постановщик и его студия «Зодиак» начнут работу над фильмом по этому сценарию.

### Первая конференция



«Школы перевода Владимира Баканова» прошла 22 — 24 сентября 2006 года в доме отдыха «Подмосковье». Всего на мероприятие прибыло около тридцати участников из разных городов России, в том числе такие мастера перевода, как В.Вебер, А.Герасимов, Е.Доброхотова-Майкова, А.Криволапов. Состоялись доклады по современным проблемам литературного перевода. Особый интерес вызвало выступление В.Вебера, который поделился собственным опытом так называемого «народного перевода» — широкого обсуждения первых результатов его работы над новыми произведениями С.Кинга в интернете и учетом итогов этих дискуссий в дальнейшем. Более подробную информацию о ходе конференции можно получить на сайте «Школы перевода Владимира Баканова» — [www.bakanov.org](http://www.bakanov.org).

### Блестители



порядка нью-йоркского аэропорта отказались пустить в самолет писательницу Джоан Роулинг, державшую в руках рукопись седьмой книги о Гарри Поттере (Роулинг посещала Штаты с благотворительной целью и зачитывала на встречах с читателями фрагменты книги). Вероятно, борцы с терроризмом приняли литературную бомбу за реальную. Писательница отказалась сдавать рукопись в багаж — ведь сюжет завершающей книги цикла является строжайшей тайной, а охотников за этой тайной миллионы — и заявила, что скорее отправится в Старый Свет морем, чем выпустит из рук драгоценную пачку бумаги.

Агентство F-прессе



### **Людмила Меркурьевна Щёктова**

Ушла из жизни сотрудница нашего журнала, ученый, переводчик и публицист Людмила Меркурьевна Щёктова.

Людмила Меркурьевна родилась в 1939 году. После школы поступила в Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова. Однако, проучившись два года на физическом факультете, резко поменяла судьбу и сдала экзамены на филологический — на отделение структурной лингвистики. Талантливой выпускнице предложили остаться в МГУ, и она на долгие годы выбрала науку и преподавание. А для отдохновения души — фантастику, которую читала на языке оригинала.

Однако в начале 90-х российская наука перестала интересовать и власти, и общество. И Людмила Меркурьевна вновь решительно меняет судьбу: она становится журналистом и стремительно приобретает известность как автор научно-популярных материалов, сведущий в современных технологиях, новейших физических теориях и, главное, способный объяснить это читателю «человеческим» языком.

Были «Коммерсантъ», «Техника — молодежи», где она работала, другие издания, с которыми сотрудничала, и наконец «Если»... Познакомились мы в 1993 году, а через три года Людмила Меркурьевна стала сотрудником редакции и основным внутренним рецензентом по американской и английской фантастике. Уникальное сочетание обширной научно-технической эрудиции и тонкого понимания авторского стиля, высокий литературный вкус и доскональное знание жанра позволяли Людмиле Меркурьевне из всего огромного потока зарубежной прозы «точно» рекомендовать журналу то, что запомнится поклонникам фантастики.

Для собственного перевода Людмила Меркурьевна выбирала сложные вещи, с необычной НФ-идеей и выраженным авторским стилем. В ее практике не было ни одной литературной работы по заказу — она переводила лишь те произведения, которые нравились ей самой, в которые она могла погрузиться. В 2000 году она получила приз читательских симпатий «Сигма-Ф» за перевод романа Майкла Коуни «Я помню Паллахакси».

Ничто не предвещало трагедии. Накануне Людмила Меркурьевна была в редакции — бодрая, обуреваемая планами, — а ночью 20 сентября ее не стало. Врачи констатировали кровоизлияние в мозг...

Редакция выражает глубокие соболезнования родным и близким Людмилы Меркурьевны Щёктовой.

**Редакция «Если»**

## **ГАРСИЯ-и-РОБЕРТСОН Родриго (GARCIA y ROBERTSON, Rodrigo)**

**А**мериканский писатель Родриго Гарсия-и-Робертсон родился в 1949 году, учился в Университете Лос-Анджелеса и Университете Вилланова, затем занялся литературной деятельностью. Дебютировал в научной фантастике в 1987-м рассказом «Луна, утыканная деревьями». С тех пор писатель выпустил восемь романов — «Спиральный танец» (1991), «Дева и динозавр» (1996), трилогия «Странствующий рыцарь» (2001—2004) и другие, — а также около полусотни рассказов и повестей, лучшие из которых составили сборник «Лунная служанка» (1998). Действие последнего фэнтези-романа «Жар-птица» (2006) происходит в стране Марковы — фантастической версии средневековой России.

Ряд произведений Гарсия-и-Робертсона номинировался на высшие премии жанра — «Хьюго», «Небьюлу», Премию им. Джеймса Типтри-младшего.

## **ГРОМОВ Александр Николаевич**

*(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 2 за этот год)*

**Корр.:** Как родилась идея книги «Исландская карта» — не вполне характерной работы для Громова?

**А.Громов:** Ну, знаете, вечно дудеть в одну дуду — это надоест и читателю, и мне. Захотелось поэкспериментировать... Что до сюжетной идеи «Исландской карты», то она пришла мне в голову лет десять назад. Еще и теперь мне приходит в голову пара подобных идей в день. Я их не фиксирую и не тороплюсь разрабатывать. В большинстве своем они благополучно забываются, а значит, туда им и дорога. Ведь интересное наверняка запомнится... Иной вопрос — почему я тянул десять лет? Да просто потому, что не чувствовал в себе сил взяться за этот проект! Пришлось ждать, пока «дозрею» до него. Мне интереснее всего делать то, чего я делать пока не умею, но уже достаточно подготовлен, чтобы научиться в процессе работы.

## **ИГАН Грег (EGAN, Greg)**

**О**дин из мировых лидеров «твердой» НФ австралийский писатель Грег Иган родился в 1961 году в городе Перте и там же закончил Университет Западной Австралии с дипломом математика-программиста. Свою литературную карьеру он начал романом-фэнтези «Под необычным углом зрения» (1983), однако уже к концу 1980-х годов всецело переключился на «твердую» научную фантастику, преимущественно связанную с темами математики, физики и биологии. В этом ключе написаны его романы «Карантин» (1992), «Город перестановок» (1994), завоевавший Премию имени Джона Кэмпбелла, и другие. Всего на счету Игана семь опубликованных романов и

более полусотни рассказов и повестей; часть из них составила сборники «Богоматерь Чернобыльская» (1995), «Аксиоматика» (1995) и «Просвещенный» (1997). Последний роман автора, «Лестница Шильда», вышел в 2002 году, следующий, «Накаливание», ожидается в 2008-м. Помимо литературной работы Иган публикует научные статьи, разрабатывает компьютерные программы, а также активно занимается общественной деятельностью, участвуя в движении защиты прав беженцев, эмигрировавших в Австралию.

Повесть Игана «Океаник» (1998) получила премии «Хьюго», журналов «Locus» и «Asimov's». Кроме того, автор четыре раза завоевывал высшую национальную премию «Ditmar» и трижды — премию «Aurealis».

### **КОУДРИ Альберт (COWDREY, Albert E.)**

**А**мериканский писатель Альберт Коудри родился в 1963 году. После окончания университета служил в одном из федеральных министерств, но затем оставил работу, чтобы полностью сосредоточиться на литературном труде. Проживает в Новом Орлеане.

В фантастике Коудри дебютировал рассказом «Знакомый» (1997), опубликованным в журнале «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», с которым писатель не прекращает сотрудничать: большинство его рассказов вышло в этом издании. Творческий «конек» Коудри — это литературные работы на стыке фантастики и хоррора, однако ряд произведений выполнен в жанре «твердой» science fiction.

Рассказ А.Коудри «Королева на день» в 2002-м был удостоен Всемирной премии фэнтези. Повесть «Племена планеты Бела» попала в 2006 году в финальную номинацию премии «Небьюла».

### **ЛИБЛИНГ Майкл (LIBLING, Michael)**

**К**анадский писатель Майкл Либлинг родился в городке Трентон на берегу озера Онтарио. Ныне живет в Монреале вместе с женой Пэт, детской писательницей, и тремя дочерьми. Прежде чем заняться литературным творчеством, Майкл был ведущим ток-шоу на радио, газетным колумнистом, спичрайтером, писал мелодии и диалоги для компьютерных игр.

Первая публикация автора — рассказ «Сиделки» (1996). Рассказы и повести Либлинга печатаются в журналах, сборниках и антологиях.

### **МАКОУЛИ Пол (McAULEY, Paul J.)**

**А**нглийский писатель Пол Макоули родился в 1955 году. Окончил Бристольский университет с дипломом ботаника и зоолога, а в 1980-м защитил

диссертацию по ботанике. В научной фантастике дебютировал в 1984 году рассказом «Повозка, проезжайте!».

Первый роман Макоули «Четыреста миллиардов звезд» (1988), принесший автору номинацию на Премию имени Филипа Дика, положил начало масштабной серии, удачно объединившей захватывающий сюжет в духе «космической оперы» и философские размышления на темы космогонии, будущего сообщества разумных цивилизаций в Галактике, бессмертия и даже создания новых вселенных. Другие романы писателя, примыкающие к первому — «Тайные гармонии» (1989) и «Вечный свет» (1991), — продолжили это популярное в англоязычной научной фантастике «сотворение миров», выведя Макоули в ряды духовных наследников Олафа Стэплдона, Кордвайнера Смита, Ларри Нивена. Всего к настоящему времени Макоули опубликовал 15 романов и около полусотни рассказов, позже вошедших в сборники «Король на горе» (1991), «Невидимая страна» (1996) и «Маленькие машины» (2004).

Макоули является обладателем трех литературных премий: имени Артура Кларка, имени Джона Кэмпбелла, «Сайдвайз» (за лучшую книгу альтернативной истории). Среди сотен литературно-критических и публицистических статей Макоули особый интерес вызывает обстоятельный анализ романа Владимира Обручева «Земля Санникова», опубликованный в 2000 году.

### **ХЕМРИ Джон Дж. (HEMRY, John G.)**

**Н**а творчество Джона Хемри накладывает отпечаток тот факт, что он является морским офицером в отставке и к тому же сыном военного. В 1974 году Хемри закончил Лионскую высшую школу в Канзасе, затем поступил в Военно-морскую академию США. Служил навигатором и артиллерийским офицером на эсминце «Спруэнс», в военной разведке, в морской разведке, в военно-морском антитеррористическом центре быстрого реагирования. В силу профессии неплохо владеет русским языком, который изучал под руководством профессора Владимира Толстого. Живет в Мэриленде вместе с женой и тремя детьми.

Выйдя в отставку, начал писать фантастику, в основном на военные темы. Первая публикация состоялась в 1997 году (рассказ «Один маленький кувырок»). С тех пор писатель напечатал два десятка рассказов и выпустил дюжину романов, объединенных в три серии: о приключениях сержанта Старка — «Война Старка»; космическая боевая фантастика — «Начальник военно-юридического космического управления»; космоопера «Потерянный флот» (под псевдонимом Джек Кэмпбелл).

**Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ**



# УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по самой выгодной цене — 55 рублей за номер, ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ почтовых услуг.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно, начиная с того месяца,

когда квитанция поступит в издательство.

Процедура проста: вы можете обратиться в любое отделение Сбербанка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство. Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение



СБЕРБАНК  
РОССИИ

Форма № ПД-4

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

в ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа \_\_\_\_\_ 330 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги \_\_\_\_\_ руб. \_\_\_\_\_ коп.

Итого \_\_\_\_\_ руб. \_\_\_\_\_ коп.

Кассир

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

в ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа \_\_\_\_\_ 330 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги \_\_\_\_\_ руб. \_\_\_\_\_ коп.

Итого \_\_\_\_\_ руб. \_\_\_\_\_ коп.

Квитанция

Кассир

# ВНИМАНИЕ!

**Новая форма издательской подписки: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате.**

**Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.**

**Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9.  
ООО «Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.**

**Тел.: 248-21-90. Факс: 248-68-19**

**e-mail: phone@uuu.ru**

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«\_\_\_» \_\_\_\_\_ 20\_\_\_ г. \_\_\_\_\_  
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

\_\_\_\_\_  
(Ф.И.О., адрес плательщика)

\_\_\_\_\_  
(ИНН)

№ \_\_\_\_\_  
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«\_\_\_» \_\_\_\_\_ 20\_\_\_ г. \_\_\_\_\_  
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

\_\_\_\_\_  
(Ф.И.О., адрес плательщика)

\_\_\_\_\_  
(ИНН)

№ \_\_\_\_\_  
(номер лицевого счета (код) плательщика)